

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History, Archeology and
Ethnography of the Caucasus*

**Т. 21
№ 1. 2025**

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра РАН**



ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE CAUCASUS

Т. 21

№ 1. 2025



Махачкала, 2025

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камилловна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймарзов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мирашмович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфريد Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминово Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабаи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капланова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024
© Все авторы, Т. 21. №1. 2025

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005 (formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation
Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS
Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands
Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Nadzha A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Shain M. Mustafaeu, Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmashidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhobova, Chechen State University, Russian Federation
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States
Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia
Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhsishvili Tbilisi State University, Georgia
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhsishvili Tbilisi State University, Georgia
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhsishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmayev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors

The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024
© All authors, V. 21. № 1, 2025

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

<i>Закарияев З.Ш.</i>	О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ДАГЕСТАНСКОГО УЧЕНОГО-БОГОСЛОВА РАХМАНА-КУЛИ-ЭФЕНДИ АЛ-АХТИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)	6
<i>Айтберов Т.М.</i>	МАТЕРИАЛЫ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ПОТОМСТВЕННОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЗНАТИ ДЕРБЕНТА	21
<i>Лобанов В.Б.</i>	ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1918 г. В ОПИСАНИИ ГЕНЕРАЛА Г.А. ВДОВЕНКО	38
<i>Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С. Багирова Ш.В.</i>	ПРОЕКТ ОСВОЕНИЯ МАЛКИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ ПОЛИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ РУД 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ В Г. БАКУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМУСУЛЬМАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ)	45 56
<i>Степанян Г.С., Амбарцумян Н.В., Марукян А.Ц.</i>	ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАКИНСКОГО «АРМЯНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»	65

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Ханитур М.</i>	РАССВЕТ НЕОЛИТА НА ЮЖНЫХ РАВНИНАХ ИРАНА: РАВНИНА ДАРАБ	74
<i>Симоненко А.А., Кулакова Е.П., Кузьминова Ю.В., Симакова А.Н. Леонтьева А.С., Эрлих В.Р., Ерёменко К.Ю., Добровольская М.В., Абрамова А.Н., Киселёва Д.В., Шарко Ф.С., Петрова Д.С., Булыгина Е.С., Недолужко А.В., Спасская Н.Н., Ендольцева Е.Ю., Быстрицкий Н.И., Дрыга Д.О., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К., Ениббарян Н., Мириджанян Д., Тер-Минасян Л., Худавердян А.</i>	НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ГЕГАЛАШУР 1 В СРЕДНЕГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОТОМЕОТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ ВСАДНИКА ИЗ АДЫГЕИ АРХИТЕКТУРНАЯ ДЕКОРАЦИЯ ЦЕРКВИ В ДРАНДЕ (АЛТАРНАЯ ПРЕГРАДА И ЗАПАДНЫЙ ФАСАД): ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СКАЛЬНЫЕ МОГИЛЫ АГАРАКА	94 125 141 155

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Бесолова Е.Б.</i>	ОБ ОБРЯДОВОМ ПРАЗДНИКЕ “УАСТЫРДЖИЙЫ КЪУЫРИ” В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН: К ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА УАСТЫРДЖИ	172
<i>Белозёрова М.В.</i>	ИНТЕГРАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ СОЧИ (НА ПРИМЕРЕ ТУРКМЕНОВ)	184

ЭКСПЕДИЦИИ

<i>Кривошеев М.В., Моисеев В.И., Хазамов Д.-А.А., Кривошеева А.В.</i>	НОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА	194
---	--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Садовой А.Н.</i>	МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: РОССИЙСКО-АНГЛИЙСКИЙ ДИСКУРС (Рецензия на монографию Robert Chenciner & Magomedkhan Magomedkhanov. Dagestan, history, ethnography, identity – Publisher Routledge, Taylor & Francis group, Milton Keynes UK, 2021. – 263 pages, 7 maps, 26 images2021)	209
---------------------	--	-----

**Contents:
MATERIALS AND RESEARCHES**

HISTORY

<i>Z.Sh. Zakariyaev</i>	THE LIFE AND WORKS OF THE DAGESTAN SCHOLAR RAHMAN-KULI AL-AHTI (LATE 17TH – EARLY 18TH CENTURY)	6
<i>T.M. Aitberov</i>	MATERIALS ON THE GENEALOGY OF THE HEREDITARY MUSLIM NOBILITY OF DERBENT	21
<i>V.B. Lobanov</i>	THE TEREK COSSACKS' STRUGGLE AGAINST THE BOLSHEVIKS IN THE SUMMER-AUTUMN OF 1918 THROUGH THE MEMOIRS OF GENERAL G.A. VDOVENKO	38
<i>P.A. Kuzminov, R.S. Gurtuev S. Baghirova</i>	THE MALKINSKOYE POLYMETALLIC ORE DEPOSIT DEVELOPMENT PROJECT OF THE 1930s: A HISTORICAL ANALYSIS	45
	CHARITABLE AID TO CHILDREN IN EARLY 20TH CENTURY BAKU: THE ROLE OF NON-MUSLIM ORGANIZATIONS	56
<i>G.S. Stepanyan, N.V. Ambartsumyan, A.T. Marukyan</i>	THE SCOPE AND NATURE OF ACTIVITIES OF THE ARMENIAN CHARITABLE SOCIETY OF BAKU	65

ARCHEOLOGY

<i>M. Khanipour</i>	EMERGENCE OF NEOLITHIC IN THE SOUTHERN PLAINS OF IRAN: DARAB PLAIN	74
<i>A.A. Simonenko, E.P. Kulakova, Y.V. Kuzminova, A.N. Simakova A.S. Leontyeva, V.R. Erlikh, K.Y. Eremenko, M.V. Dobrovolskaya, A.N. Abramova, D.V. Kiseleva, F.S. Sharko, D.S. Petrova, E.S. Bulygina, A.V. Nedoluzhko, N.N. Spasskaya E.Yu. Endoltseva, N.I. Bystritskiy, D.O. Dryga, E.A. Karnaushenko, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova N. Engibaryan, D. Miridjanyan, L. Ter-Minasyan, A. Khudaverdyan</i>	THE BEGINNING OF THE EXCAVATIONS AT THE GEGALASHUR 1 (NORTH-EASTERN CAUCASUS)	94
	A PROTO-MAEOTIAN HORSEMAN BURIAL FROM ADYGEA: RESULTS OF A COMPREHENSIVE STUDY	125
	ARCHITECTURAL DECORATION OF THE CHURCH IN DRANDA (ALTAR BARRIER AND WESTERN FACADE): AN ATTEMPT OF VIRTUAL RECONSTRUCTION	141
	EARLY MEDIEVAL ROCK-CUT BURIALS OF AGARAK	155

ETHNOGRAPHY

<i>E.B. Bessolova</i>	THE RITUAL HOLIDAY "UASTYRDZHIY K'UYRI" IN OSSETIAN TRADITIONAL CULTURE: AN EXPLORATION OF THE EVOLUTION OF UASTYRDZHI'S IMAGE	172
<i>M.V. Belozerova</i>	INTEGRATION AND ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE URBAN ENVIRONMENT OF SOCHI (BASED ON THE EXAMPLE OF TURKMEN)	184

EXPEDITIONS

<i>M.V. Krivosheev, V.I. Moiseev, D.-A.A. Khazamov, A.V. Krivosheeva</i>	NEWLY DISCOVERED MIDDLE BRONZE AGE BURIAL COMPLEXES IN THE NORTH-EASTERN CAUCASUS	194
--	---	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>A.N. Sadovoy</i>	METHODOLOGICAL APPROACHES TO DETERMINING THE HISTORICAL AND CULTURAL IDENTITY OF THE PEOPLES OF DAGESTAN: RUSSIAN-ENGLISH DISCOURSE (Review on Robert Chenciner, Magomedkhan Magomedkhanov. Dagestan, history, ethnography, identity. Milton Keynes, UK: Routledge, Taylor & Francis Group, 2021. – 263 pages, 7 maps, 26 images)	209
---------------------	---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH2116-20>

Исследовательская статья

Закарияев Замир Шахбанович

д.и.н., проф. кафедры «Теория и практика перевода»

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия

zzakariyev@yandex.ru

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ДАГЕСТАНСКОГО УЧЕНОГО-БОГОСЛОВА РАХМАНА-КУЛИ-ЭФЕНДИ АЛ-АХТИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)

Аннотация. Статья посвящена исследованию жизни и творчества дагестанского ученого-богослова последней трети XVII – первой половины XVIII в. Рахмана-кули-эфенди ал-Ахти, о котором прежде было известно очень мало. Скучные сведения о нем имеются лишь в биографическом сочинении Али Каяева (1878–1943), который пишет, что Рахман-кули ал-Ахти перевел на арабский язык персоязычное сочинение по медицине *Тухфат ал-му’минин* Мухаммада ад-Дайлами. Анализ старинной рукописи арабского перевода этого трактата, что хранится в библиотеке Али Каяева, привел нас к однозначному выводу, что это автограф перевода Рахмана-кули ал-Ахти, который приступил к нему в октябре 1723 г. Нами установлено, что арабский текст введения к переводу *Тухфат ал-му’минин*, имеющийся в арабоязычной рукописи биографического сочинения Али Каяева, известного как *Тараджим ‘улама’ Дагистан* («Биографии ученых Дагестана»), скопирован Каяевым из рукописного автографа перевода Рахмана-кули ал-Ахти. Встречающееся в литературе мнение о том, что автором перевода трактата *Тухфат ал-му’минин* с персидского на арабский язык был также Дамадан ал-Мухи, представляется нам сомнительным и не находит своего подтверждения. Удалось выявить две старинные рукописи, переписчиком которых был Рахман-кули ал-Ахти. Одна из них датирована 1708 г., а другая переписана в 1696 г. во время его учебы в селении Киш (ныне в Шекинском районе Азербайджанской Республики) у наставника Нуруддина-эфенди. Эти важные рукописные сведения позволили уточнить время жизни Рахмана-кули ал-Ахти. Мы пришли к выводу, что он родился примерно в 1670-х или в начале 1680-х гг. Точная дата смерти Рахмана-кули ал-Ахти пока не установлена, однако можно полагать, что он скончался еще в первой половине XVIII в. Предположительно, значительную часть своей жизни Рахман-кули провел за пределами Дагестана, прежде всего, в Ширване.

Ключевые слова: Рахман-кули ал-Ахти; Дагестан; селение Ахты; ученый-богослов; *Тухфат ал-му’минин*

Для цитирования: Закарияев З.Ш. О жизни и творчестве дагестанского ученого-богослова Рахмана-кули-эфенди ал-Ахти (последняя треть XVII – первая половина XVIII в.) // История, археология и этнография Кавказа. 2025 Т. 21. № 1. С. 6-20./doi.org/10.32653/CH2116-20

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH2116-20>

Research paper

Zamir Sh. Zakariyaev,
Dr. Sci., Prof. at Dep. of Translation Theory and Practice,
Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
zzakariyaev@yandex.ru

THE LIFE AND WORKS OF THE DAGESTAN SCHOLAR RAHMAN-KULI AL-AHTI (LATE 17TH – EARLY 18TH CENTURY)

Abstract. This article examines the life and works of Rahman-kuli al-Ahti, a Dagestani scholar and theologian active during the last third of the 17th and first half of the 18th centuries, a figure heretofore underrepresented in scholarly discourse. Previous knowledge of al-Ahti derives primarily from Ali Kayayev's (1878–1943) biographical compilation, wherein it is noted that al-Ahti translated Muhammad al-Daylami's Persian medical text, *Tukhfat al-mu'minin* into Arabic. Analysis of an extant manuscript of this Arabic translation, housed in Ali Kayayev's library, confirms its status as Rahman-kuli al-Ahti's autograph, initiated in October 1723. The introduction to this translation, as preserved within Kayayev's *Tarajim 'ulama' Daghistan (Biographies of the Scholars of Dagestan)*, is demonstrably a direct transcription from al-Ahti's original manuscript. The attribution of this translation to Damadan al-Mukhi, found in some literature, lacks substantiation and is considered improbable. Two manuscripts copied by Rahman-kuli al-Ahti have been identified: one dated 1708, and another completed in 1696 during his studies under Nuruddin Efendi in Kish (present-day Sheki region, Azerbaijan). These manuscripts permit a more precise determination of al-Ahti's chronology, suggesting his birth occurred between the 1670s and early 1680s. While the precise date of his death remains unknown, it is posited that he died in the first half of the 18th century. Evidence suggests that Rahman-kuli al-Ahti resided substantially outside Dagestan, particularly in Shirvan.

Keywords: Rahman-kuli al-Ahti; Dagestan; Ahty; theologian; *Tukhfat al-mu'minin*

For citation: Z.Sh. Zakariyaev. The life and works of the Dagestan scholar of Rahman-kuli al-Ahti (late 17th – early 18th century). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 6-20. doi. [org/10.32653/CH2116-20](https://doi.org/10.32653/CH2116-20)

Рахман-кули-эфенди происходил из древнего лезгинского селения Ахты (ныне райцентр Ахтынского района Дагестана), которое известно как крупный очаг арабо-мусульманской культуры и образования, центр переписки и хранения восточных рукописей, родина выдающихся мусульманских ученых. Рахман-кули родился в семье ахтынца по имени Ага и носил нисбу (указание на происхождение), которая образована от названия его родного селения – «ал-Ахти», что означает «Ахтынский, из Ахты».

Рахман-кули-эфенди ал-Ахти был ярким представителем плеяды дагестанских ученых-богословов Нового времени, наступившего после окончания эпохи, которую принято называть Поздним Средневековьем. Об этом ученом известно относительно немного. Даже о времени его жизни до недавних пор было известно весьма приблизительно. В научной литературе Рахман-кули обычно упоминается как «ученый XVIII в.». Отсутствуют и специальные научные исследования его жизни и творчества. По сути, наши знания о Рахмане-кули прежде ограничивались сведениями, собранными дагестанским ученым-богословом и историком Али Каяевым (‘Али ал-Гумуки, 1878–1943), который изложил их в своем труде, получившем условное название *Тараджим ‘улама’ Дагистан* («Биографии ученых Дагестана»). Имеется два варианта этого сочинения – арабоязычный и тюркоязычный. Тюркоязычная версия под наименованием *Тераджим-и улема-йи Дагистан* опубликована в 2012 г. в Анкаре и включает небольшой раздел под № 48 с очень краткими сведениями о Рахмане-кули (в турецком издании ученый фигурирует как «Рахмекулу эфенди, сын Ага») [1, с. 133]. В этом разделе повествуется о том, что он происходит из селения Ахты, которое является центром Самурского округа. Али Каяев отмечает, что Рахман-кули в совершенстве владел арабским, персидским и турецким языками и был одним из первых дагестанских врачей. Али Каяев далее пишет, что в 1136 г. хиджры, т.е. в 1723 г., Рахман-кули перевел с персидского на арабский язык лучшую из старых книг по народной медицине *Тухфат ал-му’минин* («Подарок правоверным»), чтобы она могла быть доступна для использования дагестанцами. По словам Каяева, этот рукописный перевод находился тогда в библиотеке покойного дагестанского врача, газикумухца¹ Сайфуллаха-эфенди Башларова (умер в 1919 г.). Али Каяев высказал предположение, что познания в медицине Рахман-кули приобрел в Иране и Азербайджане, однако точно неизвестно, у кого именно. В конце раздела о Рахмане-кули сказано, что дата его смерти неизвестна.

Что касается неоконченного арабоязычного варианта труда Али Каяева, то он до сих пор не издан и существует в виде черновой рукописи, которая хранится в рукописной коллекции Али Каяева, где мы с нею и ознакомились. В главе о Рахмане-кули ал-Ахти приводятся, в целом, те же скудные биографические сведения, что и в тюркоязычной версии, а также арабский текст введения к его переводу сочинения *Тухфат ал-му’минин*, где говорится об обстоятельствах, которые предшествовали его работе над арабским переводом.

Старинная арабоязычная рукопись перевода Рахмана-кули ал-Ахти сочинения по фармакологии *Тухфат ал-му’минин* чудом сохранилась до наших дней. За свою более чем 300-летнюю историю эта рукопись побывала в собственности у разных владельцев. В начале XX в., как уже сказано выше, она хранилась у известного дагестанского суфийского шейха Сайфуллаха-кади Башларова из селения Ницовкра². Согласно русскоязычной записи, которую составил сын Али Каяева Абдулмеджид³, позже эта рукопись была передана Али Каяеву и осталась у него. В настоящее время рукопись бережно хранится в составе коллекции рукописных книг Али Каяева у его внука, Ильяса Абдулмеджидовича Каяева, с любезного разрешения которого я с нею ознакомился. Рукописная книга арабского перевода Рахмана-кули имеет размеры 30×20 см, в ней имеется 245 листов из западноевропейской бумаги с вержерами и понтюзо. Есть пагинация до 240-го листа. Каждый лист содержит 24 строки. Текст нанесен черными чернилами арабским почерком «наسخ». Надчеркивания, отдельные слова и названия глав выполнены, преимущественно, красными чернилами. Изучение рукописи показало, что она является автографом арабского перевода, сделанного Рахманом-кули ал-Ахти. На титульной странице рукописи (Рис. 1) имеется запись красными чернилами о переводе труда *Тухфат ал-му’минин* с персидского на арабский язык. Эта запись, которая сделана, очевидно, автором перевода, завершается датой по *абджадийе* (числовое соответствие букв), под которой нанесена соответствующая ей дата цифрами – 1136 г. хиджры,

1. В турецком тексте термин «газикумухец» (*газикумухцу*) использован для обозначения лакского этноса, к которому принадлежал Сайфуллах Башларов.

2. Сел. Ницовкра расположено в Лакском районе Дагестана.

3. Запись нанесена на отдельный лист из поздней белой бумаги, который находится в начале рукописной книги перевода Рахмана-кули.

что приходится на 1723-24 г. по григорианскому календарю. Слева на этой же странице имеется другая арабоязычная запись черными чернилами, сделанная одним из владельцев или читателей рукописи:

ترجم هذا الكتاب النفيس المسمى بالمفردات الجامع بالادوية الرطوبات من اللسان الفارسية الى العربية القادسية بيد العالم رحمن قلي بن اغا الاختي من ناحية سنمور من ولاية داغستان في زمن سرخي بيك التاريخ الف ومائة وستة وثلثون سنة من الهجرة النبوية وخط بيده هذه النسخة وليست اخرى سوى هذا والسلام

Перевод: «Эта драгоценная книга под названием *Ал-Муфрадат ал-джами' би-л-адвийа ар-руту-бат* переведена с персидского языка на священный арабский язык ученым ('алим) Рахманом-кули, сыном Ага ал-Ахти, из области Самур (*нахийат Санмур*) вилайата Дагестан, во время Сурхай-бека. Дата – 1136 г. по хиджре Пророка. Эта рукопись написана его рукой, и нет другой, помимо этой. Конец».

На титульной странице имеются также оттиски печатей и плохо сохранившаяся владельческая надпись, которая читается, предположительно, так: «Ее владелец – Халифатуллах ал-Макки».

Рукопись арабского перевода Рахмана-кули ал-Ахти сочинения *Тухфат ал-му'минин* начинается с введения (Рис. 2), которое содержит важные сведения об обстоятельствах, предшествовавших его работе над переводом. Кратко остановлюсь на содержании этого введения. В нем повествуется о том, что во время разграбления (*нахб*) Шемахи (речь идет о завоевании столицы Ширвана города Шемахи войсками Хаджи Давуда Мюшкюрского и Сурхай-хана I Гази-Кумухского, что имело место в 1721 г.⁴) была обнаружена персоязычная рукопись по медицине под названием *Тухфат ал-му'минин* («Подарок правоверным»), составленная персидским ученым Мухаммадом ал-Му'мин ал-Хусайни ад-Дайлами (умер в 1697 г.). Это сочинение в 1080 г. хиджры (1669-70 г.) было преподнесено и подарено автором «падишаху кызылбашей» Сулейману, т.е. иранскому шахиншаху из династии Сефевидов Сулейману (правил в 1666–1694 гг.), который известен также под именем Сафи II. Во введении подчеркивается, что этим сочинением в то время не пользовался ни один из ученых «нашего края», т.е. Дагестана. Далее Рахман-кули пишет, что однажды у «нашего правителя и главы»⁵, который был сведущ в медицине, состоялась беседа с лекарями (*ал-атибба'*). Правитель спросил, кто сможет перевести этот трактат на арабский язык, чтобы он приносил нам пользу. Рахман-кули вызвался это осуществить, посвятив свой труд «правителю правителей Сурхай-беку⁶, сыну покойного Гирай-бека», который покровительствовал ученым и сам был образованным человеком. К работе над переводом Рахман-кули приступил в последней декаде месяца мухаррам 1136 г. хиджры, т.е. в конце октября 1723 г. В конце введения имеется следующее предложение: «Знай, что я, то есть немощный раб [Аллаха] Рахман-кули ал-Ахти⁷, подобен муравью, который подарил [пророку] Сулайману, – мир ему, ножку саранчи, и не было у него ничего другого».

Последняя страница рукописи заканчивается такими словами: «Окончена книга *Джами' ал-муфрадат* рукою немощного раба [Аллаха] Рахмана-кули, сына Ага, проживающего в Ахты, – да простит его Прощающий, в дату: тысяча сто двадцать седьмой год после хиджры Пророка, – мир ему». Непосредственно под этими словами есть глосса, составленная одним из владельцев или читателей рукописи: «Он перевел эту драгоценную книгу с персидского на арабский. А Аллах лучше знает» (Рис. 3).

Дата завершения рукописи (1127 г. хиджры) соответствует 1715 г.⁸, что расходится с датой, приводимой на титуле рукописи и во введении – 1136 г. хиджры. Эту коллизию логичнее всего объяснить тем, что Рахман-кули допустил ошибку, начертав в окончании рукописи числительное «двадцать» вместо числительного «тридцать». В таком случае две даты хорошо согласуются между собой, поскольку, как сказано во введении, работу над переводом рукописи на арабский язык автор начал в конце мухаррама 1136 г. хиджры и завершил, следовательно, уже в следующем, 1137 г. хиджры, который начался 19 сентября 1724 г. Поскольку мухаррам является первым месяцем года по лунному календарю хиджры, выходит, что работа над переводом заняла не менее года. Если же дата 1127 г. хиджры в окончании рукописи верна, получается, что Рахман-кули завершил рукопись *Джами' ал-муфрадат*

4. Шемаха была в то время административным центром Ширванского беглербегства, входившего в состав Сефевидского Ирана. Захват этого важного города стал одним из главных успехов широкого антииранского движения на Восточном Кавказе в первой четверти XVIII в. [2, с. 79–100].

5. В тексте прямо не называется его имя.

6. Речь идет о правителе Гази-Кумухского ханства Сурхай-хане I. Любопытно, однако, что Рахман-кули называет его не «ханом», а «беком». По нашему мнению, это было сделано не случайно, а отражало тогдашние политические реалии на Восточном Кавказе. Отметим также, что вскоре после захвата Шемахи ханом в Ширване, как известно, стал Хаджи Давуд Мюшкюрский, который сохранял этот титул в течение нескольких лет.

7. Слова «то есть немощный раб [Аллаха] Рахман-кули ал-Ахти» добавлены сбоку на полях в виде глоссы.

8. 1127 г. хиджры начался 6 января 1715 г.

еще за восемь лет до того, как приступил к переводу трактата *Тухфат ал-му'минин*. Вопросы вызывают и расхождения в названии трактата. Не исключено, что речь идет об одном и том же сочинении под разными наименованиями. Если на титуле рукописи и в ее введении говорится исключительно о сочинении ученого Мухаммада ад-Дайлами под названием *Тухфат ал-му'минин*, то в окончании рукописи рукою самого Рахмана-кули указано название *Джами' ал-муфрадат*. Кроме того, и в рассмотренной выше читательской записи на титульной странице трактат приводится под названием *Ал-Муфрадат ал-джами' би-л-адвийа ар-рутубат*. Известный трактат под названием *Китаб ал-джами' ли-муфрадат ал-адвийа ва-л-аззия* принадлежит арабскому ученому-ботанику и фармакологу Ибн ал-Байтару (умер в 1248 г.). Кстати, Мухаммад ад-Дайлами при написании своего сочинения *Тухфат ал-му'минин* использовал этот труд Ибн ал-Байтара. Так или иначе, не подлежит сомнению авторство перевода рассматриваемой рукописи Рахманом-кули ал-Ахти, как и тот факт, что рукопись полностью написана его рукою.

Необходимо упомянуть, в этой связи, о высказанном М.А. Мусаевым [3, с. 93–94] мнении, что арабский перевод книги *Тухфат ал-му'минин* принадлежит выдающемуся дагестанскому ученому XVII–XVIII в. Дамадану из Мегеба (ал-Мухи)⁹, который был старшим современником Рахмана-кули ал-Ахти. Кроме того, имеется спорное, на наш взгляд, мнение, согласно которому труд *Тухфат ал-му'минин* якобы перевели с персидского языка на арабский сразу два дагестанских ученых – как Рахман-кули ал-Ахти, так и Дамадан ал-Мухи. Причем, согласно последней версии, перевод этой книги на арабский язык оба ученых осуществляли чуть ли не параллельно, в одно и то же время, что само по себе уже вызывает вопросы. Попробуем разобраться в аргументации мнения о переводе книги *Тухфат ал-му'минин* Дамаданом ал-Мухи. Оно основано на сообщении из незавершенного и неопубликованного арабоязычного рукописного труда Али Каяева под условным названием *Тараджим 'улама' Дагистан* («Биографии ученых Дагестана»), о котором уже говорилось выше. На эту рукопись Али Каяева и ссылается М.А. Мусаев, в публикации которого Рахман-кули ал-Ахти вообще не упоминается. Отметим сразу, что ни один из других собирателей биографических сведений о дагестанских ученых-богословах, включая Хасана ал-Алкадари [4, с. 139], Шу'айба ал-Багини [5, с. 401–402] и Назира ад-Дургили [6, с. 49], не упоминает в разделах о Дамадане ал-Мухи, что он переводил труд *Тухфат ал-му'минин* с персидского на арабский язык. В опубликованном тюркоязычном варианте труда Али Каяева [1] раздел о Дамадане ал-Мухи отсутствует. Что касается арабоязычной черновой рукописи Али Каяева, то в разделе о Дамадане ал-Мухи действительно содержится упоминание о том, что он перевел на арабский язык труд *Тухфат ал-му'минин* Мухаммада ад-Дайлами. В статье М.А. Мусаева приводится перевод на русский язык арабоязычного введения к переводу трактата *Тухфат ал-му'минин* из рукописи Каяева [3, с. 94–95], при этом М.А. Мусаев пишет, что арабский перевод трактата с персидского языка принадлежит Дамадану ал-Мухи. Здесь необходимо сделать важное пояснение. В верхней части страницы рукописи Али Каяева с арабским текстом введения действительно имеется заголовок «Дамадан, сын Йа'куба ал-Мухи» (دامادان ابن يعقوب الموحى), после которого, однако, текста нет, а есть лишь большая лакуна. Но ниже на той же странице имеется другой заголовок – «Рахман-кули, сын Ага ал-Ахти» (رحمن قولي ابن اغا الاختي), что означает, что весь остальной текст страницы посвящен лишь ему (Рис. 4). Непосредственно под заголовком приводятся на арабском языке скудные биографические сведения о Рахмане-кули, большей частью совпадающие с содержанием опубликованного тюркоязычного раздела о нем из *Тераджим-и улема-йи Дагистан* [1, с. 133]. В частности, Али Каяев пишет о том, что ему не удалось выявить иных сведений о биографии Рахмана-кули, помимо того что он был переводчиком трактата по медицине *Тухфат ал-му'минин* с персидского на арабский язык.

Слева на этой же странице арабоязычной рукописи Али Каяева, рядом с биографическими сведениями о Рахмане-кули, и расположен арабский текст введения к переводу *Тухфат ал-му'минин*. Изучение этого текста показало, что он является ничем иным, как копией текста введения к арабскому переводу этого трактата, сделанному самим Рахманом-кули ал-Ахти. То есть Али Каяев просто переписал в свою арабоязычную рукопись текст введения из автографа – рукописи XVIII в., добросовестно скопировав даже глоссу с упоминанием Рахмана-кули ал-Ахти. Кроме того, непосредственно под текстом введения Али Каяев также поместил скопированный им без всяких изменений текст окончания рукописи автографа с датой переписки и именем переписчика, причем Каяев в пояснении к тексту отдельно

9. Селение Мегеб расположено в Гунибском районе Дагестана. «Ал-Мухи» – нисба, обозначающая селение Мегеб.

оговаривает, что это взято из окончания рукописи: «в конце рукописи так...». Как уже было показано выше, переводчиком трактата и переписчиком всей этой старинной рукописи был Рахман-кули ал-Ахти, а сам автограф стал частью коллекции Али Каяева. Таким образом, арабский текст введения к переводу трактата *Тухфат ал-му'минин* из черновой арабоязычной рукописи Али Каяева, известной как *Тараджим 'улама' Дагистан*, принадлежит не Дамадану ал-Мухи, а Рахману-кули ал-Ахти. Сама необычная компоновка записей на данной странице (два заголовка, отдельное расположение текстов с биографией Рахмана-кули и введением к его переводу) лишний раз показывает, что рукопись Али Каяева носит черновой характер.

Следует ответить на вопрос о том, почему в своей арабоязычной рукописи Али Каяев пишет о переводе труда *Тухфат ал-му'минин* как Рахманом-кули ал-Ахти, так и Дамаданом ал-Мухи (в соответствующих разделах). По всей видимости, Али Каяев исходил из того, что среди лакского населения Дагестана имел хождение лакский перевод этого труда, который был известен под названием *Ханнал мурад* («Желание хана») или *Дамадан (Китаб Дамадан)* [6, с. 49]. В некоторых сохранившихся рукописных списках этого лакского перевода имеются указания на то, что сочинение *Тухфат ал-му'минин* сначала было переведено с персидского на арабский язык Дамаданом ал-Мухи [7, с. 68–70], а уже затем с арабского был сделан перевод на лакский язык. Али Каяев в разделе о Дамадане ал-Мухи своей арабоязычной рукописи пишет, что лакский перевод был выполнен в 1147 г. хиджры (1734 г.) в городе Хачмаз¹⁰ одним из ученых Гази-Кумуха по приказу правителя Чолак Сурхая, т.е. Сурхай-хана I [3, с. 93]. Имеется, однако, на этот счет и иное мнение, согласно которому перевод трактата *Тухфат ал-му'минин* с арабского на лакский язык осуществил сам Дамадан ал-Мухи [7, с. 70; 8, с. 212–213]. В колофоне наиболее полного из сохранившихся рукописных списков лакского перевода трактата прямо написано, что перевод книги *Тухфат ал-му'минин* на лакский язык выполнил Дамадан ал-Мухи по велению Сурхай-хана [7, с. 70]. В комментариях к переводу библиографического сочинения Назира ад-Дургили (авторы комментариев – А.Р. Шихсаидов, М. Кемпер и А.К. Бустанов) утверждается, что Дамадан ал-Мухи сам является автором перевода трактата *Тухфат ал-му'минин* на лакский язык по поручению Сурхай-хана. Отмечается также, что фотокопии *Тухфат ал-му'минин* в переводе на лакский язык, выполненном Дамаданом ал-Мухи, хранятся в собрании восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН [6, с. 49–50]. В этом же фонде хранится один из рукописных списков перевода данного сочинения на лакский язык, датированный 1227 / 1812-13 г. (Ф. 14. № 189).

Сама по себе возможность того, что Дамадан ал-Мухи мог быть автором перевода трактата *Тухфат ал-му'минин* на лакский язык совершенно не исключена, поскольку ученый, по всей видимости, хорошо владел лакским языком. Али Каяев в арабоязычной рукописи своего биографического сочинения отмечает, что почти все жители селения Мегеб, откуда был родом Дамадан, помимо своего родного даргинского языка владели еще аварским и лакским (газикумухским) языками [3, с. 92–93].

При рассмотрении вопроса о вероятности перевода трактата *Тухфат ал-му'минин* Дамаданом ал-Мухи на арабский, как, впрочем, и на лакский язык, крайне важно учитывать хронологический аспект, на что прежде не обращалось внимания. Напомним, что из введения к переводу Рахмана-кули ал-Ахти (см. выше) следует, что персоязычная рукопись сочинения Мухаммада ад-Дайлами была обнаружена не ранее 1721 г. Сам Рахман-кули приступил к работе над арабским переводом в последней декаде месяца мухаррам 1136 г. хиджры, т.е. в конце октября 1723 г. Мы пришли к выводу, что в это время он был в возрасте примерно 40 лет или чуть старше (см. об этом ниже). Относительно даты смерти Дамадана ал-Мухи нет единого мнения. Как правило, называются две разные даты. Назир ад-Дургили [6, с. 49] пишет, что Дамадан скончался в 1131 г. хиджры, который завершился 11 ноября 1719 г. Т.е. в этом случае Дамадан ал-Мухи никак не мог быть переводчиком трактата, поскольку рукопись *Тухфат ал-му'минин* была обнаружена уже после его смерти. Шу'айб ал-Багини [5, с. 402] датой смерти Дамадана называет месяц сафар 1137 г. хиджры, т.е. октябрь–ноябрь 1724 г. Если считать достоверной эту, более позднюю дату, то теоретически Дамадан ал-Мухи мог быть автором арабского или лакского перевода, хотя последнее противоречит сообщению Али Каяева, который создание лакского перевода трактата относит к 1734 г. Однако создание Дамаданом арабского перевода также представляется сомнительным, ведь Рахман-кули ал-Ахти приступил к своему переводу в конце октября 1723 г., как это следует из его автографа. Из содержания введения к переводу Рахмана-кули вытекает, что в это

10. Ныне на севере Азербайджанской Республики.

время иного перевода на арабский язык трактата *Тухфат ал-му'минин* не существовало. Очевидно, что окончание работы над переводом имело место уже в следующем 1724 г., когда Дамадан уже умер. Кроме того, имеется еще одно обстоятельство, которое необходимо принимать во внимание. Согласно Шу'айбу ал-Багини, Дамадан ал-Мухи родился в 1061 г. хиджры [5, с. 401], что соответствует 1650–51 г. Таким образом, если считать приводимую Шу'айбом дату смерти Дамадана правдивой, он скончался в возрасте около 74 лет. Маловероятно, что в столь почтенном возрасте, незадолго до своей смерти он начал заниматься переводом трактата *Тухфат ал-му'минин* и успел его завершить. Еще менее правдоподобной и, соответственно, легендарной выглядит в этом свете вероятность его авторства лакского перевода, к которому, судя по всему, приступили уже после создания арабского перевода.

Так или иначе, мы исходим из того, что неопровержимых доказательств перевода трактата *Тухфат ал-му'минин* с персидского на арабский язык Дамаданом ал-Мухи на сегодняшний день не имеется, поскольку автограф или достоверные копии его арабского перевода не выявлены. Реально существует лишь автограф перевода этой книги, осуществленный Рахманом-кули ал-Ахти.

Археографическая работа по изучению арабоязычных рукописей позволила нам выявить в последнее время новые, неизвестные прежде факты о Рахмане-кули ал-Ахти. Эти, хотя и небольшие по объему, но весьма ценные сведения помогают по крупицам воссоздавать картину жизни и творчества ученого и проливают свет на страницы его биографии. В Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН нам удалось выявить сразу две рукописи, переписчиком которых был Рахман-кули ал-Ахти. О том, что переписчиком обеих рукописей был именно Рахман-кули ал-Ахти, прежде не было известно, поскольку имя переписчика не было должным образом и корректно прочтено. В частности, в Фонде хранится рукопись сочинения по мусульманскому праву шафиитского мазхаба, переписанная Рахманом-кули (Ф. 14. № 2837б). В колофоне рукописи сказано, что «Рахман-кули, сын Ага, проживающий в Ахты, что в Дагестане» закончил ее переписку в первую пятницу месяца сафар 1120 г. хиджры, что приходится на апрель 1708 г. (Рис. 5). Большую ценность в свете нашей работы представляет хранящийся в Фонде (Ф. 14. № 2888) рукописный список известного трактата 'Абд ар-Рахмана ал-Джами (умер в 1492 г.) *Ал-Фава'ид ад-дий'ийа*. Это сочинение, которое является учебным пособием по грамматике арабского языка, пользовалось большой популярностью в Дагестане. В колофоне этой книги есть запись на арабском языке о том, что переписку рукописи студент «Рахман-кули, сын Ага, проживающий в Ахты из области Дагестан» закончил в 11-й день месяца рамадан 1107 г. хиджры, что по григорианскому календарю приходится на 13 апреля 1696 г. (Рис. 6). Примечательно, что рукопись была переписана в селении Киш области Шеки (*махалл Шаки*). Селение Киш находится на территории нынешнего Шекинского района Азербайджанской Республики, в 5 км к северу от города Шеки, вблизи современной границы с Республикой Дагестан. Наиболее близким к Кишу дагестанским населенным пунктом, расположенным к северу от Главного Кавказского хребта, является селение Хнов ныне Ахтынского района Дагестана. Считается, что в прошлом селение Киш населяли удины¹¹. Поныне достопримечательностью Киша является сохранившаяся христианская церковь XII в. Упомянутая выше запись в колофоне, помимо прочего, свидетельствует о том, что в селении Киш уже в конце XVII в. проживали не только удины-христиане, но также и мусульмане. Из записи следует, что Рахман-кули учился в *мадраса* ученого *малла* Нуруддина, которого Рахман-кули по сложившейся мусульманской традиции называет своим «покровителем» (*мавлана*). Обычно рукописи в *мадраса* переписывали во время прохождения учебы. Кроме того, Рахман-кули прямо называет себя «студентом». Обучение в *мадраса* студенты обычно проходили в молодом возрасте. Благодаря имеющейся дате переписки рукописи (1696 г.), отныне мы имеем возможность ограничить время рождения Рахмана-кули ал-Ахти последней третью XVII в. Судя по всему, он родился примерно в 1670-х гг. или в начале 1680-х гг. Точная дата его рождения пока не установлена. Выходит, что во время работы над переводом *Тухфат ал-му'минин* Рахман-кули был в возрасте около 40 лет или немногим более. Следовательно, Рахман-кули-*эфенди* был современником другого выдающегося ахтынского ученого-богослова рубежа XVII–XVIII вв. *хаджжи* Хашима-*эфенди* ал-Ахти¹², который, как установлено нами, происходил

11. Язык малочисленного народа удин относится к лезгинской группе нахско-дагестанских языков.

12. *Хаджжи* Хашим-*эфенди* ал-Ахти был руководителем *мадраса* [9, с. 139]. К нему возводил свою родословную кадий Самур]ского округа Дагестана 60–70х гг. XIX в. 'Абдулхалик-*эфенди* б. 'Абдурахман-*эфенди* ал-Ахти (1812–1878).

из ахтынского тухума (араб. *кабила*) «Пелтуяр»¹³, от которого образована его вторая нисба «ал-Балдуйи».

Красивый каллиграфический почерк колофона рукописи 1696 г. не является типичным для Дагестана, имея специфичные черты, присущие ширванскому каллиграфическому стилю. Это говорит о том, что Рахман-кули ал-Ахти овладел им либо во время учебы в соседнем Ширване, либо у дагестанских ученых, прошедших обучение в Ширване. По всей видимости, Рахман-кули ал-Ахти, как минимум, значительную часть своей жизни провел за пределами Дагестана, прежде всего, в Ширване. Кстати, это может быть одной из причин, по которой в Дагестане о нем сохранилось мало сведений. Известно, что после прихода Сурхай-хана I к власти в Ширване, что имело место в конце 20-х гг. XVIII в., для преподавания в созданном им в Шемахе *мадраса* он пригласил выдающихся дагестанских ученых-энциклопедистов того времени. В их числе называются имена Рахмана-кули ал-Ахти, Мухаммада ал-Убри¹⁴ и Дамадана ал-Мухи [6, с. 50]. Если принять за истину, что это *мадраса* было создано уже после того, как Сурхай-хан I стал ханом в Шемахе, то упоминание в числе его преподавателей Дамадана ал-Мухи следует признать не соответствующим действительности, поскольку к этому времени Дамадан уже скончался.

Дата смерти Рахмана-кули-*эфенди* ал-Ахти пока не установлена, однако можно полагать, что он скончался еще в первой половине XVIII в. Во всяком случае, надежных сведений о нем, относящихся к 30-м и 40-м гг. XVIII в., не выявлено. Углубление наших знаний об этом дагестанском ученом представляется возможным при условии продолжения работы по изучению старинных рукописных книг на арабском, персидском и тюркском языках, хранящихся в государственных, примечетских и частных коллекциях Дагестана, Российской Федерации в целом, а также в Иране, Турции и странах Закавказья.

13. Ныне в селении Ахты имеется квартал под названием «Пелтуяр».

14. Нисба «ал-Убри» обозначает селение Убра ныне Лакского района Дагестана. Мухаммад ал-Убри скончался в 1733 г.

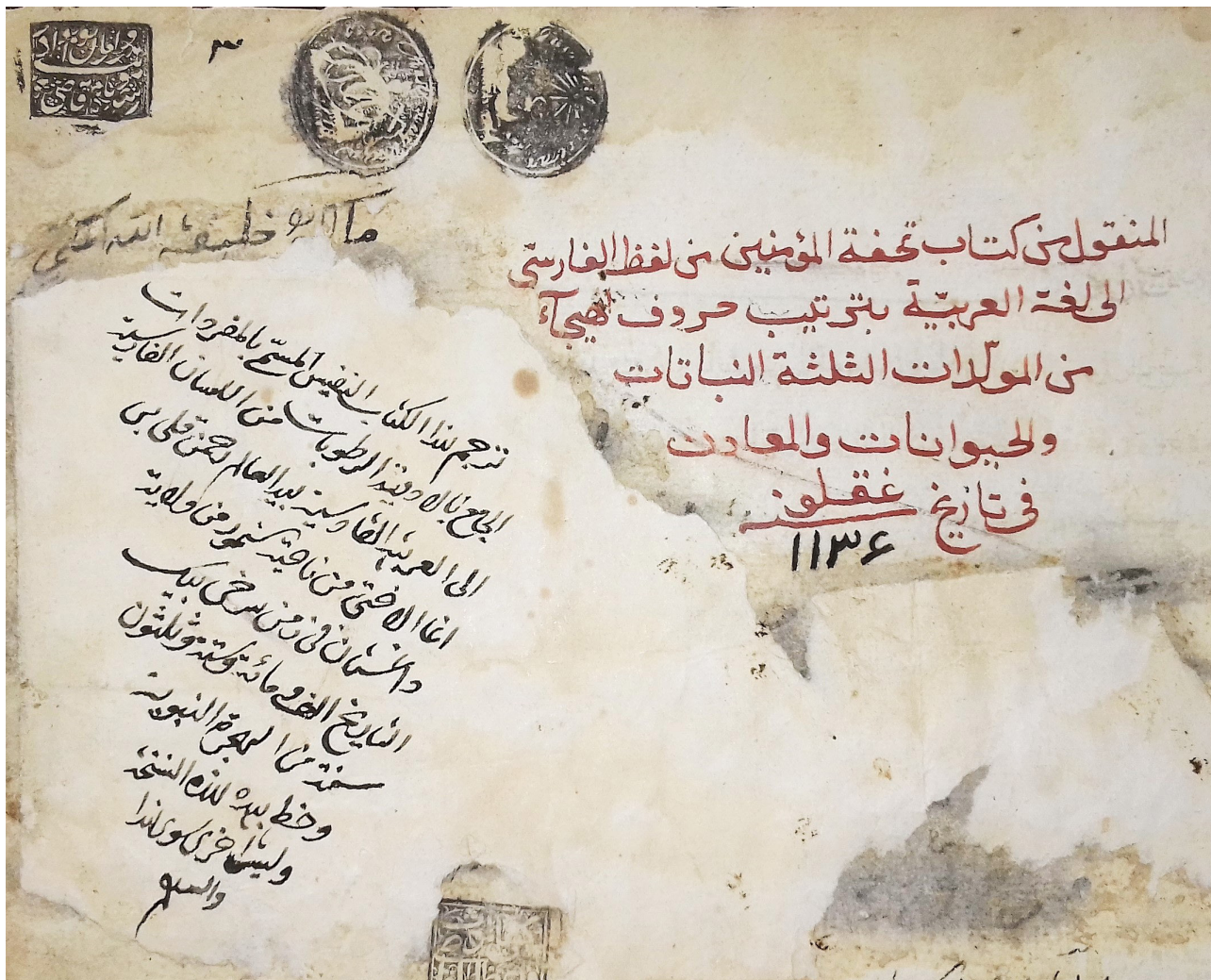


Рис. 1. Фрагмент титульной страницы автографа арабского перевода Рахмана-кули ал-Ахти сочинения «Тухфат ал-му’минин». Фото автора

Fig. 1. Detail of the title page from Rahman-kuli al-Ahti's autograph of the Arabic translation of *Tuhfat al-mu'minin*. Author's photo

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
 سُبْحَانَكَ اللَّهُمَّ وَبِحَمْدِكَ يَا قُدُّوسُ وَيَا طَيِّبُ النَّفُوسِ وَيَا مَنْ أَرْسَلَ الرَّسُولَ إِلَى الطِّينِ وَالْأَنْوَسِ
 وَهُوَ الَّذِي لَيْسَ لَهُ جَمَةٌ وَلَا جُلُوسٌ وَجَعَلَ فِي الْأَرْضِ آيَاتٍ لِلْبَشَرِ خَلِيفَةً وَخَصَّ أَوْلَادَهُ بِالْقُلُوسِ
 وَالصَّلَاةِ وَالسَّلَامِ عَلَى رَسُولِهِ مُحَمَّدٍ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ وَعَلَى آلِهِ وَاصْحَابِهِ هُمْ صُلْحُ الْكُرَامَاتِ وَأَجْدَادُ الْكَبِيرَاتِ
أما بعد فإنني رأيت كتاباً في علم الطب المسمى **تخفة المؤمن** لمحمد المؤمن الحسيني
 الذي لم يرق يوماً بلسان الفارسي لأنه وجد فظاً للتماخي فلم ينتفع منه إلا حين علمت بحالنا
 فيما من الأيام وقع عندنا ميرزا ورئيسنا أقرال الأطباء وهو عالم هذا العلم ما لو طلب من
 غيره اللسان العربي ليكون لنا منفعة فتفكرت في نفسي أن الترخة المذكورة خصصه
 وهداه مصنفه إلى سنة سليمان وجوكر الرافضة ولائحة عشرية في نتائج الفوائد
 فلا يزلن أخضه وانقله ما استطعت لأجل سلطان السلاطين ومعدن الفضل
 واليقين وزاهد عصر الأماثلين وعادل حكماء الأقربان **سرخاني بيك** بن المرجوم كركي
 إذا ما الله تعالى أتم أمارة على الخلائق أمين فحضت فيه بعون الله تعالى فلو كان
 بضاعتك قليلاً وهي كثير في تاريخ الهجرة النبوية الف ومائة وستة وثلاثين
 في أوائل العشر المحرم الحرام وبأيتها الناظرون إذا رايتهم ووجدتم فيما نقلت في اللفظ
 والأعراب واللغة مغلطاً ومخطئاً فأرجو والتس منكم تصحيحه وتويريته بلباس
 الصلاحية والرحمة لجل الله تعالى لأن بسببه ينتفع المؤمنون فالحكمة علم شريف يرغب
 فيه كل عالم ويتفرد منه كل جاهل فإنه صدر من **الديلمي** من روى الله تعالى عز
 وجل في شأنه **وإنما الحكمة من يشاء ومن**
يؤت الحكمة فقد أوتى خيراً كثيراً الآية وقال صلى الله عليه وسلم **لقد آتوا**
واعلم أن مثل التمل الذي هدى رجل الجراد إلى سليمان ثم وليس له شيء سواه يقوم
شعر اهلاً رجل الجراد إلى سليمان قبيح لكن من الغيور ومن التمل ملح
وأخر أن هذا الخنثى على من تأمل فان لها جنس وفصل ونوع وخاصة وعرض عام والفرق
 يتوزن كل واحد من الأخر وبعد هذا فكل شيء مركب من الأجزاء المتعددة مثلاً كاللبن فإنه
 مركب من الأجزاء المائية والدهنية والجبينية فاعتبر الحكمة بغالب جزئها وذكر وفاته بارداً وط

Fig. 2. Начало рукописи арабского перевода «Тухфат ал-му’минин». Фото автора

Fig. 2. Incipit of the Arabic translation of Tuhfat al-mu'minin. Author's photo

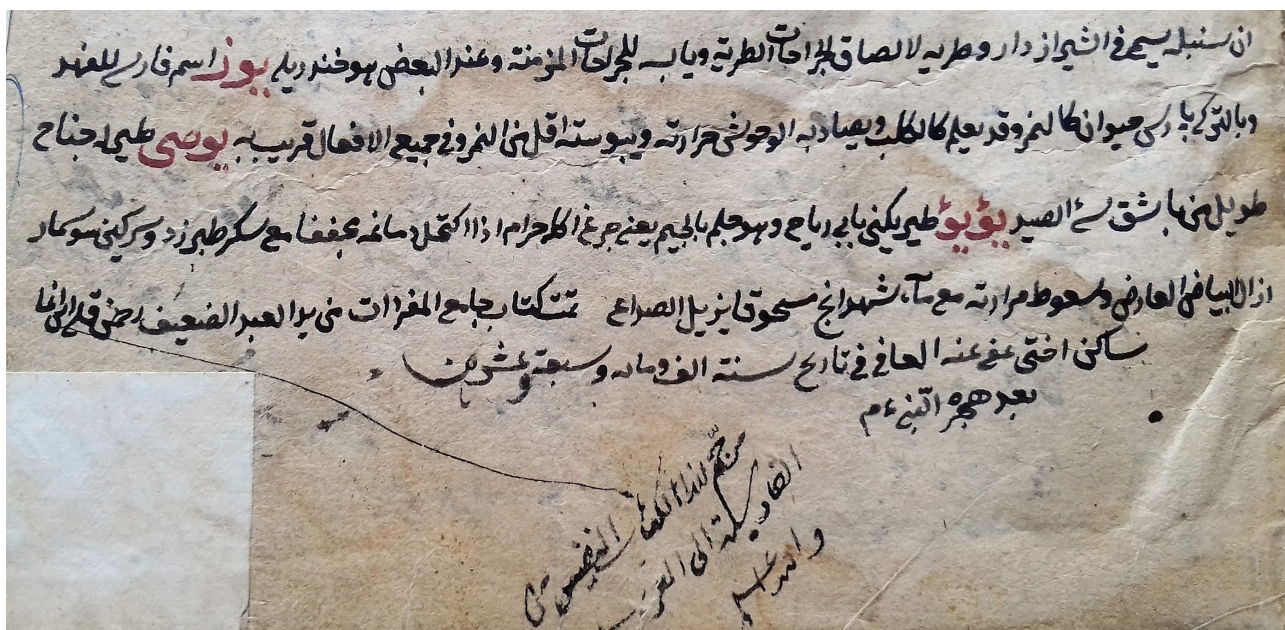


Рис. 3. Окончание рукописи перевода Рахмана-кули ал-Ахти. Фото автора

Fig. 3. Explicit of the Arabic translation of *Tuhfat al-mu'minin*. Author's photo

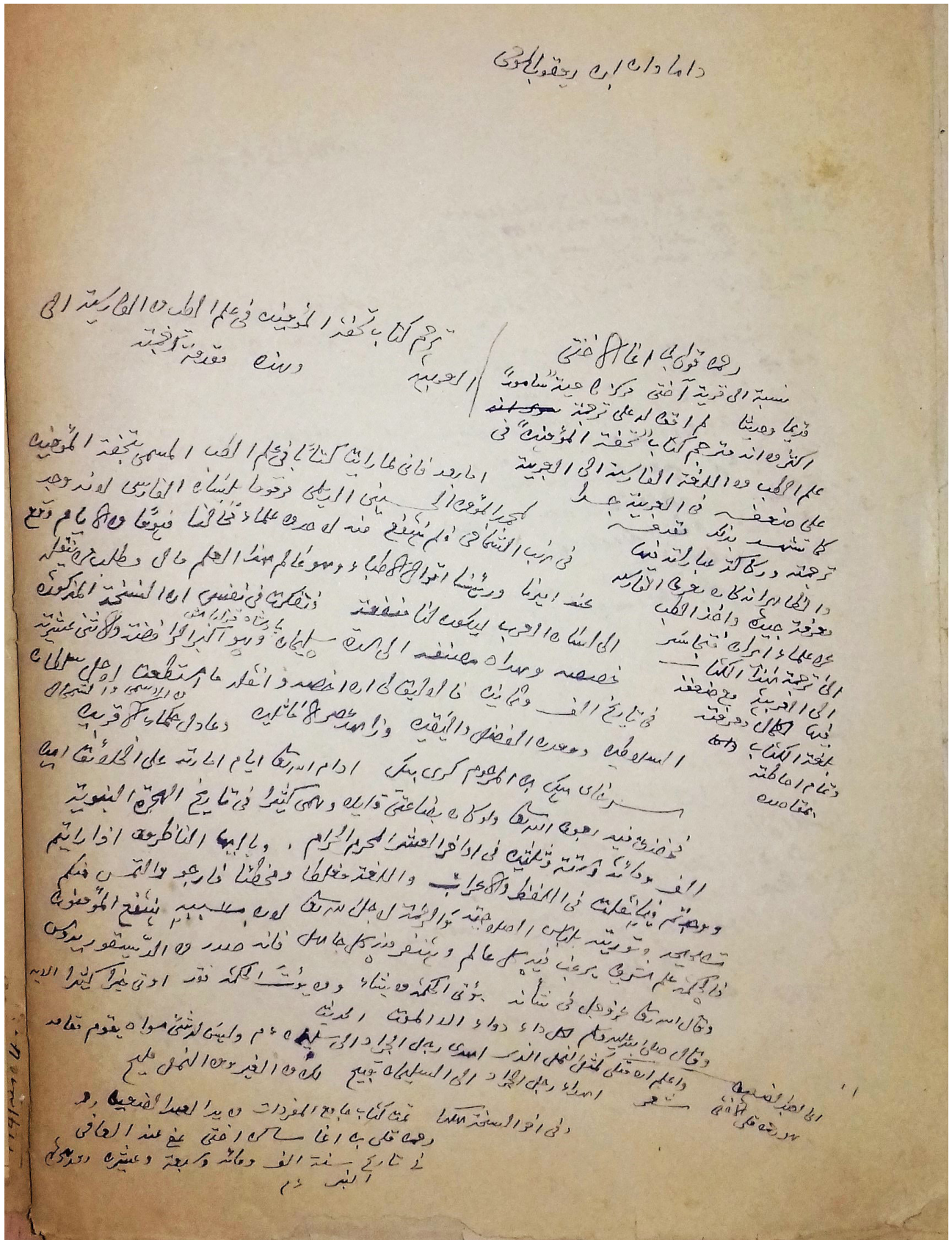


Рис. 4. Страница арабоязычной рукописи Али Каяева с биографическими сведениями о Рахмане-кули ал-Ахти и копией текста введения к его переводу сочинения «Тухфат ал-му'минин». Фото автора

Fig. 4. Page from Ali Kayayev's Arabic manuscript containing biographical data on Rahman-kuli al-Ahti and a transcription of the introduction to his translation. Author's photo

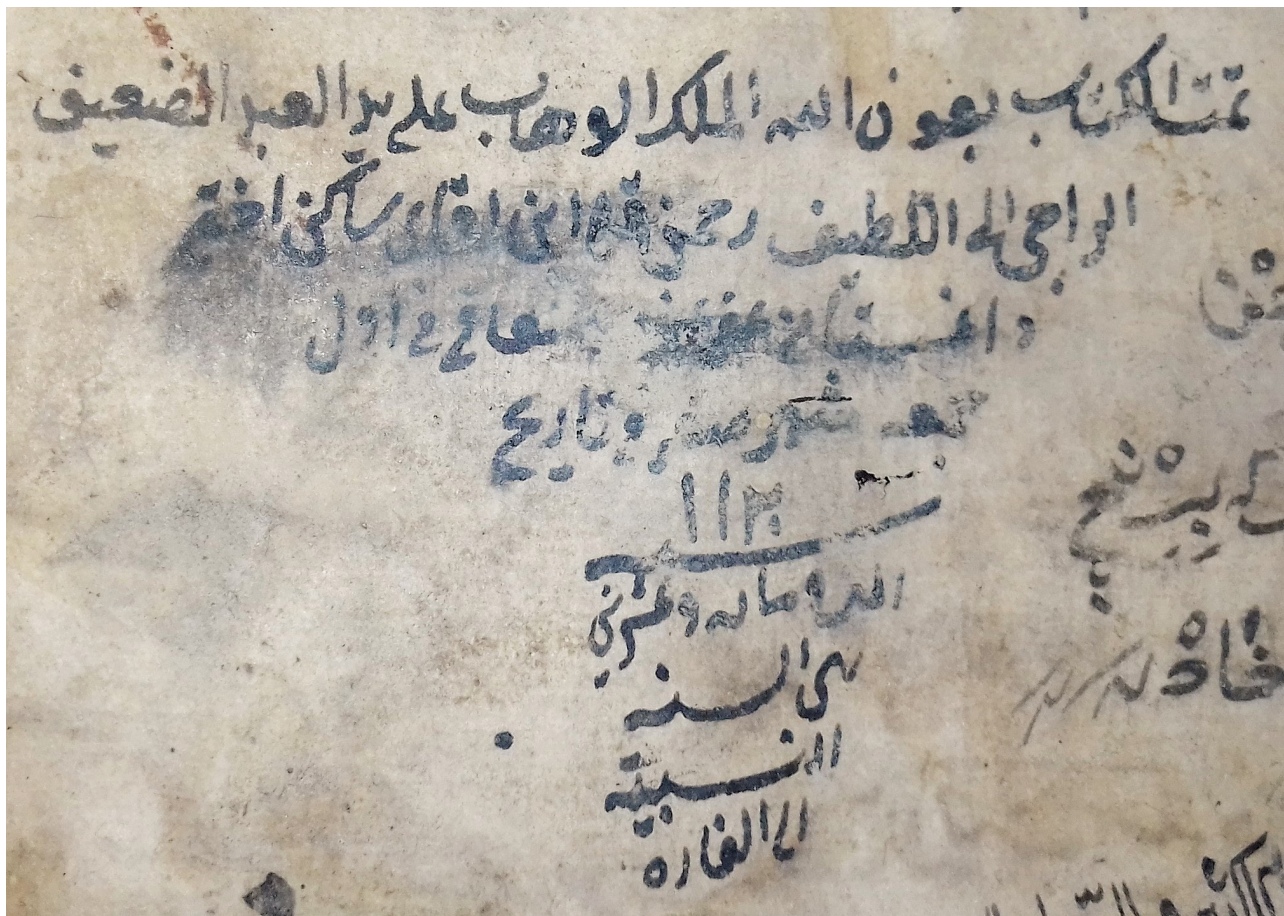


Рис. 5. Колофон сочинения, переписанного Рахманом-кули ал-Ахти в 1708 г. Фото автора

Fig. 5. Colophon of the manuscript transcribed by Rahman-kuli al-Ahti in 1708. Author's photo



Рис. 6. Колофон рукописи, которую Рахман-кули ал-Ахти переписал в 1696 г. во время учебы. Фото автора
Fig. 6. Colophon of the manuscript transcribed by Rahman-kuli al-Ahti in 1696 during his studies. Author's photo

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ali Kayayev. *Teracim-i Ulema-yi Dagistan*. Dağistan Bilginleri Biyografileri / Hazırlayanlar: Dr. Hasan Orazayev, Dr. Tuba İşinsu Durmuş. Ankara, 2012.
2. Бутаев А.А. Народно-освободительное движение на Восточном Кавказе под руководством Хаджи-Давуда Мюшкюрского (первая треть XVIII века). Махачкала: Мавел, 2006.
3. Мусаев М.А. Дагестанские арабографические биографические и историко-биографические сочинения второй половины XIX – начала XX века и место в них ученого-богослова XVII–XVIII вв. Дамадана ал-Мухи // *Исламоведение*. 2012. № 4. С. 88–96.
4. *Алкадари Гасан-эфенди*. Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). Пер. и прим. Али Гасанова (Алкадари). Махачкала: Юпитер, 1994.
5. Шу'айб б. Идрис ал-Багини. *Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа ва-садат маша'их ал-халидийа ал-махмудиийа*. Дамаск: Дар ан-ну'ман ли-л-'улум, 1999.
6. Назир ад-Дургили. *Услада умов в биографиях мусульманских ученых (Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан): дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения / пер. с араб, коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым*. М.: Марджани, 2012.
7. Исаев А.А. Источники по истории развития медицинских знаний в Дагестане VII – начала XX вв. // *Источниковедение средневекового Дагестана*. Махачкала, 1986. С. 68–87.
8. *Абдуррахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний. Пер. с араб. М.-С. Саидова. Редакция перевода, подготовка факсимильного издания, комментарии, указатели А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Предисловие А.Р. Шихсаидова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997.
9. Каталог арабских рукописей Научной библиотеки Дагестанского государственного университета. Сост. А.Р. Шихсаидов, Х.А. Омаров, Д.Х. Гаджиева, П.М. Алибекова. Махачкала: Народы Дагестана, 2004.

Поступила в редакцию 12.07.2024 г.
Принята в печать 04.09.2024 г.
Опубликована 15.03.2025 г.

REFERENCES

1. Ali Kayayev. *Teracim-i Ulema-yi Dagistan*. Dağistan Bilginleri Biyografileri / Hazırlayanlar: Dr. Hasan Orazayev, Dr. Tuba İşinsu Durmuş. Ankara, 2012. (In Turk)
2. Butaev AA. *The People's Liberation Movement in the Eastern Caucasus under the Leadership of Hadji-Davud Mushkyursky (first third of the 18th century)*. Makhachkala: Mavel, 2006. (In Russ)
3. Musaev MA. Dagestan Arabic-language biographical and historical-biographical works of the second half of the 19th – early 20th centuries and the place of the 17th–18th century theologian Damadan al-Mukhi in them. *Islamovedenie*. 2012; 4: 88–96. (In Russ)
4. Alkadari Hasan-effendi. *Asari Dagestan (historical information about Dagestan)*. Trans. and notes by Ali Gasanov (Alkadari). Makhachkala: Yupiter, 1994. (In Russ)
5. Shu'ayb b. Idris al-Bagini. *Tabaqat al-khwajagan an-naqshbandiyya wa-sadat masha'ikh al-khalidiya al-mahmudiyya*. Damascus: Dar an-nu'man li-l-'ulum, 1999. (In Arab)
6. Nazir ad-Durgili. *A Journey of the Minds Through the Biographies of the Islamic Scholars of Dagestan (Nuzhat al-adkhan fi tarajim 'ulama' Daghistan): Dagestani scholars of the 10th-20th centuries and their works*. Trans. from Arabic, comments, facsimile, indices and bibliography by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow: Marjani, 2012. (In Russ)
7. Isaev AA. Sources on the history of the development of medical knowledge in Dagestan in the 7th – early 20th centuries. *Source studies of medieval Dagestan*. Makhachkala, 1986: 68-87. (In Russ)
8. Abdurakhman from Gazikumukh. *Book of Memories*. Translated from Arabic by M.-S. Saidova. Ed. of the trans., facsimile edition, comments, indexes by A.R. Shikhsaidov and H.A. Omarov. Preface by A.R. Shikhsaidov. Makhachkala: Dagknigizdat, 1997. (In Russ)
9. *Catalog of Arabic manuscripts of the Scientific Library of Dagestan State University*. Comp. A.R. Shikhsaidov, H.A. Omarov, D.Kh. Gadzhiev. Makhachkala: Narodы Dagestana, 2004. (In Russ)

Received 12.07.2024
Accepted 04.09.2024
Published 15.03.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21121-37>

Исследовательская статья

Айтберов Тимирлан Магомедович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
timirlan222@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ПОТОМСТВЕННОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЗНАТИ ДЕРБЕНТА

Аннотация. Цель данной статьи – представить более глубокий, чем это делалось прежде, разбор структуры потомственной мусульманской знати Дербента второй половины XVIII в., одного из двух городов восточно-кавказского ханства, которое образовалось после развала Иранской империи Афшаридов. Статья вводит в научный оборот ранее неизвестный кавказоведам арабоязычный письменный источник XVIII в., дошедший до наших дней в подлиннике. Озаглавлен он автором статьи с учетом содержания как «Перечень сейидов г. Дербента». Изучив Перечень, а также публикуемый в качестве приложения к нему российский по происхождению архивный текст, который озаглавлен составителем «Агамиры и муллы» и иные арабоязычные источники по истории Дербента (Послание агамира Мухаммада-кази Дербентского, написанное на имя Кади-Саида Усишинского (конец XVIII в.)) мы пришли к некоторым выводам. В Дербенте, где проживание потомков пророка Мухаммада четко фиксируется еще с домонгольских времен, названная категория мусульманской знати отмечена и в эпоху существования ханства (XVIII в.), хотя эти ветви к описываемому времени уже далеко отошли друг от друга. В отличие от казикумухских потомков пророка Мухаммада, которые принадлежали к категории *шерифов*, дербентские потомки, с точки зрения мусульманской юриспруденции, были настоящими *сейидами*. Они имели привилегии при ханах (шиитах дагестанского происхождения), в частности получали долю от ежегодных доходов, поступающих со старинных вакфов. Из-за этого фактора, как чувствуется из контекста Перечня, в среду сейидов пытались проникнуть «чужаки», но горожане с этим боролись, опираясь – в том числе – на авторитет ханской власти.

Ключевые слова: Шайхали-хан; армяне; Куба; ханство; лезгины; Дербент; тюрки; Гюней; Капир; курчи; сейиды

Для цитирования: Айтберов Т.М. Материалы по генеалогии потомственной мусульманской знати Дербента // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 21. № 1. С. 21-37. doi.org/10.32653/CH21121-37

© Айтберов Т.М., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21121-37>

Research paper

Timirlan M. Aitberov
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
timirlan222@mail.ru

MATERIALS ON THE GENEALOGY OF THE HEREDITARY MUSLIM NOBILITY OF DERBENT

Abstract. This article offers a novel and in-depth analysis of the structure of the hereditary Muslim nobility in Derbent during the latter half of the 18th century, one of the two principal cities within the East Caucasian khanate that emerged following the dissolution of the Iranian Afsharid Empire. This study introduces into scholarly discourse a previously unknown 18th-century Arabic manuscript, preserved in its original form, which the author has titled “The List of Seyids of the City of Derbent” based on its content. Through examination of this list, alongside a related Russian archival document published as an appendix and entitled “Aghamirs and Mullahs,” as well as other relevant Arabic sources on the history of Derbent, such as the “Message of Agamir Muhammad-Kazi of Derbent to Kadi-Said Usishinsky (late 18th century),” several key conclusions have been reached. While the presence of descendants of the Prophet Muhammad in Derbent is documented from the pre-Mongol period, this specific category of Muslim nobility persisted during the Khanate era (18th century), although distinct branches had become geographically dispersed by this time. In contrast to the Kazikumukh descendants of the Prophet, who were classified as sharifs, the Derbent lineage held the status of Seyids according to Muslim jurisprudence. These Seyids enjoyed privileges under the Dagestani Shi’ite khans, notably receiving a portion of the annual revenue from ancient waqf endowments. The analysis of the “List” suggests that this privileged status led to attempts by external individuals to integrate into the Seyid community, a phenomenon resisted by the townspeople who, in part, invoked the authority of the khanate.

Keywords: Sheihali-khan; Armenians; Quba; khanate; Lezgins; Derbent; Turkic people; Güney; Kabir; seyids

For citation: T.M. Aitberov. Materials on the Genealogy of the Hereditary Muslim Nobility of Derbent. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 21. N. 1. P. 21-37. doi.org/10.32653/CH21121-37

© T.M. Aitberov, 2025

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025

Введение

Сегодня в Дербенте известно несколько семей, чье происхождение восходит (как по убеждению их самих, как и по рассказам части горожан) к Пророку, т.е. они относятся к дербентской мусульманской знати прежних столетий. Традиционно в их отношении дербентцы используют термин *агамир*, а не *сейид*. Некоторые из числа лиц данной категории имеют на руках старинные (XVI в.) письменные свидетельства об их благородном происхождении, хотя отдельные дербентцы утверждают, что эти документы – подделки, изготовленные в Тебризе в XIX – начале XX в.

Нами выявлен подлинный арабский текст, где перечислены те дербентские семейства, которые считала потомством Пророка элита г. Дербента. Следовательно, их относили (в XVIII в.) к потомственной мусульманской шиитской знати древнего города, имеющей право на участие в управлении им. Создан текст в 1793/94 г. Он не имеет начала и, соответственно, наименования. В его отношении мы используем название «Перечень сейидов г. Дербента». В документе перечислены благородные мужи с короткой, максимум на два колена, родословной.

Второй документальный материал был составлен на русском языке и относится к 1879 г. В нем также перечисляются представители потомственной мусульманской знати Дербента – *сейиды и агамиры*, – приводится их краткая родословная.

Также в рамках данной статьи публикуются: арабоязычное письмо, датированное концом XVIII в., *агамира* Мухаммад-кази, который был дербентским врачом, адресованное усишину Кади-Саиду, названному адресантом «кадием кадиев»; свидетельство о принадлежности к сейидам Хусайна, чьи потомки живут в Дербенте, написанное «Шайх-Камалом, являющимся сыном Абд ал-Хакка аш-Шайзари... в девятьсот сорок девятом (1542/43) году».

Перечень сейидов г. Дербента (1208г.х. /1793–94 гг.)

Подлинник представляет собой бумажный свиток длиной примерно 160 см (рис. 1–5). На лицевую (внутреннюю) сторону нанесен текст приводимого ниже исторического источника. Написан он по-арабски *каламом* черными чернилами на пяти листах (≈36×44 см) белой голландской (?) бумаги фабричного производства. На листах бумаги видны на просвет водяные знаки: буква *B*, изображение, напоминающее *крест*, изображение *лука с наложенной стрелой*, цифра *6*, цифры *8* и *1*, а также, изображение, напоминающее *подкову*. Листы эти склеены в свиток, о котором сказано выше.

Оригинал документа хранится в личном архиве автора статьи.

Текст источника частично огласован, он написан не традиционным для Дагестана арабским почерком *наسخ*, а характерной для Закавказья вариацией *сульса*. Каждый из шести листов свитка заверен оттиском сердцевидной печати. На последнем листе оттиск имеет два арабских слова: «Раб Аллаха. Хасан».

Стилистика текста позволяет нам отметить, что переписчик Мухаммадали чаще писал по-персидски и по-тюркски. Публикуемый ниже «Перечень сейидов г. Дербента», составленный в конце XVIII в., вводится в научный оборот впервые.

Перевод текста

...¹Мухаммадриза², Мухаммадрафи, Мухаммадшафи, мулла Мухаммадвали³ и Мухаммад // Максуд – сыновья Шайхислама Хусайнида (*ал-Хусайни*).

1. Начало отсутствует.

2. Данный лист бумаги, с которого начинается текст Перечня, заверен четырьмя оттисками одной печати («Раб Его. Хасан»), три из которых поставлены в ряд, причем сверху, а один такой оттиск стоит в конце места, точнее, над последней строкой.

3. Здесь зачастую трудно понять: являются ли такие арабские слова как «*мулла*», «*шейх*», «*хаджи*» и т.п. эпитетами или же это части имен собственных.

Можно, например, понять иначе: *Мулламухаммадвали*.

Джами Файзи (Файди) и Аминмухаммад – сыновья // Шайхсанана Хусайнида.
 Мулла Ибрахим, Шайхюсуф⁴ и Джанкардаш (*Джанкърдаш*) [сыновья] // Шайхзахида⁵ Хусайнида.
 Покойный Агашайх⁶, Шайхзада, мулла Хусайн // и мулла Али⁷ – сыновья Шайхюсуфа Хусайнида⁸.
 Шейх Садрутдин, шейх // Садрутдин-хаджи и мулла Байрам – сыновья шейха Мухаммадшафи Хусайнида.

Шейх // Сафи – сын Садрутдина-хаджи Хусайнида.

Убитый Саййидяхья, убитый Ахмад // и убитый Азиз – сыновья Шайхсафи Хусайнида.

Покойный Саййидриза, Аминмухаммад, Баба, Ибрахим // Ислам, Тахир и Шайхшукур – сыновья Садрутдина-хаджи Хусайнида.

Карим и Латиф – сыновья // Тахира Хусайнида.

Покойные: Саййидриза, Саййидхусайн, Шайхамир, Шайхриза Ага (*Агъа*) и Саййидриза //, а также Ислам – это сыновья Шайхшукура Хусайнида.

Шайхзада, Шайхбаба Хусайнид и Хамзат – сыновья Шайх // мухаммада Хусайнида.

Шайхбаба, Казим и Исмаил – сыновья шейха Файзи Хусайнида.

Шайхмухаммад, Джами, Юсуф и Аминмухаммад – сыновья Шайхзады Хусайнида.

Хасан и Хусайн – сыновья Шайхбабы Хусайнида⁹.

Шайхкарим – сын Шайхмухаммада Хусайнида.

Саййид, Ахад и Мухаммадамин – сыновья Шайххусайна // Хусайнида.

Ага – сын Хамзата Хусайнида.

Абдулджалил, Мухаммадсаид, Алимурза, мулла // Аййуб, Шайхаслан и Шайхамир – сыновья муллы Байрама Хусайнида, и мулла Мухаммад, – сыновья Алимурзы // Хусайнида.

Мулла Абдулджалил, Мухаммад, Махмуд и Шайхмустафа – сыновья муллы Аййуба Хусайнида.

Покойный Мухаммадсаид, Ахмад и Абдулла – сыновья Шайхаслана Хусайнида.

Байрам, Алимухаммад, // Гюльмухаммад, Абдурахман и Наби – сыновья Шайхамира Хусайнида.

Мухаммад, Хасан и Хусайн – сыновья Ахмада // Хусайнида.

Мухамадали и Гюльмухаммад – сыновья // Мухаммада Хусайнида.

Аминмухаммад и Мустафа – сыновья // Шайхмахмуда Хусайнида.

Мухаммад и Ахмад – сыновья Алимухаммада Хусайнида.

Те, кто упомянуты здесь, но после Абдулджалила и вплоть до этого места, это – люди происходящие от сыновей дочери муллы Шафи, который [является] братом шейха Садрутдина.

Мулла Максуд – сын Шайхмухаммада Хусайнида.

// Мулла Шамсутдин – сын муллы Максуда Хусайнида.

Файзи – сын муллы Шамсутдина, // Хусайнида // сына шейха Файзи Хусайнида.

Абдулджаббар – сын муллы Шамсутдина Хусайнида.

Ибрахим и Ислам – сыновья // муллы Сайида Хусайнида, он же, как и Хаджигайб, это – сыновья Шайхмухаммада Хусайнида. Что же касается Шайхмухаммада, то он – сын Агамухаммада Хусайнида.

Саййид, // как и Халим, это – сын муллы Салиха Хусайнида. Что же касается муллы Салиха, то входит он в число сыновей муллы Пирали Хусайнида.

Пирмухаммад – сын Аминмухаммада // Хусайнида.

Покойный Саййидмухаммад, покойный Мухаммадкарим и Мухаммадшариф-хаджи – это сыновья муллы Замана // Хусайнида. Последний же и еще Мухаммад – сыновья Мухаммадшарифа-хаджи Хусайнида.

Покойный Хафиз – сын Мухаммадрафия Хусайнида.

// Захид – сын покойного Хафиза Хусайнида.

Шайхали, Муллавали и Латиф – сыновья // Мухаммадризы Хусайнида.

4. Можно иначе: *Муллаибрахими Шайх-Юсуф*.

5. Можно иначе: *Шайх-Захида*...

6. Можно иначе: *Ага Шайхмархум (Агъа)*...

Мы даем в этом переводе текста свое – одним словом, – понимание арабского текста Перечня сейидов.

7. Можно иначе: *Муллахусайни Муллаали*.

8. Можно иначе: *Шайх Юсуф*..., ну и так далее.

9. Отмеченный текст (три предложения) был, судя по всему, первоначально пропущен – скорее всего, по невнимательности. Дело в том, что он записан мелким шрифтом между двумя нормальными, скажем так, строками текста и, при этом, «привязан» особым значком (в виде тонкой линии) к имени «*Шайхбаба*», под которым подразумевается «Хусайнид... – сын Шайхмухаммада Хусайнида».

Сафар, Яхъя и покойный Камал – сыновья Шайхлатифа Хусайнида.
 Ахмад // и Юсуф – сыновья Шайхали Хусайнида.
 Абдулкарим и Юнус – сыновья Муллавали Хусайнида.
 // Наджаф, Саййид, покойный Ахад и покойный Ислам – сыновья Шайхмаксуда Хусайнида.
 // Мухаммадсалих и Мухаммадсадик – сыновья Саййидвахиды Хусайнида.
 Захид – сын // Шайхзады Хусайнида.
 Саййидмухаммад – сын Муллахусайна Хусайнида.
 Саййидриза, Баба // Мухаммадамин и Ибрахим – сыновья шейха Садутдина Хусайнида.
 Шайхисрафил // Агаджан и Шайххадмад – сыновья шейха Мухаммадамина Хусайнида.
 Мухаммадвали – сын Шайхисрафила // Хусайнида.
 Хасан – сын муллы Мухаммадсалиха Хусайнида. Что же касается этого Мухаммадсалиха, то он – сын Шайххасана Хусайнида.
 Шайхимад и Мирза – сыновья Шайхнаджафа Хусайнида.
 Покойный Али и Мухаммад – сыновья Шайхимада // Хусайнида. Он же, в свою очередь, и еще Саййидхайяр – сыновья Шайхмахмуда Хусайнида.
 Шайхбаязид, покойный Карашайх // и покойный Имамхусайн – сыновья муллы Максуда Хусайнида.
 Саййидкасим, Ибрахим // халил и Мухаммад – сыновья покойного Карашайха Хусайнида.
 Дустага (?) – сын шейха Бабаси Хусайнида.
 Шейх Абдурахман – сын Дустаги (*Дуст-агъа*) Хусайнида.
 Мулла Шайхмухаммад Хусайнид – сын муллы Абдулджалила // Хусайнида.
 Абдулгани и Абдулджалил – сыновья муллы Шайхмухаммада Хусайнида.
 Шайхнаби – сын шейха Абдуллы // Хусайнида.
 Абдулла и Касим – сыновья Шайхнаби Хусайнида.
 Ата, Мухаммадхан и Аббас – сыновья Шайх // ахмада Хусайнида.
 Джамал и Ага – [сын]овья (?) Шайхбаязида.
 Муса – сын // Мухаммадхана Хусайнида.
 Агамухаммад и Ханмухаммад – сыновья Шайхага Хусайнида.
 Хусайн – сын Имам // хусайна Хусайнида.
 Это – конец родословного древа (*шаджара*).
 Завершено начертание этого // родословного древа, черными чернилами, жалким беднягой, Мухаммадали. Сделано же это в те дни, когда начальником (*хукума*) был Шайхали-хан¹⁰, что соответствует тысяча двести восьмому (1208) году.
 Конец текста.

1208 год хиджры соответствует 1793/94 г. Шихали-хан (местное производное от Шайхали) – известный активный политический и военный деятель рубежа XVIII–XIX вв. Он стал дербентско-кубинским ханом в 1791 г. и был им вплоть до 1806 г., пока не был свергнут русскими. Используя свои связи в Персии, Шихали-хан пытался вернуть свое владение, но не имел успеха. Скончался в сел. Балахани (современный Унцукульский район Республики Дагестан) в 1822 г. [15, с. 117, 118].

Сейиды и агамиры Дербента (1879 г.)

Материал, который приводится ниже, был представлен нам более десяти лет тому назад известным дербентским историком-краеведом Гусейнбалой Яхьяевичем Гусейновым. Он представляет собой русскоязычный подлинник; возможно, это текст камеральной (?) переписи г. Дербента, (предположительно всего городского населения). Судя по тексту в завершенном виде, он был сформирован в 1879 г. Получен был данный материал всего лишь на один день, причем с представлением права на публикацию. Именно тогда материал – *Сейиды и агамиры Дербента*, – был переписан, но в форме связанного

10. Шайхали-хан – сын знаменитого Фатали-хана, правителя Кубинского ханства (ум. в 1789 г.), который в 1759 г. принял Дербент из рук Мухаммадхусайн-хана и аннексировал все ханство Дербентское. см.: [7, с. 127, 130, 139, 140; 8, с. 73, 74, 84, 85, 96, 103–107; 10, с. 130; 14, с. 168, 169, 473, 520, 521].

текста, а не в виде таблицы, откуда взята была нижеприведенная информация. На сегодня, как сказал Гусейнов Г.А., материал этот утерян.

Написан материал, металлическим пером, по-русски, в дореволюционной орфографии, причем в соответствии с российско-кавказской терминологической традицией того времени. Представлен он в виде таблицы, отпечатанной типографским способом, которая состоит из 12 продольных полос-граф, а также из 4–5 поперечных полос (4–5 строк и 12 столбцов).

В отношении всех дербентцев XIX в., которые включены в названные здесь таблицы от 1879 г., имеются специальные указания, например, «вероисповедания магометанского», «племена татарского», то есть тюркоязычные, источник дохода – «резник», «живущий поденной работой», как и «торговлей» или же «милостыней», или же «хлебопашеством», далее просто «рабочий», а еще «башмачник» и т.д.

Малолетние дети обозначены в приводимом ниже тексте как «новорожденные».

Текст

Агамиры¹¹ и муллы [Дербента:].

Первый магал, где агамиров и мулл 5 дымов:

1) Мир-Майсум (52 года) Саййидхусайн-оглы¹² и сын его Мир-Абдулкасим (20 лет).

2) Саййидмухаммад (68 лет) Саййидкасим-оглы, резник; сыновья его: Мир-Ага (29 лет), Мир-Ахмад (20 лет) и Мир-Абдулкасим.

3) Мир-Аббас (30 лет) Мир-Алискер-оглы и его сын Мири.

4) Абдулхасан-мешеди¹³ (32 года) Мулла-оглы.

5) Махдикули-мулла (23 года) Алипанах-оглы и брат его Абдулалли (18 лет).

Второй магал, где агамиров и мулл 2 дыма:

1) Шайхмухаммад-мулла (26 лет) Хасан-оглы, живущий поденной работой¹⁴; братья его: Шайхали (19 лет), Абдулазиз (18 лет) и Мухаммадриза.

2) Абдулла-мулла (16 лет) Кырхляркули-оглы, который ныне готовится в муллы, и брат его Рустам.

Третий магал, где агамиров и мулл 4 дыма:

1) Мир-Абдулла-мешеди (67 лет) Мир-Бакир-оглы, живущий поденной работой; сын его: Мир-Бакир.

2) Мир-Аббас (45 лет) Мир-Саййидали-оглы, живущий поденной работой; его сыновья: Мир-Баба (18 лет) и Мир-Алискер.

3) Мир-Аббас (36 лет) Мир-Исмаил-оглы, живущий поденной работой.

4) Абдулалли-мулла (67 лет) Ахмад-мулла-оглы, живущий поденной работой; его сыновья: Ахмад (34 года) и Алимардан (16 лет).

Четвертый магал, где агамиров и мулл 2 дыма:

1) Хаджибала-мулла (30 лет) Абдулхусайн-оглы, чье занятие шапочник; его братья: Мирзамухаммаднаки (26 лет) и Таки (20 лет).

2) Мир-Баба (22 года) Мир-Ибрахим-оглы.

Пятый магал, где агамиров и мулл 9 дымов:

1) Мухаммадбакир-мешеди (26 лет) мулла Расул-оглы, шапочник.

2) Мир-Ибрахим (40 лет) Мир-Кадир-оглы, чье занятие торговля; брат его – Саййидриза (32 года), их дядя Мир-Мухаммадали-хаджи (57 лет) Саййидмухаммад-оглы и сын последнего по имени Саййидмустафа (22 года).

3) Саййиднаки (28 лет) Мир-Казим-оглы, занимающийся поденной работой.

4) Мир-Ага-хаджи (25 лет) Мир-Ибрахим-оглы, чье занятие поденная работа.

5) Саййидриза (52 года) Мир-Аббас-оглы, чье занятие поденная работа; сыновья его: Мир-Аббас (16 лет) и Мир-Алам (14 лет).

6) Мир-Асад (21 год) Мир-Джавад-оглы, чье занятие поденная работа; братья его: Мир-Хусайн (14 лет) и Мир-Самад.

11. Слово «агамир» (*агъамир*) является двухчастным, а состоит оно из ага (*агъа*) – «господин» и мир (< араб. «амир»). Дербентская традиция, доступная через Гусейнова Г.Я., определяет «агамир» в качестве местного синонима широко известного «сейид».

12. Оглы – азерб. сын.

13. Мешеди – человек, совершивший паломничество в священный для шиитов иранский г. Мешхед.

14. По всей вероятности, составители разбираемого здесь документа (1879 г.) называли тех лиц, которые не занимались в Дербенте какой-либо более или менее постоянной работой.

7) Мир-Махмуд (47 лет) Мир Аббас-оглы, чье занятие просто рабочий, и его сын, которого звать Мир-Баба.

8) Мир-Бакир-хаджи (62 года) Саййидхасан-оглы, чье занятие торговля, и его сын Саййидкамил (27 лет).

9) Мир-Исмаил (68 лет) Саййид-оглы, башмачник; его сыновья: Мир-Фаттах (25 лет) и Мир-Майсум (14 лет).

Шестой магал, где агамиров и мулл 16 дымов:

1) Мир-Майсум-хаджи (62 года) Мир-Хабиб-оглы, живущий милостыней; сыновья его: Мир-Хамза (25 лет) и Саййидмуртаза (22 года).

2) Мир-Джавад-хаджи (26 лет) Мир Аббас-оглы, который готовится ныне в муллы, и сын его Мир-Ага.

3) Мир-Садик-мешеди (47 лет) Саййид-оглы, занимающийся хлебопашеством; братья его: Мир-Исмаил (42 года) и Мир-Ахмад (22 года).

4) Мир-Ибрахим-мешеди (31 год) Саййидага-оглы, занимающийся хлебопашеством; его братья: Мир-Абдулла (24 года) и Мир-Фаттах (23 года).

5) Мир-Наджаф (51 год) Саййидхусайн-оглы, занимающийся поденной работой; его сыновья: Мир-Джафар (24 года), Мир-Азиз (19 лет), Мир-Алискер и Мир-Хашим.

6) Мир-Хасан (47 лет) Саййидхусайн-оглы, занимающийся поденной работой; его сыновья: Мир-Мухаммадали (19 лет) и Саййидмухаммад (16 лет).

7) Саййидриза (40 лет) Саййидхусайн-оглы, который занимается поденной работой.

8) Мир-Бала (26 лет) Мир-Бакир-оглы, который занимается поденной работой.

9) Мир-Ахмад-кербелаи¹⁵(36 лет) Мир-Джафар-оглы, который временно занимает должность дербентского (?) кадия.

10) Мир-Мехти... (27 лет) Мир-Мухаммад-оглы, живущий поденной работой.

11) Мир-Абуталиб-кербелаи (24 года) Саййидмухаммад-оглы; слепой и поэтому живет подаянием.

12) Саййиднаки-хаджи (59 лет) Саййидкасим-оглы и сыновья его: Мир-Хасан (18 лет) и Мир-Хамид (14 лет).

Братья Саййиднакия:

а) Саййидали (60 лет) и его сыновья: Мир-Алискер (20 лет), Мир-Аббас и Зайнулабитдин (15 лет);

б) Саййидтаки (54 года) и сыновья его: Мир-Аббас (24 года), Мир-Касим (20 лет), Мир-Хусайн (10 лет), Саййидриза, Мир-Ахмад, Мир-Касим.

Семья эта – *сейиды* по званию своему. Они ничем не занимаются и поэтому живут на средства от благотворительности, которая идет со стороны (?).

13) Мир-Аликбер (25 лет) Мир-Абдулбаки-оглы, живущий поденной работой.

14) Мир-Абдулали (47 лет) Саййидджафар-оглы, живущий поденной работой; его сыновья: Мир-Наджаф и Саййидаслан.

15) Мир-Казим (27 лет) Мир Зайнулабитдин-оглы, живущий поденной работой.

16) Мирзамахди-хаджи (37 лет) Мир-Джафар-оглы, живущий поденной работой; брат его Мир-Ага (25 лет).

17) Мир-Хашим (26 лет) Саййидмухаммад-оглы, живущий поденной работой; братья его: Асадулла (16 лет) и Мир-Садик.

Седьмой магал, где агамиров и мулл – 21 дым.

Сейиды и муллы.

1) Мир-Ага (32 года) Мир-Хусайн-оглы, живущий поденной работой; сыновья его: Саййидриза (28 лет) и Мир-Наджаф (22 года).

2) Мир-Фатулла-хаджи (52 года) Мир-Хабиб-оглы, живущий подаянием; его сын – Мир-Хашим.

3.) Мир-Саййидали-хаджи (47 лет) Мир-Казим-оглы; живущий мелкой торговлей; сыновья его – Мир-Таййиб (23 года) и Мир-Мухаммадали.

4) Мир-Мухтар (24 года) Мир-Хашим-оглы, живущий милостыней, и еще брат его Саййидали (22 года).

15. Кербелаи – совершивший паломничество в священный для шиитов г. Кербелу в Ираке.

5) Мир-Хусайн (24 года) Мир-Зайнулабитдин-оглы, живущий подаянием, и еще брат его Мир-Таййиб (23 года).

6) Мир-Мухаммад (16 лет) Мир-Казим-оглы, живущий подаянием, и еще брат его Мир-Баба.

7) Мир-Джавад (32 года) Мир-Мустафа-оглы, занимающийся в городе Куба; его братья. Мир-Самад (29 лет) и Мир-Сали (25 лет).

8) Мир-Хамдулла-хаджи (28 лет) Мир-Заман-оглы, занимающийся торговлею, но ныне исключен он лично из квартальной (?) общины за перечислением своим в число купцов 2-й гильдии, проживающих на территории гор. Дербента, Д. № 32/1877; его братья: Мир-Наджаф (26 лет), Мир-Фаттах (30 лет) и Мир-Садик (24 года), которые ныне находятся в Персии.

9) Мир-Ахмад-каддуси (70 лет)¹⁶ Саййид-оглы, занимающийся торговлей.

10) Мир-Хади (52 года) Мир-Казим-оглы, живущий поденной работой; сын его – Мир-Ибрахим.

11) Мир-Мухаммад (25 лет) Саййидхасан-оглы, живущий поденной работой.

12) Мир-Аликбер (52 года) Мир-Махди-оглы, живущий милостыней.

13) Мир-Алискер (31 год) Мир-Махди-оглы, живущий подаянием; его сыновья – Мир-Зайнулабитдин, Мир-Бакир, Мир-Махди.

14) Мир-Ага (22 года) Мир-Баба-оглы, живущий поденной работой.

15) Мир-Аллахверди-хаджи (72 года) Бакир-оглы, живущий милостыней; его сыновья: а) Мир Фаттах (32 года), который, в свою очередь, имеет двух сыновей: Мир-Мусатаби (10 лет) и Мир-Хусайна; б) Мир-Сала (23 года), имеющий сына по имени Мир-Ага.

16) Мир-Касим (17 лет) Мир-Абдулла-оглы, живущий мареноводством; его братья: Саййидриза (14 лет), Саййидмуртузали, Мир-Абдулбаки и Мир-Хасан.

17) Мухаммаднаки (42 года) мулла Садик-оглы, живущий торговлей, и брат его – носящий имя Мухаммадсала.

18) Мирзамухаммаднаби (15 лет) мулла Джавад-оглы, являющийся сиротой.

19) Мухаммадрасул (23 года) мулла Агабала-оглы, живущий подаянием.

20) Мир-Аликбер (23 года) мешеди Мир-Джафар-оглы, живущий торговлей.

21) Агакарим (16 лет) мулла Мухаммадьяр-оглы, живущий поденной работой; дяди его: Каддуси-мулла (32 года) Карим-оглы и Хусайн (27 лет).

Восьмой магал, где агамиров и мулл 3 дыма.

1) Мир-Аликбер (48 лет) Саййидхусайн-оглы, живущий поденной работой; его сыновья: Саййидхусайн (18 лет) и Саййидбакир.

2) Мир-Хашим-кербелаи (50 лет) Саййидхусайн-оглы, живущий поденной работой; сыновья его – Саййидхусайн и Мир-Джафар; брат названного *кербелаи*: Мир-Хаджибала (46 лет), у которого есть сыновья Мир-Ибрахим и Мир-Абдулкасим.

3) Мулла Хусайн (92 года – ?) Алидаря-оглы, живущий поденной работой; и сын его: Ибрахим (24 года).

Девятый магал, где агамиров и мулл 11 дымов.

Сейиды и муллы.

1) Мир-Саййидали-мешеди (70 лет) Саййидали-оглы, который выделяется тем, что по званию *агамира* получает» он от [магального – ?] общества *закят*; сын его Мир-Наджаф (24 года).

2) Мир-Баба (56 лет) Мир-Мустафа-оглы, служащий при [квартальной] мечети; его сыновья: Мир-Мухаммадамин (23 года), Мир-Мустафа (20 лет), Мир-Асадулла (16 лет) и Мир-Юсуф (15 лет).

3) Саййидкасим-хаджи (62 года) Мир-Бакир-оглы, выделяющийся тем, что он по званию *сейида* получает от [магального – ?] общества *закят*; его сыновья – Мир-Казим (24 года) и Мир-Бала.

4) Мир-Алискер Мир-Садик-оглы, выделяющийся тем же, [т.е. правом на *закят*]; дядя его известен как Мир-Баба (29 лет) Мир-Аликбер-оглы.

5) Мир-Зайнулабитдин (17 лет) Мир-Абдулла-оглы, причем отмечено, что этот Мир-Зайнал слепой сирота; брат его: Мир-Абдулалли (17 лет).

6) Мир-Хусайн (47 лет) Мир-Саййиднаки-оглы, живущий мелкой торговлей; сыновья его – Мир-Исмаил (16 лет), Мир-Садик (14 лет), Мир-Мухаммадали и Саййидсултан.

16. Каддуси (*къаддуси*) – человек, посетивший Иерусалим (араб. *Кудс*).

7) Аббасмирза (24 года) мулла Саттар-оглы, живущий поденной работой; брат его Амирхамза (17 лет).

8) Мухаммадсадик (36 лет) мулла... Салим-оглы; этот Мухаммадсадик исполняет должность *пишна-маза*¹⁷, но официально он там не утвержден, а далее говорится, что Мухаммадсадик (?) исключен лично [из квартальной общины], за утверждением своим в должности *муллы*, Д. Азб-1879 года.

9) Мир-Майсум-хаджи (33 года) Мир-Мухаммадали-оглы, живущий торговлей.

10) Мухаммадказим (30 лет) мулла Асадулла-оглы, живущий поденной работой.

11) Мир-Аликбер (30 лет) Саййиднаки-оглы, известен тем, что живет он при мечети.

Конец текста.

Послание агамира, который был дербентским врачом, известным как Мухаммад-кази, адресованное усишинцу Кади-Саиду ≈ (конец XVIII в.)

Среди арабских рукописей и старопечатных книг, принадлежавших покойному ныне усишинцу Галбецову М., научной экспедицией Института ИЯЛ в 70-е гг. XX в. зафиксировано *Послание*, текст которого приводится ниже. Вложено было это *Послание* между листами рукописи, именуемой *Джалал ал-кулуб* (авт. Мухаммад ал-Буркали), которая была переписана в 971/1563–64 г.

Послание представляет собой подлинник. Написано оно тростниковым (?) *каламом* по-арабски, на листе (17×12 см) синей бумаги с зеленоватым оттенком, фабричного производства второй половины XVIII в.

На оборотной стороне листа бумаги, содержащего *Послание*, стоит оттиск продолговатой печати, имеющей арабскую надпись. Она такова: а) «[Раб Аллаха?]»; б) «Мухаммад-кади», чит.: *къази* (?).

Датировать *Послание* по бумаге можно второй половиной XVIII в.

Перевод текста

От презреннейшего из рабов Аллаха – *агамира (*акъамир*), являющегося дербентским врачом (*хаким*)¹⁸, послание брату своему [по религии]: особо преуспевающему ученому, красивейшему на внешность человеку, а именно Кади-Саиду Усишинскому, – выдающейся личности в сфере науки, который считается кадием кадиев.

Да осчастливит тебя Аллах в обоих мирах! Приветствие [я] вверяю [миру] ислама! Приветствие – которое быстро не исчезает.

А далее.

Ты, Кади-Саид Усишинский, отправил к нам послание, где сказано было, что ты дашь нам зерно. Что же касается здесь меня, агамира, то я, если захочет Всевышний Аллах, не буду выставлять что-либо против того, что ты приказал¹⁹ нам.

Я, агамир, отправляю тебе [положенные деньги] за зерно, по поводу которого ты приказал²⁰ мне. Сделал же я это через Умара, который принес этот привет.

Методу²¹ следует здесь научить. Так вот, согласно этому методу²², следует до наступления [восхода?] пить с утра похлебку, приготовленную на воде. Бросать это, то есть [содержимое похлебки-?], следует последовательно, не дав [содержимому-?] собраться. После того, как брошено будет это следует пить горячую воду, а затем – в обед – следует пить уже похлебку.

Далее. Ты, Кади-Саид Усишинский, приказал²³ мне, чтобы было выяснено название лекарств, которые присланы. Так вот, лекарства эти называются так: одно – черная *хилба*²⁴, а другое – *сунамак*²⁵.

17. *Пишнамаз* – в иерархии шиитского духовенства служитель в мечети, который ведет только общую, но не пятничную молитву.

18. Может быть, что переводить стоит так: *от агамира, являющегося дербентским мудрецом*.

19. Можно иначе: *сказал*.

20. Можно иначе: *сказал*.

21. Можно иначе: *путь, дорога*.

22. Можно иначе: *путь, дорога*.

23. Можно сказать иначе: *сказал*.

24. *Хилба* – известное и сейчас лекарственное растение.

25. Это – кассандра.

Способ питья этих лекарств таков: нужно смазать *сунамак* жиром, а затем выпить ее. Что же касается *хилбы*, то следует бросить ее [в воду-?].

Все.

[Оборот:] что касается растения астрагал, то я послал его Абдурахману-хаджи. Ты же, о Кади-Саид Усишинский, должен сказать о ценности другой [вещи]. Я хочу этого.

Свидетельство о принадлежности к сейидам Хусайна, чьи потомки живут в Дербенте, написанное Шайх-Камалом, являющимся сыном Абд ал-Хакка аш-Шайзари..., в девятьсот сорок девятом (1542/43) году

Разыскания в г. Дербенте, проводившиеся по сейидской тематике, показали, что у потомственного дербентца Сейидова М.М. хранится арабский документ, который должен был удостоверить принадлежность некоего Хусайна, жившего в XVI в., к числу потомков Пророка. По семейной традиции Сейидовых, указанный Хусайн является прямым предком хранителя документа.

Здесь же отмечу, что Сейидов М.М. рассказал мне, что дербентские сейиды, которых помнят городские предания, были шиитами и проживали в 9-м городском магале. Происходят они от Хусайна, переселившегося в Дербент примерно 250–300 лет тому назад, а это означает, что в середине XVIII в., то есть уже после падения Сефевидов – шахов, которые правили Иранской империей с начала XVI в. На сейидском участке кладбища г. Дербента автор этих строк обнаружил только одну относительно старую (середина XIX в.) могилу. Более или менее интересной для науки арабской эпитафией является следующая: «1276/1859-60 [год]. Акамир-мешеди являлся сыном Амира – сына Халила-мешеди, сына Мир-Салиха-хаджи, сына Саййидахмада».

Описание документа

Подлинник. Документ представляет собой бумажный свиток (7,5×0,25 м), склеенный из ряда листов, каждый из которых заверен оттиском одной и той же печати. Бумага старая, восточная (?), бело-розового цвета. Текст написан черными чернилами тростниковым (?) *каламом*, каллиграфическим почерком *наسخ*.

В конце свитка, на последнем его листе указано, что арабский текст документа написал некий Шайх-Камал, являющийся сыном Абд ал-Хакка аш-Шайзари, а совершил это Шайх-Камал в девятьсот сорок девятом (1542/43) году.

Начинается текст свитка так: «Господин Хусайн является знатнейшим сейидом, благородным и прославленным, возвышающимся среди других сейидов – лиц достойных и великих. Он – краса нации и исповедуемой им религии. Отец Хусайна – Ахмад, являющийся сыном Муртазаали, сына ал-Хасана, сына Джамал ад-Дина Ахмада, сына Муртазаали, сына Джалал ад-Дина, сына Али-Кия²⁶, сына Мухаммада-Кия, сына Давуда, сына ал-Хасана, сына ал-Хусайна, сына Сулаймана, сына Абдуллаха, сына Мусы, сына Абдуллаха, сына ал-Хасана, сына ал-Хусайна, сына Али, сына ал-Хасана, сына Али, сына Давуда, сына Али, сына Ахмада, сына Исмаила, сына Мухаммада²⁷, сына Исмаила, сына Джафара ас-Садика, сына Мухаммада ал-Бакира, сына Али Зайн ал-Абидина, сына ал-Хусайна, по прозвищу Внук (*сибт*), сына амира ал-муминин по имени Али²⁸, сына Абу Талиба, сына Абд ал-Мутталиба, который был дедом Пророка».

В конце документа сообщается, что родословие Хусайна (XVI в.) является чистым, то есть достоверным.

26. *Кия* – перс. – «господин».

27. От этого Мухаммада пошло еретическое учение, выросшее из шиизма, именуемое исмаилизм.

28. *Али ибн Абу Талиб* – уб. в 661 г.; *ал-Хусайн* по прозвищу «Внук [Пророка]» – убит в 680 г.; *Али* по прозвищу «Зайнал-Абидин» – ум. в 713/14 г.; *Мухаммад* по прозвищу «ал-Бакир» – ум. в 732 г.; *Джафар* по прозвищу «ас-Садик» – ум. в 765 г.; *Исмаил* – ум. ≈762 г., от его сына *Махаммада* пошла шиитская секта исмаилитов; этот Мухаммад (VIII в.н.э.) скрывался от Аббасидов в Северном Иране, около снежной горы Демавенд. Таким образом, Хусайн (XVI в.) происходил от шести общепризнанных шиитских имамов, возможно, он был исмаилитом и даже «скрытым имамом» [27, с. 44–46, 244–247, 250, 251, 277, 279, 280].

Заключение

Проживание потомков Пророка Мухаммада в Дербенте и на прилегающих землях периода до монгольских завоеваний проследил Аликберов А.К. [16, с. 274]. Неудивительно, что пребывание там лиц, названной общественно-культурно-религиозной категории, могло иметь место в XVIII и XIX вв. У некоторых дербентцев до наших дней сохранились красочные грамоты XVI–XVII вв., выданные в г. Тебризе, подтверждающие принадлежность их хранителей к числу потомков Пророка (*ахл ал-бейт*).

Потомки Пророка имеют в исламе особый статус, который закрепляет, в том числе, возможность материального обеспечения, поскольку им, согласно нормам шариата, полагаются определенные выплаты. По этой причине документы, свидетельствующие о принадлежности к *сеййидам*, а подделки их известны, зачастую подвергаются сомнению.

В Дагестане есть несколько точек давнего проживания «потомков Пророка»²⁹, причем казикумухцы имеют самые древние свидетельства своей принадлежности к таковым. Правда, казикумухские «потомки», хотя и называют их в Дагестане «по инерции», *сеййидами*, считаются происходящими от корейшита Хасана (с XIV – начала XV в.), то есть являются по нашему мнению *шерифами* [17]. Что же касается потомков из числа дербентцев, то все они обозначены в тексте конца XVIII в. хусайнидами, то есть в качестве настоящих *сеййидов*.

Практически все работы по военно-политической истории северной зоны Дербентского-Кубинского ханства написаны с опорой на российский архивный материал. Обращение к дербентским по происхождению арабоязычным источникам, которых пока выявлено весьма мало, открывает принципиально новые моменты в истории названного ханства. Предложенный к публикации арабоязычный Перечень, как и письменный материал, который представлен в данной публикации, показывает, что в Дербентской зоне ханства жили *сеййиды*. Местные *сеййиды* шиитского толка должны были, согласно шариату, иметь право голоса при принятии важных решений и получать доход из старинных дербентских вакфов. При этом, в эпоху существования Дербентско-Кубинского ханства дербентские *сеййиды* XVIII в. не получали *хумс* (пятая часть от военной добычи), право на который также закреплено в шариате, так как на этой территории не велась священная война.

Появление на свет Перечня, предложенного к публикации, позволяет предположить, проведя аналогии с Горным Дагестаном, что к концу XVIII в. в Дербенте имела место борьба за доступ к доходам от вакфа, которая шла между претендентами на сеййидство. Это вызвало вмешательство хана Шихали, который определил: кто имеет право на доступ, а кто не имеет. Это, возможно, и отражено в Перечне. При этом нам неизвестно насколько критичным был подход хана.

29. Об этом см. [17].

ومحمد رضا ومحمد رفيع ومحمد شفيق ومحمد ولي ومحمد
 مقصود اولاد شيخ اسلم الحسيني ومجا وقضي وامين ومحمد اولاد
 شيخ صنعا الحسيني ملا ابراهيم وشيخ يوسف وشيخ اوزار
 شيخ زاهد الحسيني غا شيخ مرحوم وشيخ زاده وملا الحسين
 وملا اولاد شيخ يوسف الحسيني وشيخ سعيدان بن شيخ
 حاجي صالدين وملا ابراهيم اولاد شيخ محمد شفيق الحسيني وشيخ
 صفي بن حاجي صالدين الحسيني يحيى مقتول واحمد
 ومقتول اولاد شيخ صفي الحسيني رضا مرحوم وملا محمد وبلا ابراهيم
 واسلم الطاهر وشيخ شكر الاحمد سعد الدين الحسيني وكرم وولطيف اولاد
 ملا الحسيني سيدنا يحيى بن شيخ امير وشيخ رضا غا وسيدنا كلام
 واسلم اولاد شيخ شكر الحسيني بن زاده وشيخ بابا الحسيني اولاد
 وشيخ بابا واهلهم واسلم اولاد شيخ نفي الحسيني وشيخ نوري بن زاده الحسيني اولاد شيخ
 محمد الحسيني وشيخ كرم بن شيخ محمد الحسيني اولاد شيخ المين بن شيخ حسين
 الحسيني غا بن الحسيني عبد الجليل محمد سعيد بن زامل
 ابو شيخ اصلا وشيخ امير اولاد ملا ابراهيم الحسيني وملا محمد اولاد

Рис. 1. Перечень сейидов г. Дербента (1208г.х. /1793–94 гг.)

Fig. 1. List of Seyids of the city of Derbent (1208 AH/1793–94)

ابو شيخ اصلاوخ امير اولاد ملا ابراهيم الحسيني ملا محمد اولاد علي
 الحسيني الجليل ومحمد محمود وشيخ مصطفى اولاد ملا الحسيني
 ومحمد سعيد ومحمد عبد الله اولاد شيخ اصلاوخ الحسيني وعلي محمد
 وكل محمد وعلي بن علي بن شيخ امير الحسيني ومحمد بن محمد بن اولاد احمد
 الحسيني وعلي وكل محمد اولاد محمد الحسيني وعلي مصطفى اولاد
 شيخ محمود الحسيني ومحمد واحد اولاد علي الحسيني عبد الجليل الهنا
 ملا اولاد ملا شفيق بن شيخ سعد وملا صوب بن شيخ محمد الحسيني
 وملا الدين ملا مقصود الحسيني ملا فضيل بن ملا شمس الدين الحسيني
 ابن شيخ فيضي بن عبد الجليل بن ملا مسلم الدين بن علي بن هبتم وعلي ابنه
 ملايد بن علي بن اولاد شيخ محمد الحسيني ومحمد بن غلام الحسيني سيد
 بن امير اصلاوخ الحسيني اصلاوخ اولاد ملا علي بن محمد بن امير محمد
 الحسيني محمد محمود ومحمد كريم محمود ومحمد شريف اولاد ملاينا
 اولاد محمد الامير بنفاه وحافظا حمود بن محمد بن علي بن الحسيني

Рис. 2. Перечень сейидов г. Дербента (1208г.х. /1793–94 г.)

Fig. 2. List of Seyids of the city of Derbent (1208 AH/1793–94)

الحسيني محمد محمود ومحمد بن محمود ومحمد بن ابي
 الحسيني محمد بن ابي محمد بن ابي محمد بن ابي محمد بن ابي
 وزاهدنا ما فوط بن ابي شيخ وعلي بن ابي ابي ابي
 محمد بن ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي
 وايضا شيخ علي بن ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي
 بن محمد بن ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي
 ومحمد بن ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي
 شيخ زاده الحسيني محمد بن ابي ابي ابي ابي ابي
 ومحمد بن ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي
 وان ابن ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي
 الحسيني بن ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي
 وشيخ محمود بن ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي ابي

Рис. 3. Перечень сейидов г. Дербента (1208г.х. /1793–94 гг.)

Fig. 3. List of Seyids of the city of Derbent (1208 AH/1793–94)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998.
2. Магомедов Н.А. Дербентско-Кубинское ханство и его влияние на политическое положение и экономическое развитие Дагестана (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Махачкала, 2012.
3. Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан, 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958.
4. Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60–80 гг. XVIII в. Баку, 1958.
5. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965.
6. Бархударян С. Страницы из истории Арцаха и армяно-албанских отношений. Ереван, 2011.
7. Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
8. Алкадари Г. Асари-Дагестан. Махачкала, 1993.
9. Шихсаидов А.Р. Материалы по хронологии Кайтагских уцмиев // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 135–146.
10. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948.
11. Бутков П.Г. Материалы для Новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Т. 1. СПб., 1869.
12. Козубский Е.И. История Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906.
13. Бартольд В.В. К истории Дербента // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 786–788.
14. Гусейнов Г. Энциклопедия города Дербента. М., 2009.
15. Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р. Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
16. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003. С. 274.
17. Айтберов Т.М., Омарова Р.А. Сейиды Горного Дагестана (Кумух, Цумада, Курах). Махачкала, 2019.

Поступила в редакцию 02.04.2024 г.
Принята в печать 04.02.2025 г.
Опубликована 15.03.2025 г.

REFERENCES

1. Magomedov NA. *Derbent and Derbent domains in the 18th – first half of the 19th centuries. Political situation and economic development.* Makhachkala, 1998. (In Russ)
2. Magomedov NA. *Derbent-Quba Khanate and its influence on the political situation and economic development of Dagestan (second half of the 18th – early 19th centuries).* Makhachkala, 2012. (In Russ)
3. Lopukhin AI. *Journal of travel through Dagestan, 1718.* In: Kosven M.O., Khashayev H.-M. *History, geography and ethnography of Dagestan of the 18th–19th centuries.* Moscow, 1958. (In Russ)
4. Abdullaev GB. *From the history of North-Eastern Azerbaijan in the 60–80s of the 18th century.* Baku, 1958. (In Russ)
5. Abdullayev GB. *Azerbaijan in the 18th century and its relations with Russia.* Baku, 1965. (In Russ)
6. Barkhudaryan S. *Pages from the history of Artsakh and Armenian-Albanian relations.* Yerevan, 2011. (In Russ)
7. Bakikhanov A. *Gulistan-i Iram.* Baku, 1926. (In Russ)
8. Alkadari G. *Asari-Dagestan.* Makhachkala, 1993. (In Russ)
9. Shikhsaidov AR. *Materials on the chronology of the Kaytag utsmiys.* In: *Source studies of medieval Dagestan.* Makhachkala, 1986: 135–146. (In Russ)
10. Leviatov VN. *Essays on the history of Azerbaijan in the 18th century.* Baku, 1948. (In Russ)
11. Butkov PG. *Materials for the New History of the Caucasus, from 1722 to 1803.* St. Petersburg, 1869. (In Russ)
12. Kozubsky EI. *History of Derbent.* Temir-Khan-Shura, 1906. (In Russ)
13. Bartold VV. *On the history of Derbent.* In: *Bartold V.V. Works.* Moscow, 1963, vol. II, part 1: 786–787. (In Russ)
14. Guseinov G. *Encyclopedia of the city of Derbent.* Moscow, 2009. (In Russ)
15. Aitberov TM., Shikhsaidov AR. *From Dagestan memorable records.* In: *Eastern sources on the history of Dagestan.* Makhachkala, 1980. (In Russ)
16. Alikberov AK. *The era of classical Islam in the Caucasus.* Moscow, 2003. (In Russ)
17. Aitberov TM., Omarova RA. *Seyids of Mountainous Dagestan (Kumukh, Tsumada, Kurakh).* Makhachkala, 2019. (In Russ)

Received 02.04.2024
Accepted 04.02.2025
Published 15.03.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21138-44>

Исследовательская статья

Лобанов Владимир Борисович

к.и.н., доцент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Россияlobanov2024@yandex.ru

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1918 г. В ОПИСАНИИ ГЕНЕРАЛА Г.А. ВДОВЕНКО

Аннотация. В предлагаемой статье затрагивается проблематика, связанная с воспоминаниями генерала Г.А. Вдовенко о борьбе терского казачества с большевиками в ходе Терского восстания 1918 г. Цель статьи – проанализировать одно из центральных событий Гражданской войны на Северном Кавказе – Терское антибольшевистское восстание 1918 г. на основе воспоминаний одного из его активнейших участников – терского атамана, генерала Г.А. Вдовенко. Методологической базой статьи являются методы конкретно-исторического исследования. Главные из них – историзм, объективность, системность научного анализа, которые позволили рассмотреть факты в их взаимообусловленности и взаимосвязи. Основные результаты исследования заключаются в том, что нейтральное поведение терского казачества на рубеже 1917–1918 гг. привело к советизации Терской области, однако антиказначья аграрная политика большевиков, нашедшая выражение в решениях III съезда трудовых народов Терка в мае 1918 г., вызвала радикализацию казачьих настроений, приведших в июне к Терскому восстанию лета-осени 1918 г. и дальнейшему активному участию основной массы терского казачества в антибольшевистском движении в составе Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России. Теоретические и практические выводы из работы определяются тем, что материалы исследования позволяют расширить научное представление о Гражданской войне на Северном Кавказе, об участии и роли терского казачества в ней. Положения и выводы работы могут быть использованы в деятельности образовательных организаций по изучению советского периода отечественной истории, в частности периода 1917–1922 гг.

Ключевые слова: терское казачество; горцы; революция; Гражданская война; Терек; Дагестан; Караулов; Деникин; Чермоев; Коцев

Для цитирования: Лобанов В.Б. Терское казачество в борьбе с большевиками летом-осенью 1918 г. в описании генерала Г.А. Вдовенко // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 21. № 1. С. 38–44. doi.org/10.32653/CH21138-44

© Лобанов В.Б., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21138-44>



Research paper

Vladimir B. Lobanov

Cand. Sci., Associate Prof. at the Dep. of Humanities and Socio-Economic Disciplines
Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia
lobanov2024@yandex.ru

THE TEREK COSSACKS' STRUGGLE AGAINST THE BOLSHEVIKS IN THE SUMMER-AUTUMN OF 1918 THROUGH THE MEMOIRS OF GENERAL G.A. VDOVENKO

Abstract. This article examines the memoirs of General G.A. Vdovenko to analyze the Terek Cossacks' struggle against the Bolsheviks during the 1918 Terek Uprising, a pivotal event in the North Caucasus during the Russian Civil War. Utilizing established historical research methodologies, including historicism, objectivity, and systematic analysis, this study investigates the causal relationship between the initial neutrality of the Terek Cossacks in late 1917 and early 1918 and the subsequent Sovietization of the Terek region. The research findings indicate that the Bolsheviks' anti-Cossack agrarian policies, formalized at the Third Congress of the Working Peoples of the Terek in May 1918, instigated a radical shift in Cossack sentiment, culminating in the Terek Uprising of June-August 1918. This uprising marked the large-scale involvement of the Terek Cossacks in the anti-Bolshevik movement within the Volunteer Army and the Armed Forces of Southern Russia. The theoretical significance of this work lies in its contribution to a more nuanced understanding of the Civil War in the North Caucasus and the specific role of the Terek Cossacks within this conflict. The findings and conclusions presented herein are relevant for educational institutions studying the Soviet period of Russian history, particularly the years 1917-1922.

Keywords: Terek Cossacks; mountaineers; revolution; Civil War; Terek; Dagestan; Karaulov; Denikin; Chermoev; Kotsev

For citation: V.B. Lobanov. The terek cossacks in the fight against the bolsheviks in the summer-autumn of 1918 in the description of general g.a. vdovenko. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 21. N. 1. P. 38-44. doi.org/10.32653/CH21138-44

© V.B. Lobanov, 2025

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025

Тема революции и Гражданской войны в терско-дагестанском регионе 1917–1921 гг. всегда привлекала как исследователей, так и мемуаристов. Огромное количество участников по разные стороны баррикад оставили свои воспоминания, во многом до сих пор не опубликованные, хранящиеся как в центральных архивохранилищах, так и в региональных, в частности архивах Северо-Кавказского федерального округа. К счастью для исследователей, воспоминания генерала Г.А. Вдовенко были опубликованы в 1931 г. в парижском журнале «Россия» за № 11 и были переизданы уже в постсоветский период отечественной истории в сборнике «Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг.» в 2001 г. в серии «Россия забытая и неизвестная. Белое движение» [1, с. 448–454]. Они дают представление о Терском антибольшевистском восстании лета-осени 1918 г. от лица одного из активных его участников, ставшего в начале 1919 г. атаманом терского казачьего войска.

Прежде всего, необходимо отметить крайнюю субъективность такого важного и неоднозначного исторического источника личного происхождения, каким являются воспоминания Г.А. Вдовенко. Значимость периода, описываемого в статье, заключается в том, что терское казачество, в массе своей, именно летом-осенью 1918 г., после начала реализации антиказачьей аграрной политики большевиков на Тереке, окончательно перешло на сторону антибольшевистского лагеря. Именно воспоминания терского атамана помогают взглянуть на события 1918 г. по-другому, отражают ранее скрытые страницы антибольшевистской борьбы. В период событий Вдовенко, сам природный казак, уроженец станицы Государственной, командовал участком к юго-востоку от Георгиевска. Об этом сам терский атаман не упомянул в своих воспоминаниях, однако мы узнаем это из «Очерков русской смуты» А.И. Деникина, который особо подчеркивает, что на участке, которым командовал Вдовенко, были наиболее стойкие и дисциплинированные войска.

Что касается самого текста воспоминаний, их объем не велик, сам Г.А. Вдовенко в их начале оговаривает это тем, что «рамки журнальной статьи не позволяют мне подробно останавливаться... на глубоких и многосторонних процессах, вызвавших крушение войсковой власти в Терском войске... поэтому мне приходится ограничиться только кратким очерком и перечнем» [1, с. 448].

Стиль воспоминаний – описательный, текст не разбит на части или параграфы, или главы, объем текста составляет 6 страниц издания «Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг.».

Также уместно дать краткую сравнительную характеристику воспоминаний генералов Г.А. Вдовенко и А.И. Деникина о периоде лета-осени 1918 г. на Северном Кавказе и Терском антибольшевистском восстании. Прежде всего, стоит отметить, что генералы состояли в тесной переписке. Уникальность воспоминаний терского атамана и самой личности главы терского казачества заключаются прежде всего в том, что Г.А. Вдовенко был одним из информаторов генерала А.И. Деникина во время написания им 4 и 5 томов «Очерков русской смуты» в тех разделах, которые касались Северного Кавказа в 1918–1919 гг. Генерал А.И. Деникин уделил 12-ю главу «Борьба на Северном Кавказе летом и осенью 1918 года» в 4-ом томе «Очерков русской смуты» событиям лета-осени 1918 г. При этом он более тщательно подошел к описанию событий этого периода, чем Г.А. Вдовенко – 17 страниц текста против 6. Прежде чем перейти непосредственно к Терскому восстанию, А.И. Деникин дал краткие характеристики народам Терека и степени их вовлеченности в региональные события. Коренное отличие воспоминаний генералов заключается в том, что А.И. Деникин давал обобщенные характеристики событиям на Тереке, что иногда было более выгодно для объективной характеристики происходившего, в то время как Г.А. Вдовенко видел ситуацию локально, и будучи местным жителем, казаком и непосредственным участником восстания на посту начальника участка или, как тогда говорили, «фронта», подмечал те тонкости, которые были не видны с высоты командующего Добровольческой армии. И если А.И. Деникин в качестве причин восстания упоминал желание большевиков уничтожить военную и экономическую силу казачества, опираясь на недовольство горцев своим положением, то Г.А. Вдовенко говорил об утрате войсковой власти и войскового единства, борьбе за возврат исторического бытия казачества. Непосредственно восстание, по словам А.И. Деникина, планировалось начать в августе, после окончания полевых работ, но захват Кисловодска отрядом А.Г. Шкуро в июне «перенес» начало восстания на более ранний срок [17, р. 75]. Г.А. Вдовенко же писал о том, что даже в эмиграции для него осталось не ясно, было ли в действительности постановление об аресте Г.Ф. Бичерахова или это стало только поводом для начала восстания. Главным, объединяющим выводом воспоминаний обоих генералов было то, что, по их мнению, восстание терского казачества летом 1918 г. было неизбежно, в то время как причины и поводы для него могли быть различными.

Свои воспоминания генерал-майор Герасим Андреевич Вдовенко писал уже спустя значительное время после событий периода Гражданской войны на Тереке. Как указывалось, терский атаман оговаривает краткость изложения периода до Терского восстания форматом журнальной статьи, не позволяющим сделать обширный экскурс в историю терского войска в революционный 1917 г. Однако следует сказать, что это отрицательно сказалось на самой канве повествования. Краткий экскурс в события после свержения самодержавия в России, избрание терского атамана М.А. Караулова, одного из активных деятелей Февральской революции в Петрограде, члена Временного комитета Государственной Думы, посланного из столицы в качестве комиссара Временного правительства устанавливать новую власть на Тереке, несомненно, только бы улучшили понимание описываемых событий. Для тех, кто был мало знаком с терскими реалиями, был бы полезен краткий очерк горско-казацких взаимоотношений как накануне свержения самодержавия, так и в период с марта по декабрь 1917 г.

Автор начинает свое повествование с гибели М.А. Караулова [2, с. 42], упомянув только то, что тот был терским атаманом, не упомянув даже вскользь того факта, что Михаил Александрович был главой первого объединенного антибольшевистского правительства терско-дагестанского региона – Временного Терско-Дагестанского правительства [3, с. 114]. Далее автор пишет, что с гибелью заместителя М.А. Караулова есаула М.Е. Медяника войсковая власть в регионе пала, начинается большевизация Терека. Ни слова не упоминается о борьбе терских казаков на рубеже 1917–1918 гг. с горцами и большевизированными войсками как местных гарнизонов, так и дезертировавших с Кавказского фронта через Терскую область. Не сказано о I-ом и II-ом съездах народов Терека января-марта 1918 г., в ходе которых первоначально слабые численно большевики во главе с С.М. Кировым перехватили политическую инициативу и в марте 1918 г. установили советскую власть на Тереке, в результате чего область превратилась в Терскую советскую республику с центром во Владикавказе, ставшую частью РСФСР. Нет упоминания о горских деятелях Временного Терско-Дагестанского правительства, сначала перебравшихся в Темир-Хан-Шуру, а затем в Тифлис [4, с. 149].

Терский атаман очень верно подметил, что советизация Терека прошла при попустительстве самого терского казачества, что привело к гибели традиционного казачьего уклада жизни. Первоначальное равнодушие к установившим власть большевикам привело к постепенной радикализации настроений казачества [5, с. 184–185]. Правда, Г.А. Вдовенко не упомянул главной причины радикализации настроений – постановления III-го съезда народов Терека в мае 1918 г., по которым земли 4 казачьих станиц должны были перейти ингушам.

В качестве причин начала восстания в июне 1918 г. терский атаман высказывал предположение, что якобы большевики намеревались арестовать председателя Моздокского отдельного совета Г.Ф. Бичерахова. Именно это и спровоцировало восстания некоторых станиц отдела, что привело к началу вооруженного противостояния на Тереке. Атаман пишет о том, что казачий съезд в Моздоке 23 июня 1918 г. вынес постановление о полном разрыве с большевиками [6, с. 35]. Однако вернее будет сказать, что восставшие казаки фактически выступили не против советской власти как таковой, а против перегибов на местах, что очень сильно отразилось на самом ходе восстания.

Атаман отмечает, что в самом начале восстания был ранен командующий терскими войсками генерал Э.А. Мистулов, его заменил полковник Н.К. Федюшкин [7, с. 48]. Были образованы линии (в разгар восстания их было 8), каждый командующий отдельной линией возглавлял фактически самостоятельный фронт борьбы с большевиками. После непродолжительной борьбы за станицу Прохладную она становится центром восстания.

Атаман достаточно подробно рассматривает силы, которые могли оказать помощь восставшим терским казакам, и те силы, которые им противостояли. Среди последних Герасим Андреевич выделил население городов – рабочих и жителей слободок, которые выступили на стороне большевиков. К ним примкнули ингуши и чеченцы [8, с. 89], с которыми казаки постоянно вели вооруженную борьбу. Надеяться в качестве союзников, по мнению атамана, можно было на осетин и кабардинцев. Правда, атаман здесь особо оговаривал тот факт, что осетины не могли оказывать казакам поддержку в должной мере, т.к. постоянно сами враждовали с ингушами [9, с. 174]. В этой связи кабардинцы во главе с ротмистром З.А. Серебряковым-Даутоковым оказывали терским повстанцам более существенную поддержку. Также терские казаки надеялись на поддержку ставропольского крестьянства, настроенного антибольшевистски.

Более того, первоначально у восставших был расчёт на помощь со стороны крестьян Терской области, с которыми у казаков были достаточно напряженные отношения до революции. Чтобы привлечь их на свою сторону, казацкие верхи назвали свой руководящий орган Казачье-крестьянским советом. Однако, по оценке Г.А. Вдовенко, все надежды казаков рухнули после того, как большевики мобилизовали ставропольских крестьян в свои войска и с помощью отрядов из Моздока, Минеральных Вод, Пятигорска и Кисловодска повели наступление на Прохладненскую линию. Атаман констатировал, что казаки фактически остались один на один с большевиками на Тереке в 1918 г., обладавшими преимуществом в людях, вооружении, деньгах.

Атаман даже в эмиграции очень болезненно вспоминал предательство казачьих интересов в 1918 г., как произошло с молодыми казаками станицы Солдатской, которые в ответ на требования казачьего руководства о посылке хлебных запасов и мобилизации на фронт перешли на сторону противника. Одновременного Герасим Андреевич отмечал доблесть казаков станицы Боргустанской (в тексте атамана Боргустанская – авт.), которые в тяжелейших условиях окружения продолжали противостоять большевикам [1, с. 451–452].

Особо атаман отметил два эпизода, касавшиеся боев за терскую столицу – Владикавказ [10, с. 456] и Грозный. 21 июля 1918 г. казаки сунженской линии под командованием полковника С.А. Соколова, без согласования с командованием, штурмовали Владикавказ и даже его взяли, однако, не получив обещанной помощи у местных сил, вынуждены были покинуть город. Атаман не упомянул того факта, что в городе в это время проходил IV-ый съезд народов Терека, и что в отражении казачье-осетинского нападения на город решающее значение сыграли ингуши, выступившие единым фронтом на стороне большевиков.

В качестве отрицательных последствий оставления города атаман отметил то, что симпатии жителей Курской и Молоканской слободок Владикавказа перешли на сторону большевиков, что сказалось на том, что ингуши без поддержки этих слободок стали вести более активную борьбу с казаками. По поводу боев за станицу Грозную и город Грозный атаман отмечал, что на ультиматум большевиков от 29 июля 1918 г. о разоружении станичники ответили отказом, начались т.н. 100-дневные бои, закончившиеся только с поражением Терского восстания [11, с. 62].

Здесь же атаман отметил, что центр восстания постепенно перебазировался из станицы Прохладной в Моздок, где располагался Казачье-крестьянский совет [18, с. 284], а затем Временное народное правительство Терской республики во главе с Георгием Федоровичем Бичераховым, казак-осетином станицы Новоосетинской Моздокского отдела. Г.А. Вдовенко отдавал должное энергии этого человека, возглавившего борьбу с большевиками на Тереке в 1918 г. Ему же восставшие были обязаны той помощью оружием, боеприпасами и деньгами, которая шла от Лазаря Федоровича Бичерахова, брата Георгия Федоровича, с территории Дагестана, подконтрольного Каспийско-Кавказскому правительству, до начала ноября 1918 г.

Правда, атаман неверно отметил, что связь шла из Баку через Старотеречную. Войска под командованием Л.Ф. Бичерахова [12, с. 202] покинули территорию, подконтрольную Диктатуре Центрокаспия в августе 1918 г., разгромили большевиков в Дагестане и закрепились на большей части области, поделив ее с войсками под командованием полковника Н.-Б. Тарковского, формально подчинявшегося деятелям Горской республики. Столицей Каспийско-Кавказского правительства, признанного сначала Омской Директорией, а затем и адмиралом А.В. Колчаком, стал Петровск. Столица Л.Ф. Бичерахова была взята штурмом в ноябре 1918 г. объединенными турецко-горскими войсками, на территории Дагестана обосновались деятели Горской республики [13, с. 102] первоначально во главе с А.-М. Чермоевым [14, с. 22], а с декабря 1918 г. во главе с П. Коцевым [15, с. 24]. Столицей Горской республики стала областная столица Темир-Хан-Шура. Войска под командованием Л.Ф. Бичерахова были эвакуированы в Энзели, а затем в Баку.

Г.А. Вдовенко отметил, что выздоровевший генерал Э.А. Мистулов принял вновь командование над терскими войсками, что совпало с приближением Добровольческой армии под командованием генерала А.И. Деникина к границам Терской области. Именно это событие терский атаман считал главной причиной поражения Терского восстания. Большевики, понимая, что справиться с добровольцами не получится, приняли решение пробиваться на соединение с основными красными силами, базировавшимися на Астрахани. Для этого необходимо были выбить восставших казаков с железной дороги, что и было осуществлено в октябре-ноябре 1918 г. Атаман считал, что именно поражение восставших привело к самоубийству их командующего генерала Э.А. Мистулова 9 ноября 1918 г. Атаман отмечал исключительные качества генерала в качестве командующего повстанческими силами. Вместо него во главе терских

сил был назначен генерал И.Н. Колесников, прибывший на аэроплане с территории, подконтрольной добровольцам.

Именно ему пришлось возглавить отступавшие терские войска. В пользу выбора маршрута отхода на Терек в сторону Горской республики атаман привел тот факт, что нельзя было бросить раненых и больных, располагавшихся в Моздоке, Наурской и Шелковской, другие части на расправу большевикам. Но здесь же атаман не упомянул о том, что часть восставших под командованием ротмистра З.А. Серебрякова-Даутокова пробилась на соединение с войсками Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Здесь кроется главная причина поражения Терского восстания 1918 г. – разобщенность восставших, что определило как ход самого восстания, так и маршруты отступления после его поражения. Даже в эмиграции атаман Г.А. Вдовенко не смог отразить в своих воспоминаниях всю сложную внутреннюю ситуацию внутри командования восставшими антибольшевистскими силами Терека в период 1918 г.

Тем не менее, атаман отметил, что отступающие войска под командованием генерала И.Н. Колесникова во главе с Казачье-крестьянским советом были вынуждены вступить в переговоры с представителями Горской республики, в результате которых был заключен военно-политический союз против большевиков. На первый взгляд, союз был более выгоден для казаков – он давал им передышку, временный кров. С другой стороны, казаки увеличивали крайне малочисленную армию Горской республики. С третьей стороны, невозможно было надеяться на лояльность казаков. Во всяком случае, больше всего от прихода казаков в Дагестан выиграли настоящие хозяева положения в регионе на тот момент – британцы.

С повторным приходом на Кавказ после победы в Мировой войне британцы закрепились в ноябре 1918 г. в Баку, а в декабре 1918 г. – в Петровске. Однако, надеяться на лояльность казаков британцы также, как и горские деятели, в полной мере не могли (свежа была история с войсками под командованием Л.Ф. Бичерахова, которые тоже получали финансирование от британцев, но в решающий момент бросили фронт и закрепились в Дагестане [16, с. 78], что косвенно привело к падению Баку и эвакуации британцев из города в сентябре 1918 г.). Поэтому, как отметил атаман Г.А. Вдовенко, британцы отказались финансировать войска под командованием генерала И.Н. Колесникова. В итоге, эти силы в мае 1919 г., с приходом добровольцев в Дагестан, стали частью войск Терско-Дагестанского края ВСЮР, о чем прямо отметил атаман в конце своих воспоминаний.

Подводя краткие итоги, следует отметить, что атаман Г.А. Вдовенко даже в эмиграции, посылая свои мемуары в парижское издание «Россия» в 1931 г., оставался тонким политиком, не раскрывая всех карт даже по прошествии многих лет после произошедших событий. Прежде всего, он ни разу основательно не коснулся темы казачье-горских противоречий, которые были магистральной темой внутри Терской области на рубеже XIX–XX вв., такими же напряженными отношения оставались в 1917–1921 гг. Видимо, в эмиграции сохранялась надежда на казачье-горский союз в будущем, хотя горская эмиграция не стеснялась характеризовать присутствие России и в частности казачества на Кавказе в самых мрачных тонах. Далее, терский атаман ни слова не упомянул о противоречиях внутри лагеря терских повстанцев. Видимо, и здесь, по мнению Г.А. Вдовенко, необходимо было сохранить единство рядов уже внутри русской эмиграции на будущее, которое с началом 1930-х гг. все больше рисовалось в предвоенных красках и давало призрачную надежду на возвращение в родные края. Один из основных выводов, который делает атаман и с которым следует согласиться, заключается в том, что «... в течение 5 с половиной месяцев, в исключительно трудных условиях, терцы... вели поистине героическую борьбу... борьба терцев, приковывая на своих фронтах значительные большевистские силы, облегчала задачу Добровольческой армии» [1, с. 454]. Одновременно не стоит полностью принимать на веру утверждение атамана о том, что «все исполнили свой служебный долг, требующий подвига, тяжелых лишений...» [1, с. 454]. По поводу краткости самих воспоминаний Вдовенко – можно сделать предположение, что дело было не в журнальном формате, предполагавшем краткое изложение событий: Вдовенко не хотел описывать крайне неприглядную ситуацию на Тереке в 1917 – начале 1918 гг., выводил из-под удара казачество, чтобы не бросать на него тень, заключавшуюся в фактическом сотрудничестве (пассивная роль казачества на рубеже 1917–1918 гг. общеизвестна) с большевиками, а сразу перейти к описанию «героического» периода – непосредственно к восстанию. В целом, воспоминания Г.А. Вдовенко представляют собой актуальный источник по истории Гражданской войны на Северном Кавказе по причине своей крайней информативности и могут быть рекомендованы как для написания монографий и статей по периоду 1917–1921 гг., так и для использования в курсе для средней и высшей школы в разделе, изучающем отечественную историю начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вдовенко Г.А. Борьба терских казаков с большевиками в 1918 году // Сопроотивление большевизму. 1917–1918 гг. М.: Центрополиграф, 2001. С. 448–454.
2. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). СПб.: СПбГУ, 2009. – 224 с.
3. Жанситов О.А. Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917–1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 2 (76). С. 113–118.
4. Михайлов В.В., Лобанов В.В. «Объединить весь Северный Кавказ на основе единства России». Доклад генерал-майора Б.Н. Лазарева главнокомандующему Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.И. Деникину. 1918 г. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 148–164.
5. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). М.: Научно-политическая книга, 2016. – 399 с.
6. Лобанов В.В., Михайлов В.В. Периодизация борьбы за власть на Северном Кавказе в 1917–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 9. С. 32–37.
7. Лобанов В.В. Терское антибольшевистское восстание (июнь–ноябрь 1918 года): современный взгляд // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 4. С. 47–51.
8. Добрякова Н.А., Камбиев А.М. К вопросу о горском национальном движении на Тереке и в Дагестане в 1917–1921 гг. // Современная научная мысль. 2021. № 6. С. 88–91.
9. Матиев Т.Х. Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921). Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.
10. Горбач А. Белое движение в Терской области // Сопроотивление большевизму. 1917–1918 гг. М.: Центрополиграф, 2001. С. 455–463.
11. Добрякова Н.А., Донин А.Я., Лобанов В.В. Антибольшевистские силы Терско-Дагестанского региона в период Гражданской войны 1917–1920 гг. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 58–67.
12. Гагкуев Р.Г. Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2019. Т. 7. С. 196–210.
13. Кажаров А.Г. Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе: идеи, проекты и итоги национального самоопределения в 1917–1918 гг. // Вестник АГУ. 2017. № 4 (209). С. 100–110.
14. Камбиев А.М. Абдул-Меджид Чермоев – первый глава Горской республики в годы Гражданской войны на Северном Кавказе // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 81-1. С. 21–23.
15. Камбиев А.М. Пшемахо Коцев – один из лидеров движения горцев Северного Кавказа за независимость в период Революции и Гражданской войны // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 81-1. С. 23–26.
16. Пыльцын Ю.С. Отряд Лазаря Бичерахова и Терское восстание 1918 г. // Регионы России в военной истории страны. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2020. С. 76–85.
17. Marshall A. The Caucasus under Soviet rule. London-New York: Routledge, 2010. – 387 p.
18. Адамчевский П., Войтковяк Я., Мамулия Г. Воспоминания Измаэль-Бека (Юзефа) Петруцина-Петрушевского как источник по истории Февральской революции и войны на Кавказе. 1917–1919 гг. Варшава, 2022. – 332 с.

Поступила в редакцию 15.07.2024 г.
 Принята в печать 25.09.2024 г.
 Опубликована 15.03.2025 г.

REFERENCES

1. Vdovenko GA. The struggle of the Terek Cossacks with the Bolsheviks in 1918. *Resistance to Bolshevism. 1917-1918*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2001: 448-454. (In Russ)
2. Daudov AH., Meskhidze DI. *National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)*. Saint-Petersburg: St. Petersburg State University, 2009. (In Russ)
3. Zhansitov OA. Revolutionary processes in the national districts of the Tersk region (1917-1918). *Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017; 2(76): 113-118. (In Russ)
4. Mikhailov VV., Lobanov VB. "Unite the entire North Caucasus on the basis of the unity of Russia". Report of Major General B.N. Lazarev to the Commander-in-Chief of the Volunteer Army, Lieutenant General A.N.I. Denikin. 1918. *Historical Archive*. 2011; 2: 148-164. (In Russ)
5. Puchenkov AS. *The national policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)*. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2016.
6. Lobanov VB., Mikhailov VV. Periodization of the struggle for power in the North Caucasus in 1917-1920. *Military Historical Journal*. 2016; 9: 32-37. (In Russ)
7. Lobanov VB. Tersk anti-Bolshevik uprising (June-November 1918): A modern look. *Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*. 2012; 18(4): 47-51. (In Russ)
8. Dobryakova NA., Kambiev AM. On the question of the mountain national movement on the Terek and in Dagestan in 1917-1921. *Sovremennaya nauchnaya mysl*. 2021; 6: 88-91. (In Russ)
9. Matiev TH. *The Mountain National movement participated in revolutions and the civil war in the North Caucasus (1917-1921)*. Nazran: LLC "Kep", 2020. (In Russ)
10. Gorbach A. The White Movement in the Tersk region. *Resistance to Bolshevism. 1917-1918*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2001: 455-463. (In Russ)
11. Dobryakova NA., Donin AY., Lobanov VB. Anti-Bolshevik forces of the Tersk-Dagestan region during the Civil War of 1917-1920. *Sovremennaya nauchnaya mysl*. 2019; 2: 58-67. (In Russ)
12. Gagkuev RG. Participant in the Great Russian Revolution and the Civil War in the North Caucasus. 1917-1920. *Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography*. 2019; 1(7): 196-210. (In Russ)
13. Kajarov A.G. Mountain intelligentsia on ethnopolitical processes in the North Caucasus: ideas, projects and results of national self-determination in 1917-1918. *Bulletin of ASU*. 2017; 4(209): 100-110. (In Russ)
14. Kambiev AM. Abdul-Majid Chermoyev – the first head of the Mountain Republic during the Civil War in the North Caucasus. *Trends in the development of science and education*. 2022; 81(1): 21-23. (In Russ)
15. Kambiev AM. Pshemakho Kotsev as one of the leaders of the movement of highlanders of the North Caucasus for independence during the Revolution and Civil War. *Trends in the development of science and education*. 2022; 81(1): 23-26. (In Russ)
16. Pyltsyn YS. Lazar Bicherakhov's detachment and the Tersk uprising of 1918. *Regions of Russia in the military history of the country. collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Yoshkar-Ola, 2020: 76-85. (In Russ)
17. Marshall A. *The Caucasus under Soviet rule*. London-New York: Routledge, 2010.
18. Adamchevsky P., Wojtkowiak Ya., Mamulia G. *Memoirs of Ismail Bek (Jozef) Petruschin-Petrushevsky as a source on the history of the February Revolution and the War in the Caucasus. 1917-1919*. Warsaw, 2022. (In Russ)

Received 15.07.2024
 Accepted 25.09.2024
 Published 15.03.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21145-55>

Исследовательская статья

Кузьминов Петр Абрамович
д.и.н., профессор кафедры истории России
Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия;
ведущий научный сотрудник
Научно-инновационный центр «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии»
Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия
petrakis_hist@bk.ru

Гуртуев Расул Салихович
к.и.н., лаборант-исследователь
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
rasul.gurtuev@mail.ru

ПРОЕКТ ОСВОЕНИЯ МАЛКИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ ПОЛИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ РУД 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Аннотация: Статья посвящена истории открытия залежей и анализу проекта комплексного освоения месторождения полиметаллических руд, расположенного в ущельях реки Малка и ее притоков на территории Кабардино-Балкарской Республики. Открытое в 1915 г. А.П. Герасимовым месторождение активно изучалось в 1920–30-е годы в ходе масштабной индустриализации в СССР. В геологических изысканиях, разработке проекта строительства электрометаллургического комбината на базе Малкинского железохромоникелевого месторождения принимали участие ведущие инженеры, геологи профильных научных институтов страны. Строительство было запланировано на третью пятилетку (1938–1942 гг.), но в связи с начавшейся Великой Отечественной войной проект строительства комбината не был реализован. Больше к проекту строительства мощного центра металлургии на р. Малка правительства СССР и РФ республиканские органы власти не возвращались. В последние годы, в условиях обострения военно-политической ситуации на границах РФ, СВО на Украине, развития наукоемких технологий в области черной и цветной металлургии повышенный интерес профильных министерств, общества к разработке природных богатств Северного Кавказа и Кабардино-Балкарии, в частности, возрождается. Планы воссоздания горнорудной и металлургической промышленности, заброшенной на Северном Кавказе в 90-е годы XX в., (Тырныаузский вольфрамомолибденовый комбинат, Садонский свинцово-цинковый комбинат и др.), разработки новых месторождений, создаются с учетом современных эколого-технических требований и в интересах проживающих на данной территории людей. Считаем, что исторический опыт подготовки проекта освоения залежей Малкинского месторождения может быть не только полезным в научно-теоретическом плане, но и дать конкретные практические результаты для успешного освоения крайне необходимых российской промышленности металлов, при должном внимании государственных и местных органов власти к данному месторождению.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Кабардино-Балкарская Республика; р. Малка; Герасимов; Покшишевский; полиметаллические руды; проект; электрометаллургический комбинат; реконструкция

Для цитирования: Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С. Проект освоения малкинского месторождения полиметаллических руд 30-х годов XX века: исторический опыт // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 21. № 1. С. 45-55. doi.org/10.32653/CH21145-55

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21145-55>

Research paper

Petr A. Kuzminov
Dr. Sci., Prof. of the Department of Russian History
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia;
Leading Researcher
Scientific and Innovation Center “Natural Science Methods in Archaeology, Anthropology and
Archaeography”
Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, Nalchik, Russia
petrakis_hist@bk.ru

Rasul S. Gurtuev
Cand. Sci., Laboratory Researcher of the Department of Scientific Research and Innovation Activities
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
rasul.gurtuev@mail.ru

THE MALKINSKOYE POLYMETALLIC ORE DEPOSIT DEVELOPMENT PROJECT OF THE 1930s: A HISTORICAL ANALYSIS

Abstract. This article examines the historical trajectory of the Malkinskoye polymetallic ore deposit, located in the gorges of the Malka River and its tributaries within the Republic of Kabardino-Balkaria. The study encompasses the initial discovery of the deposit in 1915 by A.P. Gerasimov and the subsequent intensive investigations conducted throughout the 1920s and 1930s, a period marked by significant industrialization in the USSR. Leading engineers and geologists from national specialized scientific institutions participated in geological surveys and the formulation of a comprehensive development project, which included the planned construction of an electrometallurgical plant to process the Malkinskoye iron-chromium-nickel ore. Although scheduled for implementation during the Third Five-Year Plan (1938-1942), the outbreak of the Great Patriotic War prevented the realization of this plant construction project. Subsequently, neither the Soviet nor the Russian Federation governments revisited the initiative to establish a major metallurgical center on the Malka River. However, recent advancements in science-intensive technologies within ferrous and non-ferrous metallurgy, coupled with increased governmental and societal interest in the natural resource development of the North Caucasus, particularly Kabardino-Balkaria, have led to a renewed focus on this region. Plans are currently being formulated for the revival of previously abandoned mining and metallurgical operations in the North Caucasus (such as the Tyrnyauz Tungsten-Molybdenum Plant and the Sadon Lead-Zinc Plant), alongside the exploration of new deposits. These plans are being developed with consideration for contemporary environmental and technical standards and with the aim of benefiting local populations. This study argues that the historical experience of planning the Malkinskoye deposit's development offers valuable insights, both theoretically and practically, for the successful exploitation of metals crucial to Russian industry, provided that state and local authorities accord this deposit due attention.

Keywords: North Caucasus; Kabardino-Balkaria; River Malka; Gerasimov; Pokshishevskiy; polymetallic ore deposits; project; electrometallurgical plant

For citation: P.A. Kuzminov, R.S. Gurtuev. Project of development of the Malkinskoye polymetallic ore deposit in the 30s of the XX century: historical experience. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 21. N. 1. P. 45-55. doi.org/10.32653/CH21145-55

Уровень развития металлургии в цивилизованном обществе – один из основных показателей его социально-экономического, технического и технологического состояния. «Бедные» железом, медью, серебром, цинком, золотом, никелем, титаном и другими металлами центральные районы России требовали их разведки и добычи на всей территории империи [1, с. 22]. Поиск «железа за горизонтом» был одним из императивов присоединения горных территорий Кавказа, поскольку развитие государства немислимо без развитой металлургической базы, которая является становым хребтом промышленного и военного потенциала страны.

Системные экспедиции геологов выявили на Северном Кавказе богатые запасы руд цветных и редких металлов. Здесь имелись практически все жизненно значимые энергетические и другие ресурсы, определяющие вектор технического развития района. Первые промышленные разработки полезных ископаемых начались в Северной Осетии и Чечне до 1917 г., другие открыты и успешно разрабатываются и сегодня, часть была заброшена в 90-е годы XX в.

В основе современной промышленности лежит концепция ESG – «устойчивое развитие территорий», предложенная в свое время Генеральным секретарем ООН Кофи Ананом. Концентрация внимания на экологических вопросах, создании достойных условий труда внутри предприятий, организации условий для устойчивого развития не только предприятий, но и целых секторов экономики, территорий, государств, стали определяющими в промышленности ведущих держав мира.

В Российской Федерации эта концепция получила свое развитие в специальном правительственном постановлении¹ и ряде государственных стандартов², отразив российские приоритеты развития экономики, которые в определенной степени основываются на опыте индустриализации времен первых пятилеток. Ее ядро составляет собственный исторический опыт разработки проектов устойчивого развития, основанный на комплексном освоении природных и энергетических ресурсов территории, создании комбинированных производственных комплексов, направленных на удовлетворение нужд государства и общества. Такие концепции, частично реализованные, начали разрабатываться в СССР в 30-е годы XX в. Созданные в те годы региональные/союзные проекты развития территорий обеспечили резкий рывок в социально-экономическом развитии нашей страны. И если экономисты, географы, геологи, управленцы и другие успешно прорабатывают и берут на вооружение этот концепт сегодня, то историки только в начале пути освоения его эвристических возможностей. Полагаем, анализ заявленной темы наглядно демонстрирует его научную эффективность.

В современном мире практически не осталось территорий и пространств, не освоенных человеком. Одной из особенностей современной добывающей промышленности является ее технологическое усложнение и изменение природных условий, в которых осуществляется производство. Успешное решение задач, связанных с обеспечением эффективной добычи ресурсов, зависит от надежности используемых в данном процессе средств и методов. Советский опыт проектирования позволяет выявить эти механизмы реализации масштабных производств начиная с этапа разработки идеи до ее практического воплощения. В исследуемом проекте учтены все необходимые характеристики ресурсного производства, проработаны технологические детали, связанные с процессом создания будущего предприятия, выбор средств, методов и инструментов реализации плана, поэтапной организации его работы, расчетами, определяющими временные и ресурсные затраты и т.д. Очень важно именно на этапе проекта выявить его недостатки, возможные издержки и перспективы, что делает опыт исследования подобных документов, в том числе данного, актуальным для современных научно-производственных практик.

Цель статьи – проанализировать планы правительства Советского Союза по комплексному освоению территории Северного Кавказа в целом, и решению «Малкинской проблемы», в частности, как одного из наиболее ярких проектов в рамках реализации политики форсированной индустриализации, обеспечившей высокие темпы общего социально-экономического развития Северо-Кавказского края, в том числе и входивших в него национальных республик. Широкое научное обсуждение проекта

1. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 г. №1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в РФ и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в РФ». [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/all/136742/> Дата обращения: 06.07.2023.

2. ГОСТ Р ИСО 14033-2021 «Экологический менеджмент. Количественные экологические данные. Руководство и примеры». [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200181383> Дата обращения: 06.07.2023.

ГОСТ Р ИСО 26000-2012 Руководство по социальной ответственности. [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200097847> Дата обращения: 06.07.2023.

ГОСТ Р ИСО 21500-2014 Руководство по проектному менеджменту. [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200118020> Дата обращения: 06.07.2023.

освоения Малкинского месторождения существенно расширит возможности промышленности по их импортозамещению и укреплению экономического суверенитета государства.

Несмотря на значимость заявленной проблемы, она в отечественной историографии не нашла детального обсуждения. На наш взгляд, это связано с тем, что проект, интенсивно обсуждавшийся в профессиональных инженерно-технических кругах в 1930-е годы, не был в итоге реализован. В то же время дискуссия о возможностях проекта среди специалистов в геологической, инженерной, химической, металлургической областях была достаточно оживленной и получила отражение в специализированных научных изданиях.

Первым заявил о наличии полезных ископаемых в долине р. Малка А.П. Герасимов [1; 2; 3], который в своих отчетах дал их краткое описание, став первооткрывателем Малкинского месторождения полиметаллических руд. Работы по углубленному его изучению в конце 1920-х гг. проводились геологами В.П. Ренгартемом и И.Г. Кузнецовым [4].

По мере развертывания полноценного геологического обследования началось широкое обсуждение в специальной периодической литературе теорий происхождения, состава руд, возможностей практического использования в статьях С.И. Талдыкина [5; 6], Н.К. Мхитарова [7; 8], Д.П. Сердюченко [9; 10], А.П. Герасимова [11] и др. На основании быстро растущего объема сведений геологических партий возникли проекты промышленного освоения месторождения. К обсуждению вариантов разработки месторождения подключились проектировщики, металлурги, строители: И.С. Берман, Г.Н. Шаповалов, В.А. Покшишевский [12; 13; 14]. К середине 1930-х гг. был в общих чертах сформирован предварительный проект металлургического комбината [14], работа вышла на стадию рабочего проектирования, а материалы об этом стали появляться на страницах общественно-политических изданий³.

Интерес к природным богатствам Малкинского месторождения геологическая наука проявляет и сегодня. В специальных журналах периодически появляются результаты исследований Е.В. Беляева, М.Ю. Маркина, С.Г. Парада, И.Ю. Шишкалова, В.В. Столярова и др. [15–19].

Представленная статья, основанная на корпусе документальных материалов (Отчеты о состоянии и деятельности Геологического Комитета в 1915 г. и 1916 г., отчеты руководителей геологических экспедиций, архивные материалы, выявленные в УЦГА АС КБР, источники периодической печати, личного происхождения и др.) и опубликованных исследований, актуализирует изучение планов правительства по созданию тяжелой промышленности в Кабардино-Балкарии, позволяет реконструировать события 30-х годов прошлого века по коллективной работе проектировщиков, инженеров, геологов по подготовке проекта мощного центра добычи и переработки полиметаллических руд на Северном Кавказе, показывает как в трудных условиях крайней нехватки промышленных ресурсов оно делало ставку на устойчивое развитие территорий, используя все возможности Северокавказского региона.

Малкинское месторождение железохромоникелевых руд было открыто в ходе экспедиции 1915 г. под руководством известного геолога А.П. Герасимова, основоположника советской геологической картографии [2, с. 111]. Экспедиция исследовала возможности обеспечения водоснабжения курортов Кавказских Минеральных вод, повышения дебита существующих целебных минеральных источников и поиск новых. Любопытно, что коллектором в экспедиции с 1914 г. начинал свой трудовой путь уроженец слободы Нальчик, будущий крупный советский геолог, доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР И.Г. Кузнецов (1892–1946), который принимал активное участие в исследованиях на Кавказе, а в 1940-е гг. заведовал кафедрой геологии в Северо-Осетинском госуниверситете⁴.

В 1916 г. район Малки с притоками был обследован более подробно [3, с. 321–323]. Было доказано наличие в отобранных образцах породы никеля и сопровождающих его обычно металлов (хром, ванадий, титан и т.д.). «Летом 1916 года ... уделил время, чтобы набрать материал для опробования отдельных литологических типов в обнажении, расположенном в урочище Дюрбеджи-Дорбун; там же была взята и средняя проба для всей осадочной толщи до подошвы верхне-юрских известняков и другая проба для верхней измененной части змеевиков. Таким образом, в 1916 году была установлена никеленосность всего пояса надзмеевиковой толщи, и содержание никеля в среднем для измененных змеевиков определялось в 0,3%» [11, с. 24].

3. Гидроэнергетика. Газета «Молот» 11.01.1932 г.

4. История факультета географии и геоэкологии [Электронный ресурс] URL: <https://media.nosu.ru/2018/04/istorija-fakulteta-geografii-i-geoekologii-1.pdf> (Дата обращения: 08.07.2023).

Малкинское месторождение полиметаллических руд, актуализированное А.П. Герасимовым в конце 20-х годов XX в., привлекло внимание как геологов, ученых, инженеров, управленцев профильных наркоматов, так и общественности Кабардино-Балкарии, своими масштабами, многогранностью, экономической значимостью. Оно было обусловлено сложившейся ситуацией в стране. В ходе индустриализации в СССР остро стоял вопрос производства легированных сталей, закупаемых за границей и крайне необходимых для развивающегося машиностроения.

С целью выявления полиметаллических руд, необходимых для их создания, была организована широкая программа поиска месторождений и организации производства никеля, хрома и других легирующих элементов в чистом виде. В 1927 г. было открыто никелевое месторождение в районе Халиловской группы железорудных месторождений на Урале, а в 1928–1929 гг. были организованы работы по углубленному изучению Малкинского месторождения. Партию Геолкома возглавлял в эти годы ведущий специалист по геологии месторождений никеля, кобальта, хрома А.А. Глазковский. Работы, главным образом поискового характера, по установлению никеленосности участков были сосредоточены по левой стороне балки Гитче-Лахран и по левому склону верховьев балки Таза-Кол – притоков Малки.

С 1930 г. работы геологоразведочной партии Геолкома на участке между балками Гитче-Лахран и Уллу-Лахран с канавами и расчистками проводились под руководством С.И. Талдыкина, который на основе собранного материала обосновал теорию генезиса Малкинского месторождения.

Начиная с весны 1931 г. обследование залежей проводилось уже постоянной партией Северо-Кавказского геологоразведочного треста с горными выработками и механизированными буровыми скважинами. Работы охватили ущелье реки Малка вместе с притоками, выше селения Хабаз, где были обнаружены железные и полиметаллические руды разного типа и разной степени содержания металлов.

В феврале 1932 г. в комиссии по подсчету запасов III Всесоюзного геологического съезда «запасы Малкинского месторождения в первом приближении (без достаточных данных химического анализа и исследований Механобра) определены по категориям А, В, С¹, С² в размере 67 млн. тонн, причем было констатировано важное значение месторождения как железо-хром-никелевого» [10, с. 72].

В июне 1932 г. специальная комиссия «Союзгеологоразведки» в составе старших геологов А.П. Герасимова, Е.Г. Багратуни, М.П. Русакова дала положительную оценку месторождению и наметила дальнейшую программу работ⁵.

В течение лета бригада геологов ленинградского института «Механобр» отбирала пробы на обогащение как на железохромоникелевую руду, так и на собственно никелевую. Осенью месторождение детально обследовал старший геолог «Союзгеологоразведки» И.И. Никшич, который привел весомые аргументы о необходимости строительства металлургического предприятия и расширение разведочных работ [10, с. 73].

В том же году была проведена опытная плавка малкинской руды на Сулинском металлургическом заводе. Для плавки было отобрано 346 тонн руды с участков Гитче-Лахран, Гедмыш и Хабаз из мелко-оолитового типа руд. Плавка проводилась под руководством инженера И.С. Бермана, и ее результаты были признаны обнадеживающими: сам процесс плавки проходил легко, почти весь никель перешел при переделке в металл и в сталь. По заключению металлургов, сталь была отнесена к слабо легированным маркам и отличалась незначительным содержанием вредных примесей, была пригодна для цементации и могла служить для изготовления ответственных деталей машин, и, в частности, для автотракторостроения [8, с. 348].

Более того, на основании результатов плавки малкинской руды И.С. Берман обосновал идею о проработке метода прямого восстановления железа. Получаемое таким образом губчатое железо отличалось высокой чистотой и экономным расходом топлива в производстве. Данный метод в это время уже применялся в металлургической промышленности США, Германии, Швеции. Опыты такого рода с прямым восстановлением металла с помощью торфа проводились и в Советском Союзе.

Эксперименты по прямому восстановлению железа из малкинской руды проводились на тех же мелко-оолитовых рудах в двух научных учреждениях: во Всесоюзном Институте минерального сырья (ВИМС) – антрацитом и нефтяным коксом, а также природным газом (процент восстановления

5. Представительство Кабардино-Балкарской АССР при Президиуме ВЦИК. Переписка с Наркоматом тяжелой промышленности о научно-исследовательской работе по переделу малкинского чугуна в сталь // Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 38. Л.3.

от 70,34 до 95,98%), и в Днепропетровском металлургическом институте с использованием отходов сельскохозяйственного производства – стеблей кукурузы и лужги подсолнечника (процент восстановления от 80 до 90%). Во всех случаях отмечался практически полный переход никеля в металл.

И.С. Берман предлагал использовать для организации этого процесса на Северном Кавказе местный природный газ, месторождения которого к тому времени были обнаружены в Чечне, Ингушетии, Северной Осетии [8, с. 348].

Работа по подготовке месторождения к промышленному освоению шла полным ходом. Оценка запасов менялась по ходу изучения: мы упоминали о том, что по итогам работ 1931 г. запасы были оценены в 67 млн тонн; в середине 1932 г. комиссия «Союзгеологоразведки» (А.П. Герасимов, М.П. Русаков, Е.Г. Багратуни) вместе с представителем Госплана СССР Борчалинским дали оценку в 50 млн тонн; в конце 1932 г. комиссией «Союзгеологоразведки» (И.И. Никшич, А.А. Рудин) запасы были оценены в 68 млн тонн; по итогам работ 1933 г. заместитель начальника отдела минеральных ресурсов Северо-Кавказской геологической конторы Н.К. Мхитаров давал оценку уже в 81 млн тонн [8, с. 349].

При Уполномоченном Наркомата тяжелой промышленности в Ростове-на-Дону в 1932 г. было создано Бюро по Малкинской проблеме, в котором концентрировалась вся информация по результатам геологоразведочных работ, химических анализов, натуральных испытаний и шла коллективная работа по подготовке проекта освоения месторождения.

К 1933 г. в результате коллективной целенаправленной работы появился комплексный проект строительства металлургического комбината на малкинских рудах. Ход его подготовки и основные положения были отражены в ряде публикаций [12; 13], и озвучены в докладе [14] на I Северо-Кавказской Краевой Геологической конференции 21-26 марта 1935 г., все материалы которой вошли в издание «Природные ресурсы Северо-Кавказского края». Из коллектива авторов, которые готовили и представляли проект металлургического комбината, выделим Вячеслава Александровича Покшишевского, инженера-энергетика, инженера-строителя, который имел непосредственное отношение к проектам развития всей Кабардино-Балкарии. Именно он представлял в 1927–1930 гг. комплексный проект строительства Баксанской ГЭС и развития промышленности и сельского хозяйства автономии в центральных и краевых хозяйственных органах, он же в 1930 г. был главным инженером «Баксанстроя», поэтому знал местные особенности и обладал специальными сведениями о природных ресурсах КБАО. Подготовленные им проекты, как правило, отличались комплексным подходом, глубоким анализом и широким охватом темы [20, с. 77].

В его докладе на первой Северо-Кавказской Краевой геологической конференции 21–26 марта 1935 г. был представлен эскизный проект освоения Малкинского месторождения. В соответствии с результатами анализа сведений, полученных во время геологоразведочных работ, эксплуатация Малкинского месторождения со строительством комбината предусматривала несколько взаимосвязанных этапов.

На первом этапе должны быть сооружены:

1. Рудник для добычи 500–600 тыс. тонн руды с вывозом ее после обогащения или без него на один из металлургических заводов юга СССР для переработки.
2. Обогательная фабрика в селении Хабаз.
3. Никелевый завод там же.
4. Необходимая часть горной рудосборной железной дороги в пределах месторождения до Хабаза и ширококолейная вывозная железнодорожная линия «Хабаз–Малка–Зольская» или «Хабаз–Малка–Змейка–Минеральные Воды».

На втором этапе, в соответствии с проектом, предполагалось:

1. Окончание строительства горной части рудосборных железнодорожных линий в пределах месторождения.
2. Расширение обогащательной фабрики в селении Хабаз до пропускной способности, соответствующей размерам собственного металлургического завода.
3. Расширение никелевого завода.
4. Сооружение 1-й очереди металлургического завода в составе:
 - а) одной доменной печи объема 930 м³, с производительностью 655 тонн в сутки или 225.000 тонн в год;
 - б) цеха прямого восстановления первой очереди на 50.000 тонн губчатого железа;

- в) мартеновского и прокатного цехов первой очереди;
- г) коксового завода;
- д) группы подсобных и утильных цехов 1-й очереди.

Площадки для постройки металлургического завода намечались в трех вариантах, были засняты и обследованы шурфами: в районе села Баксан, в районе селения Малка и в районе селения Куба-Таба.

Наиболее выгодным в транспортном отношении, в случае постройки выходной железнодорожной линии в направлении на разъезд Зольский СКЖД, проектировщикам представлялся вариант в районе селения Куба-Таба. Площадки для обогатительной фабрики и никелевого завода были намечены и засняты между сел. Хабаз и сел. Каменноостским, ближе к Хабазу.

Наконец, на третьем этапе проект предусматривал ввод в эксплуатацию второй доменной печи с соответствующим расширением смежных производственных подразделений: обогатительной фабрики, коксового завода, цеха прямого восстановления до 100.000 тонн губчатого железа в год, мартеновского и прокатного цехов до полной мощности комбината.

Объемы годового производства на стадии полного развития металлургического комбината проектировались в следующих показателях:

- выплавка чугуна – 450 тыс. тонн;
- производство губчатого железа – 100 тыс. тонн;
- производство высококачественной стали – 415 тыс. тонн.

Остальные показатели будущего комбината выглядели так:

- расход угля – 840 тыс. тонн;
- расход кокса – 606 тыс. тонн;
- энергия на электроплавку – 338 млн кВт/час;
- расход энергии по всему комбинату – 444 млн квт/час;
- число рабочих от 10 до 11 тысяч человек;
- радиус распространения продукции – 4000 км;
- годовая добыча руды – 1,5 млн тонн.

Объем капиталовложений должен был составлять: рудник – 7,5–10 млн руб., обогатительная фабрика – 5 млн руб., металлургический завод – 112 млн руб., никелевый завод – 5 млн руб., а всего, примерно, 130 млн рублей.

В качестве варианта на металлургическом заводе, вместо мартеновского процесса или наряду с ним, намечалась электроплавка.

Вместе с тем, В.А. Покшишевский предположил, что на Малкинских рудах может быть организована и металлургия магния [14, с. 357–358].

Помимо этого, созданное «Бюро Малки» совместно с НКПС провело предварительное проектирование и оценку стоимости сети железных дорог для организации вывоза и доставки руды на обогатительную фабрику, а также готовой продукции комбината.

«Подсчеты себестоимости металла, из осторожности и за отсутствием некоторых данных, основанные на самых невыгодных технических и экономических показателях, свидетельствуют, – подчеркнул И.С. Берман и В.А. Покшишевский, – что по сравнению с хромоникелевой сталью, полученной путем специальной добавки в металл никеля и хрома, дают разницу в пользу металла из малкинских руд в 40 руб. на каждой тонне и при этом мы освобождаемся от заграничного импорта ежегодно минимум на 5000 тонн никеля» [13, с. 80]. Проблема флюсов решалась местными известняками и доломитизированными известняками в долинах рек Малки и Баксана, запасы которых практически неограниченны. Наиболее удобной представлялась их выработка на горе Кызбурун, в 10 км от сел. Баксан, т.е. в 12–15 км от завода [14, с. 361].

Проект был проработан достаточно глубоко и соответствовал принятым в то время нормам комплексного и экономного освоения природных ресурсов. Рассчитывали опираться на использование местных ресурсов, разведка которых проводилась одновременно с разработкой самого проекта металлургического комбината. Для выплавки чугуна в доменной печи считали возможным использовать коксующиеся угли, месторождения которых располагались в Карачаевской автономной области в Хумаринском, Зеленчукско-Тебердинском, Индыш-Аманкол-Джаланкольском и Хасаут-Бермамыт-Бичесынском угленосных районах. По вопросу их энергетической ценности и коксующести в это время проводились исследования в лабораториях Новочеркасска, Ленинграда

и Днепропетровска [13, с. 82–83] Общий объём месторождений карачаевских углей предварительно оценивался в 400 млн тонн.

Для процессов прямого восстановления железа и производства стали предлагалось использовать природный и попутный нефтяной газ с месторождений Грозного, Малгобека, Алхазово (Чечня) и Датыхского (Северная Осетия). Общий объём газа в трех последних «Бюро Малки» оценивало в 5 млн тонн [13, с. 84].

Выплавка стали проектировалась в электрических печах, и все вопросы электроснабжения комбината должны были решаться в ходе строительства гидроэлектростанций на местных реках. Первоначально предполагалось часть нагрузки обеспечивать от Баксанской ГЭС, которая в это время строилась (введена в строй в сентябре 1936 г.) [20], а часть от будущей местной ГЭС в селении Хабаз. При выходе на полную мощность комбинат должен был обеспечиваться энергией от проектируемых в то время крупных ГЭС: Ардонской (160 МВт) и Верхне-Кубанской (100 МВт)⁶, а также Прохладненской тепловой электростанции (48–75 МВт), которая должна была работать на малгобекском газе [13, с. 86].

Напомним, что для компенсации зимнего маловодья на реках Северного Кавказа одним из тогдашних проектов предполагалось строительство крупных водохранилищ в верховьях Ардона и Кубани, и возведения каскадов ГЭС на них. Таким образом решалась проблема резкого падения в зимний период мощности строившихся тогда ГЭС: Баксанской, Гизельдонской и Ачалукской [20, с. 501–503].

Таким образом, проект Малкинского электрометаллургического комбината предполагал комплексное освоение природных ресурсов всего Северного Кавказа. Масштабы самого предприятия ставили на повестку дня вопрос о подготовке большого количества специалистов – рабочих и инженеров для металлургического производства, в том числе из местного населения, что, в свою очередь, должно было оказать влияние на широкое распространение технических знаний, открытие средних специальных и высших учебных заведений, повышение общего культурного уровня населения, появление новых профессий, расширение списка отраслей промышленности в регионе.

Генеральная задача правящей партии в проведении индустриализации заключалась в выравнивании образовательного и культурного уровня народов страны, подтягивании его до уровня населения крупных промышленных центров, а также расширении идеологической базы партии среди нерусских народов страны. В этом смысле создание крупных промышленных производств решало стратегическую задачу, сформулированную еще на X съезде РКП (б) [24, с. 223].

Коммунистическая партия таким образом решала, и на наш взгляд, достаточно эффективно, задачу развития человеческого капитала. Интересно, насколько основные цели ESG-повестки перекликаются с принятыми тогда стандартами. Во всяком случае, это сходство можно проследить в области организации труда в коллективах и прозрачности управления.

Бурное развитие промышленности Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. было частью общей стратегии ускоренной индустриализации в СССР. В Кабардино-Балкарской АССР, например, на третью пятилетку (1938–1942 гг.), выполнение которой было прервано Великой Отечественной войной, планировалось, помимо электрометаллургического комбината мощностью 45 тыс. тонн чугуна и до 100 тыс. тонн проката с производством никеля и хрома на малкинской руде, строительство нескольких крупных предприятий союзного значения: тепловой электростанции в ст. Котляревской как резерва БаксанГЭС мощностью 24–50 МВт, ГЭС в районе с. Заюково мощностью 40 МВт, там же, на базе местных известняков, химического завода по производству уксусной кислоты и синтетического каучука, обогатительной фабрики на месторождении мышьяка Чегет-Джора в Черекском ущелье, а также нескольких предприятий пищевой и местной промышленности⁷. Как видим, планы были грандиозные и их выполнение было под силу народам Северного Кавказа, конечно, с финансовой, технической и организационной поддержкой союзного правительства.

Однако большинство из этих проектов реализовано не было, хотя углубленное изучение недр Северного Кавказа продолжалось. В 1949–1963 гг. в числе прочих «геофизические исследования проводились на Малкинском месторождении природнолегируемых железных руд и в некоторых других районах горной части Северного Кавказа. Основные работы на рудных объектах проводили геофизики

6. Гидроэнергетика. Газета «Молот» 11.01.1932 г.

7. О Малкинском месторождении. (Резолюция 2-го пленума обкома ВКП(б) по докладу т. Гурского) // Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 38–40.

И.А. Безрук, М.А. Выгоднер, Б.М. Вышинский, А.Е. Гезин, В.Е. Зайцев, Э.И. Зеленцова, В.Ф. Соколов, Ю.А. Спасенных, В.Д. Шепелев, С.А. Шмарьян» и др. [23, с. 21–22].

Геологическое изучение Малкинского месторождения продолжается и на современном этапе: ученые обсуждают минерагению месторождения, открывают новые выходы руд металлов, исследуют возможности их освоения на базе современных технологий [15–19].

Согласно современным исследованиям Малкинский базит-ультрабазитовый массив – наиболее крупный из массивов дунит-гарцбургитовой формации офиолитового пояса Передового хребта Северо-Западного Кавказа. Площадь его выхода на дневную поверхность – 44,3 км². При этом «согласно геофизическим и буровым данным, массив представляет собой фрагмент тектонического покрова и образует вытянутую в широтном направлении линзу площадью 350–400 км², пологопадающую на север» [15, с. 27]. Помимо железных, здесь фиксируются никель-кобальтовые, медные, свинцово-цинковые, хромитовые, платиновые, магнетит-гидромагнетитовые руды, а также минеральные пигменты для производства масляных красок, цветные камни (халцедон и, предположительно, нефрит) а также проявления асбеста. «Малкинский массив представляет собой крупный рудно-магматический узел, с месторождениями и проявлениями рудных и нерудных полезных ископаемых, из которых одни могут иметь перспективы промышленного освоения в ближайшем будущем (минеральные пигменты, цветные и облицовочные камни, строительные материалы, никель-кобальтовые и железные руды), другие (платина, гидромагнетит) – требуют более детального геологического изучения» [15, с. 32].

В Кабардино-Балкарии на сегодняшний день реализуется крупный проект госкорпорации «Ростех» по возобновлению работы обогатительного комбината на Тырныаузском месторождении вольфрамо-молибденовых руд мощностью 1,5 млн тонн в год⁸ с одновременной добычей золота на расположенном рядом месторождении им. Михайлова. При этом новый проект, в отличие от аналога 1930-х гг., подготовлен с учетом экологических требований: добыча шахтным методом с закачкой пустой породы в отработанные штольни, размещение предприятия вдалеке от населенных пунктов и др. Таким образом, создается основа крупного металлургического кластера на Северном Кавказе, который должен соответствовать современным экологическим требованиям Российской Федерации.

Можно надеяться, что эта деятельность придаст импульс к возобновлению разработки проектов освоения и Малкинского месторождения, расположенного в соседнем ущелье, с созданием дополнительного производства единого горнорудного комплекса.

Таким образом, анализ истории проекта Малкинского месторождения полиметаллов показывает, что качество проведенных работ было высоким. Проект был проработан и соответствовал принятым техническим нормам того времени. Для его реализации проектировщики предлагали привлечь местные ресурсы, разведка которых проводилась одновременно с разработкой самого проекта металлургического комбината. Настаивали на использовании природного и попутного нефтяного газа с месторождений Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. Проблема флюсов решалась известняками Кабардино-Балкарии в долинах рек Малки и Баксана. Для выплавки чугуна в доменной печи предполагалось использовать коксующиеся угли, месторождения которых располагались в Карачаевской автономной области. Все вопросы электроснабжения комбината должны были решаться в ходе строительства гидроэлектростанций на местных реках, которое набирало силу в Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. Одновременно, шел процесс развития образовательного и культурного уровня народов Северного Кавказа, повышении его до уровня населения крупных промышленных центров – с целью обеспечения будущего крупного промышленного предприятия квалифицированными рабочими и инженерными кадрами, а также общего социально-экономического развития региона.

Совокупность данных факторов дает основание утверждать, что разработка проекта велась на основе отдельных аспектов концепта «устойчивое развитие территорий», делающий упор на комплексном освоении природных ресурсов края. Считаю, пришло время вернуться к практической реализации проекта, конечно, на новой технико-экономической и экологической основе.

Вероятно, таких проектов в архивохранилищах Российской Федерации отложилось не мало. Необходима коллективная работа ученых, инженеров, строителей по их выявлению, технико-экономической экспертизе, разработке и строительству.

8. Эльбрусметалл. Электронный ресурс. URL: <https://www.elbrusmetal.ru> (Дата обращения: 07.08.2023).

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-28-20355.

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 25-28-20355.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коршунов Б.Г. К истории освоения месторождений полиметаллических руд Северного Кавказа // Вестник Владикавказского научного центра. 2004. № 1. С. 22–24.
2. Отчеты о состоянии и деятельности Геологического Комитета в 1915 г. // Известия Геологического Комитета. 1916 г. Т. XXXV. № 1. С. 111.
3. Отчеты о состоянии и деятельности Геологического Комитета в 1916 г. // Известия Геологического Комитета. 1917 г. Т. XXXVI. № 1. С. 321–323.
4. Ренгартен В.П. Работы Геологического комитета на Кавказе в начале XX века // Очерки по истории геологических знаний. М.: Издательство АН СССР, 1953. Вып. 2. С. 94–113.
5. Талдыкин С.И. Малкинское железо-хром-никелевое месторождение в Кабардино-Балкарской АО (Северный Кавказ) // Известия ВГРО. 1931. Т. 50. Вып. 84. С. 1243–1250.
6. Талдыкин С.И. К вопросу о генезисе Малкинского месторождения // Геология на фронте индустриализации. 1933. № 7/9. – С. 31–38.
7. Мхитаров Н.К. Малкинское железо-хром-никелевое месторождение // Труды III Всесоюзного совещания по черным металлам. – М.–Л.: Государственное научно-техническое геологоразведочное издательство, 1933 г.
8. Мхитаров Н.К. Черные металлы Северо-Кавказского края // Природные богатства Северо-Кавказского края. На основе материалов 1-й Северо-Кавказской Краевой Геологической конференции 21–26 марта 1935 г. / Под ред. Федорова П.Я., Осьмова И.В., Тамбовцева Н.И., Мхитарова Н.К., Аксельрода А.М. М.–Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1935. С. 338–356.
9. Сердюченко Д.П. О Малке // Горные богатства и минерально-сырьевые ресурсы Северо-Кавказского края во 2-м пятилетии. Ростов-на-Дону, 1932 г. С. 19–21;
10. Сердюченко Д.П. Железо, хром и никель на Малке в Кабардино-Балкарии // Революция и горец. 1933. № 1–2. С. 70–77.
11. Герасимов А.П. К геологии Малкинского месторождения // Геология на фронте индустриализации. 1933. № 7–9. С. 24–26.
12. Шаповалов Г.Н., Берман И.С., Покишишевский В.А. Малкинская проблема и строительство. Ростов-Дон: «Северный Кавказ», 1933. – 64 с.
13. Берман И.С., Покишишевский В.А. К вопросам Малкинской проблемы – Технология, топливо и транспорт // Революция и Горец. 1933 г. № 3-4. С. 77–87.
14. Покишишевский В.А. Подготовительные работы к освоению и эксплуатации Малкинского месторождения / Природные богатства Северо-Кавказского края. На основе материалов 1-й Северо-Кавказской Краевой Геологической конференции 21–26 марта 1935 г. / Под ред. Федорова П.Я., Осьмова И.В., Тамбовцева Н.И., Мхитарова Н.К., Аксельрода А.М. М.–Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1935. С. 357–361.
15. Беляев Е.В., Маркин М.Ю. Полиминеральные руды Малкинского базит-ультрабазитового массива (Северный Кавказ) // Разведка и охрана недр. 2017. № 8. С. 27–32.

REFERENCES

1. Korshunov BG. On the history of development of polymetallic ore deposits in the North Caucasus. *Vestnik of the Vladikavkaz Scientific Center*. 2004; 1: 22-24. (In Russ)
2. Reports on the status and activities of the Geological Committee in 1915. *News of the Geological Committee*. 1916; 35(1): 111. (In Russ)
3. Reports on the status and activities of the Geological Committee in 1916. *News of the Geological Committee*. 1917; 36(1): 321-323. (In Russ)
4. Rengarten VP. Works of the Geological Committee in the Caucasus at the beginning of the 20th century. *Essays on the history of geological knowledge*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953; 2: 94-113. (In Russ)
5. Taldykin SI. Malkinskoye iron-chromium-nickel deposit in the Kabardino-Balkarian Autonomous Okrug (North Caucasus). *Izvestiya VGRO*. 1931; 50(84): 1243-1250. (In Russ)
6. Taldykin SI. On the issue of the genesis of the Malkinskoye deposit. *Geology at the Industrialization Front*. 1933; 7/9: 31-38. (In Russ)
7. Mkhitarov NK. Malkinskoye iron-chromium-nickel deposit. *Proceedings of the III All-Union Conference on Ferrous Metals*. Moscow–Leningrad: State Scientific and Technical Geological Prospecting Publishing House, 1933. (In Russ)
8. Mkhitarov NK. Ferrous metals of the North Caucasus region. In: Fedorov P. Ya., Osmov I. V., Tambovtsev N. I., Mkhitarov N. K., Akselrod A. M (eds). *Natural resources of the North Caucasus region. Based on the materials of the 1st North Caucasus Regional Geological Conference, March 21–26, 1935*. Moscow-Pyatigorsk: North Caucasus Regional State Publishing House, 1935: 338-356. (In Russ)
9. Serdyuchenko DP. About Malka. *Mountain wealth and mineral resources of the North Caucasus region in the 2nd five-year period*. Rostov-on-Don, 1932: 19-21. (In Russ)
10. Serdyuchenko D.P. Iron, chromium and nickel at Malka in Kabardino-Balkaria. *Revolyutsiya I Gorets*. 1933; 1-2: 70-77. (In Russ)
11. Gerasimov AP. On the geology of the Malkinskoye deposit. *Geology at the industrialization front*. 1933; 7-9: 24-26. (In Russ)
12. Shapovalov GN., Berman IS., Pokshishevsky VA. *The Malkinskoye problem and construction*. Rostov-on-Don: Severny Kavkaz, 1933. (In Russ)
13. Berman IS., Pokshishevsky VA. On the issues of the Malkinskoye problem – Technology, fuel and transport. *Revolyutsiya I Gorets*. 1933; 3-4: 77-87. (In Russ)
14. Pokshishevsky VA. Preparatory work for the development and operation of the Malkinskoye deposit. In: Fedorov P.Ya., Osmov I.V., Tambovtsev N.I., Mkhitarov N.K., Akselrod A.M. (eds). *Natural resources of the North Caucasus region. Based on the materials of the 1st North Caucasian Regional Geological Conference, March 21–26, 1935*. Moscow-Pyatigorsk: North Caucasian Regional State Publishing House, 1935: 357-361. (In Russ)
15. Belyaev EV., Markin MYu. Polymineral ores of the Malkinskoye basite-ultramafite massif (North Caucasus). *Exploration and protection of mineral resources*. 2017; 8: 27-32. (In Russ)
16. Parada SG. Patterns of the distribution of non-ferrous and noble metals within the Malkinsky ultramafic massif

16. Парада С.Г. Закономерности размещения цветных и благородных металлов в пределах Малкинского ультрабазитового массива (Кабардино-Балкарская Республика) // Геология и геофизика Юга России. 2018. № 1. С. 69–77.
17. Парада С.Г. Предпосылки и признаки платиноносности гипербазитовых массивов Северного Кавказа // Наука Юга России. 2017. Т. 13. № 1. С. 59–73.
18. Парада С.Г., Маркин М.Ю., Холод Ю.В., Шишкалов И.Ю. Минерагенические аспекты геохимических исследований Малкинского рудного района // Вестник ЮНЦ. 2011. Т. 7. № 1. С. 47–58.
19. Парада С.Г., Столярков В.В., Маркин М.Ю., Шишкалов И.Ю. Проявление потенциально платиноносных гипербазитов в геохимических аномалиях Ni, Cr и Co на примере Восточной части Передового хребта (Кабардино-Балкарская Республика) // Геология и геофизика Юга России. 2014. № 2. С. 42–54.
20. Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А. Проект электрификации Кабардино-Балкарской автономной области В.А. Покшишевского (1927 г.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 4 (47). С. 76–82.
21. Гуртуев Р.С. Актуализация первых проектов использования гидроэнергетических ресурсов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Научная мысль Кавказа. 2022. №2. С. 48–54. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2022-110-48-54>.
22. Дроздовский С.С. Гидроэнергетические ресурсы Северо-Кавказского края и перспективы их использования // Природные богатства Северо-Кавказского края. На основе материалов 1-й Северо-Кавказской Краевой Геологической конференции 21-26 марта 1935 г. Под ред. Федорова П.Я., Осмова И.В., Тамбовцева Н.И., Мхитарова Н.К., Аксельрода А.М. М.-Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1935. С. 497–504.
23. Геология СССР. Т.IX. Северный Кавказ. М., 1968. – 765 с.
24. Резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». 15 марта 1921 г. // ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференции и пленумов ЦК. ч. 1. М., 1940. 6-е изд. С. 217–225.
- (Kabardino-Balkarian Republic). *Geologiya i geofizika Yuga Rossii*. 2018; 1: 69-77. (In Russ)
17. Parada SG. Prerequisites and signs of platinum-bearing ultramafic massifs of the North Caucasus. *Nauka Yuga Rossii*. 2017; 13(1): 59-73. (In Russ)
18. Parada SG., Markin MYu., Kholod YuV., Shishkalov IYu. Minerogenic aspects of geochemical studies of the Malkinsky ore region. *Vestnik Yuzhnogo Nauchnogo*. 2011; 7(1): 47-58. (In Russ)
19. Parada SG., Stolyarov VV., Markin MYu., Shishkalov IYu. Manifestation of potentially platinum-bearing ultramafics in geochemical anomalies of Ni, Cr and Co on the example of the eastern part of the Forward Range (Kabardino-Balkarian Republic). *Geologiya i geofizika Yuga Rossii*. 2014; 2: 42-54. (In Russ)
20. Gurtuyev RS., Kuzminov PA. The electrification project of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region by V.A. Pokshishevsky (1927). *Vestnik of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2019; 4(47): 76-82. (In Russ)
21. Gurtuyev RS. Updating the first projects for the use of hydropower resources of the North Caucasus in the late 19th – early 20th centuries. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2022; 2: 48-54. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2022-110-48-54>. (In Russ)
22. Drozdovsky S.S. Hydropower resources of the North Caucasus region and prospects for their use. In: Fedorov P.Ya., Osmov I.V., Tambovtsev N.I., Mkhitarov N.K., Akselrod A.M. (eds). *Natural resources of the North Caucasus region. Based on the materials of the 1st North Caucasus Regional Geological Conference, March 21–26, 1935*. Moscow-Pyatigorsk: North Caucasus Regional State Publishing House, 1935: 497-504. (In Russ)
23. *Geology of the USSR*. Vol. IX. North Caucasus. Moscow, 1968. (In Russ)
24. Resolution of the 10th Congress of the RCP(b) “On the immediate tasks of the party in the national question”. March 15, 1921. In: *All-Union Communist Party (Bolsheviks) in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee. Part 1*. Moscow, 1940, 6th ed.: 217-225. (In Russ)

Поступила в редакцию 22.08.2023 г.
Принята в печать 29.12.2023 г.
Опубликована 15.03.2025 г.

Received 22.08.2023
Accepted 29.12.2023
Published 15.03.2025



Багирова Шалала Вагиф
доктор философии по истории, доцент
Азербайджанский университет языков, Баку, Азербайджан
baghirova.shalala@mail.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ В Г. БАКУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМУСУЛЬМАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

Аннотация. Исследования по благотворительности, которая приобрела черты массовости в конце XIX – начале XX в., встречаются в научных трудах таких азербайджанских ученых, как Н. Якублу, Л. Гаджиева, С. Сулейманова, Ф. Джаббаров. Помимо этого, вопросы благотворительности стали основным объектом диссертаций исследователей С. Талыбова «Культурно-просветительская и благотворительная деятельность азербайджанской буржуазии (конец XIX – начало XX века)», М. Дзидзоева «Формирование и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во 2-ой половине XIX – начале XX века», Л. Оспищева «История благотворительных организаций Кубани (конец XIX – начало XX вв.)», Г. Ульянова «Благотворительность в Российской империи, конец XVIII – начало XX века». Такие ученые как Д. Джавадов, Э. Дадашев, Е. Далгат, С. Гаджимагомедова, Т. Ларионова выступали с докладами по этому вопросу на международных конференциях. Однако, несмотря на это, деятельность детских немусульманских благотворительных организаций в городе Баку в начале XX века почти не изучена. В данной статье на основе имеющейся историографии и архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается деятельность и роль нескольких крупных благотворительных обществ в жизни Баку. Подчеркивается роль императорской семьи и передовой российской интеллигенции в организации и пропаганде опеки над малоимущими и находящимися в тяжелых жизненных обстоятельствах категориях населения. При рассмотрении истории развития благотворительной деятельности автором приводится хронология этого явления в Российской империи, делается вывод, что создание благотворительных организаций поддерживалось на государственном уровне, их деятельность официально распространялась на всю территорию империи, в том числе и на Северный Азербайджан. Проведенное исследование показывает, благотворительные организации, занимаясь вопросами, связанными со здоровьем, воспитанием и обеспечением детей, использовали все предоставленные им возможности. В результате усиления лечебно-оздоровительных и воспитательных мер их деятельность оказала положительное влияние на ликвидацию негативных явлений, связанных с беспризорными детьми и детьми из бедных семей.

Ключевые слова: благотворительность; Учреждения императрицы Марии; Баку; Общество борьбы с детской смертностью; Друзья детей и юношества в городе Баку; Детский дом; Капля молока; Goutte de lait

Для цитирования: Багирова Ш.В. Благотворительная помощь детям в г. Баку в начале XX века (на основе деятельности немусульманских организаций) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 21. № 1. С. 56-64. doi.org/10.32653/CH21156-64

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21156-64>

Research paper

Shalala V. Bagirova,
PhD, Associate Professor
Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan;
baghirova.shalala@mail.ru

CHARITABLE AID TO CHILDREN IN EARLY 20TH CENTURY BAKU: THE ROLE OF NON-MUSLIM ORGANIZATIONS

Abstract. Research on charity, which gained prominence in the late 19th and early 20th centuries, has been documented in the scholarly works of Azerbaijani researchers such as N. Yakublu, L. Gadzhieva, S. Suleymanova, and F. Dzhabbarov. Furthermore, the topic of charity has been central to several dissertations, including S. Talibov's "Cultural, Educational and Charitable Activities of the Azerbaijani Bourgeoisie, Late 19th – Early 20th Century", M. Dzidzoev's "Formation and Development of the Social Protection System in the North Caucasus in the Second Half of the 19th – Early 20th Century", L. Ospishcheva's "History of Charitable Organizations of Kuban, Late 19th – Early 20th Centuries", and G. Ulyanov's "Charity in the Russian Empire, Late 18th – Early 20th Century"). Notably, D. Dzhavadov, E. Dadashev, E. Dalgat, S. Gadzimagomedova, and T. Larionova have also presented findings on this subject at international conferences. Despite this body of work, the activities of non-Muslim children's charitable organizations in Baku at the beginning of the 20th century remain largely understudied. This article addresses this gap by examining the activities and role of several significant charitable societies in Baku, drawing upon existing historiography and previously unpublished archival documents. The study emphasizes the role of the imperial family and the progressive Russian intelligentsia in organizing and supporting welfare for the poor and those facing hardship. In tracing the development of charitable activities, this article provides a chronology of this phenomenon within the Russian Empire, arguing that the establishment of charitable organizations received state-level support and their operations officially extended across the empire, including Northern Azerbaijan. The research indicates that charitable organizations focused on children's health, education, and welfare effectively utilized available resources. Consequently, the strengthening of medical, health, and educational initiatives by these organizations positively influenced the reduction of negative issues associated with street children and children from impoverished families.

Keywords: charities; Empress Maria's institutions; Baku; Society for the Fight against Child Mortality; Friends of Children and Youth of Baku; Orphanage; Drop of Milk; Goutte de lait

For citation: Sh.V. Baghirova. Philanthropic assistance to children in Baku during the early 20th century (based on non-muslim organizational initiatives). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 21. N. 1. P. 56-64. doi.org/10.32653/CH21156-64

Исследования по благотворительности, которая приобрела черты массовости в конце XIX – начале XX в., встречаются в научных трудах таких азербайджанских ученых, как Н. Якублу, Л. Гаджиева, С. Сулейманова, Ф. Джаббаров. Помимо этого, вопросы благотворительности стали основным объектом диссертаций исследователей С. Талыбова «Культурно-просветительская и благотворительная деятельность азербайджанской буржуазии (конец XIX – начало XX века)», М. Дзидзоева «Формирование и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во 2-ой половине XIX – начале XX века», Л. Оспищева «История благотворительных организаций Кубани (конец XIX – начало XX вв.)», Г. Ульянова «Благотворительность в Российской империи, конец XVIII – начало XX века». Такие ученые как Д. Джавадов, Э. Дадашев, Е. Далгат, С. Гаджимагомедова, Т. Ларионова выступали с докладами по этому вопросу на международных конференциях. Однако деятельность детских немусульманских благотворительных организаций в городе Баку в начале XX века почти не изучена.

Бездомные, лишенные родительской опеки дети и распространяющиеся среди них болезни стали серьезной проблемой в Российской империи в начале XX в. Стремясь преодолеть растущие в обществе социальные различия, минимизировать опасности, которые представляло будущее бездомных, брошенных детей, а также детей из малообеспеченных семей, российские общественные организации искали пути решения этой проблемы. Судьба бездомных, живущих в нищете и больных детей находилась под непосредственным контролем и императорской семьи, а оказание им помощи, прием на попечение стало одним из главных направлений государственной политики.

Историю развития благотворительности на территории Российской империи можно разделить на несколько этапов. Еще в 1797 г. императрица Мария Федоровна, супруга императора Павла I, взяла под свой контроль все детские дома, расположенные в Москве и Петербурге. Находившиеся под ее покровительством детские дома получили название «Учреждения императрицы Марии». В 1839 г. на всей территории империи был учрежден «Комитет главного попечительства о детских приютах»¹. В 1869 г. этот комитет был упразднен, а его полномочия были возложены на главноуправляющего IV частным департаментом. В 1892 г. император подписал «Устав общественного призрения» [1], который можно рассматривать как юридический документ, регламентирующий деятельность российских благотворительных организаций. Общественные благотворительные организации при Министерстве внутренних дел должны были представлять свои годовые отчеты министру².

Второй этап охватил 1892–1906 годы. Он начался после голода 1891–1892 гг., который показал как важна роль общества для преодоления столь глобальных в масштабах страны проблем. С 1896 г. «Учреждения императрицы Марии» были реорганизованы.

Третий – заключительный этап – начался с подписания императором 4 марта 1906 г. «Временных правил об обществах и союзах» и длился до прихода к власти большевиков в 1917 г.

Таким образом, создание благотворительных организаций поддерживалось на государственном уровне, их деятельность официально распространялась на всю территорию империи, в том числе и на Северный Азербайджан.

В конце XIX – в начале XX в. Баку был крупным промышленным центром Российской империи. Северный Азербайджан лидировал среди колониальных окраин по темпам развития нефтяной промышленности. Наряду с этим во всех отраслях хозяйства развивались и капиталистические производственные отношения. Представители разных народов – русские, армяне, евреи, грузины, мусульмане из Персии и другие массово устремлялись в Баку на заработки. Среди мигрантов были предприниматели, представители интеллигенции, рабочие. По статистическим данным 1897 г. в Баку проживало 111,9 тыс. человек, 36% которых составляли местные мусульмане. Русские составляли 35,7%, а другие национальности (армяне, грузины, евреи, немцы, поляки и др.) в целом – 28,1% [2, с. 50]. В результате трудовой миграции к 1919 г. население Баку увеличилось до 405820 тыс. человек. Из них местные мусульмане составляли 48,8%, русские – 26,0 %, армяне – 19 %, грузины – 2,2 %, остальные народы – 4,0 %³.

Отметим, что негативные аспекты, характерные для крупных промышленных городов, не обошли стороной и Баку. Многие квартиры, в которых проживало бедное население, не отвечали санитарно-

1. Дело с прошениями о назначении служащих, циркуляры, списки благотворителей и протоколы заседаний Бакинского Губернского попечительства детских приютов // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 330. Оп. 1. Л. 2.

2. Отчеты благотворительных обществ за 1905 г. // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 215. Л. 62.

3. Государственный Архив Азербайджанской Республики. Адрес-календарь Азербайджанской Республики. 1920.

гигиеническим требованиям. Влажность, тяжелый воздух, ограничения в использовании воды создавали условия для распространения различных инфекционных и кишечных заболеваний среди населения, особенно детей.

В этот период детская благотворительность играла важную роль в общественной жизни населения. Город Баку, как крупный промышленный центр, стал очагом благотворительных обществ. Наряду с местными мусульманскими благотворительными обществами, такими как «Бакинское мусульманское благотворительное общество», «Нашри-маариф» (Учебное издание), «Ниджат» (Спасение), «Саа-дет» (Счастье) и др., существовали также немусульманские организации. Это было связано с многонациональным составом населения города. Среди них были грузинские и армянские благотворительные общества, которые оказывали помощь только своим соотечественникам.

Среди немусульманских общественных организаций особое место занимали благотворительные организации, созданные евреями и русскими, проживающими в Баку. Особо выделялись те, кто занимался детской благотворительностью, например, «Общество борьбы с детской смертностью», «Друзья детей и юношества в городе Баку», «Детский дом». Отметим, что в целом на территории Российской империи детская благотворительность получила широкое распространение.

Важно отметить, что под благотворительной деятельностью подразумевалась не простая передача денег от сильного слабому, а система экономических, этических и правовых отношений [3, с. 1]. Исходя из этого, 4 марта 1906 г. Его Величество Император Николай II подписал «Временные правила об обществах и союзах»⁴, после чего на территории всей России начали создаваться общественные организации, которые действовали до Февральской революции 1917 г.

Одной из крупных детских благотворительных организаций было «Общество борьбы с детской смертностью». Еще до создания этого общества (27 июня 1905 г.) на врачебно-санитарном съезде Совета бакинских нефтепромышленников, детский врач Евсей Гиндес выступил с докладом, в котором призывал местное население к организации работы в направлении охраны здоровья детей, оказавшихся в тяжелых врачебно-санитарных условиях. Доктор Гиндес предлагал создать общество борьбы с детской смертностью. Предложение вызвало большой интерес у участников съезда, но из-за армяно-мусульманских столкновений 1905-1906 гг. создание общества затянулось⁵. Эта ситуация затормозила развитие города, так как отношения между представителями разных классов общества и национальностей становились натянутыми. Получить официальное разрешение на создание общества не представлялось возможным⁶.

Принимая во внимание общую ситуацию и учитывая серьезность данной проблемы, с 1901 г. доктор Гиндес вместе с докторами Кауфманом, Бернштейном и Векиловым начали читать лекции по данному вопросу. Им удалось собрать определенную сумму и открыть в Баилово-вском и Сабунчинском районах города Баку молочную кухню «Капля молока» [4, с. 100]. Из этой кухни ежедневно во все больницы города бесплатно поставлялись диетические молочные продукты. Следует отметить, что первые пункты молочной кухни «Капля молока» были созданы в начале 1890-х годов в Германии и Франции, а в 1901 г. – в России.

Деятельность «Капли молока» заключалась главным образом в снабжении грудных детей, лишенных по тем или иным причинам грудного вскармливания, качественным молоком и питательными смесями [5, с. 19]. Но в условиях бакинской действительности требовалась более масштабная организованная помощь. Необходимо было открыть детские амбулатории, увеличить раздачу молока, организовать детские колонии, вести среди населения просветительскую работу о кормлении и воспитании детей.

С 1906 г., когда политическая ситуация в Баку начала стабилизироваться, инициаторы открытия общества борьбы с детской смертностью возобновили свои попытки. Принятые Императором Николаем II «Временные правила об обществах и союзах» создали возможность для дальнейшего решения этого вопроса. Предъявленный проект устава был утвержден 20 июля 1907 г. на заседании Бакинского

4. Циркуляры департамента полиции и общих дел о наблюдении за деятельностью просветительных обществ, о правилах представления отчетов профессиональных обществ, о разрешении устройства собраний и переписка с наместником на Кавказе и Бакинским полицмейстером по этому вопросу. Список существующих профессиональных обществ в Баку // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 50. Л. 66.

5. Дело об образовании Бакинского общества для борьбы с детской смертностью // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 79. Л. 27.

6. Отчет деятельности общества за 1910 г. // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 79. Л. 3.

городского управления по делам об обществах и союзах. Следует отметить, что первым поднявшим вопрос о борьбе с детской смертностью в России был доктор Н.А. Русских⁷. На его призыв откликнулось много русских обществ. Первое общество в России было создано профессором Н.П. Гундобиним в Петербурге⁸. Постепенно такие общества были созданы во многих городах Российской империи.

На первом же заседании общества 28 октября 1907 г. обсуждался вопрос о практике предотвращения детской смертности в Европе и России, было принято решение об открытии детских консультационных пунктов в бедных районах города Баку. В этих консультационных пунктах дети из бедных семей могли получать питание в соответствии с возрастными ограничениями, а матери — консультации по уходу за детьми, питанию и распорядку дня. В связи с реализацией проекта также предусматривалось обращение к городскому совету Баку, совету Съезда нефтяников, местным благотворительным обществам и благотворителям.

«Общество борьбы с детской смертностью» в городе Баку имело право организовывать молочные фермы, бесплатные детские столовые, а также амбулатории, которые занимались обеспечением бесплатных лекарств, молока, приютов и т. д. Главной целью общества была профилактика мероприятий, способствовавших физическому здоровью детей. Вне зависимости от нации и религии, здоровье, интересы бакинских детей, представляли предмет заботы общества. Бакинское общество не только старалось уменьшить процент смертности, наблюдавшийся среди детей в городе, но и прикладывало все усилия, чтобы улучшить условия жизни и создать обстановку, необходимую для правильного развития детей всех возрастов.

Общество обеспечивало бедных детей едой, убежищем, оказывало медицинские услуги больным и бедным детям на дому и в больницах. Также, общество помещало детей в ясли, приюты, санатории, занималось воспитанием и призреванием (опекой) детей-сирот. Наконец, общество взяло на себя выпуск книг, брошюр, организацию мероприятий и другие вопросы, связанные с пропагандой детской гигиены. Издавались брошюры как на русском, так и на тюркском языках. Пропаганда была важной составляющей деятельности общества, так как оно доводило до сведения общественности информацию о мерах борьбы с детской смертностью. В связи с этим очень часто публиковались статьи, заметки, колонки в местных газетах. В этих статьях писалось об опасности употребления некачественного молока для детей, возможных осложнениях, неправильных условиях жизни, последствиях отсутствия физической активности, детских игр. В статьях поднималась тема организации летнего отдыха детей на приморских дачах. Всего на русском, тюркском и других языках были напечатаны 12000 листовок под названием «Совет матерям»⁹. Здесь были подробно изложены основные принципы правильного ухода за детьми, их питания, режима. Эти листовки развешивались в общественных местах, в местах большого скопления людей, раздавались мамам, посещающим амбулатории. Кроме того, общество выпустило брошюру под названием «Руководство для матери», в которой давались советы по гигиене новорожденных-грудничков. С этой целью общество также организовывало публичные лекции.

Члены общества старались охватить своей заботой всех бакинских детей, вне зависимости от их условий жизни. Была открыта лечебница и для мусульманских детей, так как национальная принадлежность не имела значения, приоритетом была помощь каждому больному ребенку, проживающему в Баку. Общество располагалось на бывшей улице Каменистой – нынешней Б. Сафароглу [4, с. 100]. В совете директоров общества участвовали доктора Гиндес, Митрофанов, Кауфман, Варшавский, Адамова, Чижова, Чижов и другие. Почетными членами общества были жена нефтепромышленника Муртузы Мухтарова – благотворительница Лиза-ханум Мухтарова, предприниматели Исрафил-бек и Таги-бек Сафаралиевы, Исабек Ашурбеков, общественный и политический деятель Фатали-хан Хойский и другие [6, с. 415].

Другой важный вопрос был связан с частным объектом для открытия детского санатория недалеко от города Баку. Благодаря заботе и милосердию Таги-бека и Исмаил-бека Сафаралиевых, в Пиршагах, в 50–100 шагах от моря, 3 десятины земли были переданы в дар «Обществу борьбы с детской смертностью»¹⁰.

Самой большой работой, проделанной «Обществом борьбы с детской смертностью», стало

7. Там же. Л. 1.

8. Там же. Л. 7.

9. Отчет деятельности общества за 1910 г.// Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 79. Л. 6.

10. Отчет деятельности общества за 1910 г.// Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 79. Л. 7.

открытие специальной детской лечебницы в 1907 г. Основная цель лечебницы заключалась в оказании медицинской помощи малолетним жителям города Баку, обеспечении грудничков молоком, айраном и другими молочными продуктами при нехватке грудного молока и поддержании их физического развития. Таким образом, лечебница выполняла функцию общей детской амбулатории, которая также включала в себя молочную кухню «Капля молока» (“Goutte de lait”).

За первый год открытия лечебницу посетили 6756 больных детей, из которых 2011 воспользовались медицинскими услугами. За исключением воскресений и отсутствия посещений в некоторые дни, в среднем за день лечебницу посещали 30 больных. Наибольшее количество госпитализаций за один день составило 66¹¹.

Таблица. Посещение пациентов детской лечебницы в Баку, 1907 г.

Месяц	Первое	Повторное	Всего
февраль	157	149	306
март	206	473	679
апрель	270	693	963
май	261	661	922
июнь	263	632	895
июль	279	618	897
август	228	465	693
сентябрь	179	476	655
октябрь	168	578	746
Итого	2 011	4 745	6756

Как видно из таблицы, весной и летом количество посещений увеличивалось, так как летние месяцы заболеваемость была выше. В эти месяцы некоторые родители брали своих детей отдыхать на окраине города подальше от жаркого климата города и желудочно-кишечных инфекций.

Такая же лечебница, созданная в поселке Балаханы, занималась доставкой молока и санитарно-гигиеническим осмотром школьников, создавала детские колонии (лагеря) и площадки, организовывала ночное дежурство врачей. В лечебницах наряду с лечением желудочно-кишечных заболеваний детям предлагался массаж, физиотерапевтические сеансы, подкожные инъекции и другие услуги. Также здесь два раза в неделю вводили вакцину против оспы. Только с 21 августа 1910 г. по 28 февраля 1911 г. здесь консультировались 6313 детей и было роздано 20167 бутылочек молока¹².

«Общество борьбы с детской смертностью» в 1910 г. организовало летнюю колонию (лагерь) для слабых и больных детей из бедных семей. Эта колония располагалась на территории промысла Муртузы Мухтарова в Пиршагах, на берегу моря. В Загульбе тоже была колония для детей, страдающих туберкулезом [7, с. 416]. Организатором и главным врачом колонии в Загульбе был Е. Гиндес [6, с. 382].

Анализируя вышеприведенные факты, нужно подчеркнуть усилия и благородную деятельность членов бакинского «Общества борьбы с детской смертностью». Только нехватка материальных средств могла замедлить его работу, в этом плане члены общества находились в поиске стабильного источника дохода. Общество привлекало к своей деятельности зажиточных людей, независимо от национальности.

«Общество борьбы с детской смертностью» помогало и другим благотворительным организациям. Одной из таких организаций были «Друзья детей и юношества в городе Баку». Это общество было внесено в государственный реестр 4 мая 1911 г., но начало работать 5 марта 1912 г.¹³. Его учредителями были В.И. Фролов, О.И. Софийская, С.В. Олейников, А.Г. Муат и О.И. Сарапова¹⁴.

11. Там же. Л. 11.

12. Там же. Л. 12.

13. Дело об образовании общества «Друзья детей и юношества в г. Баку» // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 135. Л. 19б.

14. Там же. Л. 9.

В первые годы деятельности общество «Друзья детей и юношества в городе Баку» располагалось в доме мецената Агамусы Нагиева на улице Торговой. При открытии у них не было средств, поэтому они не могли обеспечить мебелью помещение, где находились. На помощь пришло «Общество борьбы с детской смертностью», которое предоставило обществу «Друзьям детей и юношества» необходимую мебель.

С октября 1913 г. общество «Друзья детей и юношества в городе Баку» арендовало новое помещение – дом мецената Гаджи Зейналабдина Тагиева, расположенное на Гимназической улице (ныне улица Толстого). Следует отметить, что супруга другого мецената – Агамусы Нагиева – Елизавета Григорьевна Нагиева часто делала пожертвования обществу. Например, она пожертвовала 300 рублей на летний сбор детского клуба при обществе¹⁵.

Основной задачей общества была поддержка морального, физического, духовного и умственного развития детей всех возрастных групп, независимо от социального положения их родителей. В обязанности общества входило учреждение детских домов и клубов, проведение детских игр и праздников, экскурсий, организация закрытых и открытых встреч и лекций для родителей и воспитателей по вопросам воспитания детей, открытие мастерских, направленных на правильное развитие подростков, занятия различными видами ремесел и прикладного творчества, организация литературных и научных чтений, выставок картин, походы в библиотеки, музеи, на концерты.

Следует отметить, что в состав правления общества наряду с русскими также входили представители других национальностей.

По уставу, лица вносящие 50 рублей в год на нужды общества, считались почетными и пожизненными членами общества¹⁶. Общие средства составлялись из членских взносов, субсидий различных учреждений и обществ, пожертвований, сборов с лекций, спектаклей, концертов и т.п.

Первые годы деятельности общество сталкивалось с трудностями. Как было отмечено, общество начало функционировать через год после регистрации, что было связано с отсутствием интереса к деятельности общества со стороны небольшого количества действительных членов, уплативших членские взносы. Были определенные трудности при проведении детских игр из-за отсутствия финансов. Члены общества очень часто размещали объявления в местных газетах о приобретении детских принадлежностей, призывали к сбору книг, игрушек и картин. Основной их задачей было вызвать интерес среди бакинской общественности к своей деятельности.

22 марта 1913 г. при обществе был учрежден детский клуб для эффективного времяпровождения детей. Клуб организовывал занятия по рукоделию, распиливанию, лепке и рисованию, стирке, бумажному искусству, садоводству, ткачеству из ниток и бумаг. В ноябре был открыт детский сад¹⁷.

О взносах и расходах общества можно судить по кассовому отчету с 18 марта по 12 ноября 1912 года: Годовой членский взнос с 68 членов по 2 рубля. Итого – 136 рублей.

Годовой членский взнос с 11 членов по 1 рублю, итого – 11 рублей, пожертвования – 6 рублей 50 копеек.

Всего прибыль – 153 рубля 50 копеек.

Расходы: завтраки, принадлежности для игр – 24 рубля 95 копеек, печать уставов и бланков – 35 рублей, размещение рекламы в двух газетах – 10 рублей. Итого: 69 рублей 95 копеек¹⁸.

С ноября 1913 г. по апрель 1914 г. детский клуб посетили 915 детей. Из них 673 (73,5 %) – мальчики, 242 (26,5%) – девочки. По национальности русские были на первом месте – 360 человек, евреи – 349, армяне – 157, местные мусульмане – 19, немцы – 18, греки – 9, поляки – 3 человека¹⁹. Как видно, мусульманские дети составляли меньшинство. Можно предположить, что мусульманские семьи или не хотели, чтобы их дети воспитывались вместе с христианскими детьми, или же не доверяли деятельности клуба. Проводимые лекции и литература, в основном, ориентировались на русский язык и культуру. Такие спектакли как «Красная шапочка», «Репка», жизнь и деятельность Мамина-Сибиряка, география северных областей России не вызывали интерес в мусульманской среде.

15. Отчет деятельности общества // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 135. Л. 9.

16. Дело об образовании общества «Друзья детей и юношества в г. Баку» // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 135. Л. 106.

17. Там же. Л. 124.

18. Там же. Л. 21.

19. Дело об образовании Бакинского общества для борьбы с детской смертностью // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 79. Л. 24.

14 января 1915 г. в Баку был учреждено еще одно детское благотворительное общество под названием «Детский дом». Учредителями этого общества были М.В. Драгневич, П.М. Драгневич, Александр Михайлович и Софья Васильевна Бенкендорф, К.К. Барановский, П.С. Ионов, Леонид Сергеевич и Екатерина Венедиктовна Дмитриевы, Валериан Михайлович и Нина Васильевна Курис, Э.Ф. Бирзбек, Е.Я. Крейс, С.А. Романович, Георгий Исидорович и Надежда Степановна Зайдлер, А.А. Краснова, Е.С. Ермолаева и М.Е. Корницкая²⁰ [10, л. 1]. Председателем была Павла Михайловна Драгневич.

Основными целями общества были борьба с детской нищетой и связанными с ней тяжелыми условиями жизни беспризорных детей, призрение и воспитание беспризорников, воспитание и профессиональное образование опекаемых детей сообразно природным способностям и дарованиям отдельного индивидуума, принятие на свое попечение детей города Баку и Бакинского градоначальства без различия пола, национальностей и вероисповеданий, предоставление права открывать мастерские, кулинарные курсы, лагеря и др. заведения²¹.

Одним из интересных проектов общества являлся публичный сбор средств в кружках. С этой целью в пользу общества было создано десять кружков для сбора пожертвований в десяти местах:

1. в главной конторе торгового дома Бенкендорф и К⁰, Мариинская II;
2. в магазине Обон-Марше, Баятинская ул., дом Тифлисского Банка;
3. в промысловой конторе торгового дома Бенкендорф и К⁰ в Сураханах;
4. в промысловой конторе торгового дома Бенкендорф и К⁰ в Балаханах;
5. в заводской конторе торгового дома Бенкендорф и К⁰ в Сабунчах;
6. в Николаевской аптеке Д.З. Зуммерова, ул. Николаевская;
7. в магазине «П. Сегалья и сыновья» Велико-Княжеский пр., дом Тагиева;
8. в Русско-Азиатском банке;
9. в магазине «А. Бендер и сыновья», пр. Велико-Княжеский;
10. в Аптекарском магазине П.О. Зиборова, Баилов, 76 [10, л. 28].

20 марта 1916 г. «Детский дом» устроил пятичасовой кинематографический сеанс в театре «Феномен» для увеличения средств общества. Программа детского дневного кинематографического сеанса, с 12 до 5-ти часов дня была следующей:

- Отделение 1 – «Зеландия» (видовая).
- Отделение 2 – «Золотые рыбки».
- Отделение 3 – «Сказка о рыбаке и рыбке».
- Отделение 4 – «Приключения Тото».
- Отделение 5 – В зоологическом саду в Париже²².

Как видно, главная цель благотворительности в городе Баку была сосредоточена на здоровье и благополучии детей вне зависимости от национальности и вероисповедания. Вопрос защиты бездомных детей и сирот всегда оставался актуальным. Как отметил Александр Русаневич: «Фактически, общество должно опекать детей, потерявших родителей... Но в нашем обществе нет закона, устанавливающего такое обязательство» или же в условиях таких негативных ситуаций, как массовая беспризорность в обществе, необходимо «выработать общий план организаций, народных чтений в уездах, составлять программы чтения по закону России, истории, литературы, сельскому хозяйству, медицине, гигиены и т.д.» [8, с. 15].

Подводя итог исследованию, нужно подчеркнуть, что вышеперечисленные благотворительные организации, занимаясь вопросами, связанными со здоровьем, воспитанием и обеспечением детей, использовали все предоставленные им возможности. В результате усиления лечебно-оздоровительных и воспитательных мер, их деятельность оказала положительное влияние на ликвидацию негативных явлений, связанных с беспризорными детьми и детьми из бедных семей.

20. Дело об образовании благотворительного общества под названием «Детский дом» // Национальное архивное управление Азербайджанской Республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 184. Л. 1.

21. Там же. Л. 2.

22. Там же. Л. 59.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ларионова Т.П. Благотворительная деятельность в дореволюционной России: вопросы координации // Учёные записки Казанского Университета. Гуманитарные науки. Том 152, кн.5. С. 7-17
2. Мурадов Ш.М. Динамика и структура населения Азербайджанской Республики: основные демографические и этно-демографические изменения (1897-2007 годы). Баку: Наука, 2008. 235 с.
3. Исмаилова С.А. Благотворительная деятельность в Азербайджане: специфика и тенденция развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2014, №3. С. 72-74.
4. Багирова Ш.В. Организация здравоохранения и призрения в период Азербайджанской Демократической Республики. Б.: Наука и образование, 2019. 151 с.
5. Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 2011, № 6. С. 37-49.
6. Якублу Н.К. Основатели Республики. Б: Нурлар, 2018. 503 с.
7. Энциклопедия Азербайджанской Демократической Республики. Баку: Лидер, 2005. 472 с.
8. Русаневич А. Внешкольное просвещение народа в связи с разумными его развлечениями. Екатеринославль: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1903. 23 с.

Поступила в редакцию 25.05.2023 г.

Принята в печать 08.02.2024 г.

Опубликована 15.03.2025 г.

REFERENCES

1. Larionova TP. Charitable activities in pre-revolutionary Russia: issues of coordination. *Scientific notes of Kazan University. Humanitarian sciences.* 152; 5: 7-17.
2. Muradov ShM. *Dynamics and structure of the population of the Azerbaijan Republic: main demographic and ethno-demographic changes (1897-2007)*. Baku: Science, 2008. 235 p.
3. Ismayilova SA. Charitable Activities in Azerbaijan: Particularity and Development Traditions. *Society: sociology, psychology, pedagogy.* 2014;3: 72-74.
4. Baghirova ShV. *The Organization of Healthcare and Patronage during the Azerbaijan Democratic Republic*. Baku: Science and Education, 2019. 151 p.
5. Kolganova E.V. The origin of the system of protection of motherhood and infancy in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Bulletin of Moscow University. Series 8. History.* 2011;6: 37-49.
6. Yaqublu N. *Founders of the Republic*. Baku: Nurlar, 2018. 503 p.
7. *Encyclopedia of the Azerbaijan Democratic Republic*. Baku: Leader. 472 p.
8. Rusanevich A. *Extracurricular education of the people related to Intellectual Pursuits*. Yekaterinoslav: S.P. Yakovlev's Printing House, 1903. 23 p.

Received 25.05.2023

Accepted 08.02.2024

Published 15.03.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21165-73>

Исследовательская статья

Степанян Геворг Срапионович
д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник
Институт истории
Национальная академия наук Армении, Ереван, Армения
stepanyangevorg1966@gmail.com

Амбарцумян Наира Валеревна
к.филол.н, доцент, старший научный сотрудник
Институт литературы им. Манука Абегамяна
Национальная академия наук Армении, Ереван, Армения
nairavalerevna@mail.ru

Марукян Армен Цолакович
д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник
Институт истории
Национальная академия наук Армении, Ереван, Армения
mararmts@yahoo.com

ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАКИНСКОГО «АРМЯНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

Аннотация. Цель работы – исследовать деятельность Бакинского армянского благотворительного общества во второй половине XIX – начале XX столетия в Бакинской губернии и всего Закавказья, а также представить основные направления деятельности данного общества. Задача исследования – систематизировать деятельность армянских благотворительных обществ и в первую очередь Бакинского армянского благотворительного общества, в зависимости от поставленных целей по сохранению идентичности армянского населения в городе Баку и Бакинской губернии. Вместе с тем, были изучены проблемы, связанные с созданием и обеспечением деятельности дочерних учреждений (школ, госпиталей, библиотек, сиротских приютов, домов для престарелых, пунктов питания для нуждающихся и т.д.) Бакинского армянского благотворительного общества, которые создавались и функционировали в результате патриотической деятельности представителей армянской интеллигенции и состоятельных армян. Для достижения целей и поставленных задач в исследовании сочетаются историко-сравнительный и аналитический методы. В статье использован широкий спектр как первичных, так и вторичных источников. Источниковедческую основу статьи составляют акты Кавказской археографической комиссии, бюллетени, отчеты деятельности Бакинского армянского благотворительного общества и справочники действующей при обществе библиотеки, материалы из различных фондов Национального архива РА, богатый материал периодической печати периода деятельности данного общества. В статье были использованы также монографии и научные статьи исследователей, а также труды современников периода деятельности Бакинского армянского благотворительного общества. По итогам исследования можно констатировать, что Общество сыграло неоценимую роль в сохранении идентичности и общем развитии армян не только Баку, но и Бакинской губернии. Общество занималось культурно-просветительской деятельностью среди армянского населения Бакинской губернии, оказывало материальную помощь армянским писателям, художникам, учителям, сиротам, вдовам, жертвам стихийных бедствий, беженцам, предоставляло стипендии армянским студентам, обучающимся в европейских и российских университетах, а также учащимся тифлисской школы «Нерсисян» и эчмиадзинского лицея «Геворгян». Деятельность общества окончательно прекратилась в мае 1920 г.

Ключевые слова: Бакинская губерния; нефтяная промышленность; Давид Ростомянц; благотворительное общество; культурно-просветительские объединения; библиотека; книжный фонд; школа, госпиталь

Для цитирования: Степанян Г.С., Амбарцумян Н.В., Марукян А.Ц. Особенности и направления деятельности бакинского «Армянского благотворительного общества» // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 21. № 1. С. 65-73. doi.org/10.32653/CH21165-73

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21165-73>



Research paper

Gevorg S. Stepanyan
Dr. Sci., Professor, Leading Researcher
Institute of History
National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Armenia
stepanyangevorg1966@gmail.com

Naira V. Ambartsumyan
PhD, Assoc. Prof., Senior Researcher
Manuk Abeghyan Institute of Literature
National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Armenia
nairavalerevna@mail.ru

Armen T. Marukyan
Dr. Sci., Professor, Leading Researcher
Institute of History
National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Armenia
mararmts@yahoo.com

THE SCOPE AND NATURE OF ACTIVITIES OF THE ARMENIAN CHARITABLE SOCIETY OF BAKU

Abstract. This study investigates the activities of the Armenian Charitable Society in the Baku Governorate and broader Transcaucasia during the second half of the 19th and early 20th centuries, focusing on its primary areas of operation. The research aims to systematize the activity of Armenian charitable societies, particularly the Baku Armenian Charitable Society, in relation to their objectives of preserving Armenian identity within Baku city and the Baku province. Furthermore, it examines the establishment and maintenance of the Society's subsidiary institutions, including schools, hospitals, libraries, orphanages, nursing homes, and aid distribution points for the needy. These institutions were established and sustained through the philanthropic efforts of Armenian intellectuals and affluent individuals. Employing historical-analytical methods, this study draws upon a wide array of primary and secondary sources. These include the Acts of the Caucasian Archaeographic Commission, bulletins and activity reports of the Baku Armenian Charitable Society and its library's reference materials, archival holdings from the National Archives of the Republic of Armenia, and extensive periodical press from the Society's period of activity. Additionally, the research incorporates relevant monographs, scholarly articles, and contemporary accounts. The findings indicate that the Baku Armenian Charitable Society played a crucial role in safeguarding the identity and promoting the overall development of Armenians within Baku province. The Society engaged in cultural and educational initiatives among the Armenian population, provided financial support to Armenian writers, artists, teachers, orphans, widows, disaster victims, and refugees. It also offered scholarships to Armenian students attending European and Russian universities, as well as those at the Tiflis Nersisyan School and the Echmiadzin Gevorgyan Lyceum. The activities of the Baku Armenian Charitable Society concluded in May 1920.

Keywords: Baku Governorate; oil industry; David Rostomyan; charitable society; cultural and educational societies; library; book collection; school; hospital

For citation: G.S. Stepanyan, N.V. Ambartsumyan, A.Ts. Marukyan. The Scope and Nature of Activities of the Armenian Charitable Society of Baku. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 65-73. doi.org/10.32653/CH21165-73

Введение

Многочисленными как армянскими, так и зарубежными источниками подтверждается, что на многонациональной территории от Куры до Апшеронского полуострова с древних времен проживало армянское население, которое играло уникальную роль в этнокультурном и общественно-политическом развитии данного региона [1, с. 91–92].

Будучи одной из основных этнических групп на данной территории, армяне активно участвовали в общественно-политической, социально-экономической, образовательной и культурной жизни этого региона¹. Особенно значительна была роль армян в обеспечении подъема социально-экономической, образовательной и культурной жизни города Баку². В результате постепенного развития Баку замечается непрерывное увеличение численности армянского населения в городе, особенно в 60–80-е годы XIX столетия – в период «нефтяного бума» за счет переселенцев из разных уголков Армении [5; 6]. По данным 1897 г. в Баку (с учетом промышленных заводских районов) проживало 45402 армян [6, с. 107]³. Численность армян в Баку на 1 января 1916 г. составляла 77166 [6, с. 335–336]. В Баку действовали армянские церкви Св. Богородицы (пост. 500 г.), Св. Григория Просветителя (пост. 1863–1869 гг.), Св. Воскрешения (пост. 1894–1895 гг.), Св. Фадея и Варфоломея (пост. 1906–1913 гг.), Св. Таргманчац (пост. 1907 г.) [7, с. 5–32].

Карабахские армяне – братья Арафеляны, братья Григор и Овсеп Тумаяны, братья Гукасян, Нерсес Красильникян, Григор Дилдарян, Мусаел Шахгедаян, Давид Аван-Юзбашян, Самвел Багирян, Арутюн Мадатян, Микаел Арамянц и многие другие были владельцами крупных бакинских нефтяных месторождений. Имея торговые связи с Европой и Россией, армянские предприниматели основали свои нефтяные компании («Арарат», «Арцах», «Арамазд», «Сюник», «Воротан», «Масис», «Астхик», «Варанда» и др.), которые сыграли большую роль в организации добычи и продажи апшеронской нефти, что способствовало формированию финансово-кредитной и банковской системы Баку [8, с. 26–57, 344–370]. В условиях оживления экономической жизни Баку многие из армянских предпринимателей основали заводы, фабрики и другие промышленные компании. Помимо нефтеперерабатывающих предприятий, различных заводов и фабрик, армянские предприниматели обладали также доками и собственными пароходами [9, с. 39–44].

С середины XIX в. в армянской среде Баку возникло благотворительное движение. Практически все представители армянских предпринимателей Баку определенную часть своего состояния отводили на благотворительные цели. В основном пожертвования направлялись на строительство больниц и школ, армянских театров и других культурных центров, жертвам стихийных бедствий и детям-сиротам, предоставлялась материальная помощь благотворительным обществам и т.д. Особо проявились своей благотворительной деятельностью братья Красильникянцы и Гукасяны, которые на эти цели потратили немалые средства из накопленного состояния.

Создание и основные направления деятельности Бакинского «Армянского благотворительного общества»

В многонациональным Баку динамично развивалась армянская национальная жизнь, что проявлялось в учреждении учебных заведений, издании периодических изданий, а также в организации

1. Неоспоримым свидетельством культурной деятельности армянонаселенных сел левобережья Куры являются многочисленные церкви, монастыри и часовни, построенные в стиле армянского зодчества (Св. Апостола Егише Киша, Св. Богородицы Чалета, Св. первомученика Степаноса Сагиана, Св. Богородицы Мейсари и т.д.), а также сотни хачкаров с армянскими надписями, древних памятников и надгробий, которыми богаты кладбища Чалета, Амуравана, Гандзака, Галака, Ванка, Рушанашена, Хнхгара, Сагиана, Матраса и других населенных пунктов [2, с. 45–48; 3; 4, с. 67–72].

2. Согласно отчету начальника Астраханской таможни С. Иванова представленному главнокомандующему Кавказским фронтом генерал-майору А. Тормасову от 25 июня 1809 г., население Баку и его пригородов составило 992 семьи с 5007 жителями. В самом городе персы составляли 861 семью с 4341 жителем, армяне – 34 семьи с 163 жителями, евреи – 10 семей с 66 жителями. В пригороде города проживало 87 персидских семей с 437 жителями. В отчете Иванова также упоминается, что в Баку издревле жили почетные армянские и персидские купцы [10, с. 82].

3. «Ардзаганк», Тифлис, 1897, 31 октября, № 126.

литературной, театральной и музыкальной жизни. В условиях активизации просветительской, культурной и экономической деятельности армян в Баку появились первые благотворительные и общественные организации, среди которых особо выделялись Бакинское «Армянское благотворительное общество» и Бакинское «Армянское культурное общество» [11, с. 87–102].

В 1859 г. в журнале «Юсисапайл» («Северное сияние») издается статья известного публициста и просветителя Степаноса Назаряна «Призвание армян среди человечества», в которой, представляя историю и настоящее армянского народа, автор предлагает создать общество, которое «должно заботиться о национальном воспитании и образовании» [12, с. 11]. Одним из первых на этот призыв откликнулся корреспондент «Северного сияния», врач Бакинской губернии Давид Ростомянц⁴, который согласно рекомендациям и программе Ст. Назарянца собрал 10600 руб. и учредил старейшее в Закавказье армянское благотворительное учреждение – Бакинское «Человеколюбивое общество им. Св. Григория Просветителя» [14, с. 3–4].

Общество было подотчетно наместнику на Кавказе и бакинскому губернатору. Учредителями стали 13 человек: Давид Ростомянц, Нерсес Красильникянц (уроженец Шуши), Алексей Тер-Гукасянц (уроженец Тбилиси)⁵, Мовсес Зограбянц (уроженец Шуши), Мусаел Шахгеданянц (уроженец Шуши), Григор Тумаянц (уроженец Шуши), Саргис Айвазянц (уроженец Баку), Саргис Тер-Григорянц (уроженец Шуши), Геворг Лалаян (уроженец Шамахи), Акоп Апресянц (уроженец Шуши), Давид Адамянц (уроженец Шуши), Оганджан Ахумянц (уроженец Шуши) и Саргис Григорян (уроженец Шуши) [13, с. 8]. Устав общества был утвержден правительством 21 мая 1864 г. [15, с. 4–30]

В первой главе устава в качестве главной цели благотворительного общества фиксировалось «распространение просвещения и благотворительности среди армян, подданных России, без различиясловия и вероисповедания» [15, с. 5]⁶. Органом правления общества был совет, состоящий из председателя, избираемого сроком на 3 года, и 8 членов. Помимо членов-учредителей, в обществе также были почетные, постоянные и ежегодные члены [15, с. 7].

Первым председателем общества стал Д. Ростомянц (1864–1869). После него председателями общества были Мовсес Зограбянц (1870–1873), Павел Мелик-Бегларянц (1873–1876), Авет Мамиконян (1876–1879), Самвел Багирян (1879–1882), Григор Тумаян (1882–1885), Кристапор Антонян (1885–1889), Саргис Арутюнян (1889–1905), Костандин Хатисян (1905–1910), Микаел Пападжанян (1911–1913) и Айк Тер-Микаелян (1913–1920) [13, с. 9, 11–12, 14, 16, 18, 20; 16, с. 2, 9; 17, с. 4].

Финансирование мероприятий общества в основном шло за счет членских взносов, денежных пожертвований, пожертвований движимого и недвижимого имущества от частных лиц. Казна общества пополнялась за счет оставленного богатыми армянскими меценатами наследства [15, с. 22–23]⁷. За весь период своей деятельности в качестве недвижимости общество владело тремя зданиями⁸. О масштабах

4. Давид Ростомян родился в Тифлисе в 1820 г. В 1842 г. окончил медицинский факультет Московского университета. Сначала работал врачом в Нухинском уезде, через год переехал в Баку и в 1849 г. был назначен помощником губернского врача. В 1850–1852 гг. работал также городским врачом, в течение 10 лет занимал должность врача школы им. Св. Нуне и городской четырехгодичной школы. В 1868 г. был назначен на должность врача Бакинской губернии, где проработал до своей смерти – 16 октября 1869 г. см.: Национальный Архив Армении. Ф. 27. Оп. 1. Д. 35. Лл. 181–182 [13, с. 5–6].

5. Как один из учредителей Бакинского армянского благотворительного общества, Алексей Тер-Гукасян, в год основания общества пожертвовал 2000 руб. [13, с. 16]. О благотворительной деятельности А. Тер-Гукасяна в Баку журнал «Порц» («Опыт») в свое время написал: «Алексей был одним из щедрых учредителей Бакинского армянского благотворительного общества» («Порц», Тифлис, 1881, январь, № 1. С. 122).

6. Национальный Архив Армении. Ф. 27. Оп. 1. Д. 55. Л. 46.

7. «Ардзаганк», Тифлис, 1885, 21 июля, № 3; «Мшак», Тифлис, 1889, № 21. С. 4.

8. Изначально общество размещалось в домах частных лиц, что не способствовало стабильной работе. Учитывая это обстоятельство, правление общества приняло решение о строительстве собственного здания, в котором разместились бы библиотека с читальным залом, типография, женская и мужская школы («Арагат», 1871, № 1, с. 336). В качестве места для строительства здания совет общества выбрал незастроенную территорию перед парадным входом церкви Св. Григора Просветителя. Строительные работы начались в 1871 г. и завершились в 1873 г. Здание было полуторазэтажным, имело 13 комнат [13, с. 29–30; 14, с. 31]. Из-за пожара 20 декабря 1886 г. здание благотворительного общества прослужило недолго. По поводу разрешения строительства нового здания 12 мая 1887 г. совет общества обратился в Бакинскую городскую думу, по решению которой был выделен участок площадью 821 м². Одновременно совет выкупил прилегающую к этому территории, принадлежащую Е. Калантаряну. Строительные работы начались в начале октября 1888 г. и завершились в 1890–91 гг. Здание в основном строилось на средства, собранные бакинскими армянами. В новостроенном трехэтажном здании было 32 комнаты. На первом и втором этажах здания разместились приходские школы «Месропян» для мальчиков и «Рипсимян» для девочек [14, с. 3]. Зал для мероприятий был построен на средства нефтепромышленника Аветика Гукасяна («Тараз», Тифлис, 1914, май, № 5, с. 90). В начале XX в. было принято решение о строительстве нового, более комфортабельного двухэтажного дома на улице Станиславской. Деньги на строительство предоставили потомки нефтепромышленника Герасима Тумаяна. Здание было спроектировано архитекторами М. Тер-Григорьянцем и А. Тер-Оганяном. Строительные работы начались в июне 1902 г. и завершились в июне 1903 г. На фасаде нового здания было написано: «В дар БАБО (Бакинскому армянскому благотворительному обществу) от Григора Тумаяна» [18, с. 176; 16, с. 18].

деятельности общества свидетельствует его учредительный капитал, который с 10600 руб. увеличился к началу 1880-х гг. до более чем 40000 руб. и позволял ежегодно расходовать 7–8 тыс. руб. В 1885 г. в рядах общества уже насчитывалось 255 учредителей и постоянных членов⁹. В эти годы общество оказывало финансовую поддержку армянским школам Баку, взяло на себя расходы на обучение и проживание приемных детей, оказывало материальную помощь армянским школам Кубинского, Гандзакского, Нухинского и Шамахинского уездов¹⁰.

Одним из важных направлений деятельности общества стало покровительство и содержание десятков армянских студентов, обучающихся в различных учебных заведениях. Вскоре масштабы деятельности общества увеличились настолько, что она больше не ограничивалась городом Баку, а охватывала населенные армянами села губернии, более того, общество осуществляло благотворительные акции в Восточной Армении, Грузии и других армянонаселенных регионах Закавказья. В центре постоянного внимания общества находились имеющие материальные затруднения школы, которым ежегодно выделялись финансовые средства. Первоочередно помощь предоставлялась школам в тех населенных пунктах, где армянский язык находился под угрозой забвения. Общество оказало финансовую помощь армянским школам Гандзакско-Елизаветпольской губернии: в 1894 г. Нижа – 200 р., Чалета – 200 р., а в 1886–1891 и 1893–1895 гг. сел Султан-Нуха. Наряду с этим материальной помощи не лишались школы других армянонаселенных пунктов. В 1893–1895 гг. финансовые средства были выделены Ахалкалакской школе (900 р.), а в 1895 г. – школам Ереванской губернии [14, с. 24].

Наряду с образовательной, культурной и благотворительной деятельностью, общество строило больницы, дома для престарелых и церкви. Оно участвовало и в общественно-политической жизни Баку, имея своего представителя в городской думе. Общество в Баку также учредило благотворительные, культурно-просветительские союзы, организующие национальную жизнь, открывались новые школы, которые были обеспечены необходимым инвентарем и учебниками.

В 1870 г. по инициативе общества в Баку была основана первая типография (заведующий – Никогойос Артемов), клише армянских букв которой были привезены из Тифлиса из литейного цеха «Г. Энфиачянц и К^о». В этой типографии были изданы четыре тома песенника «Соловей Армении» (1874 г.), «Басни Олимпиана и Эзопа» (1878 г.), журнал Хорена Степане «Армянский мир» (1877–1878 гг.) и другие ценные издания.

Бакинским армянам выпала честь основания первой в Закавказье публичной библиотеки, открытой с разрешения областного управления в 1870 г. по инициативе председателя Бакинского армянского благотворительного общества Мовсеса Зограбяна. Библиотека имела состоящий из 19 пунктов устав, 8 из которых относились к читателям. В библиотеке были отделы художественной литературы, истории, языкознания, изобразительного искусства, обществознания, права, географии, философии, логики, психологии, естествознания, детской физкультуры, картографии, медицины, детской народной литературы и периодических изданий [19, с. 2]. Бакинские армяне библиотеку-читальню считали «исключительной жемчужиной города»¹¹.

Усилиями Благотворительного общества в 1870 г. при библиотеке-читальне¹² создается библиотека-музей, целью которой был сбор и хранение редких рукописей и старинных печатных книг [14, с. 9; 20, с. 130]. Первым заведующим читального зала библиотеки, действующего с 1881 г., был Александр Ширванзаде, ставший в будущем видным армянским писателем [21, с. 74]. По состоянию на 1887 г. это была единственная действующая библиотека в Баку, насчитывавшая более 9000 единиц литературы [14, с. 8]. В отчете Благотворительного общества сказано, что число посетителей библиотеки в год составляло 60–65 тыс. человек, а в среднем в день было по 170–180 читателей [14, с. 9].

К сожалению, 10 марта 1903 г. по приказу наместника на Кавказе Г. Голицына деятельность библиотеки-читальни была прекращена [22, с. 168]. Общество обратилось к наместнику с просьбой вновь разрешить деятельность библиотеки, однако, в полученном от бакинского губернатора письме говорилось, что удовлетворение просьбы общества не считается возможным, поскольку в утвержденном уставе «Благотворительного общества» 1899 г. наличие библиотеки-читальни не было предусмотрено.

9. Национальный Архив Армении. Ф. 27. Оп. 1. Д. 21. Л. 118.

10. Национальный Архив Армении. Ф. 27. Оп. 1. Д. 55. Л. 14.

11. «Тараз», Тифлис, 1898, октябрь, № 40. С. 910.

12. 2 мая 1917 г. «Благотворительное общество» такую же библиотеку с читальным залом открыла в Айкаване («Арев»). Баку, 1917. 24 мая, № 106).

28 ноября 1904 г. созывается экстренное заседание совета общества, на котором принимается решение обратиться к министру внутренних дел П. Святополку-Мирскому с просьбой вновь разрешить открыть библиотеку. В декабре того же года было получено разрешение министра, в котором говорилось: «Обществу разрешается открыть библиотеку в городе Баку, но без читального зала» [23, с. 11] Деятельность библиотеки полностью возобновилась только с 30 марта 1905 г. [23, с. 11]

По состоянию на 1 января 1913 г. в библиотеке уже насчитывалось 18227 книг (5021 на армянском, 13087 на русском и 119 на других языках) [24; 9; 11; 25]. В 1897 г. общество принимает решение об оказании финансовой поддержки армянским писателям. Финансовая поддержка общества была оказана Ованнесу Туманяну, Александру Ширванзаде, Вртанесу Папазяну, Перчу Прошяну и многим другим.

Деятельность Благотворительного общества была направлена не только на развитие культуры, не менее важное место отводилось покровительству малоимущим армянским семьям. Общество брало под свою опеку сирот и вдов, кормило стариков и беспомощных, оказывало бесплатную медицинскую помощь больным, помогало безработным и ремесленникам и т. д. С этой целью Благотворительным обществом были созданы следующие учреждения: дом занятости, столовая, детский дом, ясли, прачечная и др. [16, с. 15; 23, с. 16]¹³.

6 июля 1899 г. министр внутренних дел И. Горемыкин, утверждая новый устав общества, лишает его права вести культурно-просветительскую деятельность и разрешает заниматься благотворительностью только в пределах Бакинской губернии¹⁴. Вследствие ограничения сферы деятельности меняется также название общества, которое превращается в «Армянское благотворительное общество Баку»¹⁵.

21 мая 1913 г. царское правительство вновь восстановило право общества на образовательную и культурную деятельность, в результате чего восстанавливается и прежнее название общества – «Бакинское Человеколюбивое общество во имя Св. Григория Просветителя» [26; 17, с. 4].

Благотворительная деятельность общества приобрела широкий размах в годы Первой мировой войны. С целью оказания помощи армянским беженцам и раненым солдатам в Биби-Эйбате, Баилове, «Черном городе» и Балахане были созданы специальные пункты по сбору одежды и других вещей¹⁶. В 1915 г. общество отправило 100000 руб. для оказания материальной помощи западноармянским беженцам, переселившимся вследствие проводимой властями Османской империи в отношении армянского населения геноцидной политики в Ереван, Александрополь, Эчмиадзин, Нахичевань и Карс. Помимо финансовой помощи было отправлено 10 вагонов теплых вещей, 5 вагонов муки и других продуктов, в различных местах были открыты медицинские пункты, направлялись бригады врачей, открывались детские дома и школы для беженцев в Баку. Только в бакинской школе беженцев в 1915 г. обучалось 400 детей¹⁷. Оставаясь верным своему благородному призванию распространять просвещение, в 1914–1915 учебном году общество выделило более 150300 руб. для оказания материальной поддержки школам Шамахи, Мейсари, Карканджа, Зарху, Гаджара, Заргарана, Тубишена, Гандзака, Калбанда, Галака и Гурджевана [27, с. 9]

Для оказания помощи раненым солдатам совет общества приступил к организации госпиталя за счет средств армянской общины Баку. Для решения данного вопроса 5 сентября 1914 г. совет общества созвал общественное собрание, на котором присутствовали все члены совета, а также представители армянских общественных организаций и заинтересованные лица. Совещание завершилось решением открыть армянский госпиталь на 100 коек [27, с. 9]. Для организации работ создается исполнительный орган в составе 24 человек, членами которого были избраны доктор М. Тер-Микаелян, А. Гукасян, М. Пападжанян, А. Паронян, Ст. Тагианосян, госпожа Тагианосян, Б. Шхян, Т. Будагян, Т. Бекзадян и С. Адамян. Работой комиссии руководил О. Тер-Микаелян [27, с. 9]. Одним из отделений госпиталя руководил общественный деятель и врач Артасес Бабалян [28, с. 155–163] Существенную поддержку больнице оказывал созданный при Благотворительном обществе «Комитет армянских женщин», который приобрел необходимое белье для 80 коек [27, с. 17]. Госпиталь был открыт 26 октября 1914 г., а прием больных начался с 4 ноября¹⁸. С учетом важности роли госпиталя во время войны, «Общество Красного Креста» города Баку взяло его под свое покровительство. Высоко оценив эту

13. «Ардзаганк», Тифлис, 1885, 21 июля, № 3. С. 10.

14. Национальный Архив Армении. Ф. 57 Оп. 2. Д. 1921. Л. 27.

15. «Ардзаганк», Тифлис, 1885, 21 июля, № 3. С. 4.

16. «Арев», 26 октября, № 167, Баку, 1914.

17. Национальный Архив Армении. Ф. 27. Оп. 1. Д. 245. Лл. 88–89.

18. «Арев». Баку, 1914. 26 октября, № 167.

благотворительную акцию, императрица Мария Федоровна по случаю открытия госпиталя от имени государя направила особое благодарственное письмо Армянскому благотворительному обществу Баку [27, с. 17–18].

В госпитале получили первую медицинскую помощь более ста солдат, раненых в Сарыгамышском сражении¹⁹. Позднее, когда число раненых в Баку увеличилось, общество запланировало открытие второго госпиталя в армянском квартале Баку – Айкаване²⁰. По состоянию на конец 1914 г. госпиталь успел принять 189 человек, из которых были выписаны 121, и к 1 января 1915 г. продолжало лечиться 68 больных. Помимо раненых солдат госпиталь в 1915 г. также принял армянских сирот-беженцев, которые пробыли там около 2 месяцев до открытия Айкаванской больницы [29, с. 13].

Последний период деятельности «Армянского благотворительного общества Баку»

«Благотворительное общество» значительно пострадало осенью 1918 г. после того, как 15 сентября турецкие войска во главе с Нури пашой заняли Баку [30; 31]²¹. Несмотря на то, что полностью были разграблены принадлежащие «Благотворительному обществу» продовольственные склады, даже в этих условиях общество не прекращало свою деятельность. Совместно с Бакинским армянским национальным советом общество собрало 735000 руб. в пользу голодающих и сирот и до апреля 1920 г. продолжало оказывать всевозможную помощь пережившим погромы армянам.

После установления советской власти в Азербайджане (28 апреля 1920 г.) здание «Армянского благотворительного общества в Баку» было экспроприровано [32, с. 124; 33, с. 114]. Богатый книжный фонд библиотеки общества был рассредоточен по разным городам и селам Азербайджана²², также он лег в основу центральной городской библиотеки им. Ленина [34, с. 6].

Заключение

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что «Армянское благотворительное общество Баку» сыграло неоценимую роль в сохранении национальной идентичности и развитии армян не только Бакинской губернии, но и всего Закавказья. Уместно вспомнить достойную оценку деятельности Бакинского армянского благотворительного общества, которая была дана еще 21 мая 1889 г. на церемонии празднования 25-летнего юбилея общества [35, с. 6], в телеграмме, отправленной из Москвы воспитанником общества Шахазизом Камсараканом: «Действительно, оно того стоило, более чем стоило, поскольку «Благотворительное общество», оставаясь верным своему девизу – всегда действовало, всегда работало, всегда вспахивало нравственную почву Родины во имя святого дела прогресса, образования и просвещения» [36, с. 302].

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что направления и методы деятельности бакинского армянского благотворительного общества могут быть учтены современными армянскими благотворительными организациями, действующими в Армении и в общинах армянской диаспоры.

19. «Арев». Баку, 1914. 19 декабря, № 212.

20. «Оризон». Тифлис, 1914. 19 сентября, № 211.

21. Национальный Архив Армении. Ф. 121. Оп. 2. Д. 94. Лл. 96–99.

22. «Арадж». Ереван, 1920. 9 июля. № 143.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галстян О., Акопян А. Этнолингвистические процессы в Алуанке (Статьи, воспоминания, интервью (сборник). Сост.: Марутян О. Ереван, 2003. С. 90–92.
2. Еганын О. Рукописи, упомянутые в книге Месропа архиеп. Смбастьяна «Описание Шамахинской епархии» // Эчмиадзин. 1970. № 1. С. 45–48.
3. Карапетян С. Армянские литографии Алуанка. Ереван, 1997. – 132 с.
4. Степанян Г. Церковные записи и монастырские книги (XIV–XIX вв.), созданные в других центрах письменности Армянской Шамахинской епархии // Эчмиадзин. 2005. № 12. С. 67–73.
5. Степанян Г. Армяне Бакинской губернии во второй половине XIX века (историко-демографическое исследование). Ереван, 2010. – 246 с.
6. Степанян Г. История армян города Баку (историко-демографическое исследование). Ереван, 2011. – 651 с.
7. Stepanyan G. On the History of Armenian Sanctuaries of Apsheron Peninsula (an overview) // Вестник арменоведения. Ереван, 2021. № 1 (25). С. 5–32.
8. Степанян Г. Культурный вклад арцахских армян в развитие Ширвана и Апшерона (краткий обзор) // Сборник материалов конференции, посвященной 90-летию академика В. Бархударяна. Ереван, 2019. С. 26–57.
9. Степанян Г. Краткий обзор истории армянского флота Каспия // Материалы конференции «Культура моря – это культура человечества в диалоге цивилизаций», посвященной 25-летию Клуба морских исследований «Аяс». Ереван, 2010. С. 39–44.
10. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, под ред. Берге Ад. Т. IV. Тифлис, 1870. – 1019 с.
11. Степанян Г. Из истории «Бакинского армянского культурного общества» // Вестник Арменоведения. Ереван, 2020. № 1 (22). С. 87–102.
12. Назарянц С. Призвание армян среди человечества // «Юсисапайл» («Северное сияние»). М., 1859. № 1 (январь). С. 1–14.
13. Краткий исторический очерк 25-летней деятельности «Бакинского армянского благотворительного общества». Баку, 1891. – 72 с.
14. Краткий исторический очерк состояния и деятельности Бакинского человеколюбивого общества во имя Св. Григория Просветителя Армении с 1864 по 1896 гг., составил член совета общества секретарь А. Калустянц. Баку, 1896. – 37 с.
15. Устав Человеколюбивого общества во имя Св. Григория Просветителя Армении. СПб., 1865. – 31 с.
16. Отчет о деятельности правления Бакинского армянского Человеколюбивого общества за 1902 г. Баку, 1903. – 36 с.
17. Отчет о деятельности Бакинского Армянского Человеколюбивого общества во имя Св. Григория Просветителя за 1913 г. Баку, 1914. – 68 с.
18. «Мурч». Тифлис, 1904. № 4.
19. Справочник библиотеки Бакинского армянского благотворительного общества, (приложение списков, изданных в 1891–1894–1899 гг.). № 3. Баку, 1900. – 36 с.
20. Аветисян М. Из истории Бакинского армянского благотворительного общества // Вестник архива Армении. Ереван, 1986. № 2. С. 129–132.
21. Ширванзаде Ал. Из горнила жизни. Ереван, 1961. – 568 с.
22. «Мурч». Тифлис, 1904. № 6.
23. Отчет о деятельности правления Бакинского армянского Человеколюбивого общества за 1904 г. Баку, 1905. – 37 с.
24. Степанян Г. Арцахские армяне – основатели бакинской нефтяной промышленности (вторая половина XIX века – начало XX века) // Культурно-образовательная жизнь в Арца-

REFERENCES

1. Galstyan O., Hakobyan A. *Ethnolinguistic processes in Aluank (Articles, memoirs, interviews (collection))*. Comp.: Marutyan O. Yerevan, 2003: 90-92. (In Russ)
2. Yeganyan O. Manuscripts mentioned in the book of Mesrop Archbishop Smbatyan “Description of the Shamakhi Diocese”. *Echmiadzin*. 1970; 1: 45-48. (In Russ)
3. Karapetyan S. *Armenian lithographs of Aluank*. Yerevan, 1997. (In Russ)
4. Stepanyan G. Church records and monastery books (14th–19th centuries) created in other centers of writing of the Armenian Shamakhi Diocese. *Echmiadzin*. 2005; 12: 67-73. (In Russ)
5. Stepanyan G. *Armenians of Baku Province in the Second Half of the 19th Century (Historical and Demographic Study)*. Yerevan, 2010. (In Russ)
6. Stepanyan G. *History of Armenians of the City of Baku (Historical and Demographic Study)*. Yerevan, 2011. (In Russ)
7. Stepanyan G. On the History of Armenian Sanctuaries of Apsheron Peninsula (an overview). *Bulletin of Armenology*. Yerevan, 2021; 25(1): 5–32.
8. Stepanyan G. Cultural Contribution of Artsakh Armenians to the Development of Shirvan and Absheron (Short Review). *Collection of Materials of the Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Academician V. Barkhudaryan*. Yerevan, 2019: 26-57. (In Russ)
9. Stepanyan G. A Brief Overview of the History of the Armenian Caspian Fleet. *Proceedings of the Conference “The Culture of the Sea is the Culture of Humanity in the Dialogue of Civilizations” Dedicated to the 25th Anniversary of the Ayas Marine Research Club*. Yerevan, 2010: 39-44. (In Russ)
10. Berger Ad. (ed). *Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. IV. Tiflis, 1870. (In Russ)
11. Stepanyan G. From the History of the Baku Armenian Cultural Society. *Bulletin of Armenology*. Yerevan, 2020; 22(1): 87-102. (In Russ)
12. Nazaryants S. The Calling of Armenians Among Humanity. *Yusisapayl (“Severnoe siyanie”)*. Moscow, 1859; 1 (January): 1-14. (In Russ)
13. *A Brief Historical Essay on the 25-Year Activity of the “Baku Armenian Charitable Society”*. Baku, 1891. (In Russ)
14. *A Brief Historical Essay on the Status and Activities of the Baku Philanthropic Society in the Name of St. Gregory the Illuminator of Armenia from 1864 to 1896, compiled by A. Kalustyan, a member of the society’s council and secretary*. Baku, 1896. (In Russ)
15. *The Charter of the Philanthropic Society in the Name of St. Gregory the Illuminator of Armenia*. Saint-Petersburg, 1865. (In Russ)
16. *Report on the Activities of the Board of the Baku Armenian Philanthropic Society for 1902*. Baku, 1903. (In Russ)
17. *Report on the activities of the Baku Armenian Philanthropic Society in the name of St. Gregory the Illuminator for 1913*. Baku, 1914. (In Russ)
18. “Murch”. Tiflis, 1904. No. 4.
19. *Directory of the library of the Baku Armenian Charitable Society, (supplement of lists published in 1891-1894-1899)*. No. 3. Baku, 1900. (In Russ)
20. Avetisyan M. From the history of the Baku Armenian Charitable Society. *Bulletin of the Armenian Archives*. Yerevan, 1986; 2: 129-132. (In Russ)
21. Shirvanzade Al. *From the crucible of life*. Yerevan, 1961. (In Russ)
22. “Murch”. Tiflis, 1904. No. 6.
23. *Report on the activities of the board of the Baku Armenian Philanthropic Society for 1904*. Baku, 1905. (In Russ)
24. Stepanyan G. Artsakh Armenians – the founders of the Baku oil industry (second half of the 19th century – early 20th cen-

хе. Материалы конференции. Доклады конференции, Ереван, 2022. С. 344–370.

25. Справочник библиотеки Бакинского армянского благотворительного общества, Баку, 1891, 103 с.

26. Устав Человеколюбивого общества во имя Св. Григория Просветителя Армении. Баку, 1913. – 23 с.

27. Отчет о деятельности Бакинского Армянского Человеколюбивого общества во имя Св. Григория Просветителя за 1914 г. Баку, 1916. – 56 с.

28. Григорян В. Арташес Бабалян и его книга воспоминаний, “Дрошак”, сентябрь, № 4, Ереван, 2001. С. 155–163.

29. Отчет о деятельности Бакинского Армянского Человеколюбивого общества во имя Св. Григория Просветителя за 1915 г., Баку, 1917. – 22 с.

30. Ишханян Б. Великие ужасы в гор. Баку. Анкетное исследование сентябрьских событий 1918 г. Тифлис, 1920. – 188 с.

31. Гегамянц Э. Турки на Кавказе и падение Баку. Т. II. Баку, 1919. – 155 с.

32. Абемян А. Мы и наши соседи (проблемы национальной политики) // «Айреник». Бостон, 1928, год 5, июль. № 9. С. 119–131.

33. Абемян А. Армяно-азербайджанские отношения (национально-политические проблемы) // «Айреник». Бостон, 1929, год 8, сентябрь. № 8. С. 110–118.

34. Агаджанян Г. Открытое письмо Б. Вахабзаде и другим титулованным муаллимам Азербайджана // Литературная газета. Ереван, 1990, 2 февраля. С. 6.

35. Галстеанц А. Описание празднования двадцатипятилетнего юбилея Бакинского армянского благотворительного общества: подготовил секретарь общества. Москва, 1891. – 33 с.

36. Григор старший священник Григорянц, “Соловей Армении”. Полный национальный песенник. Т. I. Баку, 1902. – 382 с.

ture). *Cultural and educational life in Artsakh. Conference materials and reports*. Yerevan, 2022: 344-370. (In Russ)

25. *Directory of the library of the Baku Armenian Charitable Society*. Baku, 1891. (In Russ)

26. *Charter of the Philanthropic Society in the name of St. Gregory the Illuminator of Armenia*. Baku, 1913. (In Russ)

27. *Report on the activities of the Baku Armenian Philanthropic Society in the name of St. Gregory the Illuminator for 1914*. Baku, 1916. (In Russ)

28. Grigoryan V. Artashes Babalyan and his book of memoirs, “Droshak”, September, No. 4, Yerevan, 2001: 155-163. (In Russ)

29. *Report on the activities of the Baku Armenian Philanthropic Society in the name of St. Gregory the Illuminator for 1915*. Baku, 1917. (In Russ)

30. Ishkhanyan B. *Great horrors in the city of Baku. Questionnaire study of the September events of 1918*. Tiflis, 1920. (In Russ)

31. Geghamyants E. *Turks in the Caucasus and the fall of Baku*. Vol. II. Baku, 1919. (In Russ)

32. Abeghyan A. We and our neighbors (problems of national policy). *Hayrenik*. Boston, 1928; 9: 119-131. (In Russ)

33. Abeghyan A. Armenian-Azerbaijani relations (national-political problems). *Hayrenik*. Boston, 1929; 8: 110-118.

34. Aghajanyan G. Open letter to B. Vahabzade and other titled mualims of Azerbaijan. *Literaturnaya Gazeta*. Yerevan, 1990, February 2. P. 6.

35. Galstians A. *Description of the celebration of the twenty-fifth anniversary of the Baku Armenian Charitable Society: prepared by the secretary of the society*. Moscow, 1891. (In Russ)

36. Grigor senior priest Grigoryants, “*The Nightingale of Armenia*”. *Complete national songbook*. Vol. I. Baku, 1902. (In Russ)

Поступила в редакцию 02.09.2023 г.

Принята в печать 01.04.2024 г.

Опубликована 15.03.2025 г.

Received 02.09.2023

Accepted 01.04.2024

Published 15.03.2025

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21174-92>



Research paper

Morteza Khanipour
PhD (Archeology) Assistant Professor
Silk Road International University of Tourism and Cultural Heritage, Samarkand, Uzbekistan;
Samarkand State University, Samarkand, Uzbekistan
Khanipour73@yahoo.com

EMERGENCE OF NEOLITHIC IN THE SOUTHERN PLAINS OF IRAN: DARAB PLAIN

Abstract. The study of the Neolithic period in Southwest Asia, particularly the Zagros region, has been a central focus for archaeologists. However, while central Zagros has been extensively researched, the southern plains and valleys remained largely unexplored until approximately a decade ago. The diverse environmental characteristics of Fars province necessitated more detailed studies of each region. The current study focuses on the southern Zagros region to further investigate the Neolithic period. In 2019, the first survey season was conducted in Darab to identify archaeological settlements. A total of 351 sites, ranging from the Paleolithic to the Islamic periods, were discovered. The study presents an overview of the Neolithic period in the Darab plain, encompassing Neolithic sites, lithic tools, grinding stones, and pottery. Furthermore, the study aims to determine the factors that prompted Neolithic people to settle in the southern Zagros valleys and this region. Finally, it aims to define the role of this region in the Neolithization and development process on the Iranian Plateau. The survey results identified one site and one rock shelter with Pre-Pottery Neolithic evidence, including bullet cores and blades. This site represents the southernmost known Pre-Pottery Neolithic site in the Zagros. De Miroschedji identified Bizdan pottery as the oldest Neolithic pottery in the region, while four distinct pottery types have been recognized in Fars. During the latest Neolithic phase, coarse plain pottery was found in the Darab plain and other areas of Fars.

Keywords: Neolithic; Fars; Darab; sedimentary settlements; agriculture

For citation: M. Khanipour. Emergence of Neolithic in the Southern plains of Iran: Darab plain. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 74-92. doi.org/10.32653/CH21174-92

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21174-92>



Исследовательская статья

Мортеза Ханипур

к.и.н., доцент

Международный университет туризма и культурного наследия «Шелковый путь», Самарканд, Узбекистан;
Самаркандский государственный университет, Узбекистан

Khanipoor73@yahoo.com

РАССВЕТ НЕОЛИТА НА ЮЖНЫХ РАВНИНАХ ИРАНА: РАВНИНА ДАРАБ

Аннотация. Изучение неолитического периода в Юго-Западной Азии, особенно в районе Загрос, вызывает большой интерес со стороны археологов. Однако, несмотря на то что центральный Загрос уже довольно тщательно изучен, южные равнины и долины оставались долгое время практически неисследованными. Разнообразные природные условия провинции Фарс требовали более детального изучения каждого региона. Данное исследование фокусируется на южном районе Загроса с целью дальнейшего изучения неолитического периода. В 2019 году в Дарабе был проведен первый сезон археологических раскопок для выявления древних поселений. В общей сложности был обнаружен 351 памятник, охватывающих периоды от палеолита до исламского времени. Настоящее исследование представляет обзор неолитического периода равнины Дараб, включая неолитические поселения, каменные орудия, зернотерки и керамику. Кроме того, исследование направлено на определение факторов, побудивших неолитических людей поселиться в южных долинах Загроса и в этом регионе. Наконец, оно пытается определить роль этого региона в процессе неолитизации и развития на Иранском нагорье. Раскопки выявили одно поселение и одно укрытие в скале с докерамическим неолитическим материалом, включая карандашевидные ну-клеусы и пластины. Этот объект представляет собой самое южное известное докерамическое неолитическое поселение в Загросе. Де Мирошеджи определил керамику типа Биздан как самую древнюю неолитическую керамику в регионе, в то время как в Фарсе были выявлены четыре различных типа керамики. В позднем неолитическом периоде грубая плоскодонная керамика была обнаружена на равнине Дараб и в других районах Фарса.

Ключевые слова: неолит; Фарс; Дараб; оседлые поселения; земледелие

Для цитирования: Ханипур М. Рассвет неолита на южных равнинах Ирана: равнина Дараб // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 1. С.74-92. doi.org/10.32653/CH21174-92

© Ханипур М., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

Introduction

The study of the Neolithic period in Southwest Asia, particularly in the Zagros region, has long been a focus for archaeologists. The first evidence of cultivation and animal domestication comes from different sites in Zagros, such as Ganj Dereh, Sheikhiabad, and Choghagolan [1; 2; 3]. Recent studies document early Neolithization in the central Zagros Mountains, forming by the end of the Younger Dryas (c. 11,000–9700 BC) [3; 2]. However, compared to adjacent regions like the Levant and Anatolia, little archaeological research has been conducted in Zagros [4: 44; 5]. Most of this research has focused on central Zagros, while the southern plains and valleys remain understudied.

In Iranian archaeology, the Southern Zagros and many parts of the Persian Gulf shores are known as the Fars cultural zone. Excavations in Neolithic sites in this area began with Tol-e Bakun B [6: 23]. Subsequently, Vanden Berghe excavated several Neolithic sites and proposed the first chronological sequence of prehistoric Fars [7; 8]. The Japanese team's excavations at Tol-e Mushki [9] and Tol-e Jari [10; 11] represent the first systematic studies of the Neolithic period in Fars. Excavations at Tol-e Bakun, Jari, and Mushki, along with Sumner's surveys in the Kur River basin [12], revealed the oldest evidence of the Neolithic period, dating to the Mushki period (the second half of the 7th millennium BC).

As a result, this large cultural zone was not initially included in studies on the development of the Pre-Pottery Neolithic period and the emergence of pottery in Iran and Southwest Asia. However, the excavation of Haji Bahrami Cave [13; 14], Tape Rahmatabad [15; 17], Tol-e Sangi [18], and Tol-e Qasr-e Ahmad [19] uncovered evidence of Proto-Neolithic and Pre-Pottery Neolithic periods, including early pottery.

Around 7000 BC, like other regions in Iran and Southwest Asia, the people of this zone began producing pottery. However, the southern plains of Zagros remain largely unexplored archaeologically across various prehistoric periods, particularly the Neolithic. The Darab Plain, the largest intermontane plain in the southern Zagros, offers favorable conditions for human settlement across numerous periods. A 2019 survey of the region revealed evidence of Neolithic occupation [20].

This article aims to study and introduce the formation and development of the Neolithic period in the southern highlands of Zagros based on these new findings. In line with these objectives, the following questions arise: What is the earliest evidence of the Neolithic period in the Darab plain? How did cultural interactions unfold during the Neolithic period in this region? What are the cultural and economic characteristics of the Neolithic period in Darab as a marginal area of the Fertile Crescent? Was the Neolithic development of the Darab region influenced by the Fertile Crescent, or did it draw from the oases of the Persian Gulf? To answer these questions, we will first introduce the Neolithic sites in chronological sequence, followed by an analysis of cultural interactions through comparisons of pottery and stone tools.

1. Darab Plain: research background

The formation of ancient settlements depends on geographical characteristics and is often shaped by the mutual interaction between humans and the environment. Various factors, such as water sources, soil, and other resources, play a role in the establishment of settlements in specific locations. Darab County in southeastern Fars province, covering a total area of 6,500 square kilometers, includes both plains and mountains. The geographical location and landscape of Darab have long attracted human societies, leading to the formation of various settlements dating from the Paleolithic period to the present day.

The first archaeological survey in Darab was conducted by Stein [21]. Between 1971 and 1972, De Miroshedji carried out a survey to identify prehistoric settlements in Darab, with the results published in only a short paper [16]. Alamdari and Shirvani later conducted a survey in Rostaq, a district of Darab County [22]. Morgan and Seyyidin also carried out surveys at Darabgerd [23; 24]. In 2019, the author conducted a survey project in Darab County [25]. While Stein excavated several sites in Darab, Jamshidi Yeganeh conducted the first systematic excavation at the Hirbodan site in 2021 [26].

2. Darab in Neolithic period

Stein's excavation at Tol-e Siah Madovan is considered the first Neolithic excavation in Darab [21]. However, his publication focused solely on painted pottery from the Bakun period. Subsequently, de Miroshedji's

survey identified Pottery Neolithic evidence [16]. Currently, the few pieces of pottery identified by de Miroshedji remain the sole evidence of the Neolithic period in Darab.

During the author's 2019 survey of the plain, eleven Neolithic sites were identified (fig. 1), which can be divided into three periods. The oldest evidence comes from the Pre-Pottery Neolithic period. Two sites with Bizdan pottery were also identified, and the late Neolithic period is considered equivalent to the Shamsabad period in the Marvdasht plain. This period is characterized by coarse plain pottery, which was found at nine sites.

3. Neolithic sites in Darab

3.1. Galou Bozorg Shelter

Galou Bozorg shelter (fig. 2) is situated south of the Darab plain, approximately 1300 meters from Ab Shib village, at the entrance to Galou Bozorg valley. The shelter measures 30×20 meters, covering an area of 600 m². Stone tools and ground stone artifacts are found throughout the site. Several petroglyphs, including animal and geometric motifs, are carved on the cave walls. The presence of bullet cores and pressure blades suggests that the shelter was used during the Pre-Pottery Neolithic period. The limited deposit at this site suggests seasonal occupation of the shelter.

3.2.1. East Beriskan A site

The Beriskan site is located 23 km southwest of Darab city and southwest of Oubad village. The site is centered around a spring in the southwest corner of the village. Based on surface findings, different periods can be identified in various parts of the site. The cultural deposits appear to have formed horizontally. For a more detailed analysis of the site and its occupation during each period, the surface was divided into four contiguous sections.

To the south of the village and east of the spring, stone tools are scattered across the surface. The area likely served as a seasonal camp during the Neolithic period, owing to the spring's presence. The absence of pottery, coupled with the exclusive recovery of sickle blades and bullet cores, suggests a Pre-Pottery Neolithic date for this section. The stone artifact distribution covers an area of approximately 140×60 meters.

3.2.2. South Beriskan A

As previously noted, the Beriskan site comprises several sections. The Neolithic pottery deposit is located southwest of the spring. Excavation made by the qanat in the site's center revealed Neolithic deposits (fig. 3). These deposits, consisting of ash and soil layers, can be seen on both sides of the canal. The site measures 240×85 meters, with an area of approximately 14,800 m². This section appears to contain approximately three meters of Neolithic deposits. The recovered pottery is either plain or painted. While this pottery type is often referred to as Bizdan ware, after its discovery at Tol-e Pol Bizdan, the majority of deposits at Tol-e Pol date to the Bakun period, with fewer Neolithic layers compared to the Beriskan site.

3.3. Tol-e Pol Bizdan

Tol-e Pol Bizdan is located 850 meters north of Bizdan village on the western terrace of the Roudbal River. There is a historical bridge and a modern one near this site. It is known as Tol-e Pol Bizdan because of its proximity to the bridge and Bizdan village. The dimensions of the site are 290×90 meters, covering an area of 19,000 m². Located roughly four meters above the river, the site is almost level with the plain in its northern and western sections. A portion of the southeast corner has been destroyed by a loader.

The site was first discovered during de Miroshedji's survey. He recovered previously unidentified pottery, which he named Bizdan-type pottery, dating it to the Neolithic period [16]. The site appears to have been occupied at the end of the 7th millennium or the first half of the 6th millennium BC, and later during the Bakun period. Although Bizdan-type pottery was identified during the survey, the majority of surface finds can be attributed to the Bakun period. In the site's northern sections, ash and kiln remnants were observed. Surface pottery included deformed pieces, some fused together by intense kiln temperatures, and others exhibiting green discoloration from heat exposure, indicating on-site pottery production during the Bakun period.

3.4. Tol-e Banouj 1

Tol-e Banouj is located 450 meters north of Banouj village on the eastern side of the Darab plain. Its dimensions are 62×77 meters, covering an area of around 4,100 m², with a height of 4 meters. The site is situated on a flat plain suitable for agriculture (fig. 4). The water supply was likely derived from streams originating from springs on Pahana Mountain. It appears that during the Neolithic period, the site was occupied by agriculturalists.

3.5. Tol-e Dargoo

Tol-e Dargoo is located 8500 meters southwest of Fathabad village. This site measures 140×110 meters, and its area is around 12,000 m². The site is about 210 cm above the surrounding plain. A surface survey yielded both Neolithic (coarse plain ware) and Bakun pottery. The surface of the site is covered with Neolithic pottery, and a pit has been dug where the soil reveals only Neolithic pottery and lithic. The site's surface is predominantly covered with Neolithic pottery, and a pit excavation revealed exclusively Neolithic pottery and lithic artifacts. However, Bakun pottery is more densely distributed in the northern and northwestern sections. Consequently, it can be inferred that the majority of cultural deposits at this site date to the Neolithic period, with limited areas indicating (seasonal?) Bakun occupation. Furthermore, in the northern part of the site, there are remains of several stone walls. The site's surface features lithic tools produced using both pressure-flaking and percussion techniques.

3.6. Tol-e Siah DahKooch

Tol-e Siah DahKooch is located 380 meters south of Qale-no village and 1,500 meters northwest of Abshib village. Currently, the site is about 100 cm high, with dimensions of 130×120 meters and an area of 11,800 m². Based on the distribution of pottery, it seems that the site includes a central part and two seasonal settlements on the north and southeast sides. Coarse plain pottery was found in the middle of the site, while painted pottery is distributed in the northern and southeastern parts. The site was likely inhabited at the end of the Neolithic period, with some areas later occupied during the Bakun period.

3.7. Tol-e Siyah Shahnan

Tol-e Siyah Shahnan is located 2,400 meters south of Shahnan village and 680 meters northeast of the Darabgerd site. This relatively flat site has a maximum height of 100 cm above the surrounding plain. Currently, the site's dimensions are 95×75 meters, but an aerial image from 1967 shows that the site was 115×85 meters, with an area of 8,400 m². Parts of the site have been destroyed in recent years.

3.8. Tol-e Rigi Shahnan

Tol-e Rigi Shahnan is located 1,100 meters west of Shahnan village and 3,300 meters north of the Darabgerd site. The site measures 113×58 meters, with an area of 6,400 m². Significant destruction is evident at this site (fig. 5).

3.9. Dehghani site

The Dehghani site is located 1,700 meters southwest of Hirbodan village and 400 meters from the Roudbal River. This site measures 65×50 meters, and its area is around 2,800 m². The site rises approximately 40 centimeters above the surrounding plain. Situated on farmland, the site has experienced partial destruction due to agricultural activities. A surface survey yielded both Neolithic (coarse plain pottery) and Sasanian pottery.

3.10. Bizdan 6 site

The Bizdan 6 site is located 1,350 meters south of Bizdan village, on the eastern terrace of the Roudbal River. This site measures 180×150 meters, and its area is around 25,000 m². During the surface survey, Neolithic coarse plain pottery was found, along with stone tools made using both pressure-flaking and percussion techniques, similar to those at the Dargoo site.

3.11. Tol-e Beriskan B

Tol-e Beriskan B is located 710 meters south of Oubad village and 1,100 meters north of Mehrabad village. Looking at the current state of the site, it is clear that the original extent was much larger than what remains today. Apart from its obvious prominence, the site rises about one meter above the surrounding land on the east side, which is clearly visible in the exposed cultural deposits. Although the site was approximately 28,800 m², local people report that a large portion of it was leveled about 40 years ago for agricultural purposes. Today, only an area of 65×40 meters with a height of about 3 meters remains. Its section contains coarse plain pottery, as well as layers of soil and ash (fig. 6).

3.12. Tol-e Rigi Soltanabad

Tol-e Rigi Soltanabad is located 1100 meters from Soltanabad village and 1400 meters southeast of Fajr town. Its dimensions are 120×110 meters, its height is about 5 meters, and its current area is 8900 m². Over the past few years, the northern and northeastern parts of the site have been destroyed, and a pool has been constructed on this area.

3.13. Tol-e Siah Madovan

Tol-e Siah Madovan is located 2900 meters northwest of Madovan village and 2370 meters south of Fajr town. Stein conducted excavations at this site, publishing findings primarily concerning Bakun pottery [21]. The site's height is about 5 meters, its dimensions are 110×105 meters, and its current area is 7700 m². According to aerial images taken in 1967, the site was larger at that time, measuring 120×110 meters with an area of about 9600 m². Unfortunately, due to agricultural activities, gardens, and construction works, the site has been significantly damaged. Most of the pottery found on the surface is coarse plain pottery, with some painted pottery also present (fig. 7). This suggests that most of the settlement on this site dates back to the late Neolithic period and was abandoned during the early Bakun period.

4. Chronological sequence of the Neolithic period in Darab

4.1. Pre-Pottery Neolithic: Beriskan period

In the Fars cultural zone, excavations at Tape Rahmatabad uncovered evidence of the Pre-Pottery Neolithic period, designated the Rehatabad Period [17], with absolute dating ranging from 7450 BC to 7000 BC [18]. Additional evidence from this period was found during excavations at Qasr-e Ahmad [19], Tol-e Sangi [27] and surveys of the Neyriz Plain [28]. Despite this, the Pre-Pottery Neolithic period in southern Iran remains relatively understudied. Evidence of the Pre-Pottery Neolithic period was also discovered at East Beriskan A site and Galuo Bozorg shelter during the archaeological survey of Darab. Continued surveys in shelters and caves within Darab may yield further evidence from this period.

4.2. Pottery Neolithic: Bizdan and Banouj period

Excavations at Rahmatabad [17], Qasr-e Ahmad [19], and Tol-e Sangi [27] yielded evidence of the pottery emergence dating to around 7000/6900 BC in Fars. However, surveys in Darab failed to identify archaeological evidence from this period. The oldest pottery documented in the region pertains to the Bizdan period, contemporaneous with the Mushki or Jari periods. De Miroschedji's survey in the Darab region uncovered a pottery style near Bizdan village, subsequently designated the Bizdan pottery style [16].

In the Marvdasht Plain, Shamsabad pottery replaced Jari pottery [29; 18], and in Darab, coarse plain pottery similar to Shamsabad pottery replaced the Bizdan pottery. Based on surface finds, two cultural periods can be identified for the Pottery Neolithic period in Darab. There is a possibility that additional periods may be identified with further surveys or excavations at Neolithic sites in this region. De Miroschedji discovered Bizdan pottery on the surface of two sites in the Darab Plain [16]. The author also visited Tol-e Pol Bizdan and found pottery of this period at the Beriskan site in the Darab Plain and at two sites in Forg Plain [25]. Although Stein published pottery from Tol-e Siah Madovan, including a sherd of Bizdan pottery [21, Plate XXIII: no. 17], this type of pottery was not identified during the author's survey.

It appears that in the Darab Plain, the coarse plain pottery superseded painted pottery of the Bizdan period. This type of pottery, previously undocumented in Darab, was identified at eight sites in this region. Tol-e Banouj, a prominent site exhibiting this pottery style, has prompted the author to propose the designation “Banouj period” for this phase. This period is contemporaneous with Shamsabad or Bakun B1 in the Kur River basin and Yahya VII in Kerman.

Table 1: Chronological sequence of Darab plain and Kur and Polvar Rivers

Period	aproximate date	Kur and Polvar Rivers Basin		Darab	
		Chronology	Site	Chronology	Site
Pottery Neolithic	5000	Bakun		Skou	
	5500	Shams Abad	Bakun B2	Banouj	Banouj 1, Siah DahKoooh Siyah Shahnan, Rigi Shahnan Dehghani, Beriskan B Siah Madovan, Rigi Soltanabad
		Jari	Jari A & B	?	Siah Madovan? Beriskan A Pol Bizdan
	6000	Mushki	Mushki Hormangan	?	
	6500	Formation	Tol-e Sangi Rahmatabad	Unknown	
Pre-Pottery	7000	Rahmatabad	Tol-e Sangi Rahmatabad	Beriskan	Beriskan A Galou Bozorg
	7500			?	

5. Neolithic archeological materials in Darab

5.1. Pottery

In the following, we will describe the Neolithic pottery from 11 sites in the Darab plain.

5.1.1. Bizdan pottery

During his research in Darab, de Miroschedji identified a distinct type of pottery, differing from that of the Kur River basin, based on the surface findings. This pottery was introduced as Bizdan type pottery, associated with the Neolithic period. Characteristically, it is buff or brown-buff, featuring outer surface decoration. The ware is handmade with straw temper. Some pieces exhibit well-polished inner and outer surfaces, coated with a buff or reddish clay slip. The designs are geometric, including vertical and horizontal lines, rhombuses, or hatched rectangles. Based on its fabric, quality, and motifs, this pottery type can be attributed to the Neolithic period. However, the absence of absolute dating precludes a precise chronology for this pottery. Consequently, the initial appearance and duration of use remain uncertain. It is unclear whether it was contemporaneous with the Mushki or Jari periods. Excavations at sites with Bizdan pottery could provide insights into the local characteristics of the Pre-Pottery Neolithic period in southern Iran. It appears that in the 6th millennium BC, Darab and the southern regions of Fars had a distinct cultural material compared to the cultural material of Jari, with unique local characteristics observed in these regions (fig. 8).

5.1.2. Banouj pottery

The pottery recovered from these nine sites consists entirely of coarse plain pottery with straw temper. This pottery can be divided into two categories: coarse plain pottery and coarse pottery with a red slip. Approximately 95% of the collected samples belong to the former group. This ware is generally reddish, although buff-colored examples are occasionally found. It is handmade, and its firing quality is generally inadequate, suggesting firing in open kilns. The fabric color is often gray, indicating a lack of control over the kiln's heat. The second group includes buff or red pottery with a red slip. The only difference between the two groups is the slip on the surface of the pottery. Coarse plain pottery in the Kur River basin has been identified and introduced as Bakun B1 or Shamsabad pottery, dating to around 5600 BC to 5200 BC (fig. 9).

5.2. Lithic industries of the Neolithic period in the Darab

While Mlefaatian industry was originally defined using materials from parts of the northern and central Zagros region [30; 31] subsequent research indicates that the same framework (Early, Late, and Post-Mlefaatian) applies to Fars Province, southwest Iran. In his publication, Nishiaki analyzed the stone tools of the Fars cultural zone based on excavations in the Kur and Polvar river basins [4]. A collection of stone tools, including bullet cores, blades, and backed blades similar to those from the Pre-Pottery Neolithic phase at Rehmat Abad [32] and Tol-e Sangi, was obtained from Beriskan A (fig. 10) and Galou Bozorg shelters. The bullet-shaped cores indicate a fully developed pressure flaking technology, involving careful platform faceting.

A significant change in Fars occurred during the late 7th millennium BC, when the Early Mlefaatian was replaced by the Late Mlefaatian. Pottery Neolithic settlements at Tol-e Mushki [9; 33] and the Hormangan site [34] are among the most documented collections related to this period. In the Darab survey, no geometric tools comparable to those from Tol-e Mushki and Hormangan were found, but such tools might be discovered through further archaeological excavations in this plain.

In the early 6th millennium BC, changes in the stone tools of the Fars cultural zone were evident. Evidence from this period was obtained from Tol-e Jari B [32]. Comparable stone tools were found at 11 sites related to the Bizdan and Banouj periods in Darab. These sites exhibit a rare use of bullet-shaped cores for pressure flaking and a lack of geometric tools. Sickle blades made from blades increased significantly during this phase. From the sites of Dargoo and Bizdan 6, both pressure-flaking and percussion techniques for stone tools have been identified. To date, no similar tools have been found at other Neolithic sites in Fars. These types of stone tools have been discovered on the surface of various sites in the western parts of the Darab plain and Forg plain. All the stone tools were made from local chert, which appears to have been the primary material used. Although obsidian was found at Bakun period sites in this region, it was not present on the surface of any Neolithic sites. The chert used was of high quality, ranging in color from creamy brown to reddish, gray, and dark gray (fig. 11).

5.3. Ground stone

Ground stones, found alongside other material cultures at prehistoric sites, are frequently studied as tools for food preparation and production [35; 36; 37]. Beyond food production, analysis of ground stones can also provide scientific insights into settlement patterns, subsistence strategies, labor division, and specialization [38]. While ground stones are commonly discovered during archaeological excavations of Neolithic sites in Iran [39; 40; 41; 42; 9; 43], they frequently receive limited scholarly attention. They are also often overlooked during archaeological surveys. Since their function related to agriculture and food production has been noted, their distribution on Neolithic site surfaces can help us better understand the subsistence patterns.

During the Darab survey, ground stones were found on the surface of Neolithic sites, including classic mortars, pebble mortars, pestles, flat-topped grinding slabs, saddle-shaped grinder slabs, combined slab-mortars, pounders, and handstones (fig. 12). The raw material used in the production of these tools is limestone, which has minimal fragmentation and erosion when used for grinding and processing plant materials. Grinding slabs were fashioned from irregular, almost circular stones, often with uneven lower surfaces. These slabs were placed on the ground or a stable surface, and their working surfaces are generally flat or slightly concave. Pounders, consisting of river cobbles used for pounding or crushing, exhibit impact and use marks on their basal surfaces.

Although most of these ground stones appear to be related to food production in Neolithic Darab, traces of red ochre were observed on one of the mortars from Beriskan. The presence of ochre suggests that some ground stones used in Darab may have had multiple functions. Traces of red ochre on ground stones have been previously observed at sites such as Sarab [40: 305], Choghagolan [44: 371], Hormangan [45; 46], and Tol-e Sangi [47; 48]. The presence of ground stones used for food processing on Neolithic sites in Darab suggests that these sites were occupied by agricultural communities. Moreover, some ground stones have red coloration, suggesting they might have been used to prepare ochre, as seen in the mortar from Beriskan.

Discussion

The archaeological survey in the Darab plain provides new insights into the Neolithic settlement of southern Iran. Darab encompasses a vast plain with fertile lands and ample water resources, including a river and numerous springs. This environment fostered the emergence of various settlements. Evidence of Pre-Pottery Neolithic settlement has been found on the surface of one site and one rock shelter, suggesting these were seasonal settlements due to the thin cultural deposits. In the Fars cultural zone, architectural evidence from the Pre-Pottery Neolithic period was obtained from Tol-e Sangi [18] and Qasr-e Ahmad [19], although architectural evidence from Rahmatabad is limited [17]. Therefore, it can be said that both seasonal and sedentary settlements were prevalent during the Neolithic period. The initial survey season in Darab identified only seasonal settlements. Further archaeological surveys in this region may reveal additional sites from this period.

Given the lack of archaeological excavations at Neolithic sites in Darab, discussing the origins of Neolithic society in this region presents a challenge. Rose suggests that early Neolithic populations in the lowlands may have inherited cultural characteristics from the Persian Gulf [49]. Darab plain, being one of the southernmost plains of Zagros and close to the northern coast of the Persian Gulf, shows similarities in stone tools with northern regions such as the Kur River basin, rather than with the Persian Gulf oasis.

Currently, no evidence of pottery production has been found in the Darab Plain. From the second half of the 7th to the first half of the 6th millennium BC, various pottery styles emerged in Fars [5]. For example, the Kur River basin features Mushki and Jari pottery [29; 18], Kavar plain has Qasr-e Ahmad pottery [15], Fasa has Jalyan pottery, and Darab has Bizdan pottery [16]. Although similarities in production methods or fabrics exist, the motifs are completely different. According to current archaeological findings, four distinct regions can be considered in Fars at this time [15], with Bizdan type pottery being the southernmost, found at three sites in the Darab plain and two sites in the Forg Plain [25]. This pottery style appears to be a local variant.

Archaeological excavations in the Kur River basin indicate that coarse plain pottery superseded painted pottery around 5600 BC [50]. During the survey in Darab, similar coarse pottery was found at nine sites and was introduced during the Banouj period. Similar pottery was also documented during excavations at Tape Yahya, referred to as the Yahya VII period [51]. Pottery culture appears to be similar across different regions of Fars and western Kerman, a trend that persisted until the Bakun period. This cultural similarity was evident in excavations at Gavkoshi [52]. Therefore, the end of the Neolithic period marks the loss of local pottery cultures across Fars and cultural integration. Unfortunately, there is limited information about economic and social structures from this period, resulting in scattered data on this era in Fars.

A survey in the Kur River basin, as reported by Sumner, suggests the implementation of irrigation for agriculture during the Jari period, and canal construction in the Shamsabad period [53: 87-99; 54: 48]. An agricultural economy appears to have been prevalent in the Darab Plain during the Neolithic period, as evidenced by an increase in settlements and population. Two Bizdan sites are located between a river and a spring, while Banouj period sites are distributed across diverse areas of the Darab Plain. Therefore, it can be inferred that canals were employed for agriculture and water management in both Darab and the Kur River basin during this period.

Conclusion

Recent surveys on the Darab plain have yielded significant information illuminating the region's Neolithic settlements. During this survey, 13 Neolithic sites were identified. Two of these sites can be attributed to the Pre-Pottery Neolithic period based on stone tools such as bullet cores. Following this period, painted pottery

of the Bizdan type emerged. Subsequently, coarse plain pottery was observed, similar to the Kur River basin where coarse plain ware superseded painted Jari pottery. Additionally, in Darab, coarse plain pottery replaced Bizdan pottery. Although these pottery types are attributed to the Neolithic period, and this attribution is generally supported by their fabric, quality, and motifs, a precise chronology remains unclear. The exact timing of the dominance of these pottery styles is not well established. Excavations at the Bizdan and Banouj sites may help identify the local characteristics of the Neolithic period.

The identified sites suggest that the Pre-Pottery Neolithic settlements in this area were likely seasonal, relying on animal husbandry or hunting. However, during the Bizdan period, sedentary settlements were established near rivers or springs, indicating a shift towards an agricultural subsistence economy. By the Banouj period, settlements were distributed throughout the plain, suggesting the probable use of canals for agricultural water provision. Settlement patterns and site locations alongside water sources imply an emphasis on canal-based agriculture, which likely facilitated population growth and settlement expansion.

Acknowledgment

I would like to express my gratitude to the Iranian Center for Archaeological Research and the Cultural Heritage Office of Darab, especially Dr. Siamak Sarlak (former Deputy of the ICAR), Davood Moradi (former head of Darab's Cultural Heritage), and Nader Ganji Khahan for their support in conducting the archaeological survey project in Darab. I also extend my thanks to the members of the Darab survey team, including Sepideh Jamshidi Yeganeh, Zeinab Hadi, Mohsen Heidari Dastnaei, Ammar Tazik, Hamid Tabatabaei, Mahdi Safaei Nejad, Saman Mostafapour, and Peyman Khorasani. Additionally, I would like to thank Hojjat Pourhosseini for aerial photography.

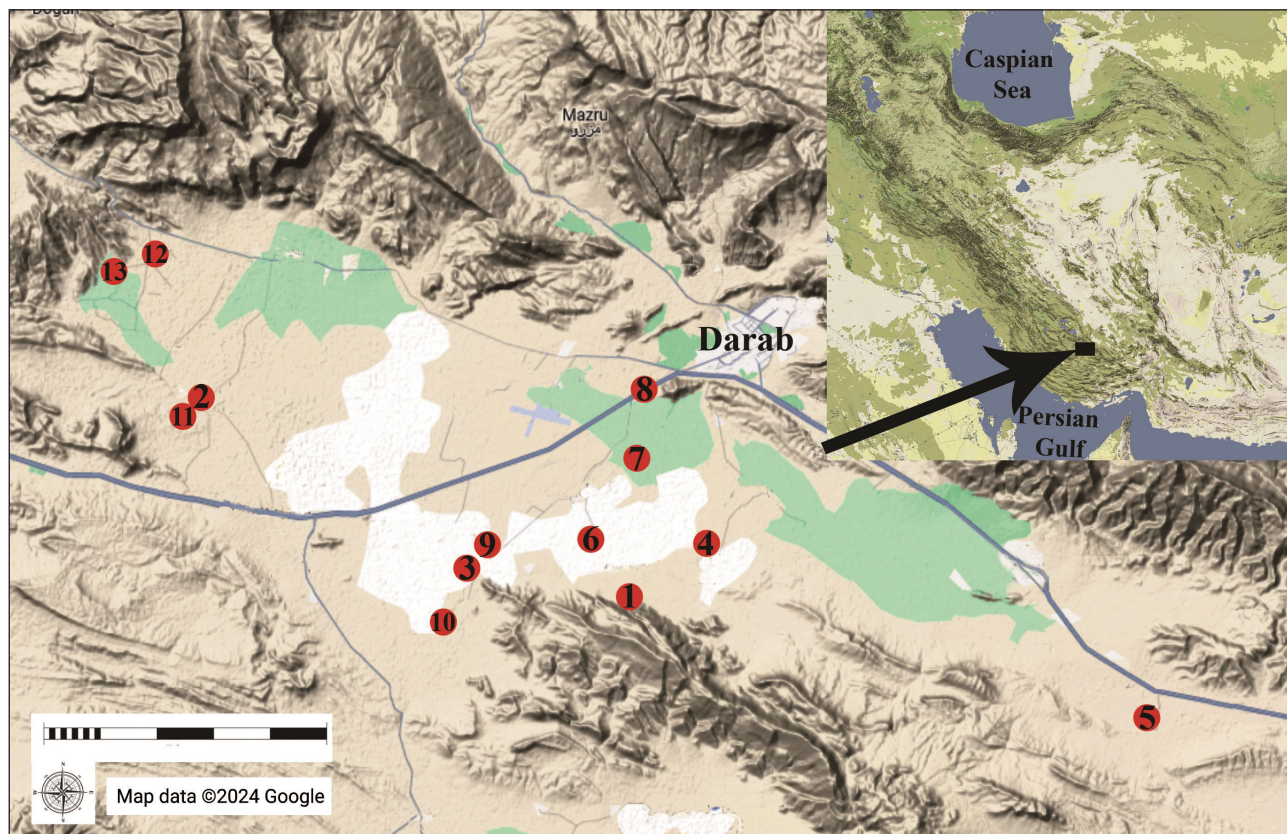


Fig. 1. Map of the Neolithic sites in Darab plain. 1 – Galou Bozorg; 2 – Beriskan A; 3 – Tol-e Pol Bizdan; 4 – Tol-e Banouj 1; 5 – Tol-e Dargoo; 6 – Tol-e Siah DahKooch; 7 – Tol-e Siyah Shahnan; 8 – Tol-e Rigi Shahnan; 9 – Dehghani Site; 10 – Bizdan 6 site; 11 – Tol-e Beriskan B; 12 – Tol-e Rigi Soltanabad; 13 – Tol-e Siah Madovan

Рис. 1. Карта неолитических стоянок Дарабской равнины. 1 – Галу Бозорг; 2 – Берискан А; 3 – Толе Пол Биздан; 4 – Тол-е Банудж 1; 5 – Тол-е Даргу; 6 – Тол-е Сиах ДаКух; 7 – Тол-е Сия Шахнан; 8 – Тол-е Риги Шахнан; 9 – Стоянка Дехгани; 10 – участок Биздан 6; 11 – Тол-е Берискан Б; 12 – Тол-е Риги Солтанабад; 13 – Толе Сиах Мадован



Fig. 2. Galou Bozorg rock shelter

Рис. 2 Скальное убежище Галу Бозорг



Fig. 3. South Beriskan A

Рис. 3 Южный Берискан А



Fig. 4. Overview of Tol-e Banouj 1

Рис. 4 обзор Тол-е Банудж 1



Fig. 5. Aerial photo of Tol-e Rigi Shahnan

Рис. 5 Аэрофотоснимок Тол-е Риги Шахнан



Fig. 6. Ash and heated structure in the section of Beriskan B

Рис. 6 Зола и нагретая конструкция в разрезе Берискана Б

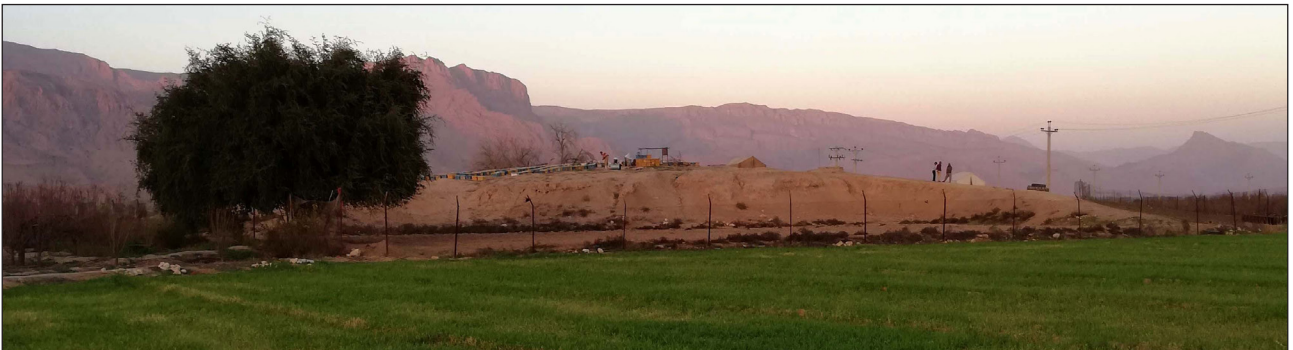


Fig. 7. Overview of Tol-e Siah Madovan

Рис. 7 обзор Тол-е Сиах Мадован

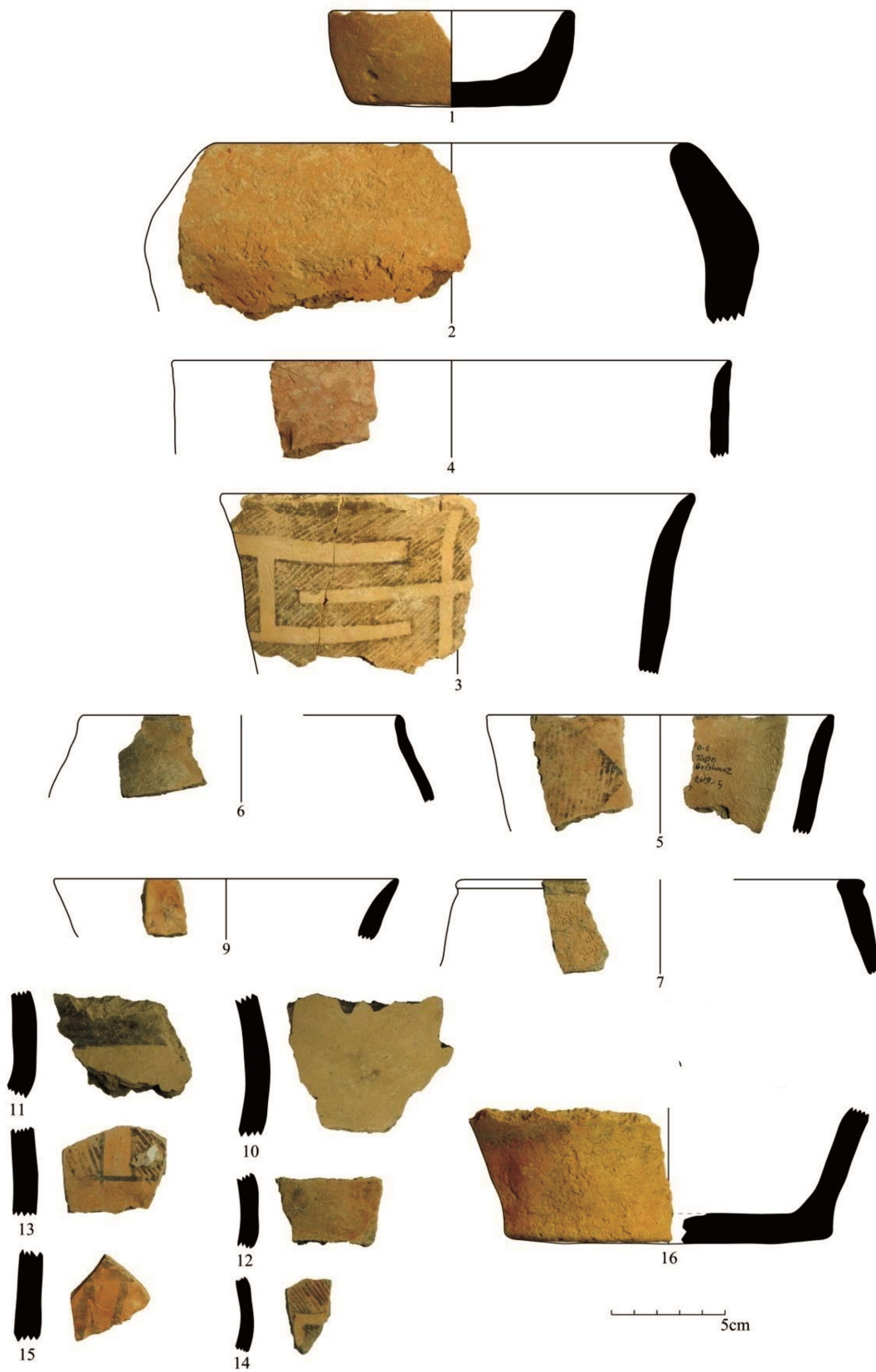


Fig. 8. Bizdan pottery from Beriskan site

Рис. 8 Бизданская керамика из Берискана

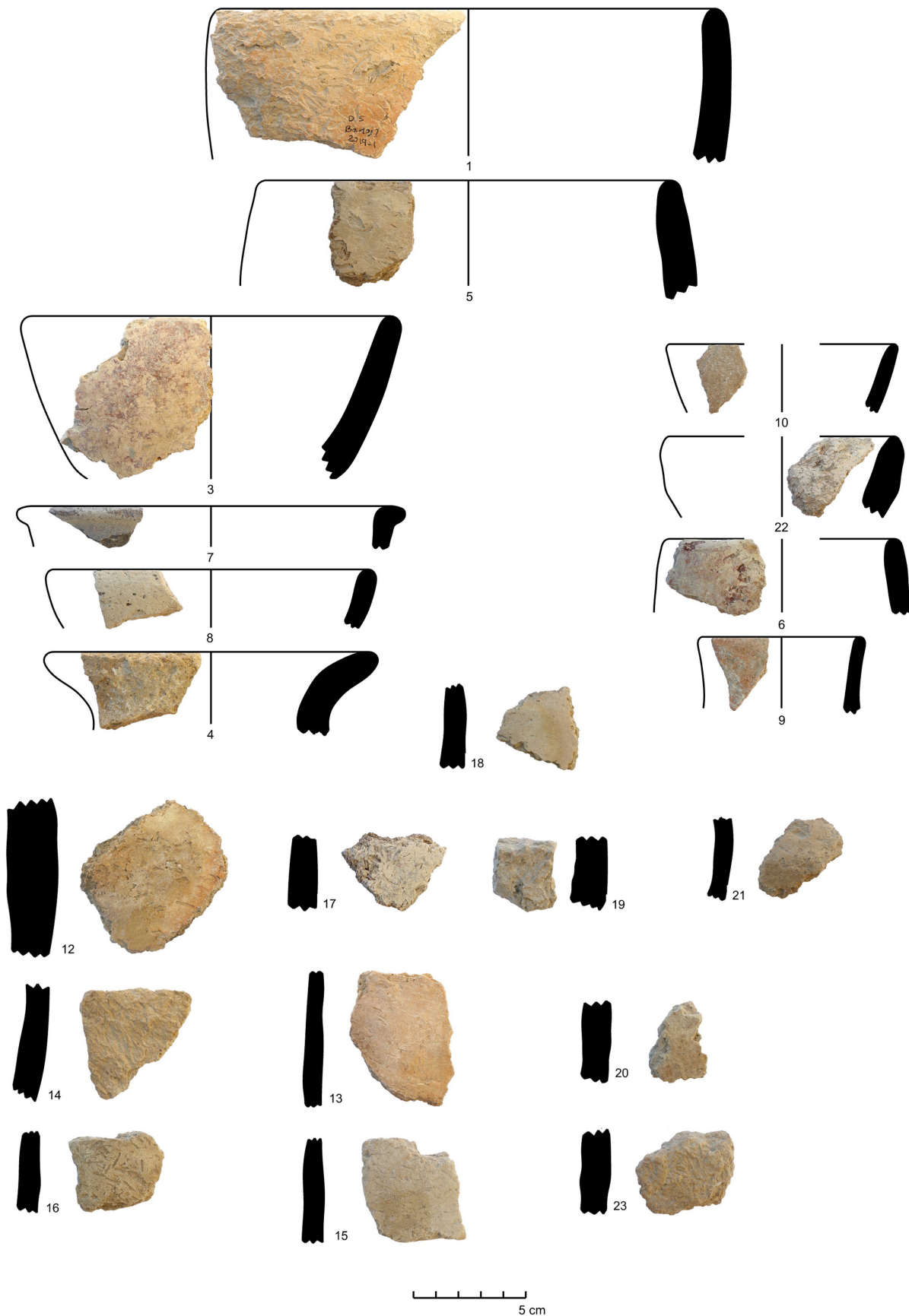


Fig. 9. Banouj pottery from Banouj Site

Рис. 9 Бануджская керамика из памятника Банудж



Fig. 10: Pre-Pottery Neolithic stone tools from Beriskan site

Рис. 10 Каменные орудия PPN из Берискана



Fig. 11: Pottery Neolithic stone tools from Beriskan site

Рис. 11 Каменные орудия PN из Берискана

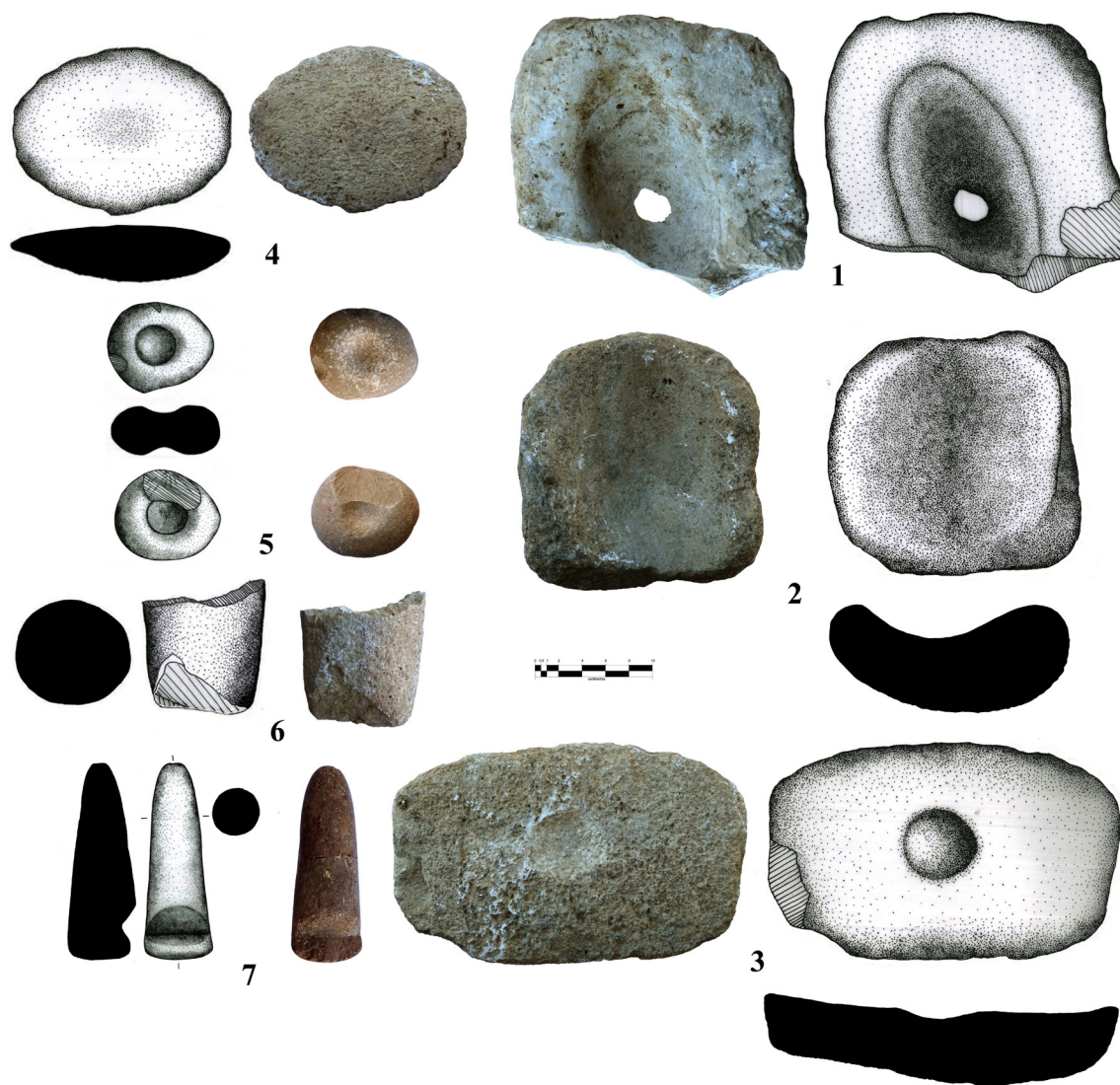


Fig. 12: Ground stone from Darab: 1- Classic mortar, 2- saddle-shaped grinding slab, 3- combined slab-mortar, 4- flat-topped Grinding slab, 5- Pebble mortar, pestle, 6 and 7- pounder

Рис. 12: Молотый камень из Дараба: 1 — классическая ступка, 2 — седловидная шлифовальная плита, 3 — комбинированная плита-ступка, 4 — шлифовальная плита с плоским верхом, 5 — ступка из гальки, пестик, 6 и 7 — толченые плиты

REFERENCES

1. Zeder MA. The Origins of Agriculture in the Near East. *Current Anthropology*. 2011; 52(4): 221-236.

2. Riehl S., Zeidi M., Conard N.J. Emergence of agriculture in the foothills of the Zagros Mountains of Iran. *Science*. 2013. 341(6141): 65-67.

3. Matthews R., Matthews W., Mohammadifar Y. (eds). The Earliest Neolithic of Iran. The 2008 Excavations at Sheikh-e Abad and Jani. Oxford, Oakville: Oxbow Books (The British Institute of Persian Studies Archaeological Monograph Series IV; Central Zagros Archaeological Project, 1, 2013.

4. Nishiaki Y. The Development of Neolithic Lithic Industries in Fars, Southwest Iran. *Proceedings of the International Congress of Young Archaeologists, Tehran, edited by Mohammad Hossein Azizi Kharanaghi, Morteza Khanipour, Reza Naseri*. Tehran: Iranshenasi Foundatio, 2018: 44-59.

5. Khanipour M. Organization of pottery production at the Hormangan Neolithic site: Archaeological evidence of craft specialization in southwestern Asia, *Archaeological Research in Asia*. 2024; 40: 1-9.

6. Langsdorff A., McCown DE. *Tall-i-Bakun A: Season of 1932*. Oriental Institute Publications, Vol. 59. Chicago: Chicago University Press, 1942.
7. Vanden Berghe L. Archaeologische opzoekingen in de Marv Dasht vlakke (Iran). *Jaarbericht Ex Oriente Lux*. 1951–52; 12: 211-220.
8. Vanden Berghe L. Archaeologische Navorsingen in de Omstreken van Persepolis. *Jaarbericht Ex Oriente Lux*. 1953–54; 13: 394-408.
9. Fukai S., Horiuchi K., Matsutani T. *Marv Dasht III: Excavations at Tall-I-Mushki, 1965* (Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Reports 14). Tokyo: Institute of Oriental Culture of the University of Tokyo, 1973.
10. Egami N., Masuda S., Gotoh, T. Tal-i Jarri A: A Preliminary Report of the Excavations in Marv Dasht, 1961 and 1971. *Orient*. 1977; 8: 1-14.
11. Egami N. Excavations at Two Prehistoric Sites Tepe Djari A and B in the Marv-Dasht Basin. In: Pope U. (ed). *A Survey of Persian Art: from Prehistoric Times to the Present*, XIV. London: Oxford University Press, 1967: 2936-2939.
12. Sumner WM. *Cultural Development in the Kur River Basin, Iran: An Archaeological Analysis of Settlement Patterns*. Ph.D. diss, University of Pennsylvania, 1972.
13. Tsuneki A., Zeidi M. *Tang-e Bolaghi. The Iran-Japan Archaeological Project for the Sivand Dam Salvage Area*. Tsukuba: University of Tsukuba, 2008.
14. Tsuneki A. Proto-Neolithic Caves and Neolithisation in the Southern Zagros. In: Matthews R., Fazeli Nashli H. (eds). *Neolithisation of Iran – The Formation of New Societies*. Oxford: Oxbow Books, 2013: 84-96.
15. Azizi Kharanaghi MH., Khanipour M. New Evidence from the Neolithic and Bakun Period Based on the Third Season of Archaeological Excavations at Tape Rahmatabad, Pasargadae. In: Azizi-Kharanaghi M.H., Khanipour M., Naseri R. (eds). *Proceedings of The International Congress of Young Archaeologists*. Tehran: University of Tehran Press, 2014: 67-86.
16. De Miroschedji P. Prospections Archéologiques Dans Les Vallées de Fasa et de Darab. In: Bagherzadeh F. (ed). *Proceedings of the 1st Annual Symposium on Archaeological Research in Iran, 1972*. 1-7. Tehran: Iranian Center for Archaeological Research, 1973.
17. Azizi Kharanaghi H., Fazeli Nashli H., Nishiaki, Y. The Second Season of Excavations at Tepe Rahmatabad, Southern Iran: The Absolute and Relative Chronology. *Ancient Near Eastern Studies*. 2014; 51: 1-32.
18. Khanipour M., Niknami K., Abe M. Challenges of The Fars Neolithic Chronology: An Appraisal. *Radiocarbon*. 2021a; 63(2): 693-712.
19. Azizi Kharanaghi M. H., Khaloee F., Khanipour M. Excavations at Tape Qasr-e Ahmad. *Abstracts the 11th Annual Symposium of Iranian Archaeology*. Tehran: ICAR, 2012b [in Persian].
20. Khanipour M. the first season of the archaeological survey of Darab County, in *proceedings of the 17th Annual Symposium on the Iranian Archaeology*, Tehran: Research Institute of Cultural Heritage and Tourism, 2019: 380-385.
21. Stein A. An Archaeological Tour in the Ancient Persis. *Iraq*. 1936; III: 111-230.
22. Alamdari K., Shirvani Gh. *Archaeological survey in Ros-tagh*. Tehran: ICAR archive (unpublished), 2009.
23. Morgan P.H. Some remarks on a preliminary survey in eastern Fars. *Iran*. 2003; XLI: 323-338.
24. Karimian H., Seyedein S. Recovery of Ancient Cities by Referring to the Historical Texts, Case Study: Darabgerd, *Baghe Nazar*. 2009; 11: 69-82.
25. Khanipour M. Bizdan Pottery: New Evidence from The Neolithic Period at Forg, Southeast Fars, Iran. *Journal of Sistan and Baluchistan Studies*. 2023; 2(2): 65-76.
26. Jamshidi Yeganeh S. Cremation in Elamite period (Suk-kalmah): evidence from Hirbodan site. *Historia i Suiat*. 2023; 12: 31-46.
27. Khanipour M., Nishiaki M. Dating the beginning of the Pottery Neolithic in South Iran: Radiocarbon dates from Tol-e Sangi, the Fars. *Radiocarbon*. 2024; 66: 637-649.
28. Nikzad M., Moradi H., Emadi H. Qal'at Surmagh: A Pre-Pottery Neolithic Site from Neyriz Plain, Eastern Fars, Iran. *Neo-lithic*. 2018; 18: 12-16.
29. Nishiaki Y. The Development of Architecture and Pottery at the Neolithic Settlement of Tall-i Jari B, Marv Dasht, Southwest Iran. *AMIT*. 2010; 42: 113-127.
30. Kozłowski S.K. Chipped Neolithic industries at the Eastern Wing of the Fertile Crescent. In: Gebel H.G.K., Kozłowski S.K. (eds). *Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent*. Berlin: ex oriente, 1994: 143-171.
31. Kozłowski S.K. *The Eastern Wing of the Fertile Crescent. Late Prehistory of Greater Mesopotamian Lithic Industries*. Oxford: Archaeopress, 1999.
32. Nishiaki Y. A Reappraisal of the Pottery Neolithic Flaked Stone Assemblages of Tall-i Jari B, the Fars, Southwest Iran. In: Borrell F., Ibáñez J., Molist M. (eds). *The Proceedings of the International Conference PPN7*, xx. Barcelona: University of Barcelona, 2013.
33. Abe M. Geometrics from the Neolithic settlement of Tall-i Mushki, Southwest Iran. In: Healy E., Campbell S., Maeda O. (eds). *The State of the Stone. Terminologies, Continuities and Contexts in Near Eastern Lithics*. Manchester: Manchester University, 2011, pp. 163–169.
34. Abe M., Khanipour M. The 8.2ka event and re-microlithization during the Late Mlefaatian in the Zagros mountains: analysis of the flaked stone artefacts excavated from Hormangan in North-eastern Fars, South-west Iran. In: Nakamura S., Adachi T., Abe M. (eds.). *Decades in Deserts: Essays on Near Eastern Archaeology in Honour of Sumio Fujii*. Tokyo: Rokuichi Syobou, 2019: 305-317.
35. Wright KI. Ground Stone Tools and Hunter-Gatherer Subsistence in *Southwest Asia: Implications for the Transition to Farming*, *American Antiquity*. 1994; 59(2): 238-263.
36. Wright KI. The Social Origins of Cooking and Dining in Early Villages of Western Asia. *Proceedings of the Prehistoric Society*. 2000; 66: 89-121.
37. Wright KI. Craft Production and the Organization of Ground Stone Technologies. In: Rowan Y.M., Ebeling J.R. (eds.). *New Approaches to Old Stones, Recent Studies of Ground Stone Artifacts*. Equinox Publishing Ltd, London, 2008: 130-143.
38. Rowan Y.M., Ebeling J.R. Introduction: Potential of Ground Stone Studies. In: Rowan Y.M., Ebeling J.R. (eds). *New Approaches to Old Stones, Recent Studies of Ground Stone Artifacts*. London: Equinox Publishing Ltd, 2008: 1-15.
39. Hole F. *Studies in the Archaeological History of the Deh Luran Plain: The Excavation of Chogha Sefid*. Memoirs of the Museum of Anthropology 9, Ann Arbor. The University of Michigan Press, 1977.
40. Mc Donald MMA. *An examination of mid-Holocene settlement patterns in the Central Zagros region of western Iran*. Ph.D. Dissertation, Department of Anthropology, University of Toronto, 1979.
41. Pullar J. *Tepe Abdul Hosein, A Neolithic Site in Western Iran, Excavations 1978*. Oxford: BAR International Series 563, 1990.
42. Mortensen P. Excavations at Tepe Guran: the Neolithic Period. *Acta Iranica*. Peeters, 2014: 55.
43. Saeedi F., Pollock S. Grinding and Pounding Implements. In: Pollock S., Bernbeck R., Abdi K. (eds). *The 2003 Excavations at Tol-e Baši, Iran: Social Life in a Neolithic Village (Archäologie in Iran und Turan. Band 10)*. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, 2010: 204-206.

44. Conard N.J., Zeidi M. The Ground Stone Tools from the Aceramic Neolithic Site of Chogha Golan, Ilam Province, Western Iran. In: Borrell F., Ibanez J., Molist M. (eds). *Stone Tools in Transition: From Hunter-Gatherers to Farming Societies in the Near East*. Barcelona: Bellaterra, Universitat Autònoma de Barcelona, Servei de Publicacions, 2013: 365-75.
45. Khanipour M., Niknami K. Hormangan Site: A Neolithic Site in the Bavanat River Basin, Iran. *Pazhohesh-ha-ye Bastanshenasi Iran*. 2018; 19: 27-46.
46. Khanipour M., Zare Kordshooli F., Karami, H. Archeological Excavations at Tol-e Sangi in Fars Province, Iran. *Persica Antiqua*. 2021; 1(1): 97-104.
47. Khanipour M., Holakoei P. Food Production and Manufacturing Tools of the Hormangan Neolithic Society, Iran. *Lithic Technology*. 2025; 1-17.
48. Holakoei P., Khanipour M. and Karimy A. H. Ochre and other pigments from the 7th millennium BC: Evidence from painted objects excavated at Tol-e Sangi and Hormangan archaeological sites in southern Iran. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2025. 62; 105041.
49. Rose J. New light on human prehistory in the Arabo-Persian Gulf Oasis. *Current Anthropology*. 2010; 51: 849-83.
50. Khanipour M., Azizi Kharanaghi M. H. Fars as a multi-cultural zone during the Neolithic period, in Richter, T., and Darabi, H., (Eds.). *The Epipalaeolithic and Neolithic in the eastern Fertile Crescent: Revisiting the Hilly Flanks*. Routledge, 2024: 241-260.
51. Lamberg-Karlovsky C.C, Beale T.W. (eds). *Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975. The Early Periods*. American School of Prehistoric Research Bulletin, Vol. 38, Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Cambridge, 1986.
52. Alidadi Soleimani N, Fazeli Nashli H. The re-evaluation of Kerman Neolithic Chronology based on the excavation of Tepe Gav Koshi Esfandagheh- Jiroft. *Journal of Research on Archaeometry*. 2018; 4(2): 61-79. (In Persian).
53. Sumner W.M. Full-Coverage Regional Archaeological Survey in the Near East: An Example from Iran. In: Fish S.K., Kowalewski S.A. (eds). *The Archaeology of Regions: A case for Full-Coverage Survey*. Smithsonian Series in Archaeological Inquiry, Washington D.C.: Smithsonian Institution Press, 1990: 87-115.
54. Sumner W.M. The Evolution of Tribal Society in the Southern Zagros Mountains, Iran. In: Stein G., Rothman M.S. (eds). *Chiefdoms and Early States in the Near East: The Organizational Dynamics of Complexity*, 18, Prehistory Press, Monographs in World Archaeology, Madison, 1994: 47-65.

Received 03.08.2024

Accepted 11.09.2024

Published 15.03.2025

Поступила в редакцию 03.08.2024 г.

Принята в печать 11.09.2024 г.

Опубликована 15.03.2025 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21193-123>

Исследовательская статья

Симоненко Антон Анатольевич
научный сотрудник
Государственный исторический музей, Москва, Россия;
младший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
[simonenkoa@shm.ru](mailto:simonenkoaa@shm.ru)

Кулакова Екатерина Петровна
научный сотрудник
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, Москва, Россия
ek.kula@yandex.ru

Кузьминова Юлия Владимировна
младший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия;
научный сотрудник
Музей Москвы, Москва, Россия
juliakuzminovamos@gmail.com

Симакова Александра Николаевна
к.г.-м.н., ведущий научный сотрудник
Геологический институт РАН, Москва, Россия
simak2001@mail.ru

НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ГЕГАЛАШУР 1 В СРЕДНЕГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. Среди памятников раннего палеолита Северо-Восточного Кавказа выделяются три группы – айникабская (Айникаб 1 и 2), мухкайская (Мухкай 1, 2 и 2а) и гегалашурская (Гегалашур 1, 2 и 3). Все эти памятники расположены в среднегорной зоне Центрального Дагестана (Акушинский район, Республика Дагестан) на высоте около 1500–1600 м над у.м. и были открыты Х.А. Амирхановым в период с 2005 по 2007 гг. В 2023 г. коллектив Палеолитической археологической экспедиции ГИМ под руководством А.А. Симоненко начал исследования памятника Гегалашур 1, раскопки которого ранее не проводились. Одной из задач стало изучение гипсометрического уровня, аналогичного тому, на котором расположен памятник Мухкай 2, слой 80, где кремневый инвентарь и фауна сохранились *in situ*. В результате работ 2023–2024 гг. на стоянке Гегалашур 1 удалось получить представительную коллекцию кремневых изделий, характерных для эпохи олдована. Технично-типологические характеристики материала и наличие таких категорий как чопперы, пики, скребла, скребки, а также преобладание мелких отщепов, отсутствие бифасов и отщепов крупнее 10 см позволяют отнести данные материалы культурных горизонтов 1 и 2 к технокомплексу чоппера и пика. На основании данных палеомагнитных и палинологических исследований литологических слоёв, вмещающих культурные горизонты 1 и 2, можно предварительно предположить, что материалы датируются древнее субхрона Олдувей, но не ранее начала палеомагнитной эпохи Матуяма, и их формирование приходится на период от 1,93 до 2,6 млн л.н.

Ключевые слова: Среднегорный Дагестан; Гегалашур 1; ранний палеолит; олдован; чоппер; пик; мелкий отщеп

Для цитирования: Симоненко А.А., Кулакова Е.П., Кузьминова Ю.В., Симакова А.Н. Начало исследований памятника раннего палеолита Гегалашур 1 в Среднегорном Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 1. С. 93-123. doi.org/10.32653/CH21193-123

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH21193-123>

Research paper

Anton A. Simonenko
Researcher
State Historical Museum, Moscow, Russia;
Junior Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
[simonenkoa@shm.ru](mailto:simonenkoaa@shm.ru)

Ekaterina P. Kulakova
Researcher
Schmidt Institute of Physics of the Earth of RAS, Moscow, Russia
ek.kula@yandex.ru

Yuliya V. Kuzminova
Junior Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia;
Researcher
Museum of Moscow, Moscow, Russia
juliakuzminovamos@gmail.com

Alexandra N. Simakova
Cand. of Geological and Mineralogical Sciences, Leading Researcher
Institute of Geological Sciences of RAS, Moscow, Russia
simak2001@mail.ru

THE BEGINNING OF THE EXCAVATIONS AT THE GEGALASHUR 1 (NORTH-EASTERN CAUCASUS)

Abstract. The early Paleolithic archaeological sites of the North-Eastern Caucasus comprise three distinct groups: Ainikab (Ainikab 1 and 2), Mukhkai (Mukhkai 1, 2, and 2a), and Gegalashur (Gegalashur 1, 2, and 3). These sites are situated within the central mountainous region of Central Dagestan, at an approximate elevation of 1500-1600 meters above sea level. They were initially discovered by A.A. Amirkhanov between 2005 and 2007. In 2023, an expedition from the State Historical Museum, under the leadership of A.A. Simonenko, undertook excavations at the previously uninvestigated Gegalashur 1 site. A primary objective of this excavation was to examine the hypsometric level analogous to layer 80 at the Mukhkai 2 site, a context known for its in situ lithic assemblage and associated fauna. The 2023-2024 excavation at Gegalashur 1 yielded a representative collection of lithic artifacts characteristic of the Oldowan tradition. Technical and typological analysis of these materials revealed the presence of various tool categories, including choppers, picks, and scrapers. Notably, the assemblage was dominated by small flakes, with a complete absence of bifacial tools and flakes exceeding 10 centimeters in maximum dimension. These findings support the classification of the materials from cultural horizons 1 and 2 within the “chopper and pick” technocomplex. Furthermore, preliminary paleomagnetic and palynological analyses tentatively suggest that cultural horizons 1 and 2 correlate with the Olduvai subchron and date no earlier than the onset of the Matuyama paleomagnetic epoch. The formation of these horizons is estimated to have occurred between 1.93 and 2.6 Ma.

Keywords: Central Daghestan; Gegalashur 1; Early Paleolithic; Oldowan; chopper; pick; small flake

For citation: A.A. Simonenko, E.P. Kulakova, Y.V. Kuzminova, A.N. Simakova. The beginning of the excavations at the early paleolithic site Gegalashur 1 (North-Eastern Caucasus). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 93-123. doi.org/10.32653/CH21193-123

Введение

Пункты Гегалашур 1-3 были открыты Х.А. Амирхановым в 2007 г. и входят в группу многослойных раннеплейстоценовых памятников (Айникаб 1, 2, Мухкай 1, 2, 2а, Гегалашур 1-3) в Акушинском районе Республики Дагестан (рис. 1) [1, с. 21]. Они представляют собой холмистые возвышенности, образующие тыльную часть водораздела рек Акуша и Усиша, отделенные друг от друга несколькими сотнями метров. В ходе разведок на дневной поверхности и на участках обнажений раннеплейстоценовых отложений были зафиксированы как выразительные орудия олдованского технокомплекса (пики, чопперы), так и кремнёвые артефакты различных эпох каменного века.

Небольшие полевые работы на местонахождениях гегалашурской группы были проведены в 2009 г. С.А. Кулаковым [2, с. 60–70]. На местонахождении Гегалашур 3, самом южном пункте акушинско-усишинского водораздела, на восточном склоне водораздела, обращенном к каньонообразной долине реки Цианшури, была заложена зачистка №1 шириной 1 м, вскрывшая на глубину 2 м от дневной поверхности пачку рыхлых отложений. В зачистке было зафиксировано восемь геологических слоев, с тремя из которых (слои 4, 6 и 8) связаны археологические артефакты (33 экз.). В коллекции представлены чопперы, пиковидные орудия, скребковидные орудия, сколы с ретушью, обломки с ретушью, нуклеидные изделия, сколы. Чопперы имеют аналогии с материалами памятников Айникаб 1 и Мухкай 2 [2]. Материалы датируются ранним палеолитом. Палеолитическая археологическая экспедиция ГИМ под руководством научного сотрудника отдела археологических памятников А.А. Симоненко в 2023 г. начала полевые исследования на памятнике Гегалашур 1.

Стоянка Гегалашур 1 расположена в 250 м к ЮЗ от стоянки Мухкай 2, на левом борту водораздела, обращенного к долине реки Акуша (рис. 2, 3). Кратчайшее расстояние до реки – 871 м, высота самой верхней точки над урезом воды – 230 м, абсолютная высота 1636 м над у.м. Северная граница – глубокий овраг, отделяющий Гегалашур 1 от Мухкай 2, южная – овраг, разрезающий западный склон водораздела. Два оврага формируют останцовый гребень, протянувшийся по направлению ССЗ на ~180 м под углом ~80° к гребню, связанному с памятником Мухкай 2. В нижней части пачки раннеплейстоценовых отложений расстояние между памятниками Гегалашур 1 и Мухкай 2 составляет около 15–20 м, их разделяет глубокий овраг. Данный останцовый гребень является центральной частью памятника Гегалашур 1. Угол уклона гребня составляет 30–50°, в срединной части расположен небольшой уплощенный участок. Мощность пачки раннеплейстоценовых отложений на памятнике Гегалашур 1 составляет более 70 м и ее характеристики в общих чертах совпадают со стратиграфической колонкой стоянки Мухкай 2, которая находится в непосредственной близости и приурочена к тому же склону водораздельной поверхности. Стоянка Мухкай 2, слой 80, связана с уплощенным участком останцового гребня [3, с. 15]. Похожий с геоморфологической точки зрения участок есть и на стоянке Гегалашур 1 – уплощенная часть останцового гребня расположена на одном гипсометрическом уровне с подобным участком Мухкай 2 (рис. 2, 3). Учитывая уникальную для памятников нижнего палеолита сохранность культурного слоя стоянки Мухкай 2, слой 80, в рамках которого культурные остатки (включая обильные фаунистические материалы) зафиксированы *in situ* [3, с. 21–22], была поставлена задача обследования идентичного гипсометрического уровня пункта Гегалашур 1. На этом уровне в 2023 г. был заложен раскоп №1 размером 4×3 м. В 2024 г. к южной стенке раскопа 2023 г. был прирезан раскоп №2 (4×3 м). В результате раскопок 2024 г., помимо прочего, был исследован геологический объект – протока (рис. 4, 5), с существованием которой связаны материалы культурных горизонтов 1 и 2. В заполнении протоки были зафиксированы немногочисленные фаунистические остатки – фрагмент нижнего зуба (М3) не крупного парнокопытного¹ (рис. 7, б) и неопределимый фрагмент кости.

1. Определение ст. научного сотрудника Лаборатории геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата ИГМ СО РАН к.г.-м.н. Д.Г. Маликова / Definition of the senior researcher at the Laboratory of Cenozoic Geology, Paleoclimatology, and Mineralogical Climate Indicators of the Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch of the RAS, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences D.G. Malikov.

Методика исследования

В ходе исследований на памятнике Гегалашур 1 авторы использовали систему высот, с которой работал Д.В. Ожерельев при изучении памятников Мухкай 2, Мухкай 2, слой 80, и Мухкай 2а, для возможности соотнесения геологических и археологических слоёв, гипсометрических уровней. Для этого опорные точки, созданные для работы с тахеометром Trimble M3, были привязаны к Ro (в 4 м к Ю от юго-восточного угла квадрата К-1 раскопа Мухкай 2) с отметкой 1620 м над у.м. (все высотные отметки при описании стратиграфии Д.В. Ожерельевым указывались от данной отметки, например, – 10 м; – 30 м и т.д.).

Раскопки проводились с помощью мелкого шанцевого инструмента (мастерки, совки), различные виды культурных остатков, природные объекты, крупные гальки и валуны (одна из сторон больше 10 см) фиксировались с помощью тахеометра Trimble M3, кремнёвые предметы меньше 5 мм (микродебитаж) брались с поквдратной привязкой. Топографическая съемка участка водораздела рек Акуша и Цианшури, связанного с гегалашурской группой памятников, и, прежде всего, памятником Гегалашур 1, производилась при помощи дрона А.Б. Гаджиевым (рис. 2).

Методика отбора и анализа образцов для петро- и палеомагнитных исследований приведена в соответствующем разделе.

Стратиграфия

Вскрытая раскопками площадь составила около 20 м², это связано с тем, что раскопы 1 и 2 были врезаемы в склон, и СВ угол квадрата В4 был самой низкой точкой дневной поверхности и не раскапывался. Раскоп был доведен до глубины 1,53 м (ЮВ угол квадрата А1) от дневной поверхности. В раскопе была прослежена следующая стратиграфия (рис. 6, 7):

Южный профиль

1) Галечник (гравийно-галечный слой) с песчано-глинистым заполнением, первые несколько сантиметров от поверхности проработаны современной почвой с травянистой растительностью. Содержит гравий и валуны, имеет наклонное залегание (небольшой уклон на В, в сторону крутого склона останцового гребня). Нижний контакт чёткий. Содержит многочисленные кремнёвые находки, а также обломки раковин двустворчатого моллюска (cf. *Inoceramus* sp.), переотложенные из меловых отложений. Мощность ~5–30 см, высотные отметки² 1589.19–1588.63 (от –30,81 до –31,37 м).

2) Супесь светло-серая (песчанистый алеврит), трещеноватая с тонкими прослойками слабосцементированного песчаника и гравийника. Залегает с небольшим уклоном на В. С тонкой прослойкой гравийника, связаны кремнёвые артефакты. Нижний контакт чёткий. Мощность ~10–50 см, высотные отметки 1588.94–1587.76 (от –31,06 до –32,24 м).

3) Суглинок серый, оглееный, тяжёлый (глинистый алеврит), содержит карбонатные конкреции, трещины. Археологических находок не обнаружено. Мощность ~10–76 см, высотные отметки 1588.36–1587.60 (от –31,64 до –32,40 м).

3а) В рамках литологического слоя 3 выделяется более тёмная прослойка серого суглинка (глинистого алеврита), которая имеет четкий контакт с вышележащим слоем (слой 2) и нечеткий контакт с нижележащим слоем серого алеврита (слой 3). Археологических находок не обнаружено. Мощность ~20–25 см, высотные отметки 1588.36–1587.70 (от –31,64 до –32,30 м).

Западный профиль

1) Галечник (гравийно-галечный слой) с песчано-глинистым заполнением, первые несколько сантиметров от поверхности проработаны современной почвой с травянистой растительностью. Содержит гравий и валуны. В кв. А2', А1', А0 залегает с уклоном 2°–4° на С, в кв. А1, А2 с уклоном 12°–13° на С. Нижний контакт чёткий. Содержит многочисленные кремнёвые находки, а также обломки раковин двустворчатого моллюска (cf. *Inoceramus* sp.), переотложенные из меловых отложений. Мощ-

2. Отметки в скобках здесь и далее даны от условного репера, расположенного на высоте 1620 м в 4 м к Ю от юго-восточного угла квадрата К-1 стоянки Мухкай 2. / The level of layers in parentheses here and hereafter are given from a reference point located at an altitude of 1620 m, 4 m to the south of the southeast corner of square K-1 at the Mukhka 2 site.

ность ~25–32 см, высотные отметки 1589.15–1588.45 (от –30,85 до –31,55 м).

1а) Суглинок буро-коричневый, опесчаненный, первые несколько сантиметров от поверхности проработаны современной почвой с травянистой растительностью. Содержит валуны, гальки и гравий, тёмную гумусированную линзу (1588.07–1588.03) мощностью 2–4 см в кв. А3. Залегает с уклоном 15°–23° на С, субпараллельно дневной поверхности. Срезает слои 1 и 2 по направлению З–В в кв. А2. Содержит многочисленные переотложенные кремнёвые артефакты, поверхность части предметов патинирована (глубокая белая патина). Мощность ~5–55 см, высотные отметки 1588.70–1587.38 (от –31,30 до –32,62 м).

2) Супесь светло-серая (песчанистый алевроит), трещиноватая с тонкими прослойками слабосцементированного песчаника и галечника. В кв. А2', А1', А0 залегает с уклоном 2°–4° на С, в кв. А1, А2 с уклоном 12°–13° на С. С прослойкой галечника мощностью 2–7 см связаны многочисленные кремнёвые артефакты. Залегание прослойки галечника неровное, волнистое, в кв. А2', А1', А0 почти горизонтальное (небольшой уклон 2°–3° на С), в северной части кв. А1 с уклоном 12°–13° на С, в южной части кв. А2 почти горизонтальное. Нижний контакт чёткий. Мощность слоя супеси ~10–50 см, высотные отметки 1588.92–1587.94 (от –31,08 до –32,06 м).

3) Суглинок серый, оглееный, тяжёлый (глинистый алевроит), содержит карбонатные конкреции, трещины. Археологических находок не обнаружено. Мощность ~7–75 см, высотные отметки 1588.36–1587.40 (от –31,64 до –32,60 м).

3а) В рамках литологического слоя 3 выделяется более тёмная прослойка серого суглинка (глинистого алевроита), которая имеет четкий контакт с вышележащим слоем (слой 2) и нечеткий контакт с нижележащим слоем серого алевроита (слой 3). Археологических находок не обнаружено. Мощность ~20–25 см, высотные отметки 1588.36–1587.60 (от –31,64 до –32,40 м).

Стратиграфия протоки:

п-1) Гравийник спрессованный с включением мелких галек, связанный с заполнением древней протоки. Содержит многочисленные кремнёвые артефакты в переотложенном состоянии. Мощность ~10–15 см, высотные отметки 1589.19–1589.04 (от –30,81 до –30,96 м).

п-2) Галечник-гравийник с глинистым заполнителем, связанный с заполнением древней протоки. Содержит отдельные крупные гальки (>10 см), многочисленные кремнёвые артефакты и единичные костные остатки в переотложенном состоянии. Мощность ~15–20 см, высотные отметки 1589.10–1588.92 (от –30,90 до –31,08 м).

п-3) Галечник-гравийник, рыхлый, по нижней границе состоит из более крупных галек, связанный с заполнением древней протоки. Содержит отдельные крупные гальки (>10 см), и многочисленные кремнёвые артефакты в переотложенном состоянии. Мощность ~20–22 см, высотные отметки 1588.94–1588.72 (от –31,06 до –31,28 м).

п-4) Гравийник с чередованием более и менее спрессованных прослоек, связанный с заполнением древней протоки. Содержит кремнёвые артефакты в переотложенном состоянии, в гравийнике был зафиксирован фрагмент нижнего зуба (М3) некрупного парнокопытного. Мощность ~30–37 см, высотные отметки 1588.82–1588.45 (от –31,18 до –31,55 м).

п-5) Галечник (мелкая галька), связанный с заполнением древней протоки. Содержит отдельные кремневые артефакты в переотложенном состоянии. Мощность ~20–22 см, высотные отметки 1588.52–1588.30 (от –31,48 до –31,70 м).

Культурные горизонты в раскопе №1 и №2 связаны с мощным горизонтом галечника слоя 1 (культурный горизонт 1), с гравийно-галечной прослойкой в рамках слоя 2 (культурный горизонт 2), и более поздним, переотложенным, слоем 1а, который прорезает слои 1 и 2. Культурные горизонты 1 и 2 разделяют 15–20 см стерильной супеси (рис. 6, 7). Микростратиграфическое распределение артефактов культурного горизонта 1 по линии квадратов А показывает, что находки залегают взвешено, по вертикали разброс на каждом конкретном участке составляет 15–20 см, но основная масса находок связана с границей гравийно-галечного слоя (слой 1) и супеси (слой 2) (рис. 8). Находки культурного горизонта 2 залегают компактной линзой, связанной с гравийно-галечной прослойкой в супеси (слой 2) (рис. 8). Гравийно-галечные слои п-1 (протока 1 и т.д.) – п-5, связанные с заполнением древней протоки, содержат археологические артефакты и остатки фауны в переотложенном состоянии (рис. 8). Исходя из ритмичного слоистого заполнения протоки (в рамках отдельных слоев наблюдается и микрослоистость) и соотношения культурных горизонтов с бортами протоки, можно предположить, что культурный го-

ризонт 2 был связан с более ранним этапом существования протоки, после чего сформировалась стерильная прослойка супеси (аллювиальный генезис) между культурным горизонтом 2 и культурным горизонтом 1. Культурный горизонт 1, вероятно, связан с финальным этапом (мелководным) существования протоки, борта которой соотносятся с верхней границей слоя супеси. Дальнейшее изучение данного природного объекта позволит уточнить или пересмотреть предварительные выводы, приведенные выше.

В связи с тем, что археологические материалы из слоя 1а носят переотложенный характер, подробное описание материала приводится только для культурных горизонтов 1 и 2. Каменный инвентарь из раскопок 2024 г. находится в обработке и не включен в приведенные ниже статистические подсчеты, однако технико-типологические характеристики коллекции не отличаются от характеристик коллекции 2023 г. и позволяют отнести данные материалы к технокомплексу чоппера и пика.

Культурный горизонт 1³

Каменные артефакты культурного горизонта 1 связаны с пачкой галечника (слой 1), зафиксированной в кв. А1, южной части квадрата А2 и западной части кв. Б1 (рис. 7). Первые находки были обнаружены в кв. А1 непосредственно под горизонтом, проработанным современной почвой, в 1–4 см от дневной поверхности. Находки в галечнике залегают взвешено, по вертикали разброс на каждом конкретном участке составляет 15–20 см, основная масса находок связана с границей гравийно-галечного слоя (сл. 1) и супеси (рис. 8). Находки не образуют скоплений, 99% предметов связаны с кв. А1 и южной частью кв. А2. В квадрате А1 и южной части квадрата А2 зафиксированы две гальки (>10 см), а также обломки раковин двусторчатого моллюска (cf. *Inoceramus* sp.), переотложенные из меловых отложений. В культурном горизонте 1 обнаружено 92 артефакта из кремня, из них 39 предметов – микродебитаж, мелкие осколки и чешуйки <5 мм. На границе кв. А1 и А2 к обломку желвака со сколами был апплицирован скол, зафиксированный в 5 см от него (рис. 9, 2, 2а).

Каменные артефакты, обнаруженные в культурном горизонте 1, изготовлены из местного мелового кремня различных оттенков серого цвета, не покрыты патиной, без следов окатанности, поверхность не имеет следов выветрелости. Группа первичного расщепления и отходов производства составляют следующие категории: обломки желвака – 3 предмета (рис. 9, 2, б); обломки желвака со сколом/сколами – 3 предмета; обломки со сколами/сколом – 4 предмета; обломки/осколки – 9 предметов; отщепы – 28 предметов (из которых отщепов мелких⁴ – 26 предметов (рис. 9, 3, 5), отщепов средних – 2 предмета (рис. 9, 4); обломков отщепы – 1 предмет). Самой многочисленной категорией являются мелкие отщепы, преобладают первичные и полупервичные.

Орудийный набор представлен следующими категориями: орудия с выемкой – 2 предмета; скребок/скребковидное орудие – 1 предмет (рис. 9, 1); скребло – 1 предмет (рис. 9, 7); пик – 1 предмет (рис. 10). Пик удлинённый и массивный (размеры: 105×49×70 мм), трёхгранный (рис. 10). Изготовлен на обломке сырья, правая плоскость не обработана, покрыта коркой, пятка подправлена серией сколов, на рабочем конце следы забитости. Обращает на себя внимание поперечное скребло (размеры: 57×74×20 мм) на единственном крупном в коллекции культурного горизонта 1 первичном отщепе (>5 см) (рис. 9, 7). Лезвие оформлено крутой разнофасеточной вентральной ретушью. Орудие имеет аналогии в материалах памятников Айникаб 1, слой 28 [4, с. 284, рис. 82: 1] и Мухкай 2а [5, с. 8], однако в обоих случаях поперечные лезвия скребел оформлены дорсальной, а не вентральной ретушью.

3. Приводится описание культурных горизонтов 1 и 2 в рамках раскопа №1 (2023 г.), материалы сезона 2024 г. находятся в обработке. / A description of cultural horizons 1 and 2 is provided within excavation №1 (2023), while the materials from the 2024 season are still being processed.

4. При распределении отщепов по метрическим показателям использовалась схема Д.В. Ожерельева [3, с. 70], который делит отщепы на три группы: мелкие (1–3 см); средние (3–5 см); крупные (свыше 5 см). В других классификациях крупными отщепами признаются заготовки свыше 10 см, наличие таких предметов является одним из признаков ашельского технокомплекса. В коллекции памятника Гегалашур 1 (во всех культурных горизонтах) нет ни одного отщепы свыше 10 см. / When distributing flakes by size, the scheme by D.V. Ozherelev [3, p. 70] was used, which divides flakes into three groups: small (1–3 cm); medium (3–5 cm); and large (over 5 cm). In other classifications, large flakes are considered to be over 10 cm, and the presence of such items is one of the characteristics of the Acheulean technocomplex. In the collection from Gagalashur 1 (across all cultural horizons), there is not a single flake over 10 cm.

Культурный горизонт 2

Культурный горизонт 2 связан с прослойкой галечника, мощностью 2–7 см, залегание прослойки галечника неровное, волнистое, в северной части с уклоном 12° – 13° на С, в южной части кв. А2 почти горизонтальное (рис. 7).

Основная масса находок залегает компактной линзой с уклоном 12° – 13° на С и разбросом по вертикали в 2–7 см, (примерно толщина одной гальки), единичные находки были зафиксированы выше и ниже (рис. 8). Большинство находок сконцентрированы в центральной и северной частях кв. А1, южной части кв. А2, и в западных частях кв. Б1 и Б2. За пределами этой зоны встречены единичные находки. В кв. А1 были зафиксированы две крупные гальки (>10 см), в кв. А2 три гальки. В культурном горизонте 2 было обнаружено 225 предметов из кремня, из которых 71 – микродебитаж. По квадратам микродебитаж распределяется следующим образом: кв. А1 – 43 предмета; кв. А2 – 19 предметов; кв. Б1 – 6 предметов. Остальные 147 предметов из кремня зафиксированы на плане. Они сделаны из местного мелового кремня различных оттенков. Предметы из кремня не патинированы, поверхности не имеют следов выветрелости, на гранях и краях некоторых отмечены следы забитости. В центральной части кв. А2 был обнаружен сильно обожжённый мелкий массивный отщеп (рис. 11, 6). Группа первичного расщепления и отходов производства составляют следующие категории: нуклеидный обломок – 1 предмет; желвак со сколами – 1 предмет; обломки желвака – 4 предмета; обломки желвака со сколом/сколами – 8 предметов; обломки со сколами/сколом – 9 предметов; обломки/осколки – 53 предмета; отщепы – 66 предметов (из которых отщепов мелких – 62 предмета (рис. 11, 8), отщепов средних – 7 предметов (рис. 11, 5), отщеп крупный – 1 предмет; обломки отщепа – 2 предмета. Самой многочисленной категорией являются мелкие отщепы, преобладают отщепы с коркой (рис. 11, 5), первичные и полупервичные; вторая по численности категория – мелкие осколки и обломки. Среди отщепов присутствует один крупный массивный отщеп длиной 55 мм – это самый крупный отщеп культурного горизонта 2. Особо стоит отметить, что заготовками для ножа служил крупный отщеп, в то время как для двух концевых скребков – средний.

Орудийный набор культурного горизонта 2 представлен следующими категориями: скребки/скребковидные орудия – 4 предмета (рис. 11, 2, 3, 4); нож – 1 предмет (рис. 11, 7). Наиболее массивное орудие (размеры: $82 \times 45 \times 43$ мм) – скребковидное, на крупном обломке кремня, на конце полукрутой ретушью оформлено дугообразное лезвие, по правому краю крутой ретушью оформлена выемка (рис. 11, 1). Предмет сделан из сероватого полупрозрачного кремня. Обушковый нож оформлен на крупном пластинчатом отщепе (размеры: $51 \times 30 \times 9$ мм), левый рабочий край обработан вентральной полукрутой ретушью, единичные фасетки сняты на дорсальной стороне (рис. 11, 7). В качестве обушка использовался участок, покрытый известковой коркой, по правому краю. Аналогии подобному ножу есть в материалах памятника Айникаб 1 (слой 23а): орудие оформлено на отщепе со сходными метрическими параметрами, в качестве обушка использовался участок правого края, покрытый известковой коркой [4, с. 265, рис. 63, 6]. В материалах памятника Мухкай 2, слой 80, есть нож с идентичными признаками, но чуть массивнее [3, с. 92, рис. 38, 1].

Серией из трех предметов представлены скребки, оформленные на отщепах. Два скребка сделаны на средних отщепах, один концевой и один скошенный (рис. 11, 3, 4). Один концевой скребок оформлен на мелком отщепе (рис. 11, 2). Категория скребков является характерной для технокомплекса олдована, аналогии гегалашурским концевым скребкам есть в материалах памятника Мухкай 2, слой 80 [3, с. 95, рис. 41]. Скошенный скребок на массивном отщепе представлен в коллекции Айникаба 1 (слой 23) [4, с. 259, рис. 57, 3]. Показательно, что среди материалов культурного горизонта 2 нет ни одного предмета, размер которого превышал бы 10 см, и массивные орудия (например, как пик из культурного горизонта 1) не представлены.

Культурный горизонт 1а

Горизонт 1а связан с пачкой буро-коричневого опесчаненного суглинка, первые несколько сантиметров которого от поверхности проработаны современной почвой с травянистой растительностью

(рис. 7). Горизонт содержит валуны (обломочного материала таких размеров не встречено в слоях 1 и 2), гальки и гравий. В южной части кв. А2 была зафиксирована четкая граница по цветности между слоями 1 и 1а. Слой 1а залегает с уклоном 15° – 23° на С, субпараллельно дневной поверхности. В том же кв. А2 слой 1а прорезает слои 1, 2 и 3 по направлению З-В-СВ. Мощность ~5–55 см. Горизонт 1а прослежен в кв. А2, А3, А4, Б2, Б3, Б4, единичные находки зафиксированы в кв. Б1. Первые находки зафиксированы в кв. А2 на глубине 5–7 см от дневной поверхности. Находки залегают взвешенно, основная масса находок залегает линзой с уклоном 15° – 18° и разбросом по вертикали 30–40 см. В культурном горизонте 1а было обнаружено 159 предметов из кремня, из которых 11 – микродебитаж. Находки не несут следов окатанности и выветрелости, но часть предметов патинирована, что в совокупности с особенностями залегания слоя говорит о переотложенном характере материалов. О позднейшем, по сравнению со слоями 1, 2 и 3, времени формирования этого слоя и культурного горизонта, свидетельствует факт прорезания слоем 1а слоев 1, 2 и 3 (рис. 7).

Палинологические данные

Образцы на палинологический анализ отбирались из слоев 1, 2 и 3, было отобрано 10 проб. Споро-во-пыльцевой анализ материалов проведен А.Н. Симаковой (ГИН РАН). Образцы разреза содержат низкую концентрацию инситных палиноморф: *Pinaceae*, *Pinus* sg. *Haploxyton*, *Betula* и предположительно инситных палиноморф: *Tilia* cf. *caucasica*, *Pinus* sg. *Diploxyton*, *Artemisia*, *Picea* (Табл.1, рис. 12).

Табл. 1. Палиноморфы из образцов разреза стоянки Гегалашур 1 / Palynomorphs from the samples of the Gagalashur 1 site:

Палиноморфы/ образцы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Инситные палиноморфы										
<i>Pinaceae</i>					1		1			1
<i>Pinus</i> sg. <i>Haploxyton</i>							1			
<i>Betula</i>							1			1
<i>Asteraceae</i>		1		2						
<i>Amaranthaceae</i>									1	
<i>Artemisia</i>					1		1			
Возможно, инситные палиноморфы										
<i>Picea</i>							1			
<i>Pinus</i> sg. <i>Diploxyton</i>						1	6			
<i>Artemisia</i>							2			
<i>Tilia</i> cf. <i>caucasica</i>						1				
<i>Betula</i>										
<i>Brassicaceae</i>										1
Современная заносная пыльца с протоплазмой										
<i>Pinus</i>		1					6			
<i>Betula</i>		5			2	4	13		1	7
<i>Alnus</i>		2								1
<i>Tilia</i>							1	1		
<i>Artemisia</i>					2					

Растительные и животные остатки										
Грибы	+	+				+	+			+
<i>Glomus</i>	+	+		+	+	+	+		+	+
<i>Acarina</i>						+	+			
Останки животных				+		+	+			
Чешуйки <i>Lepidóptera</i> крыла		+					+			
Трихома				+			+		+	+
Устьице листа						+				
Зеленые водоросли			+							

Петро- и палеомагнитные исследования

По литологическому составу вскрытая толща представляет собой чередующиеся слои галечника, песчаника, песчанистого алеврита и глинистого алеврита. Первые 30 см от дневной поверхности на южной стенке раскопа 2023 г. составляют слабообразованная современная почва и галечник, мощность которого увеличивается до 50 см в раскопе 2024 г., находящегося выше по склону. Нижележащий интервал раскопа (~70 см по мощности) сложен преимущественно песчанистым алевритом (супесью) с тонкими прослойками в первые сантиметры слабосцементированного песчаника и галечника. Нижняя часть раскопа (~75 см по мощности) представлена однородным плотным глинистым алевритом (суглинком). Таким образом, раскопами была вскрыта следующая последовательность отложений (в кв. А0 и А1) (рис. 13):

0–30 см – гравийно-галечный слой (слой 1⁵), преимущественно галечник (мощность 30–50 см);

30–52 см – песчанистый алеврит (слой 2) (мощность 22 см);

52–54 см – гравийно-галечный прослой (культурный горизонт 2) (мощность 2 см);

54–92 см – песчанистый алеврит (слой 2) (мощность 38 см);

92–96 см – плотно сцементированный конкреционный горизонт, развитый по песчанистому алевриту (мощность 4 см);

96–100 см – песчанистый алеврит (слой 2) (мощность 4 см);

100–156 см – глинистый алеврит (слой 3) (мощность 56 см);

156–160 см – плотно сцементированный конкреционный горизонт, развитый по глинистому алевриту (мощность 4 см);

160–175 см – глинистый алеврит (слой 3) (мощность 15 см).

Стоит отметить, что подошва верхнего галечника и подошва второго тонкого прослоя галечника, содержащего второй культурный горизонт, имеют падение на ССВ с азимутом падения 23–25 градусов и углом падения 6–8 градусов, увеличивающимся до 12–13 градусов к краю раскопа у современного склона.

Палеомагнитные исследования. Отбор штуфов на палеомагнитные исследования осуществлялся из слоев алеврита, однако песчанистый алеврит, располагавшийся в верхней части раскопов, был сильно трещиноват и пронизан тонкими корешками современной растительности, что сильно затруднило отбор ориентированных штуфов.

Для палеомагнитных исследований отбирались штуфы размером ~ 20×7×5 см, ориентировка которых производилась горно-геологическим компасом по вертикальной фронтальной площадке. Штуфы распиливались на образцы кубической формы с ребром 2 см для дальнейших лабораторных исследований. Где это было возможно, выпиливалось несколько образцов-дублей с одного уровня (от 2 до 6), и палеомагнитные направления по ним усреднялись функционалом статистики Фишера [6]. Измерение естественной остаточной намагниченности производилось на криогенном SQUID-магнитометре

5. В скобках указана нумерация слоёв, приведенная в разделе Стратиграфия / In parentheses, the layer numbering is indicated as presented in the Stratigraphy section.

(2G Enterprises, США) и выполнялось в пространстве, экранированном от внешнего магнитного поля многослойным пермаллоевым экраном, в центре коллективного пользования «Петрофизика, геомеханика и палеомагнетизм» Института физики Земли имени О.Ю. Шмидта РАН.

Палеомагнитные образцы были подвергнуты ступенчатому размагничиванию переменным магнитным полем до 120 мТл с нелинейным шагом от 2,5 до 10 мТл для изучения поведения вектора естественной остаточной намагниченности (NRM). Общее число шагов чистки составило 18. Величина намагниченности образцов довольно слабая, в диапазоне $0,7-2,5 \times 10^{-3}$, редко до 5×10^{-3} А/м. Ступенчатая магнитная чистка выявила наличие двух компонент естественной остаточной намагниченности в образцах: (1) наложенной низкокоэрцитивной (до 10 мТл), вероятно, вязкой природы, и (2) стабильной высококоэрцитивной (12,5–40,0 мТл), называемой далее характеристической (рис. 14). Поскольку нет видимых оснований предполагать, что характеристическая компонента является вторичной, то она рассматривается как первичная, близкая по времени образования к возрасту пород. Характеристическая компонента идет в начало координат. При высоких значениях амплитуды переменного размагничивающего поля палеомагнитный сигнал образцов, потерявших до 75–90% намагниченности, часто становится шумным и неинформативным. При этом образцы песчанистого алеврита демонстрируют, в целом, более шумную палеомагнитную запись.

Среднее направление характеристической компоненты намагниченности для всех образцов-дублей с глубин 55–158 см: $D = 174,5^\circ$, $I = -67,3^\circ$ ($N = 205$, $\alpha_{95} = 1,9^\circ$), что соответствует обратной полярности магнитного поля в момент образования намагниченности и несущих ее горных пород (рис. 15). Один образец на глубине 51 см показывает прямую намагниченность. Этот образец не имеет дублей со своего уровня для подтверждения данного результата и был отобран из песчанистого алеврита, сильно рассеянного корнями современной почвы. Поэтому данное определение не является надежным в магнито-стратиграфическом плане и требует дополнительной верификации.

Изменение магнитного склонения (D) и наклонения (I) по разрезу для изученных уровней незначительно и определяется, по-видимому, качеством палеомагнитной записи в опробованных литологических разностях (рис. 13). Таким образом, можно заключить, что весь изученный палеомагнитным методом интервал разреза накопился в эпоху обратной магнитной полярности Матуяма.

Петромагнитные исследования включали в себя изучение анизотропии магнитной восприимчивости, удельной магнитной восприимчивости и ее частотной зависимости.

Для измерения удельной магнитной восприимчивости и ее частотной зависимости был отобран неориентированный материал (около 20 г) каждые 2 см с глубин 30 – 160 см. Образцы были высушены и затем взвешены. Измерения осуществлялись на каппабридже MFK1-FA (AGICO, Чехия) и производились на рабочих частотах $LF = 976$ Гц и $HF = 15616$ Гц с последующим нормированием полученных значений на массу измеренных образцов. Значения, соответствующие измерениям на стандартной низкой частоте (976 Гц), показывают изменения в удельной магнитной восприимчивости. Частотной зависимостью называется разница в значениях магнитной восприимчивости, измеренной на разных частотах. Процентный параметр частотной зависимости χ_{fd} рассчитывался следующим образом: $\chi_{fd} (\%) = (\chi_{LF} - \chi_{HF}) / \chi_{LF} \times 100$.

Измерения показали, что величина магнитной восприимчивости, измеренная на низкой частоте, преимущественно остается постоянной, варьируя в небольшом диапазоне от $1,2$ до $1,8 \times 10^{-7}$ м³/кг. Для слоя глинистого алеврита значения магнитной восприимчивости плавно уменьшаются с глубиной от $1,8$ до $1,3 \times 10^{-7}$ м³/кг. Конкреционные горизонты в обоих типах алеврита и тонкий гравийно-галечный прослой показывают ожидаемые пониженные значения магнитной восприимчивости, связанные с наличием карбонатного цемента или известковых пород в гравии и гальке.

Частотная зависимость магнитной восприимчивости имеет низкие значения в районе 0,5% для всего изученного разреза. Шумность записи и наличие отрицательных значений связаны с относительно слабой магнитной восприимчивостью отложений в целом. Параметр частотной зависимости магнитной восприимчивости чувствителен к наличию ультратонких магнитных частиц, находящихся в суперпарамагнитном состоянии и имеющих размер $< 0,03$ мкм [7]. Процентные значения менее 1% свидетельствуют об отсутствии таких ультратонких магнитных зерен в разрезе [7]. Подобные зерна образуются в процессе почвообразования [8], поэтому можно заключить, что изучаемые отложения имеют субаквальное происхождение (т.е. подводное происхождение, например, озерное или речное) и не подвергались процессам педогенеза.

Изучение анизотропии магнитной восприимчивости (АМВ) проводилось по ориентированным образцам, отобраным для палеомагнитных исследований, до процедуры их размагничивания. Измерения осуществлялись на каптабридже МФК1-ФА с использованием автоматического 3D-ротатора. Количественные параметры анизотропии: степень анизотропии (P_j), линейная (L) и плоскостная (F) анизотропии, фактор формы (T) – рассчитывались в программе Anisoft 6 согласно [9]. Эллипсоид магнитной анизотропии характеризуется направлением и величиной главных осей анизотропии, где K_1 – максимальная, K_2 – средняя, K_3 – минимальная ось [11], определяющими магнитную текстуру породы. Для образцов проведена фильтрация первичных данных по статистическим критериям: $F_{12} > 4$ и $\epsilon_{12} < 20^\circ$, которые показывают значимость определения положения максимальной оси K_1 , а также по критерию $F_{23} > 10$, описывающий выраженность плоскостной анизотропии, ожидаемой в осадочных породах (следуя [10]). Стереогаммы, показывающие направления главных осей эллипсоида анизотропии, приводятся в палеогеографической проекции с поправкой за падение склона. За средние элементы падения склона принято значение A_3 под 24 угол 7, определенное по подошве вскрытых раскопом галечных слоев.

Изучение АМВ в осадочных породах помогает реконструировать условия их осадконакопления, в частности, определить направление и силу потока для субаквальных отложений [11]. Исследованные песчанистый и глинистый алевриты имеют типичную осадочную магнитную текстуру с преимущественной ориентировкой минимальных осей АМВ перпендикулярно напластованию породы (в центре стереогаммы) и распределением максимальной и средней осей по краю стереогаммы (рис. 16, а).

Из 101 образца песчанистого алеврита 95 образцов проходят статистические критерии на значимость определения максимальной оси K_1 и все образцы проходят критерий на наличие хорошо выраженной плоскостной анизотропии, характеризующей осадочные породы. Степень анизотропии (P_j) в среднем имеет довольно высокие значения от 2,7 до 6,8%, в единичных образцах достигая 8,4%. Прямая корреляция между параметрами P_j и F на графике 16в свидетельствует, что степень анизотропии (P_j) образцов определяется их плоскостной анизотропией (F). Фактор формы (T) имеет преимущественно положительные значения $T > 0,5$, которые определяют форму эллипсоида АМВ в виде уплощенного диска (рис. 16, з). На стереогамме распределения главных осей АМВ и контурном графике распределения максимальной оси K_1 (рис. 16, а, б) ясно прослеживается предпочтительное положение максимальной оси в СЗ-ЮВ направлении. При этом, минимальная ось K_3 слегка отклоняется от центра стереогаммы в перпендикулярном к распределению максимальной оси направлению – в СВ часть стереогаммы. Подобное взаимное расположение максимальной и минимальной осей, когда имеется смещение минимальной оси, а максимальная ось ориентируется перпендикулярно этому смещению, в работах по изучению АМВ интерпретируется как осаждение в условиях сильного водного потока [11]. В таком случае направление течения определяется по стороне, в которую происходит смещение минимальной оси – и в нашем случае это течение с ЮЗ на СВ. Данный вывод подтверждается геологическими наблюдениями по залеганию и ориентировке галек в гравийно-галечных слоях и по ориентировке вскрытой протоки. Ориентирование продолговатых галек в разрезе происходит по ЮЗ-СВ направлению с черепичным наслаиванием в ЮЗ направлении. Наклон черепицеобразно наслаиваемой гальки происходит навстречу потоку [12], поэтому мы можем утверждать о СВ направлении потока.

Из 106 образцов глинистого алеврита 79 образцов проходят выбранные статистические критерии. Большой процент отсева связан со слабой степенью анизотропии (P_j) пород от 0,7 до 2,8%, что в целом снижает точность определения направлений главных осей эллипсоида АМВ. Степень анизотропии (P_j) по-прежнему преимущественно связана с плоскостной анизотропией (F), однако наблюдаются образцы с линейной анизотропией и вытянутой формой эллипсоида АМВ, для которых фактор формы $T < 0$ (рис. 16 в, з). Распределение максимальной K_1 и средней K_2 осей в горизонтальной плоскости стереогаммы более равномерное, однако в контурном графике распределения максимальной оси K_1 (рис. 16, б) читается СЗ-ЮВ направление, что и в вышележащем песчанистом алеврите. Распределение направлений минимальной оси K_3 менее кучное, наблюдается слабое отклонение точек к СВ от центра стереогаммы (рис. 16, а). Подобное более или менее равномерное распределение максимальной K_1 и средней K_2 осей по краю стереогаммы при относительно центральном положении минимальной оси K_3 характерно для осаждения в спокойных водных условиях, когда единственной значимой силой, влияющей на ориентировку магнитных частиц, является гравитационное осаждение [11]. Наличие

СЗ-ЮВ кластера максимальной оси К1 в данном случае может быть интерпретировано как отражение нерегулярных (спорадических) потоков, поступающих в область осадконакопления относительно спокойного бассейна.

Таким образом, петромагнитные исследования, включающие в себя изучение магнитной восприимчивости, ее частотной зависимости и анизотропии, свидетельствуют об субаквальном генезисе отложений. Слой песчанистого алеврита (литологический слой 2, см. раздел Стратиграфия) образовывался в активных гидродинамических условиях с течением водного потока в СВ направлении, и вероятней всего, связан с речной деятельностью. Слой глинистого алеврита (литологический слой 3, см. раздел Стратиграфия) образовывался в относительно спокойных гидродинамических условиях, характерных для закрытых водных бассейнов, как запруды или озера. Отдельно отметим, что в слоях песчанистого алеврита (литологический слой 2) и глинистого алеврита (литологический слой 3) артефакты не обнаружены. Культурный горизонт 1 связан с границей песчанистого алеврита (литологический слой 2) и гравийно-галечного слоя (литологический слой 1), культурный горизонт 2 с гравийно-галечной прослойкой в слое песчанистого алеврита (литологический слой 2). Вероятно, формирование культурных горизонтов 1 и 2 связано с перерывом в осадконакоплении и существованием стабильных поверхностей, что подтверждается соотношением культурных горизонтов с раннепалеолитическими артефактами с этапами существования древней протоки.

Геохронология памятника Гегалашур I

Культурные горизонты и культурные слои многослойных раннеплейстоценовых памятников (Айникаб 1, 2, Мухкай 1, 2, 2а, Гегалашур 2, 3) заключены в рыхлых отложениях водораздела рек Акуша и Усиша. Стоянка Гегалашур 1 расположена у горы Диачи (относится к хребту Лес). Склоны этого хребта, как отмечает Х.А. Амирханов, служили источником поступлений рыхлых отложений, формировавших древнюю поверхность выравнивания [13, с. 5]. Общая мощность рыхлых отложений раннего плейстоцена на памятнике Гегалашур 1 составляет более 70 м, на ближайшем к Гегалашуру 1 памятнике Мухкай 2 около 73,5 м. Абсолютная высота 1623 м над у.м. Раскоп №1 на памятнике Гегалашур 1 был заложен на одном гипсометрическом уровне (1589.19 м над у.м.) со стоянкой Мухкай 2, слой 80, памятники связаны с уплощенными участками останцовых гребней, относящихся к склону правого борта долины реки Акуша. Расстояние между памятниками по прямой — 146 м (на северо-восток от раскопа №1). Взаимная сопоставимость стратиграфии памятников Гегалашур 1, Мухкай 1-2, Мухкай 2а, Айникаб 1, делает возможным экстраполировать данные, полученные для наиболее изученных из них, на материалы других [13, с. 5]. Раскопы №1 и №2 на памятнике Гегалашур 1 на своём участке во многом повторяет картину, характерную для памятника Мухкай 2, слой 80. Это касается стратиграфии и литологии геологических отложений, мощности культурных горизонтов, насыщенности археологическими остатками, но есть и отличия: в течение сезонов 2023/2024 гг. были обнаружены лишь единичные фаунистические остатки, в отличие от многочисленных фаунистических находок на памятнике Мухкай 2, слой 80. По высотам исследованные слои Гегалашура 1 (слои 1, 2, 3) имеют отметки 1589.19 – 1587.40 м над у.м. (по системе, принятой для памятников мухкайской группы (от Ro): от –30,81 до –32,60 м). Слой 80 стоянки Мухкай 2 имеет отметки от –33,70 до –33,95 м. Следует заметить, что для геологических слоёв всей пачки рыхлых отложений водораздельной поверхности рек Акуша и Усиша характерен небольшой уклон по направлению от хребта Лес к центру Акушинской котловины. Например, слои с фауной на памятнике Мухкай 2а (в 44 м к СЗ от памятника Мухкай 2, слой 80), стратиграфически сопоставимые с 80 слоем Мухкай 2, относительно Ro расположены на несколько м ниже (исследованная пачка отложений Мухкай 2а имеет отметки от –35 до –39 м). Отметки слоёв 1–3 Гегалашура 1, в связи с более близким к хребту Лес положением раскопов №1 и №2, подтверждают данное наблюдение. Решению вопроса о датировке изученных слоёв стоянки Гегалашур 1 способствуют данные по палеомагнитному анализу соседних стоянок, прежде всего Мухкай 2 и Мухкай 2а. Согласно палеомагнитным исследованиям отложения памятников Мухкай 2 и 2а имеют обратную полярность, соответствующую эпохе Матуяма. Для разреза памятника Мухкай 2 выявлено несколько положительных эпизодов и палеомагнитных аномалий [13, с. 7]. На Мухкае 2 выделяются три эпизода положительной намагниченности.

Второй сверху эпизод исследователи отождествляют с субхроном Харамилльо, нижний с субхроном Олдувей [13, с. 8]. Слои 80 Мухкая 2 и 2013-1, 2, 3 Мухкая 2а по комплексу данных (включая данные по микро- и макрофаунистическим материалам, фитопланктону, палинологии, технико-типологическим характеристикам коллекции) датируются древнее субхрона Олдувей (1,78–1,93 млн. лет назад). Отобранные на палеомагнитный анализ образцы из слоев 2 и 3 памятника Гегалашур 1 показали четкую обратную полярность, соответствующую эпохе Матуяма. В связи с вышеперечисленными геоморфологическими и геологическими характеристиками памятника Гегалашур 1, можно предварительно предположить, что культурные горизонты 1 и 2 также датируются древнее субхрона Олдувей (рис. 16). Результаты палинологического анализа показали, что в исследованных отложениях минимальное количество инситуных палиноморф. Однако, те инситуные палиноморфы, которые были обнаружены, имеют аналогии в разрезе памятника Мухкай 2 [14, с. 205–208]. Размерность фрагмента нижнего зуба (М3) не крупного парнокопытного, обнаруженного в заполнении протоки, не позволила определить млекопитающее до вида, однако, в фаунистических материалах ближайшего памятника (Мухкай 2, слой 80) представлены два вида не крупных парнокопытных: горалоподобная антилопа (*Gallogoral meneghini*) и винторогая антилопа (*Gazellospira torticornis*) [3, с. 24–25]. Техничко-типологические характеристики коллекции кремнёвых артефактов позволяют отнести материалы культурных горизонтов 1 и 2 к эпохе олдована. Наличие всех характерных для олдована категорий (чопперы, пики, скрёбла, скребки, преобладание мелких отщепов) и отсутствие бифасов и отщепов крупнее 10 см позволяют отнести данные материалы к техно-комплексу чоппера и пика.

Заключение

Таким образом, материалы памятника Гегалашур 1 можно отнести к раннему палеолиту. Наиболее перспективными для последующих исследований, на наш взгляд, являются культурные горизонты 1 и 2, в связи с лучшей сохранностью материалов, приуроченностью к древнему природному объекту и возможностью изучения данных культурных горизонтов на значительной площади. Также, в связи с вышеперечисленными геоморфологическими и геологическими характеристиками памятника Гегалашур 1, можно предварительно предположить, что культурные горизонты 1 и 2 также датируются древнее субхрона Олдувей, но не ранее начала палеомагнитной эпохи Матуяма, и их формирование приходится на период от 1,93 до 2,6 млн л.н.

Благодарности. Авторы выражают глубокую благодарность заведующему отделом каменного века Института археологии РАН акад. д.и.н. Х.А. Амирханову, главе Акушинского района Республики Дагестан М.К. Абдулкеримову и директору Акушинского историко-краеведческого музея З. Г. Мирзаевой за всестороннюю помощь и поддержку.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по теме «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (№НИОКТР 122011200271-7); Петро- и палеомагнитные исследования выполнены в рамках госзадания ИФЗ РАН (FMWU-2025-0033).

Acknowledgments. The authors express their deep gratitude to the head of the Stone Age Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. Kh.A. Amirkhanov, the head of the Akushinsky District of the Republic of Dagestan M.K. Abdulkherimov and the director of the Akushinsky Museum of History and Local Lore Z.G. Mirzaeva for their comprehensive assistance and support.

Financing. The publication was prepared as part of the research work on the topic “Development of Material Culture in the Stone Age on the Territory of the Russian Plain and the Caucasus: General Trends and Local Manifestations” (№НИОКТР 122011200271-7); Rock and paleomagnetic studies are carried out within the state assignment of Schmidt IPE RAS (FMWU-2025-0033).



Рис. 1. Географическое положение памятников олдована Кавказа и Предкавказья на современной карте:
 1 – 3 группа раннеплейстоценовых памятников Центрального Дагестана (Айникаб 1; Мухкай 1, 2, 2а; Гегалашур 1–3); 4–6 – Богатыри/Синяя балка; Кермек; Родники; 7– Дманиси

Fig.1. Geographical location of the Oldowan sites of the Caucasus and Circassia on the modern map:
 1 – 3 a group of the Early Pleistocene sites of Central Dagestan (Ainikab 1; Muhkai 1, 2, 2a; Gegalashur 1–3); 4–6 – Bogatyri/Sinyaya Balka; Kermeck; Rodniki; 7 – Dmanisi

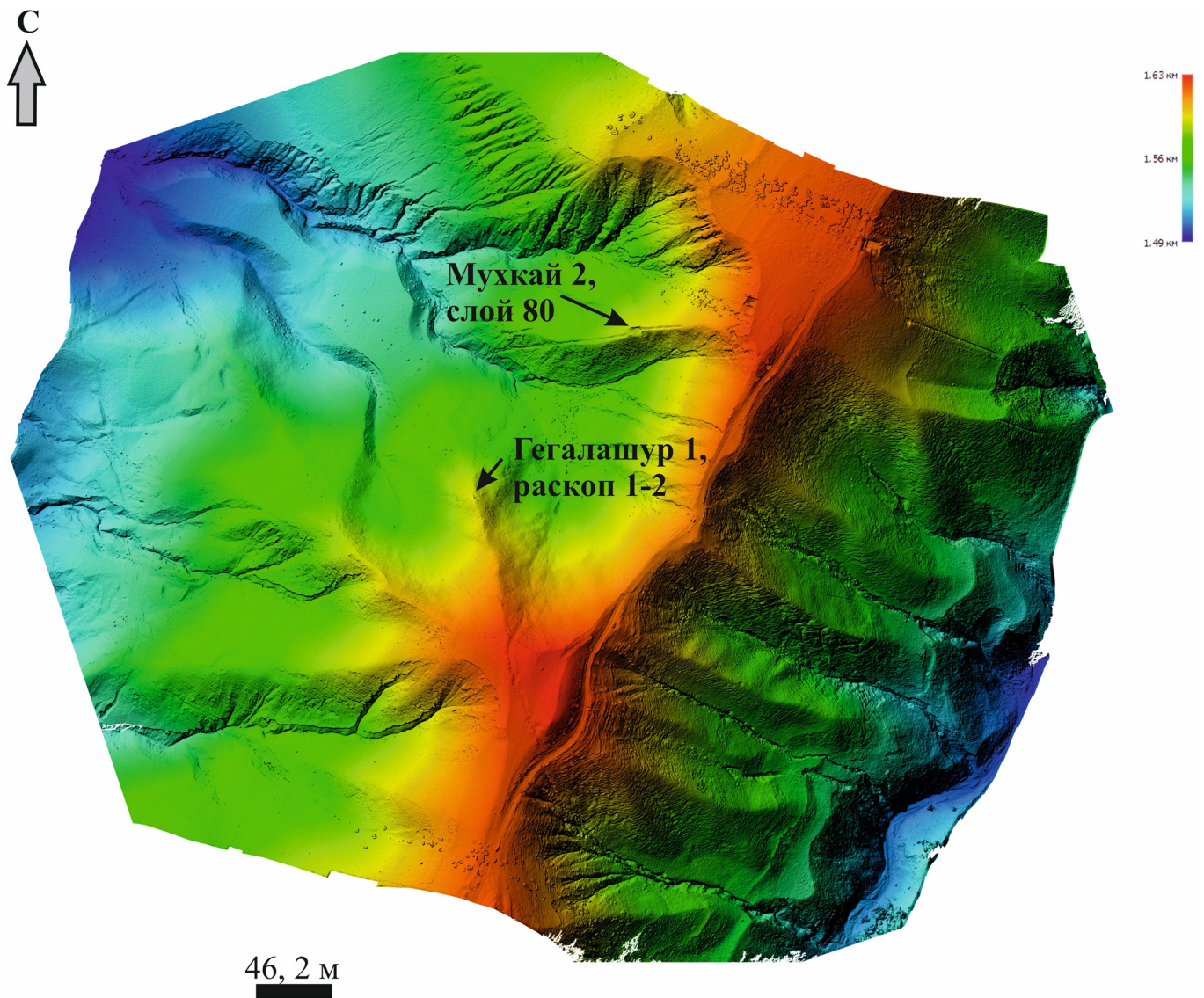


Рис. 2. Топографический план стоянок Мухкай 2 и Гегалашур 1.
Взаимное расположение гипсометрических уровней Мухкай 2, слой 80, и раскопов 1-2 на Гегалашуре 1

Fig. 2. Topographic plan of Mukhai 2 and Gegalashur 1 sites.
Relative position of the hypsometric levels of Mukhai 2, layer 80, and excavations №№1-2 at Gegalashur 1



Рис. 3. Взаимное расположение гипсометрических уровней Мухкай 2, слой 80, и раскопов 1-2 на Гегалашуре 1 на аэрофотоснимке. Вид с СЗ

Fig. 3. Relative position of the hypsometric levels of Mukhai 2, layer 80, and excavations №№1-2 at Gegalashur 1 in the aerial photograph. View from the NW



Рис. 4. Общий вид на Гегалашур 1, раскоп 2 (2024 г.) с юга. Зачистка по дну протоки

Fig. 4. General view of Gegalashur 1, excavation 2 (2024) from the south. Exposure of the bottom of the paleochannel



Рис. 5. Профиль протоки в западной стенке раскопа 2. Вид с СВВ

Fig. 5. The profile of the paleochannel in the western wall of the excavation №2. View from the NE



Рис. 6. Гегалашур 1, раскоп 1. Южная стенка, вид с ССЗ

Fig. 6. Gegalashur 1, excavation №1. Southern wall, view from NNW

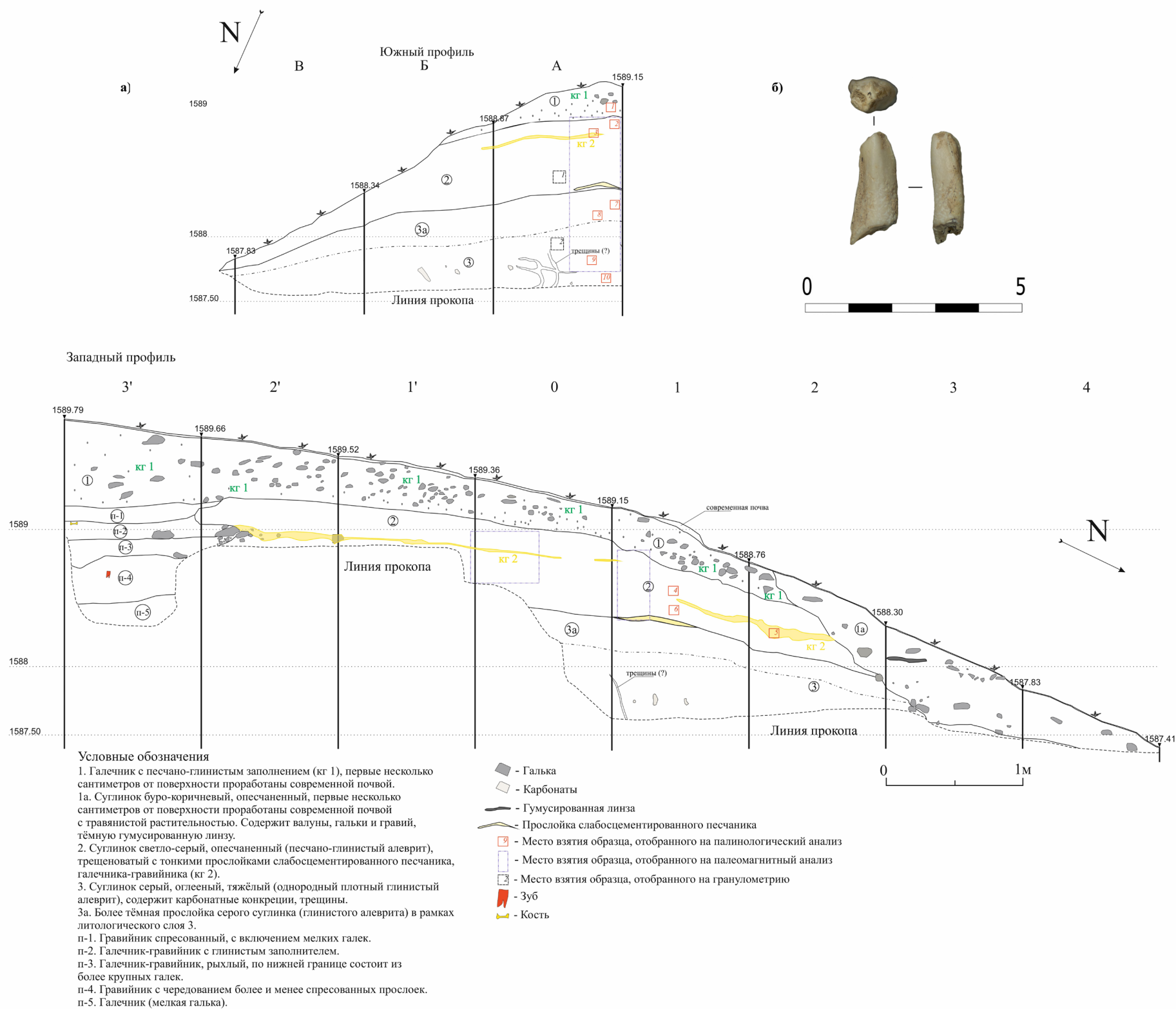


Рис. 7. а) Южный (раскоп 1) и западный (раскоп 1-2) профиль стоянки Гегалашур 1. б) Фрагмент зуба (M3) парнокопытного из слоя гравийника (7)

Fig. 7. a) Southern (excavation № 1) and western (excavation № 1-2) profiles of the Gegalashur 1. б) Fragment of the tooth (M3) of a cloven hoof from the gravel layer (7)

Гегалашур 1 - 2023 / 2024
 Линия А
 Масштаб 1:20.

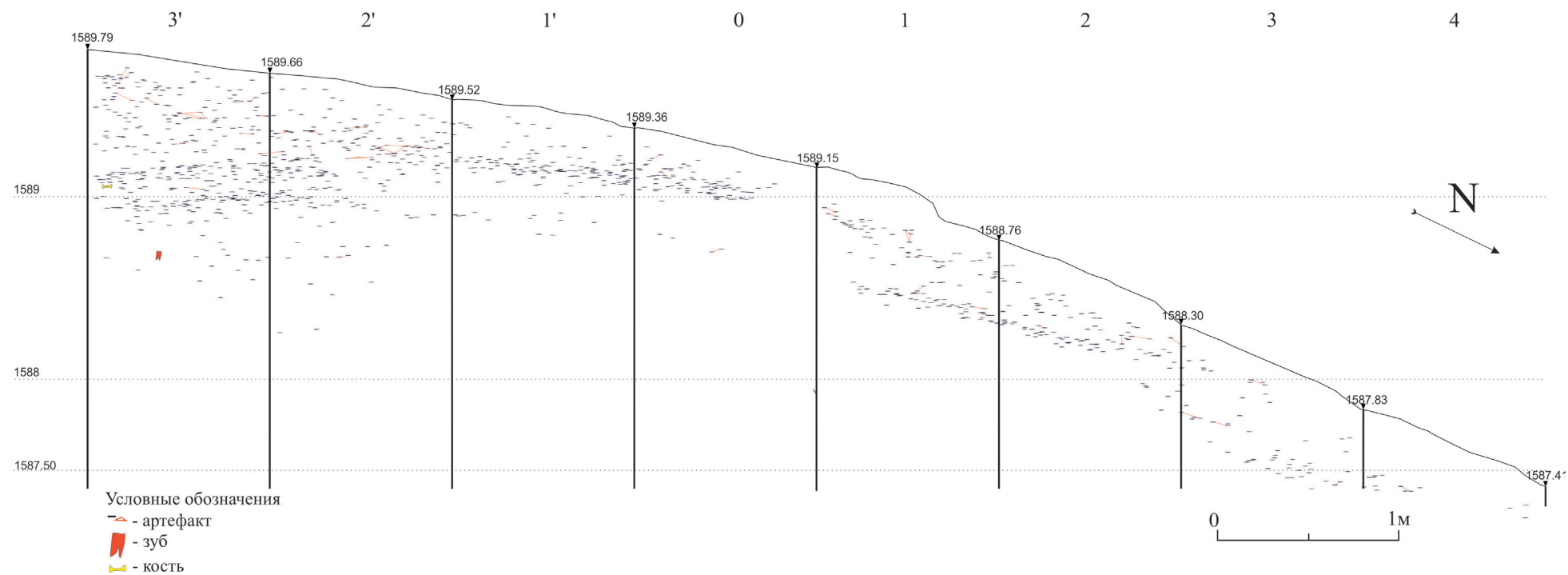


Рис. 8. Гегалашур 1, раскоп 1-2. Микростратиграфия по линии квадратов А

Fig. 8. Gegalashur 1, excavation N°1-2. Microstratigraphy through the A lane of the gridding

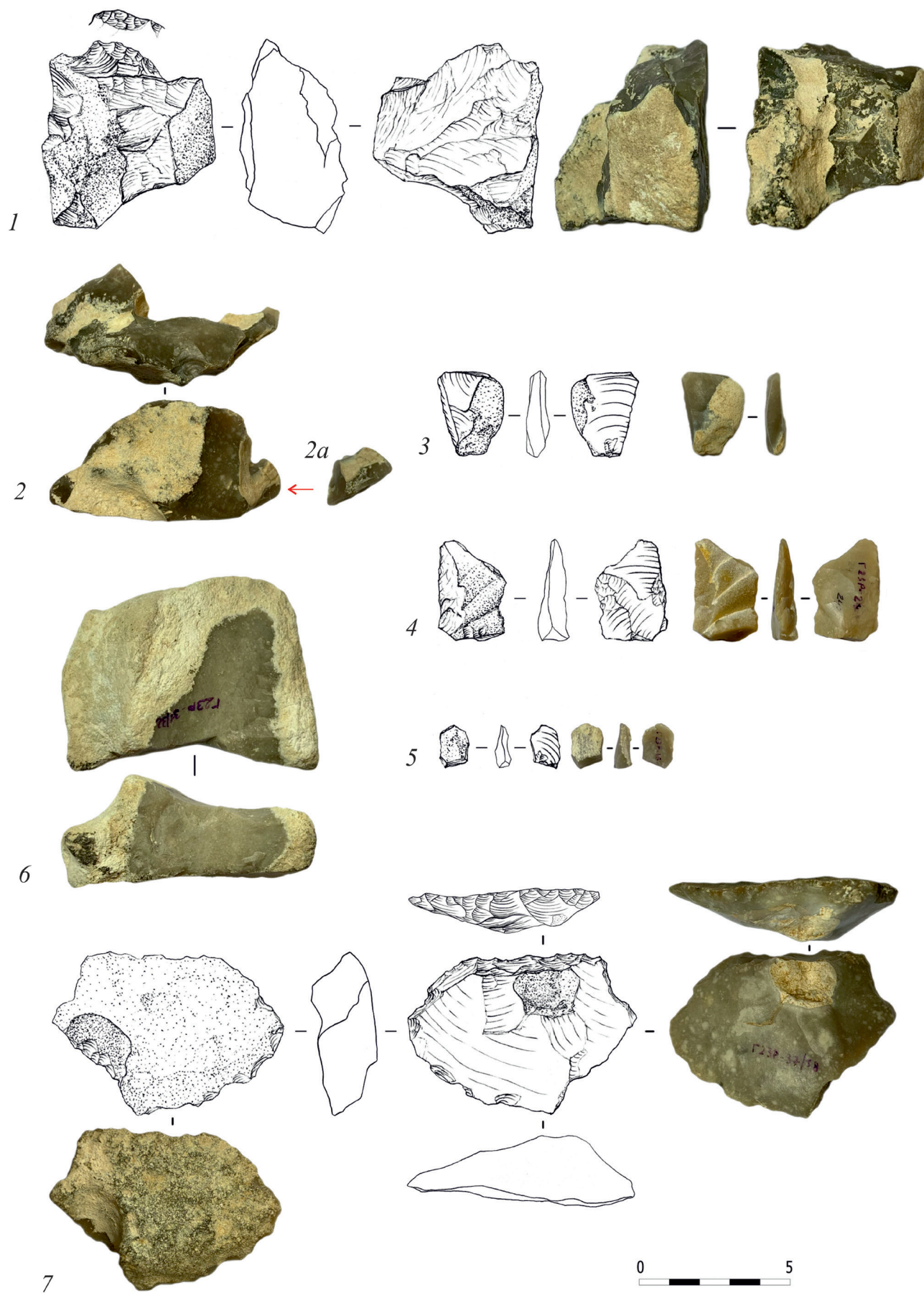


Рис. 9. Гегалашур 1, раскоп 1, культурный горизонт 1:
 1 – скребок; 2, 6 – обломок желвака с негативами сколов; 2а – скол обломка желвака; 3 – отщеп полупервичный мелкий;
 4 – отщеп полупервичный средний; 5 – отщеп первичный мелкий; 7 – скребло

Fig. 9. Gegalashur 1, excavation №1, cultural horizon 1:
 1 – scraper; 2, 6 – fragment of a nodule with flake scars; 2а – flake from a nodule’s fragment; 3 – small half-cortical flake;
 4 – medium half-cortical flake; 5 – small cortical flake; 7 – side-scraper

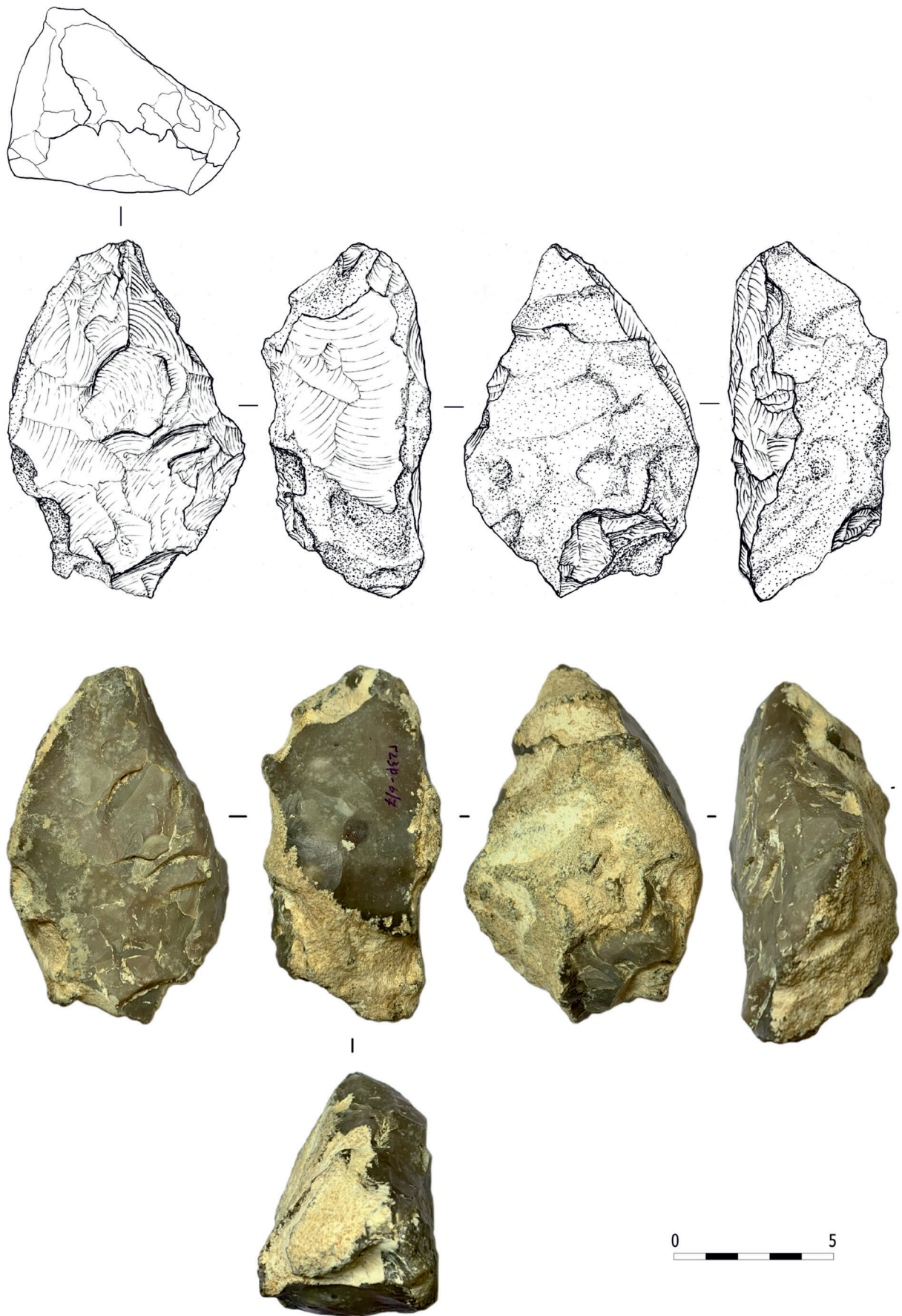


Рис. 10. Гегалашур 1, раскоп 1, культурный горизонт 1: пик

Fig. 10. Gegalashur 1, excavation 1, cultural horizon 1: pick

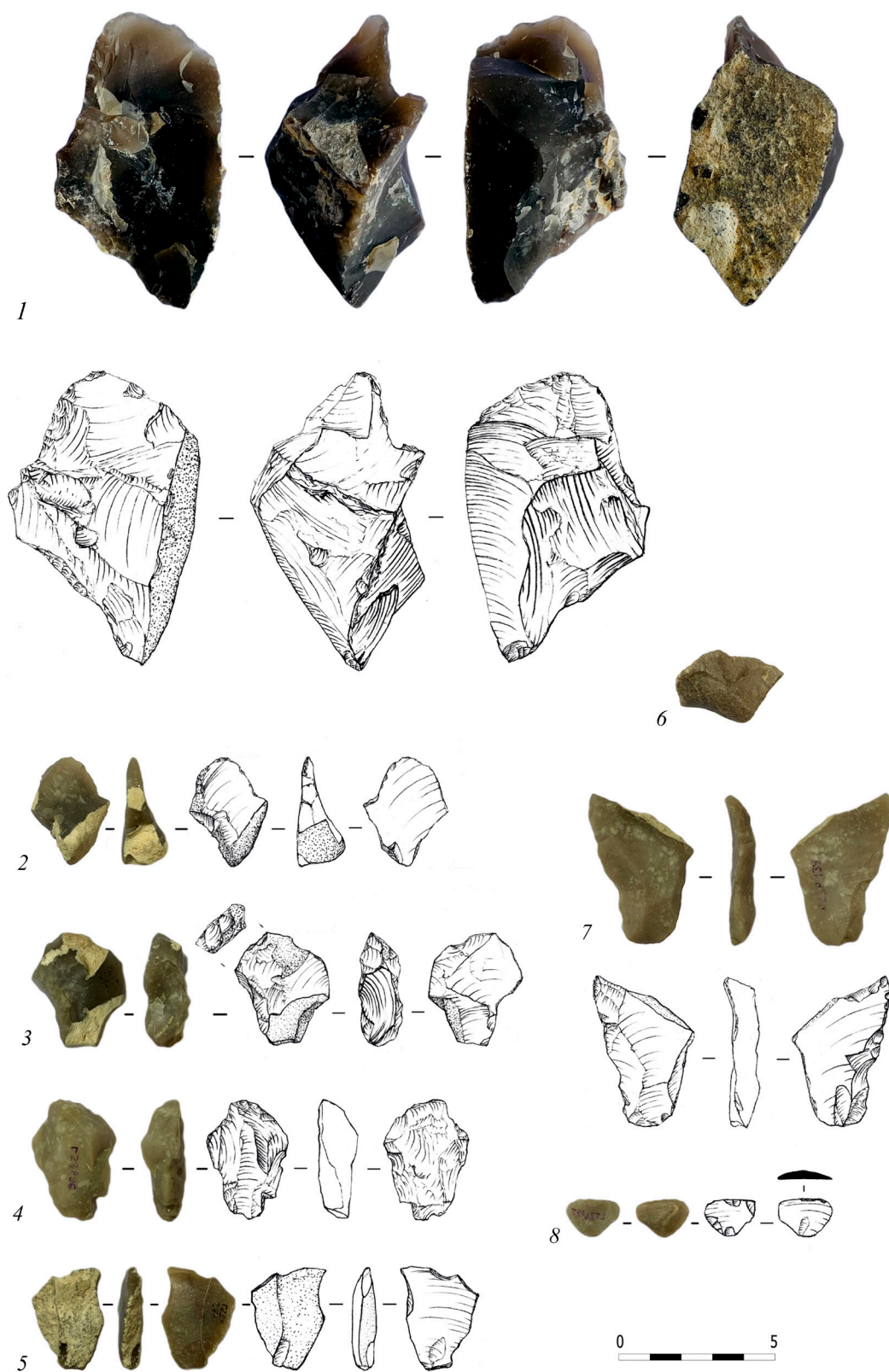


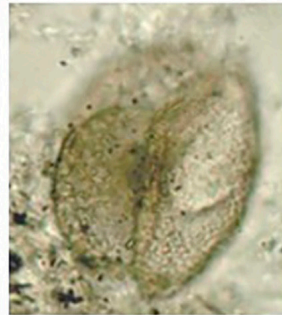
Рис. 11. Гегалашур 1, раскоп 1, культурный горизонт 2:
 1 – скребковидное орудие; 2 – скребок концевой на мелком отщепе; 3 – скребок скошенный; 4 – скребок концевой;
 5 – отщеп первичный средний; 6 – отщеп обожженный; 7 – нож обушковый; 8 – отщеп мелкий

Fig. 11. Gegalashur 1, excavation №1, cultural horizon 2:
 1 – scraper; 2 – end-scraper on a small flake; 3 – oblique end-scraper; 4 – end-scraper;
 5 – medium cortical flake; 6 – cracked flake; 7 – backed knife; 8 – small flake

Инситные палиноморфы



Pinaceae

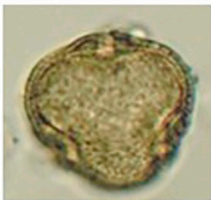


Pinus sg. Haploxylon



Betula

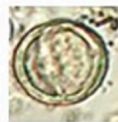
Возможно инситные палиноморфы



Tilia cf. caucasica



Pinus sg.
Diploxylon



Artemisia



Picea

Рис. 12. Инситные и, возможно, инситные палиноморфы Гегалашура 1

Fig. 12. In situ and possibly in situ palynomorph assemblages of Gegalashur 1

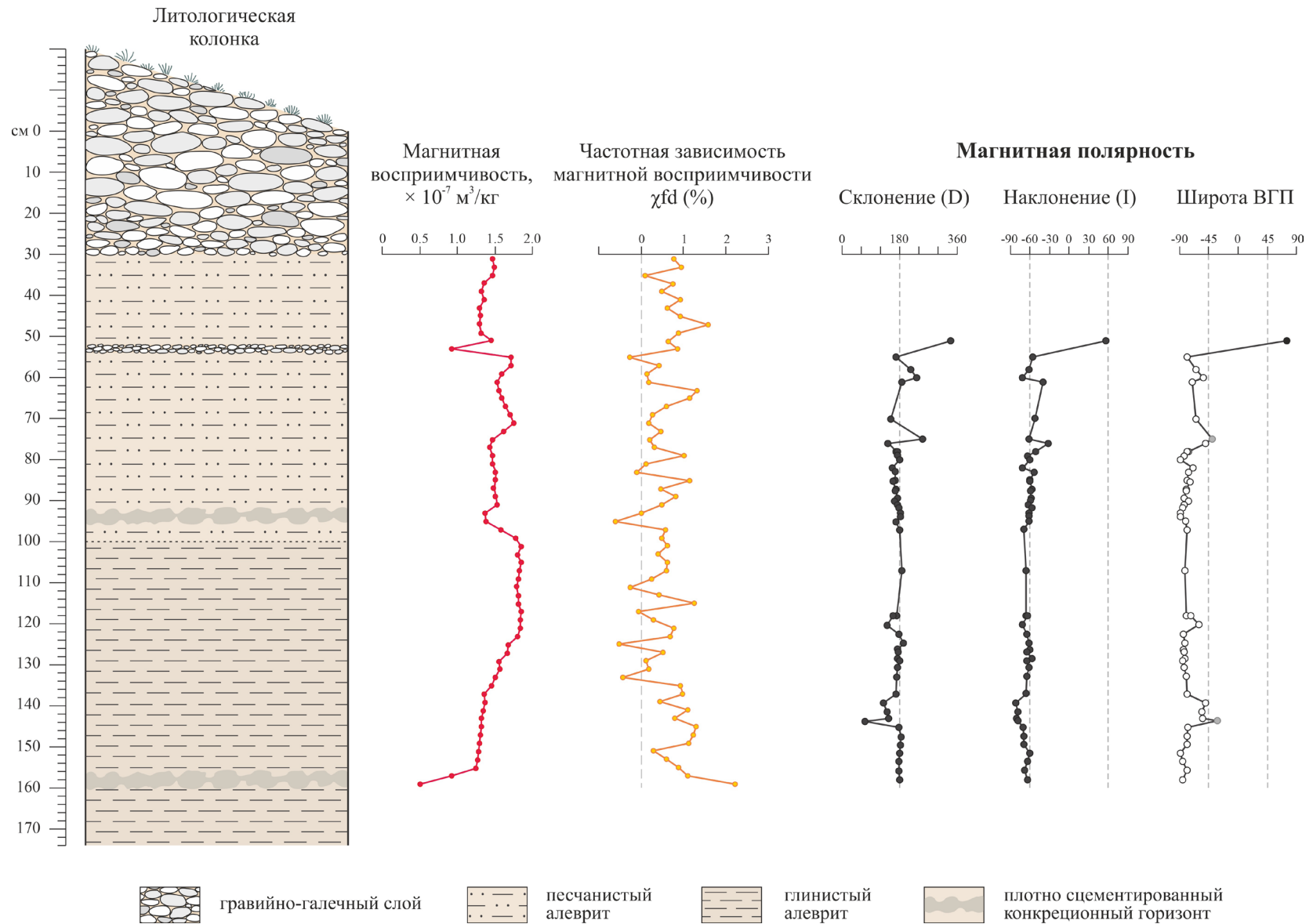
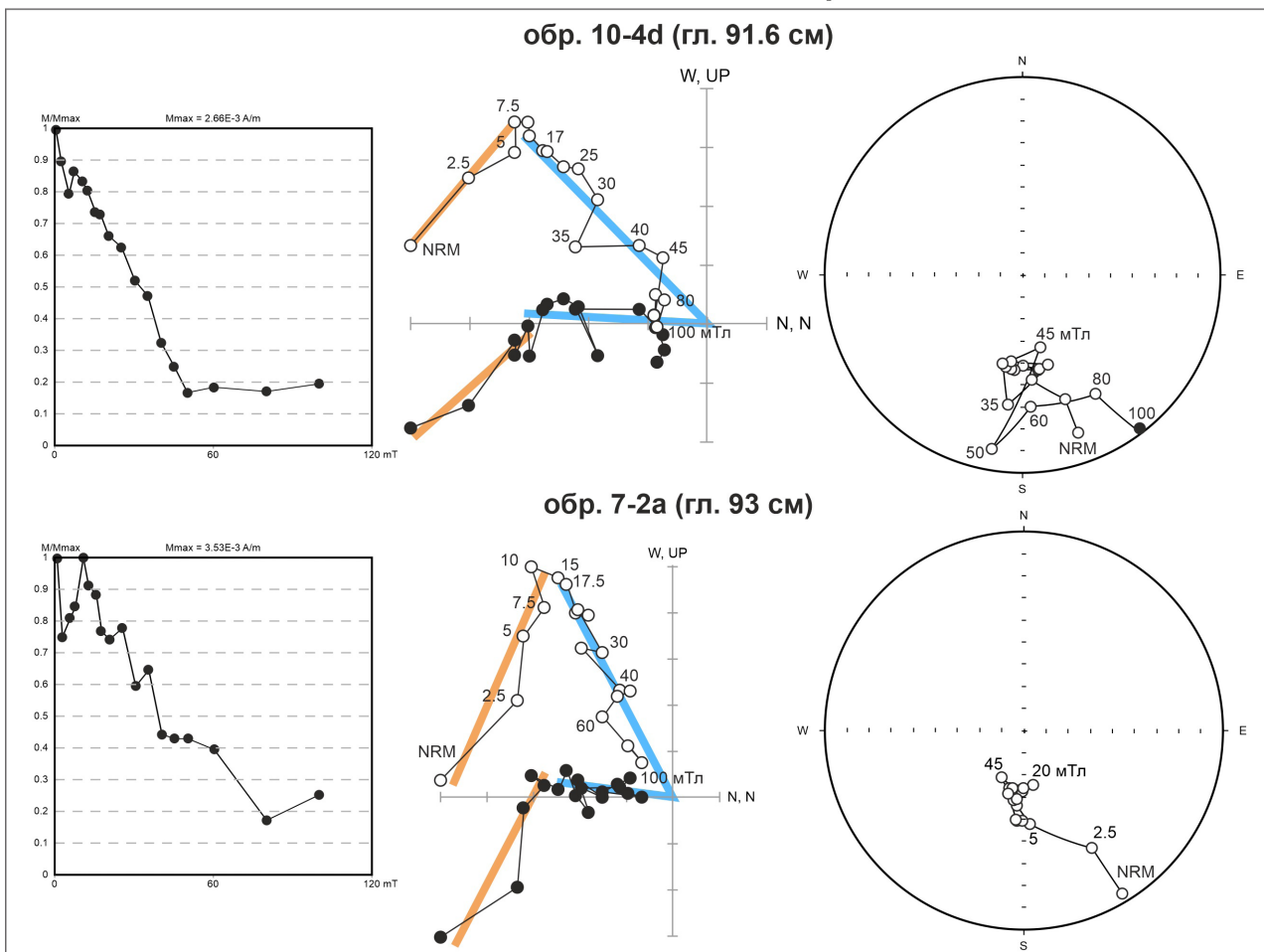


Рис. 13. Сводная литологическая колонка раскопов 2023-2024 гг., кривые изменения магнитной восприимчивости и ее частотной зависимости, изменение магнитного склонения (D), наклонения (I) и рассчитанные на их основе широты виртуального геомагнитного полюса (ВГП) по изученным уровням

Fig. 13. Summary lithological column of excavations in 2023-2024, variations in bulk magnetic susceptibility and its frequency dependence, magnetic declination (D), inclination (I), and calculated on their basis latitudes of the virtual geomagnetic pole (VGP) for the studied levels

Песчаный алеврит



Глинистый алеврит

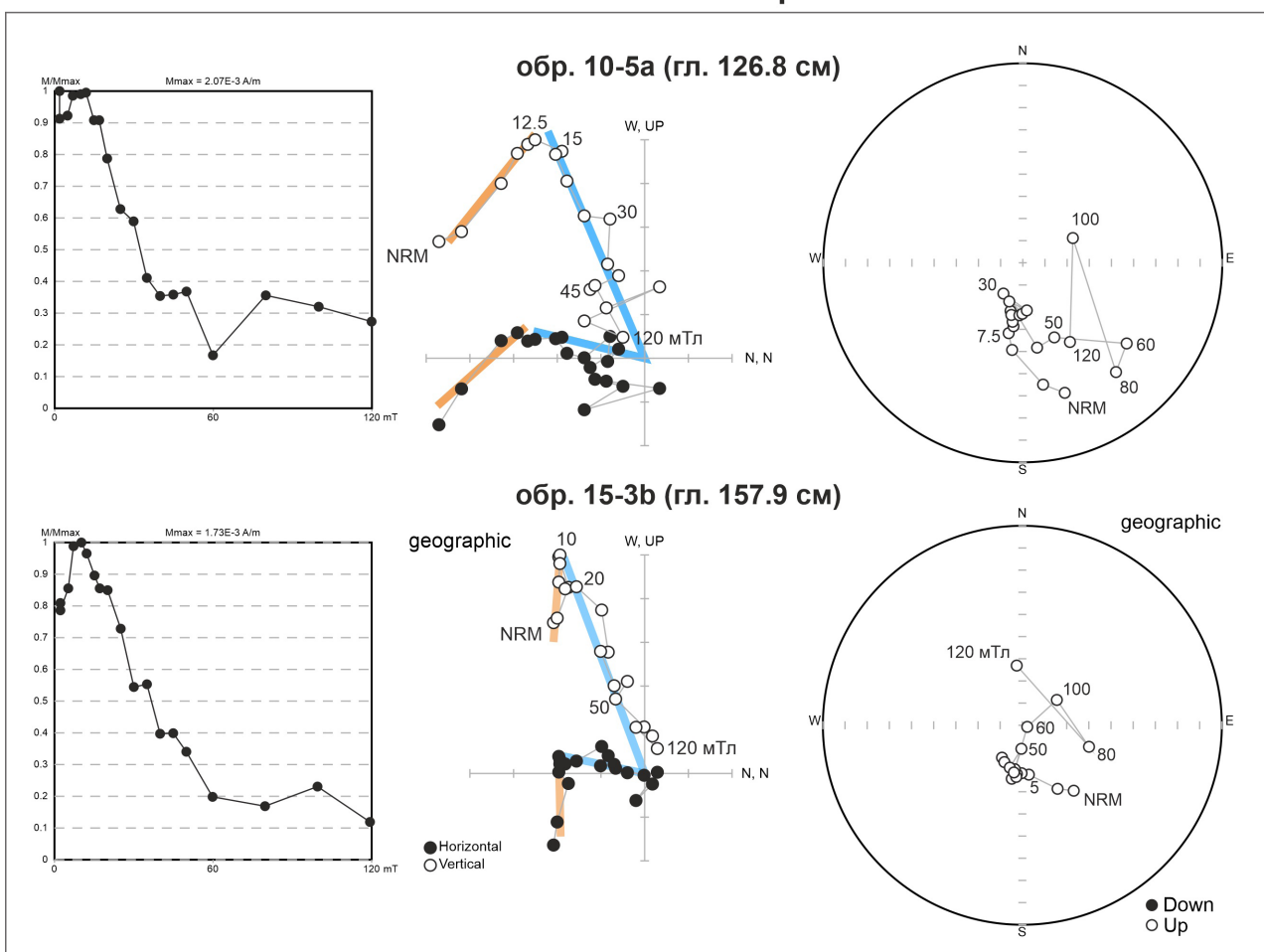


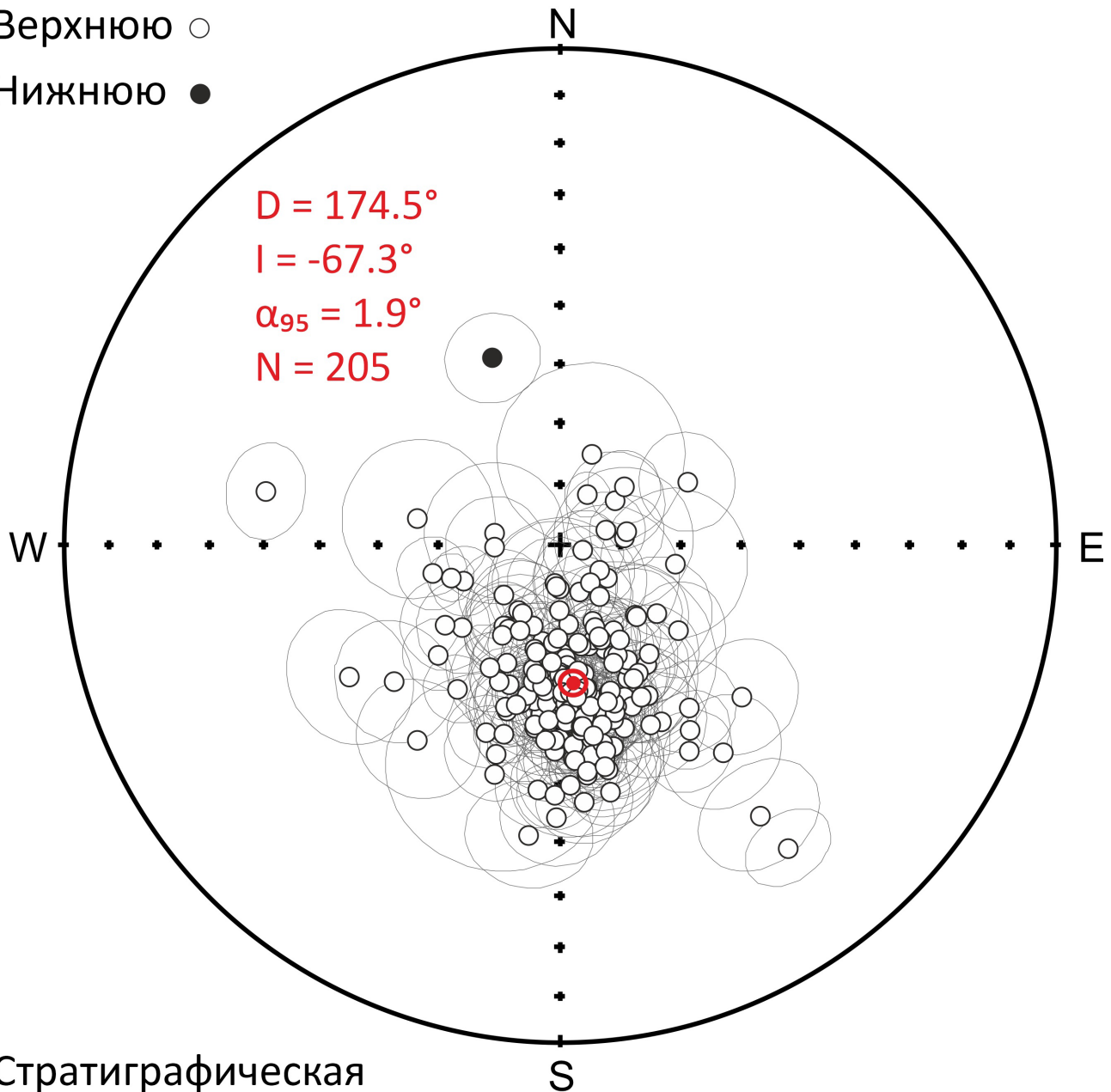
Рис. 14. Типичные графики размагничивания NRM переменным магнитным полем, диаграммы Зийдервельда и стереограммы. На диаграммах Зийдервельда оранжевой прямой обозначена низкокоэрцитивная наложенная компонента намагниченности, голубой прямой – высококоэрцитивная характеристическая компонента

Fig. 14. Representative plots of NRM alternating field demagnetization, vector end-point diagrams (Zijderveld diagrams), and stereograms of directions. In the Zijderveld diagrams, the orange line denotes the low-coercivity superimposed component of magnetization, the blue line denotes the high-coercivity characteristic component

Проекция на полусферу:

Верхнюю ○

Нижнюю ●

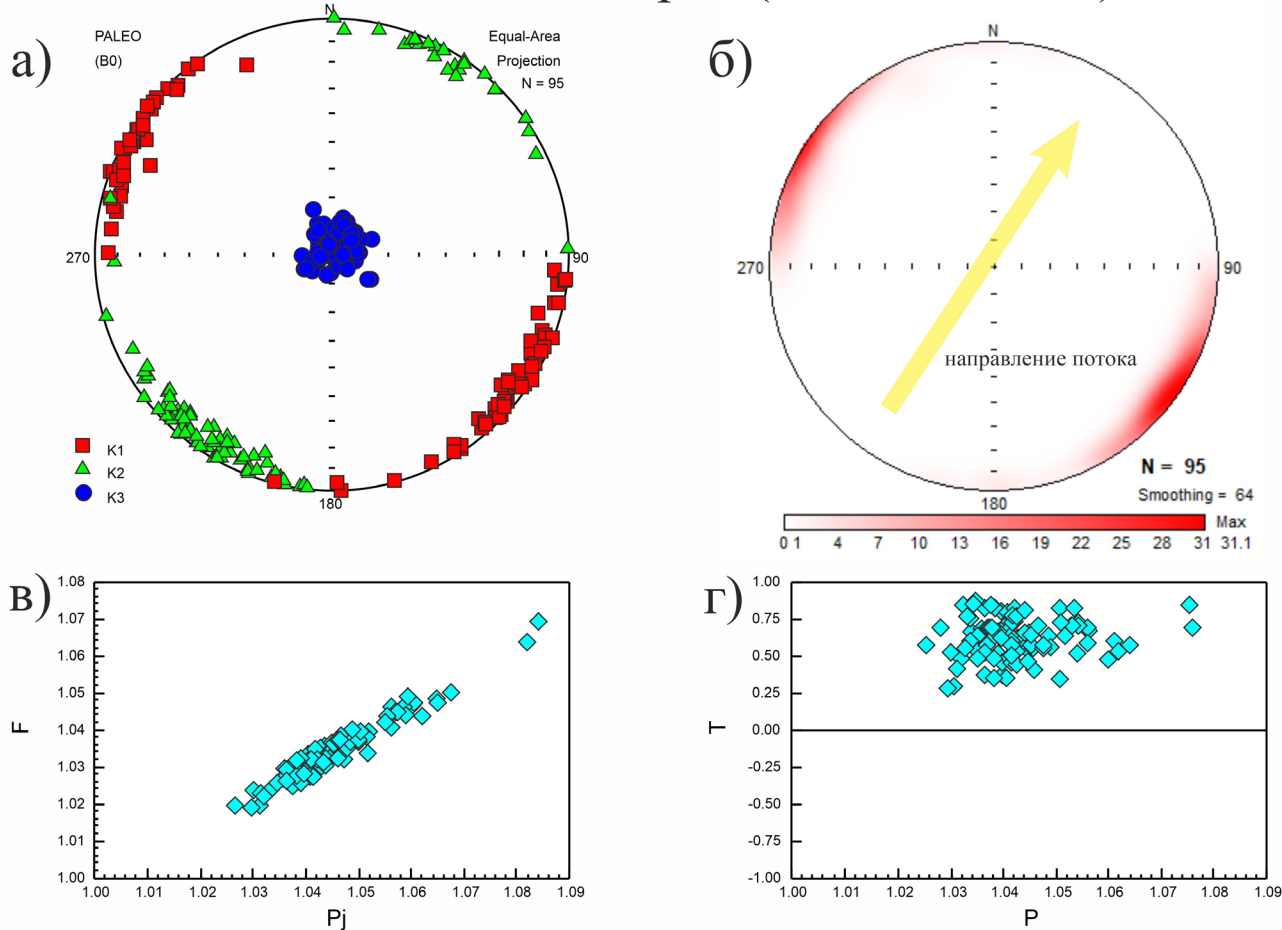


Стратиграфическая
система координат

Рис. 15. Распределение характеристической компоненты намагниченности в изученных образцах (с доверительными интервалами) и среднее направление (красная точка) для образцов обратной полярности

Fig. 15. Distribution of the characteristic component of magnetization in the studied samples (with confidence intervals) and the average direction (red dot) for samples of reverse polarity

песчанистый алеврит (гл. 50 - 100 см)



глинистый алеврит (гл. 100 - 158 см)

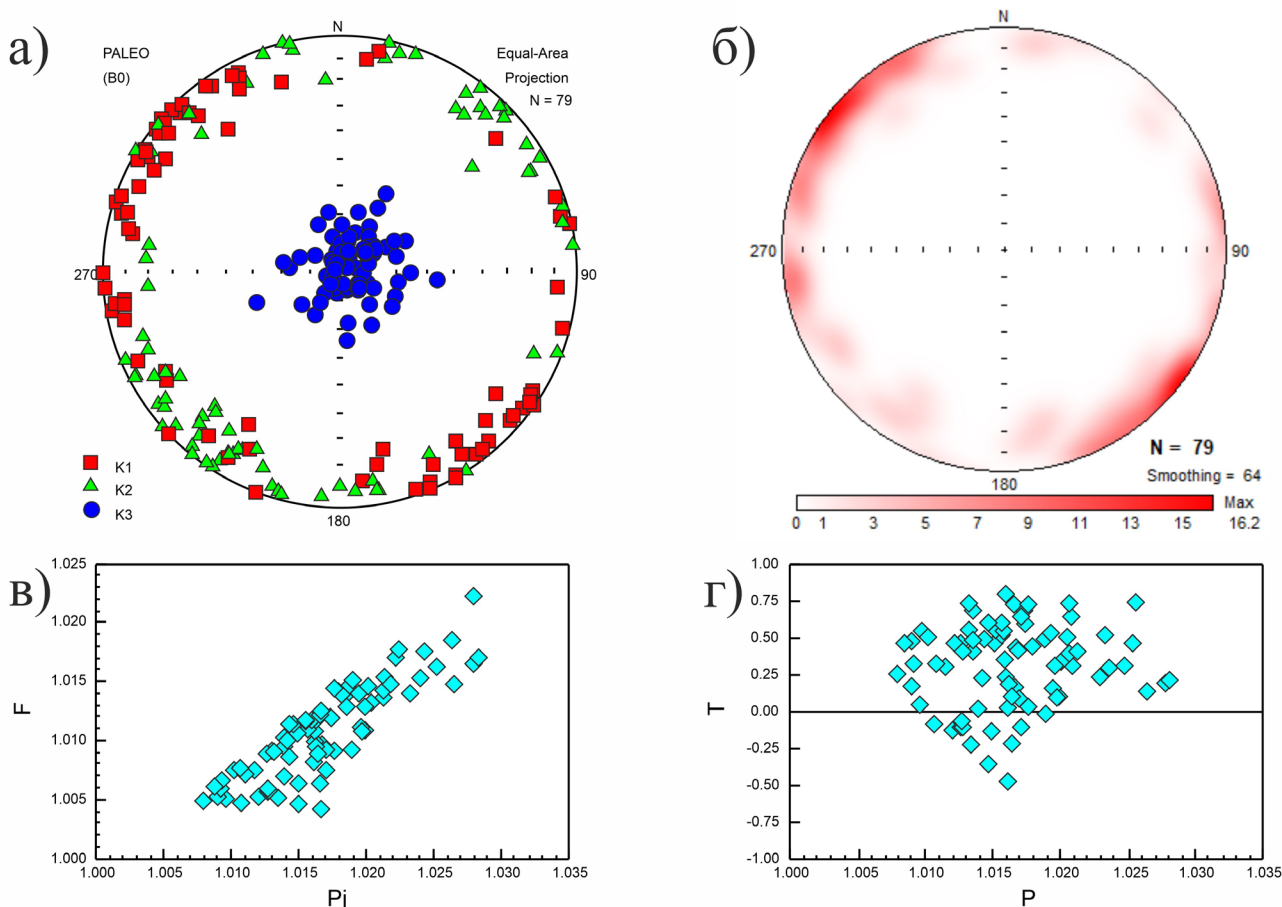


Рис. 16. Результаты изучения анизотропии магнитной восприимчивости (АМВ) для образцов из слоев песчаного и глинистого алеврита: а) – стереограмма распределения главных осей АМВ (K1 – максимальная, K2 – средняя, K3 – минимальная ось); б) – контурный график распределения главной оси АМВ; в) зависимость между степенью анизотропии (Pj) и плоскостной анизотропией (F); г) – связь между фактором формы (T) и степенью анизотропии (Pj)

Fig. 16. Anisotropy of magnetic susceptibility (AMS) results for samples from sandy silt and loam layers: а) – stereographic projection of main axes of AMS ellipsoid (K1 – maximum, K2 – intermediate, K3 – minimum axis); б) – contour plot of the distribution of the main axis of AMS; в) the relationship between the degree of anisotropy (Pj) and foliation (F); д) – the relationship between the shape factor (T) and the degree of anisotropy (Pj)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Амирханов Х.А. Исследование памятников Олдована на Северо-Восточном Кавказе: Предварительные результаты. М.: ТАУС, 2007. — 52с.
2. Кулаков С.А. Начало исследований раннепалеолитической стоянки Гегалашур III // Исследования первобытной археологии Евразии. Сб. статей к 60-летию чл.-корр. РАН, проф. Х.А. Амирханова / Отв ред., сост. Давудов О.М. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. С. 60–74.
3. Ожерельев Д.В. Мухкай II, слой 80. Стоянка эпохи олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.: ИА РАН, 2021. — 160 с. DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-335-0
4. Таймазов А.И. Айникаб 1: стоянка олдована на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала: МавраевЪ, 2021. — 288 с.
5. Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В., Успенская О.И. Стоянка Мухкай 2а: экстраординарные находки эпохи олдована // Природа. 2019. №1. С. 5–14.
6. Fisher R.A. Dispersion on a sphere // Proceedings of the Royal Society of London, Series A. 1953. Vol. 217. Pp. 295–305. DOI: 10.1098/rspa.1953.0064
7. Dearing J.A., Dann R.J.L., Hay K., Lees J.A., Loveland P.J., Maher B.A., O'Grady K. Frequency-dependent susceptibility measurements of environmental materials // Geophysical Journal International. 1996. Vol. 124(1). Pp.228–240p. DOI: 10.1111/j.1365-246x.1996.tb06366.x
8. Maher B.A., Taylor R.M. Formation of ultrafine-grained magnetite in soils // Nature. 1988. Vol. 336. Pp. 368–370. DOI: 10.1038/336368a0
9. Jelinek V. Characterization of the magnetic fabric of rocks // Tectonophysics. 1981. Vol. 79. Pp. 63–67. DOI: 10.1016/0040-1951(81)90110-4
10. Zhu R., Liu Q., Jackson M.J. Paleoenvironmental significance of the magnetic fabrics in Chinese loess-paleosols since the last interglacial (<130 ka) // Earth and Planetary Science Letters. 2004. Vol. 221. Pp. 55–69. DOI:10.1016/S0012-821X(04)00103-7.
11. Tarling D.H., Hrouda F. The magnetic anisotropy of rocks. London: Chapman & Hall Publ. 1993. 217p. DOI: 10.1002/gj.3350300111
12. Рейнек Г.-Э., Сингх И.Б. Обстановки терригенного осадконакопления (с рассмотрением терригенных кластических осадков). Пер. с англ. М.: Недра, 1981. — 439 с. Пер. изд.: ФРГ, США, 1975. DOI: 10.1002/jobm.19770170222.
13. Амирханов Х.А., Тесаков А.С., Ожерельев Д.В. К датировке стоянки олдована Мухкай 2а в Дагестане // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 2017. № 75. С. 5–10.
14. Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: МавраевЪ, 2016. — 344 с.

1. Amirkhanov KA. *Studies of the Oldowan Sites in the North-eastern Caucasus (Preliminary Results)*. TAUS, Moscow, 2007. (in Russ).
2. Kulakov SA. Beginning of the research of the early Paleolithic site of Gegalashur III. *Research of the primitive archeology of Eurasia. Collection of articles for the 60th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, prof. H.A. Amirkhanov*. Makhachkala: Nauka DNC, 2010: 60–74. (In Russ).
3. Ozherelyev DV. *Mukhkai II, layer 80. Oldowan era site in the North-East Caucasus*. Moscow: Institute of Archaeology of RAS, 2021. (In Russ). DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-335-0.
4. Taymazov AI. *Ainikab 1: The Oldowan site in the Northeast Caucasus*. Makhachkala: Mavraev, 2021. (In Russ).
5. Amirkhanov HA, Ozherelyev DV, Uspenskaya OI. Mukhkaй II site: extraordinary findings of the Oldowan era. *Priroda*. 2019; 1: 5–14. (In Russ).
6. Fisher R. Dispersion on a sphere. *Proceedings of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. 1953; 217: 295–305. DOI: 10.1098/rspa.1953.0064.
7. Dearing JA, Dann R.J.L., Hay K, Lees JA, Loveland PJ, Maher BA, O'Grady K. Frequency-dependent susceptibility measurements of environmental materials. *Geophysical Journal International*. 1996; 124(1): 228–240. DOI: 10.1111/j.1365-246x.1996.tb06366.x.
8. Maher BA., Taylor RM. Formation of ultrafine-grained magnetite in soils. *Nature*. 1988; 336: 368–370. DOI: 10.1038/336368a0
9. Jelinek V. Characterization of the magnetic fabric of rocks. *Tectonophysics*. 1981; 79: 63–67. DOI: 10.1016/0040-1951(81)90110-4.
10. Zhu R, Liu Q, Jackson MJ. Paleoenvironmental significance of the magnetic fabrics in Chinese loess-paleosols since the last interglacial (<130 ka). *Earth and Planetary Science Letters*. 2004; 221(1–4): 55–69. DOI: 10.1016/S0012-821X(04)00103-7.
11. Tarling DH, Hrouda F. *The magnetic anisotropy of rocks*. London: “Chapman & Hall” Publ., 1993: 217. DOI: 10.1002/gj.3350300111.
12. Reineck H-E., Singh IB. *Depositional sedimentary environments (With reference to terrigenous clastics)*. Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, New York, 1975; 440. DOI: 10.1002/jobm.19770170222.
13. Amirkhanov HA, Tesakov AS, Ozherelyev DV. On the dating of the Oldowan site Mukhkai 2a in Dagestan. *Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period*. 2017; 75: 5–10. (In Russ).
14. Amirkhanov HA. *North Caucasus: the beginning of prehistory*. Makhachkala: Mavraev, 2016: 344 (In Russ).

Поступила в редакцию 18.11.2024 г.

Принята в печать 09.01.2025 г.

Опубликована 15.03.2025 г.

Received 18.11.2024

Accepted 09.01.2025

Published 15.03.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211124-140>



Исследовательская статья

Леонтьева Анна Станиславовна
специалист-археолог
ООО «Культурное наследие», Москва, Россия
i@anleotjeva.ru

Эрлих Владимир Роальдович
д.и.н., главный научный сотрудник
Государственный музей искусства народов Востока, Москва, Россия
verlikh@bk.ru

Ерёменко Кирилл Юрьевич
заведующий Отделом научно-экспозиционной и выставочной деятельности
Северокавказский филиал Государственного музея искусства народов Востока, Майкоп, Россия
k.eremenko2012@yandex.ru

Добровольская Мария Всеволодовна
д.и.н., ведущий научный сотрудник, заведующая лабораторией контекстуальной антропологии
Институт археологии РАН, Москва, Россия
mk_pa@mail.ru

Абрамова Александра Николаевна
к.и.н., заведующая Отделом археологических фондов
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, Краснодар, Россия
abramovasacha0902@gmail.com

Киселёва Дарья Владимировна
к.г.-м.н., старший научный сотрудник, Институт геологии и геохимии им. академика А.Н. Заварицкого
Уральское отделение РАН, Екатеринбург, Россия
kiseleva@igg.uran.ru

Шарко Федор Сергеевич
к.б.н., научный сотрудник, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург;
старший научный сотрудник, НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия;
fedosic@gmail.com

Петрова Дарья Станиславовна
магистрант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
лаборант-исследователь, НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия
darya_sitnikova_2000@mail.ru

Булыгина Евгения Станиславовна
к.б.н., ведущий научный сотрудник
НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия
eugenia.bulygina@gmail.com

Недолужко Артем Валерьевич
к.б.н., научный руководитель Лаборатории палеогеномики,
Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
nedoluzhko@gmail.com

Спаская Наталья Николаевна
к.б.н., доцент, ученый секретарь
Научно-исследовательский Зоологический музей МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
equusnns@mail.ru

Для цитирования: Леонтьева А.С., Эрлих В.Р., Ерёменко К.Ю., Добровольская М.В., Абрамова А.Н., Киселёва Д.В., Шарко Ф.С., Петрова Д.С., Булыгина Е.С., Недолужко А.В., Спаская Н.Н. результаты комплексного исследования протогеотского погребения всадника из адыгеи // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 1. С. 124-140. doi.org/10.32653/CH211124-140

© Леонтьева А.С., Эрлих В.Р., Ерёменко К.Ю., Добровольская М.В., Абрамова А.Н., Киселёва Д.В., Шарко Ф.С., Петрова Д.С., Булыгина Е.С., Недолужко А.В., Спаская Н.Н., 2025
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211124-140>



Research paper

Anna S. Leontyeva
Specialist-Archaeologist
LLC "Cultural Heritage", Moscow, Russia
i@anleotyeva.ru

Vladimir R. Erlikh
Dr. Hist. Sci., Chief Researcher
State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia
verlikh@bk.ru

Kirill Y. Eremenko
Head of the Dep. of Scientific and Exposition and Exhibition Activities
North Caucasian Branch of the State Museum of Oriental Art, Maikop, Russia
k.eremenko2012@yandex.ru

Maria V. Dobrovolskaya
Dr. Hist. Sci., Leading Researcher, Head of the Laboratory of Contextual Anthropology
Institute of Archaeology of RAS, Moscow, Russia
mk_pa@mail.ru

Alexandra N. Abramova
Cand. Hist. Sci., Head of the Dep. of Archaeological Collections
Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, Krasnodar, Russia
abramovasachao902@gmail.com

Darya V. Kiseleva
Cand. Geol. and Mineral. Sci., Senior Researcher
Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russia
kiseleva@igg.uran.ru

Fedor S. Sharko
Cand. Biol. Sci., Researcher
European University, St. Petersburg;
Senior Researcher, NRC "Kurchatov Institute", Moscow, Russia
fedosic@gmail.com

Darya S. Petrova
Master's Student
Moscow State University, Moscow, Russia;
Research Assistant, NRC "Kurchatov Institute", Moscow, Russia
darya_sitnikova_2000@mail.ru

Evgenia S. Bulygina
Cand. Biol. Sci., Leading Researcher
National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia
eugenia.bulygina@gmail.com

Artem V. Nedoluzhko
Cand. Biol. Sci., Sci. Dir. of the Laboratory of Paleogenomics
European University, St. Petersburg, Russia
nedoluzhko@gmail.com

Natalia N. Spasskaya
Cand. Biol. Sci., Assoc. Prof., Scientific Secretary
Zoological Research Museum at MSU, Moscow, Russia
equusnns@mail.ru

For citation: A.S. Leontyeva, V.R. Erlikh, K.Y. Eremenko, M.V. Dobrovolskaya, A.N. Abramova, D.V. Kiseleva, F.S. Sharko, D.S. Petrova, E.S. Bulygina, A.V. Nedoluzhko, N.N. Spasskaya. A Proto-Maeotian Horseman Burial from Adygea: Results of a Comprehensive Study. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 124-140. doi.org/10.32653/CH211124-140

© A.S. Leontyeva, V.R. Erlikh, K.Y. Eremenko, M.V. Dobrovolskaya, A.N. Abramova, D.V. Kiseleva, F.S. Sharko, D.S. Petrova, E.S. Bulygina, A.V. Nedoluzhko, N.N. Spasskaya., 2025
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025

РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОТОМЕОТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ ВСАДНИКА ИЗ АДЫГЕИ

Аннотация. В статье публикуется комплекс погребения протомеотского воина-всадника, открытого в 2023 г. в предгорьях Адыгеи (N 44.2278780 E 40.1298390). Погребение сопровождалось вооружением, включающим топор-скипетр, колхидской фибулой, скелетом лошади, а также набором бронзовой конской узда, относящейся ко времени Новочеркасского клада. Авторы датируют погребение концом VIII в. до н.э. Погребение было комплексно исследовано, в том числе с помощью естественнонаучных методов. Антропологическими методами установлены пол и возраст погребенного: это был мужчина, старше 55 лет, имевший прижизненную травму головы, вероятно полученную при участии в военных действиях. Авторы полагают, что конный протомеотский воин преклонных лет был участником «киммерийских походов» в Закавказье и Переднюю Азию. Анализ изотопов стронция из образцов эмали зубов человека и лошади не подтвердил их жизнь в непосредственной близости от места погребения, так и их происхождение из Западного Закавказья. Специфические пропорции костей скелета лошади заставили проверить предположение о возможном гибридном происхождении животного. Но мул/лошак не подтвердился ни детальным морфометрическим, ни молекулярно-генетическим анализами. Доказательство наличия специфической локальной породы лошадей в раннем железном веке на Северном Кавказе требует специального геномного исследования.

Ключевые слова: Адыгея; протомеоты; погребение воина-всадника; «киммерийские походы»; узда; скипетр; колхидская фибула; изотопы стронция; молекулярно-генетический анализ

A PROTO-MAEOTIAN HORSEMAN BURIAL FROM ADYGEA: RESULTS OF A COMPREHENSIVE STUDY

Abstract. This paper reports on a proto-Maeotian burial complex of a horseman warrior discovered in 2023 in the foothills of Adygea (N 44.22787800, E 40.12983900). The burial assemblage included weaponry, notably an axe-scepter, a Colchian fibula, an equine skeleton, and a set of bronze horse bridles contemporary with the Novocherkassk treasure. Based on these findings, the authors date the burial to the late 8th century BC. Comprehensive analyses, including natural science methods, were conducted on the burial. Anthropological examination determined the interred individual to be a male over 55 years of age who had sustained a cranial injury during his lifetime, potentially in military engagements. The authors propose that this elderly proto-Maeot horseman warrior may have participated in the “Cimmerian campaigns” in the Transcaucasia and Western Asia. Strontium isotope analysis of human and equine tooth enamel samples did not corroborate their habitation in the immediate vicinity of the burial site, nor did it indicate an origin in Western Transcaucasia. The unusual proportions of the horse skeletal remains prompted an investigation into a potential hybrid origin for the animal. However, detailed morphometric and molecular genetic analyses did not confirm the presence of a mule or hinny. Establishing definitive evidence for a specific local horse breed in the Early Iron Age of the North Caucasus necessitates dedicated genomic research.

Keywords: Adygea; proto-Maeot; burial of a horseman-warrior; Cimmerian campaigns; bridle; scepter; Colchian fibula; strontium isotopes; molecular genetic analysis

Описываемый комплекс был обнаружен в 2023 г. при исследовании кургана «Азишский-98» отрядом Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока и ООО «Культурное наследие» (начальник отряда А.С. Леонтьева). Курган был расположен на южной окраине хребта Азиштау, в 400 м к югу от автодороги ст. Даховская – плато Лаго-Наки, в 4 км к западу от ст. Даховской (Майкопский район, Республика Адыгея; N 44.227878° E 40.129839°).

Необычность погребению придавали две находки. Во-первых, это колхидская фибула, явный импорт из Закавказья. Во-вторых, это небольшие и грацильные кости лошади, захороненной вместе с погребенным. Первичный их осмотр дал возможность выдвинуть гипотезу, что это был мул. Дальнейшие исследования должны были ответить на вопросы: кем был погребенный, на каком животном он ездил, жили ли они в этой местности или являлись мигрантами из Закавказья. Для решения данных вопросов были привлечены специалисты в нескольких областях и комплекс естественнонаучных методов исследований.

Археологический контекст

Курган «Азишский-98» имел форму сегмента сферы с диаметром 13 м и высотой 1 м, насыпь не распаивалась и на момент исследования поверхность была покрыта горно-луговой растительностью. В центре насыпи виднелась запыленная от времени грабительская воронка. В насыпи кургана встречались керамика и находки скифского времени. Исследование кургана показало, что общая насыпь сооружена над ритуальным комплексом V–IV вв. до н.э., который примыкал с запада к небольшой каменной насыпи (каменной наброске), сооруженной над погребением предскифского времени (погребением 1), о котором пойдет речь ниже.

Погребение обнаружено в восточной половине кургана на глубине –42 –56 см от его вершины и представляло собой вырубленную в скале неглубокую яму, перекрытую плоскими камнями. При расчистке комплекса выяснилось, что перекрытие могилы со временем под тяжестью камней сложилось внутрь погребения. У восточного края могилы на уровне древнего горизонта (гл. –42 –48 см) лежали части туши лошади двумя отдельными скоплениями: передняя часть отделена от задней. Вероятно, туша животного была разрублена (из-за плохой сохранности костей следов рубки не обнаружено), либо раздавлена и растащена просевшим перекрытием могилы. Расположенная слева параллельно костяку целая туша лошади (либо ее шкура — кости черепа и конечности) является характерным признаком расположенного в этом же районе эталонного предгорного протомеотского могильника Фарс/Клады и прослежена в 8 случаях, лишь в двух случаях конь помещался справа от погребенного [1, с. 34]. В большинстве случаев лошадь помещалась непосредственно в яму, лишь в одном случае ее кости лежали выше костей человека на специальном уступе (погребение 6) (там же).

Погребение всадника было ориентировано по оси ССЗ-ЮЮВ. Костяк находился на уровне –53 –60 см от R0 в вырубленной яме (размеры: длина 2,65 м, ширина 1,32 м, глубина 23 см). Скелет лежал вытянуто на спине головой на ССЗ с легким завалом на левый бок. Руки согнуты в локтях и прижаты к груди. Кисти находились у подбородка. Ноги слабо согнуты в коленях.

При покойном за головой справа от черепа обнаружены бронзовый топор-скипетр (рис. 1, 2) и оселок (рис. 1, 1). На грудной клетке поверх сочленения левой кисти зафиксирована дуговидная фибула (рис. 1, 3). На уровне грудной клетки справа от скелета найдены железный втульчатый наконечник копья (рис. 1, 5) и кремневый отщеп-пластина (рис. 1, 4). В ногах погребенного располагался уздечный набор, состоящий из 5 бронзовых четырехлепестковых бляшек-розеток (рис. 1, 8–12), бронзовой лунницы (рис. 1, 13), бронзовых удил (рис. 1, 6) и парных псалиев (рис. 1, 7). При разборе перекрытия могилы в юго-восточной ее части обнаружены развалы двух сосудов (корчаг), стоявших в ногах покойного, один из которых удалось реконструировать (рис. 1, 14–15).

Обнаружение погребения конного воина в ареале предгорного варианта протомеотских памятников заставляет нас обратиться для сопоставления к материалам эталонного для этого варианта могильника Фарс/Клады. По своему набору – лошадь, оружие, оселок, скипетр, публикуемое погребение сопоставимо с первой группой погребений этого могильника – мужчин-всадников [1, с. 32]. Для последних характерна более вытянутая поза. Северо-западная ориентировка, имевшаяся у азишского погребения, в могильнике Фарс/Клады встречена в 6 случаях из 37 погребений, где удалось ее проследить. Однако у предгорных протомеотских памятников в целом отмечалась неустойчивость ориентировки [1, с. 31; 2, с. 64].

Анализ сопроводительного инвентаря

Обнаруженные в погребении удила имеют двукольчатые окончания и ложновитое рифление. Подобное рифление более характерно для однокольчатых удил ранней группы погребений и редко встречается у удил с двукольчатым окончанием [3, с. 43, 44]. В предгорных протомеотских памятниках на удилах с двукольчатым окончанием подобное рифление встречено, в погребении 35 могильника Фарс и погребении 32 могильника Кочипэ [2, с. 356, рис. 167, 2, 3].

Трехпетельчатые псалии, сочетавшиеся с бронзовыми удилами (рис. 1, 7), относятся к широко распространенному «классическому» новочеркасскому типу IV, который известен в ряде протомеотских

памятников предгорного варианта: в кургане 46 могильника Клады, в могильнике Ясеновая Поляна, в кургане у ст. Махосhevской, а также в могильниках центрального варианта – Пшиш, Чишхо, Уашхиту I, курган 2, погребение 9 [2, с. 125].

Полной аналогией бляшкам с четырехлепестковым щитком-розеткой (рис. 1, 8–12) является бляшка из кургана 46 могильника Фарс/Клады [1, с.133, рис. 41, 5; 2, с. 377, рис. 196, 9].

Найденная в азишском погребении сильно изогнутая лунница имеет два спиральных завитка и пять кружков. Центральный кружок украшен солярным знаком в виде ромба (рис. 1, 13). Близкая по форме лунница также встречена в колесничном комплексе кургана 46 могильника Фарс/Клады [1, с. 133, рис. 41, 4], однако полная аналогия ей имеется в комплексе разрушенного впускного погребения кургана 8 могильника Яснозорье Черкасской области Украины [4, с. 124, рис. 18, 5]. В состав этого комплекса входили фрагмент трехпетельчатого псаля и «новочеркасский» наконечник стрелы.

Топорик-скипетр воинского погребения из кургана 98 (рис. 1, 2) имеет грибовидный обушок, служивший для подвешивания топорика к поясу, и широкое лезвие, закругленное в нижней части, подобно клюву хищной птицы (тип II-1 по В.Р. Эрлиху). Ближайшие ему аналогии происходят из станицы Каменномостской (случайная находка), Абадзехской (случайные находки – 2 экз.), из могильника Кочипэ и станицы Шапсугской [2, с. 110, 354, рис. 165, 3–7]. Не так давно были опубликованы еще три топорика-скипетра этого типа, два из которых происходят из могильника Лиманов кут (курган 6, погребение 1 и курган 4, разрушенное погребение), а один – из разрушенного погребения могильника Табор [5, с. 187, рис. 1, 3; с. 188, рис. 2, 2, 3]. Все они происходят из предгорий Северо-Западного Кавказа. У каждого из этих топориков имеется грибовидный обушок, но по-разному орнаментирован проух, хотя во всех случаях этот орнамент символизирует глаз хищной птицы. Уникален орнамент и на проухе азишского топорика: он имеет отверстие и спиральные завитки вокруг него, нанесенные гравировкой. Очевидно, что в основе этого ряда протомеотских птицеголовых бронзовых скипетров с грибовидным обушком находится птицеголовый скипетр из погребения 35 могильника Фарс/Клады первой половины VIII в. до н.э., который в свою очередь наиболее близок к позднебронзовым прототипам [6, с. 24–250; 7, с. 151–162]. В ареале протомеотской группы памятников использовались и каменные топоры-скипетры птицеголовой формы [2, с. 108, рис. 164, 7–10]. Несомненно, что подобные предметы являлись не только оружием ближнего боя, но скорее статусной вещью, атрибутом военачальника.

Железный наконечник копья с остролистым пером с ромбическим сечением без выделенного ребра жесткости (рис. 1, 5) может быть отнесен к типу 2 второго отдела протомеотских железных наконечников копий [2, с. 98]. Несмотря на фрагментарную сохранность, он выделяется своим необычно крупным размером: реконструируемая длина его превышает 30 см, тогда как для протомеотских наконечников этого типа характерны копия длиной 15–16,5 см, а наибольший – до 20 см [1, с. 44; 2, с. 98].

Оселок, обнаруженный в публикуемом погребении, относится к наиболее распространенному типу (тип 1) протомеотских оселков с прямоугольным сечением и подпрямоугольным контуром. В одном только могильнике Фарс встречено 11 оселков этого типа, а в могильнике Пшиш-I – целых 17 экземпляров [2, с. 154, рис. 216, 1–6].

Чрезвычайно интересна находка в этом погребении дуговидной колхидской фибулы (рис. 1, 3). Отметим, что две бронзовые фибулы, но другого типа, являющиеся импортом из Бзыбской Абхазии, были встречены в погребении 36 могильника Фарс/Клады [1, с. 125, рис. 33, 6, 7]. Фибула из азишского погребения с симметричной ложновитой дужкой без кольцевидных утолщений на дуге может быть отнесена к типу I-1 по А.Ю. Скакову [8, с. 78]. По его данным, на территории Колхиды фибулы этого типа появляются не ранее IX в. до н.э. и доживают до первой половины VII в. до н.э. [8, с. 82]. Азишский комплекс с фибулой, с одной стороны, маркирует путь из Закавказья, который проходил по Азишскому хребту, с другой – позволяет уточнить время бытования фибул этого типа.

Одна из корчаг, форма которой восстанавливается (рис. 1, 14–15), может быть отнесена к протомеотским корчагам типа 2 со слабо сужающимся цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком (первого подтипа – с грушевидным или реповидным туловом), характерным для предгорного варианта протомеотских памятников [2, с. 72]. Корчага имеет на плечиках сосцевидные налепы. На корчагах подобной формы они встречены в позднейших предскифских комплексах предгорного варианта, таких как курган 48 могильника Клады; Кочипэ, погребение 33, Хаджох, курган 2 [2, рис. 132, 4; 133, 4, 5]. Следует отметить, что этот вид украшения корчаг в Закубанье продолжает встречаться и в раннескифское

время (могильник Кочипэ погребение 1 вместе с железным акинаком; объект 1 кургана 4 могильника Холмский; погребение 5 кургана 19 Келермесского могильника) [2, с. 72, 73].

Очевидно, что элементом погребального обряда является и найденный в погребении кремневый отщеп (рис. 1, 4). Кремневые отщепы иногда встречаются в протомеотских погребениях преимущественно мужских. Так в протомеотских могильниках центрального варианта по подсчетам В.Р. Эрлиха отщепы встречаются в 2–11,5 % погребений [2, с. 62, табл. 6]. В памятниках предгорного варианта отщепы прослежены в пяти погребениях могильника Кочипэ и в двух погребениях могильника Фарс/Клады. Все они по инвентарю мужские [2, с. 65]. Помещение в погребение кремневого отщепа следует связывать со степным влиянием, эти предметы встречаются в мужских погребениях черноморовской культуры, этот же признак восходит к степным погребениям финальной бронзы [9, с. 95; 10, с. 142, 155, табл. 75; 11, с. 66; 2, с. 62].

Датировка комплекса

На основании хронологии сопровождающего инвентаря – «классические» новочеркаские псалии, поздний тип лунницы, бляхи-розетки, находящие аналогии в комплексе кургана 46 в урочище Клады, корчаги с сосцевидными налечами, имеющей позднейшие предскифские и раннескифские параллели – данное погребение можно отнести к «классическому» новочеркасскому периоду и сопоставить с третьей хронологической группой погребений эталонного предгорного протомеотского могильника Фарс/Клады. Последняя датируется временем близким к концу VIII в. до н.э. [1, с. 68–70, рис. 62].

Для этого периода в Северо-Западном и Центральном Предкавказье характерны унификация формы уздечных наборов, прежде всего, псалиев, формирование вождства, атрибутами которого становится курганный обряд, богатый и разнообразный инвентарь, комплексы колесничной упряжи, бронзовые котлы-ситулы центрально-кавказского производства, местные подражания ассирийским шлемам. Эти изменения большинство исследователей связывают с периодом походов конных воинов с территории Северного Кавказа в Закавказье и Переднюю Азию, а также с первым упоминанием о появлении киммерийцев к югу от Кавказского хребта в ассирийских хрониках, датирующимся временем около 714 г. до н.э.

Анализ антропологического материала

Костная ткань скелета очень плохой сохранности, соответствующей 5 баллам, при которых процесс деструкции привел к полному разрушению компактного вещества, кости очень хрупкие и представлены множеством фрагментов [12]. Череп представлен фрагментами покровных костей, а посткраниальный скелет – диафизами длинных костей. Судя по степени стертости зубных коронок, индивид умер в возрасте старше 55 лет [13]. Общая массивность скелета, развитие макро- и микрорельефа на костях и выраженность рельефа, размер сосцевидных отростков и затылочного бугра позволили предположить мужской пол погребенного. На левой теменной кости покойного имеется след от травмы, зажившей задолго до смерти. Размер дефекта 2,3×2,5 см. Травма округлой формы находится почти в центре кости, чуть смещена назад. Область дефекта хорошо заживлена и не несет следов воспалительных процессов ни в области ранения, ни на других сохранившихся частях черепа. К сожалению, степень деструкции костной ткани, а также прошедшие процессы заживления не дают возможности восстановить оружие, которым было нанесено ранение. Вероятнее всего, совершена она была тупым предметом с преобладающей поверхностью. Отсутствие выраженного воспалительного процесса дает возможность с осторожностью предположить лечение травмы в процессе ее заживления (рис. 2).

Анализ археозоологического материала

Общая сохранность скелета лошади оценена 2 баллами (по 5-бальной шкале): большинство костей были разрушены, поверхность сохранившихся эрозированная. Череп разрушен, но зубы (за исключением одного клыка и нижнего левого второго моляра) были в комплекте. Целые или с незначительными

разрушениями кости, пригодные для морфометрических исследований — правая лучевая с локтевой; правая большеберцовая; парные кости пясти и плюсны, парные 1-е передние фаланги; парные 2-е передние и задние фаланги.

Определение индивидуального возраста особи проводилось несколькими способами, полученные разными методами данные сопоставлялись и дополнялись: по степени прорезания и стертости резцов и щечных зубов [14]; по высоте коронки щечных зубов [15, с. 249–250]; по степени прирастания эпифизов костей посткраниального скелета [16, с. 252–253, 255]. Морфометрические исследования были произведены по объединенной методике [17, 18, 19, 20] штангенциркулем (допустимая погрешность 0,1 мм). Статистический анализ проводился в программе Statistica 8.0.

По визуальному исследованию остатков, их комплектности и пропорциям установлено, что в погребении №1 кургана было захоронено вместе с человеком одно животное. Следов разделки туши не выявлено. Наличие клыков указывает, что это жеребец. На верхних и нижних премолярах (P2 и p2) есть стёртость в передней части зуба (рабочая патология), свидетельствующая об использовании животного в качестве ездового (рис. 3, 2). Индивидуальный возраст, определенный по посткраниальному скелету и стертости резцов, указывает на взрослое, половозрелое животное (около 10–11 лет), однако пропорции сохранившихся костей конечностей характеризуют животное как крайне грацильное и малорослое: по длине лучевой, большой берцовой, пястной и плюсневой костям — малорослая (136–128 см в холке) (по О.В. Витту [21]); по длине плюсневой и пястной костей — 133–134 см в холке (по Л. Кизевальтеру [22]); по пястной и плюсневой кости — тонконогая (по И.Д. Черскому [23], по А.А. Браунеру [24]); по 1-й передней фаланге — узковерхняя (по А.А. Браунеру [24]). В связи с этим возникло предположение, что это может быть осёл или гибрид с ним. Однако в рисунке эмали щечных зубов не прослеживаются четкие «ослиные», скорее имеют место промежуточные признаки (рис. 3, 1). Для решения этого вопроса было проведено морфометрическое исследование.

Определение видовой принадлежности в подобном спорном случае (возможная гибридизация) проводят несколькими способами. А. По абсолютным размерам. Ослы меньшего размера, чем лошади, и более грацильные. Однако домашние ослы и их гибриды (мулы и лошаки) не консолидированы по экстерьеру. У ослов в древности планомерной селекции, вероятно, не было, несколько пород стали выделять только в современное время. Кроме того, экстерьерные особенности мулов и лошаков зависят от параметров их родительских особей. Поэтому границы размерных характеристик существенно пересекаются и достоверное видовое определение оказывается невозможно (табл. 1). Б. По совокупности пропорций костей. Был использован дискриминантный анализ. Промеры костей домашних ослов (*Equus assinus*), мулов (самец осла х самка домашней лошади) и лошаков (самец домашней лошади х самка осла) были использованы от экземпляров из коллекций ЗИН РАН (Санкт-Петербург), ЗММУ (Москва) и базы данных (<https://vera-eisenmann.com>).

Животное из кургана «Азишский-98» при классификации разными методами по разным костям относится или к ослам, или к лошадям (Табл. 2; рис. 4).

Таблица 1. Промеры и индексы по кости пясти исследуемого образца из кургана «Азишский-98», домашних лошадей, ослов и их гибридов (мулов и лошаков)

Table 1. Measurements and indices of the metacarpal bone of the studied sample from the Azishsky 98 burial mound, domestic horses, donkeys and their hybrids (mules and hinnies)

№	Промеры и индексы	Азишский 98	Домашняя лошадь					Осел				
			n	M	min	max	SD	n	M	min	max	SD
1	Полная длина	209,5	12	228,4	200,0	254,3	13,3	26,0	187,8	160,5	230,0	18,5
2	Ширина верхнего конца	44,7	12	52,7	47,8	62,2	4,1	5,0	33,2	25,5	38,0	4,6
3	Поперечник верхнего конца	31	12	35,4	31,0	39,5	2,2	5,0	24,5	20,5	29,6	3,4

4	Ширина нижнего конца в надсуставных буграх	43	12	49,5	46,5	57,7	2,9	25,0	36,4	23,3	50,0	5,1
5	То же в суставе	43,7	12	50,0	45,8	57,5	3,2	26,0	36,2	23,9	48,2	4,9
6	Поперечник нижнего конца на гребне	34,3	12	37,6	31,6	44,5	3,5	25,0	27,4	18,2	36,7	3,7
7	То же в медиальном отделе	27,5	12	32,0	28,2	36,8	2,4	26,0	24,1	16,5	34,0	3,4
8	То же в латеральном отделе	26,7	10	29,8	26,0	34,0	2,5	4,0	20,9	18,5	27,0	4,1
9	Ширина кости в середине	29	12	35,2	31,5	42,3	2,8	26,0	25,5	15,8	35,0	3,7
10	Глубина кости	23	12	26,0	23,2	30,8	1,9	24,0	19,6	14,8	24,0	1,9
11	Ширина проксимальной суставной поверхности	43,8	12	51,2	46,5	61,7	4,1	25,0	39,9	33,0	52,2	5,0
12	Глубина ее	27,6	12	32,5	29,8	37,0	2,2	25,0	25,5	19,5	34,0	3,1
13	Мах диаметр суставной фасетки верхнего конца	37,7	12	41,4	36,5	48,5	3,5	23,0	33,4	28,0	42,1	3,2
14	Индекс: ширина в середине / полная длина (%)	13,8	12	15,4	14,4	16,6	0,8	26,0	13,6	9,5	17,3	1,4
15	Индекс: ширина верхнего конца / полная длина (%)	21,3	12	23,1	20,6	24,5	1,1	5,0	19,0	15,4	22,3	2,7
16	Индекс: ширина нижнего конца / полная длина (%)	20,5	12	21,7	20,9	23,3	0,7	25	19,4	14,0	23,9	1,9

Примечание: дл. – длина, шир. – ширина, попер-к – поперечник; в группу домашних лошадей вошли представители пород монгольской, якутской, башкирской, адаевской и мезенской (в основном из научной коллекции НИ Зоологического музея МГУ).

Таблица 1 (продолжение)

Table 1 (continued)

№	Промеры и индексы	Мул					Лошак				
		n	M	min	max	SD	n	M	min	max	SD
1	Полная длина	11,0	243,9	210,0	272,0	22,2	8	205,6	187,0	223,0	14,9
2	Ширина верхнего конца						1	40,0	40,0	40,0	
3	Поперечник верхнего конца						1	29,6	29,6	29,6	
4	Ширина нижнего конца в надсуставных буграх	11,0	50,5	43,0	64,0	6,2	8	38,6	35,3	45,5	3,4
5	То же в суставе	11,0	49,9	42,0	64,0	6,4	8	39,5	36,0	46,5	3,6
6	Поперечник нижнего конца на гребне	11,0	38,4	32,0	47,7	5,1	8	30,1	27,0	35,5	2,6
7	То же в медиальном отделе	11,0	33,6	29,0	41,2	4,1	8	26,5	24,0	32,0	2,5
8	То же в латеральном отделе	5,0	29,9	25,5	38,5	5,3	6	23,7	21,0	27,5	2,2
9	Ширина кости в середине	11,0	35,2	29,0	47,5	5,5	8	28,3	24,3	34,0	3,3
10	Глубина кости	11,0	27,1	22,5	33,0	3,3	8	21,9	20,0	25,0	2,0
11	Ширина проксимальной суставной поверхности	11,0	53,4	45,0	67,0	6,5	8	41,4	38,0	49,0	3,8

12	Глубина ее	11,0	33,7	28,5	40,0	3,7	8	26,4	23,5	30,0	2,0
13	Мах диаметр суставной фасетки верхнего конца	11,0	44,5	37,0	55,5	5,4	8	34,3	32,0	39,5	2,6
14	Индекс: ширина в середине / полная длина (%)	11,0	14,4	12,4	17,5	1,4	8	13,8	11,2	15,6	1,7
15	Индекс: ширина верхнего конца / полная длина (%)						1	18,4	18,4	18,4	
16	Индекс: ширина нижнего конца / полная длина (%)	11,0	20,7	18,7	23,5	1,3	8	18,8	16,4	20,4	1,5

Таблица 2. Классификация животного из кургана «Азишский-98» разными методами на основе совокупности промеров костей скелета (дискриминантный анализ в программе Statistica 8.0)

Table 2. Classification of animals from «Azishsky-98» burial mound by different methods based on a set of skeletal bone measurements (discriminant analysis in the Statistica 8.0)

Кость	Апостериорная вероятность (Posterior probability)	Квадрат расстояния Махаланобиса (Squared Mahalanobis distance)
Лучевая	лошадь	лошадь
Кость пястья	осел	лошадь
Большая берцовая	лошадь	лошадь
Кость плюсны	осел	осел
1-я передняя фаланга	лошадь	лошадь

Для уточнения видовой идентификации был использовано полногеномное секвенирование ДНК, извлеченной из образца животного. Выделение ДНК и приготовление геномных библиотек проводили в комплексе чистых помещений НИЦ «Курчатовский институт» с соблюдением всех необходимых для подобных экспериментов условий. Для анализа использовали фрагменты слуховой кости и два зуба (левые нижние зубы р4 и м1). Выделение проводили по стандартной методике с небольшими модификациями, описанными ранее [25]. Для приготовления геномных библиотек из выделенных ДНК (G1, G8, G9) был использован набор реактивов «NGS Ancient DNA Library Prep Kit» (Biodynami, США). Секвенирование полученных ДНК-библиотек проводили на платформе SurfSeq 5000 (GeneMind, Китай), используя парные прочтения длиной 150 нуклеотидов.

В общей сложности для трех ДНК-библиотек было сгенерировано 36,106,060 парных считываний, доступны в базе данных NCBI (номер проекта: PRJNA1144782). Данные секвенирования были проанализированы с помощью конвейера Zonkey, реализованного в программном пакете PALEOMIX, используя параметры по умолчанию [26]. Анализ полногеномных данных указывает на то, что изучаемый образец является представителем *E. caballus* (рис. 5). В дальнейшем более глубокое секвенирование его генома и сравнительный анализ с геномами древних и современных пород необходимы для уточнения происхождения, особенно учитывая своеобразие пропорций скелета этого экземпляра.

Изотопный состав стронция в костных остатках из погребения кургана

Данные по изотопному составу стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) в эмали зубов животных и людей широко используются для исследования индивидуальной мобильности (например, [27, 28]). Для получения представления о том, местными ли уроженцами были человек и животное, мы получили от них образцы

эмали премоляра и моляра, соответственно. Минерализация премоляров занимает период примерно от полутора лет до 6–7 лет жизни, таким образом, есть возможность оценить кумулятивное влияние геохимической среды на человека в детском возрасте.

Для сопоставления полученных данных со средовыми были отобраны фоновые образцы: злаковой растительности с Азишского хребта и долины реки Белая, а также воды окрестных рек (Белая, Дах и Дегуако). Злаковая растительность позволяет оценить изотопный состав биогенного стронция. Речная вода рассматривается как модель питьевой воды, хотя наши знания о других источниках питьевой воды (источники, родники, колодцы) довольно ограничены. Аналитические работы проведены в Лаборатории физических и химических методов исследования Института геологии и геохимии УрО РАН.

По полученным результатам (табл. 3) можно констатировать, что изотопный состав стронция эмали зубов человека и животного сходен между собой, но не идентичен изотопному составу элемента почти во всех фоновых образцах. Единственный образец травы, совпадающий по изотопному составу стронция с образцами эмали зубов (табл. 3, образец № 9), собран из окрестностей станицы Даховской, т.е. с более равнинного участка. Помимо него, наиболее близкий по значению образец травы происходит из окрестностей г. Лабинска (0.710685, база данных Лаборатории физических и химических методов исследования ИГГ УрО РАН) — это также равнинная часть региона.

Имеющиеся данные позволяют нам предполагать, что человек из погребения (а также лошадь) был рожден и провел свое детство не в непосредственных окрестностях места своего захоронения. Однако недостаточность количества фоновых значений $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ из западных частей Предкавказья и Закавказья в доступных базах данных не позволяют с абсолютной уверенностью связать происхождение человека и лошади с равнинной частью современной Адыгеи. Но их происхождение, несмотря на наличие на погребенном фибулы колхидского типа, не связано и с черноморским побережьем, в частности с районом г. Сочи (Краснодарский край, Россия) и территорией Республики Абхазия, для которых характерны значения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ 0.7082–0.7087 [29; 30, fig. 10].

Таблица 3. Данные по изотопному составу стронция для материала из кургана «Азишский-98» и фоновым образцам окружающей территории

Table 3. Data on the strontium isotope composition of the material from the «Azishsky-98» burial mound and background samples from the surrounding area

Образец	Материал	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	SD
курган «Азишский-98», погр. 1	зуб человека	0,710204	0,000006
курган «Азишский-98», погр. 1	зуб лошади	0,710856	0,000003
р. Белая	вода	0,709107	0,000018
р. Дах	вода	0,708655	0,000015
р. Дегуако	вода	0,709196	0,000021
образец 1	трава	0,709329	0,000002
образец 2	трава	0,707777	0,000002
образец 3	трава	0,709033	0,000008
образец 4	трава	0,708911	0,000007
образец 6	трава	0,707695	0,000021
образец 7	трава	0,708842	0,000021
образец 8	трава	0,709142	0,000011
образец 9	трава	0,710318	0,000008
образец 10	трава	0,711212	0,000008

Заключение

Очевидно, что безымянный конный протомеотский воин преклонных лет, побывавший в военных переделках (судя по травме теменной кости) и погребенный на пути к перевалам, ведущим в Закавказье, скорее всего, был участником «киммерийских» походов с территории Северо-Западного Кавказа, на что указывает «трофейная» колхидская фибула, украшавшая его костюм. Нам не удалось с помощью изотопов стронция выяснить, где жили погребенный и его лошадь, но не в ближайших окрестностях от места захоронения и не на территории Западного Закавказья. Вероятнее позднее, когда будет накоплено достаточное количество фоновых данных для исследуемого и сопредельных регионов, к этому вопросу можно будет вернуться. Остался открытым вопрос и о породной принадлежности лошади. Своеобразие пропорций ее скелета позволяет предположить наличие специфической локальной породы в раннем железном веке, однако нужны дополнительные геномные исследования.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта Российского научного фонда № 22-18-00108 «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл». Работа Е.С. Булыгиной и Д.С. Петровой была выполнена в рамках государственного задания НИЦ «Курчатовский институт».

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the RSF scientific project No. 22-18-00108 “North Caucasus in the Late Bronze and Early Iron Age: People, Horses, Metal”. The work of E.S. Bulygina and D.S. Petrova was carried out within the framework of the state assignment of the National Research Center “Kurchatov Institute”.

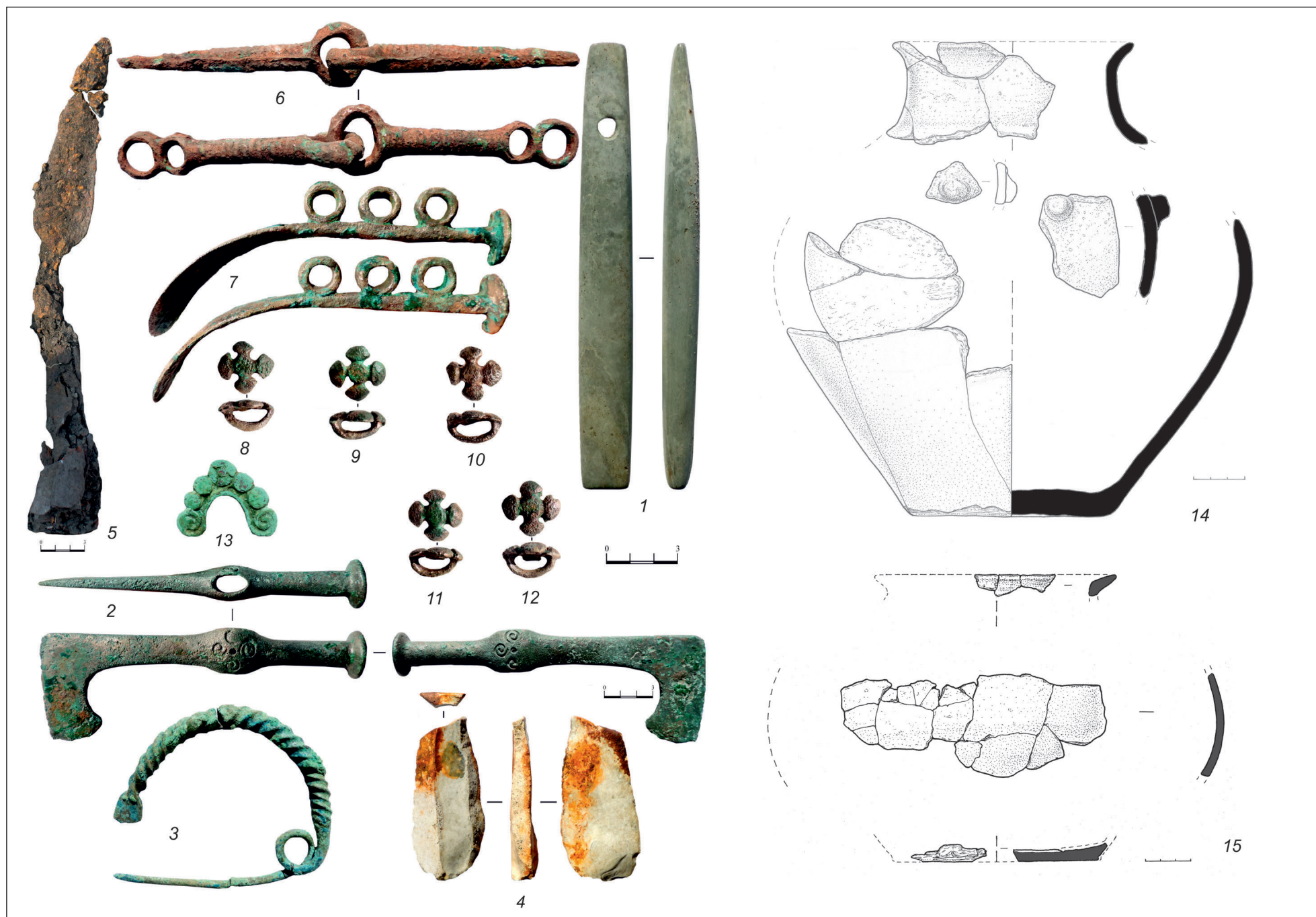


Рис. 1. Сопроводительный инвентарь в погребении 1 кургана «Азишский-98».
 1 – оселок, 2 – топор-скипетр, 3 – фибула, 4 – кремнёвая пластина, 5 – наконечник копья, 6 – удила, 7 – псалии, 8–12 – уздечные бляшки; 13 – лунница,
 14–15 – фрагменты лепных корчаг (1 – песчаник, 2, 3, 6–13 – бронза, 4 – кремль, 5 – железо, 14–15 – глина)

Fig. 1. Accompanying inventory from Burial 1 of the Azishsky-98 burial mound.
 1 – whetstone, 2 – axe-scepter, 3 – fibula, 4 – flint blade, 5 – spearhead, 6 – bit, 7 – cheekpieces, 8–12 – bridle plaques; 13 – lunula,
 14–15 – fragments of molded pottery (1 – sandstone, 2, 3, 6–13 – bronze, 4 – flint, 5 – iron, 14–15 – clay)



Рис. 2. След от зажившей травмы на теменной кости погребенного из кургана «Азишский-98»

Fig. 2. Healed cranial injury on the parietal bone of the individual from the Azishsky-98 burial mound

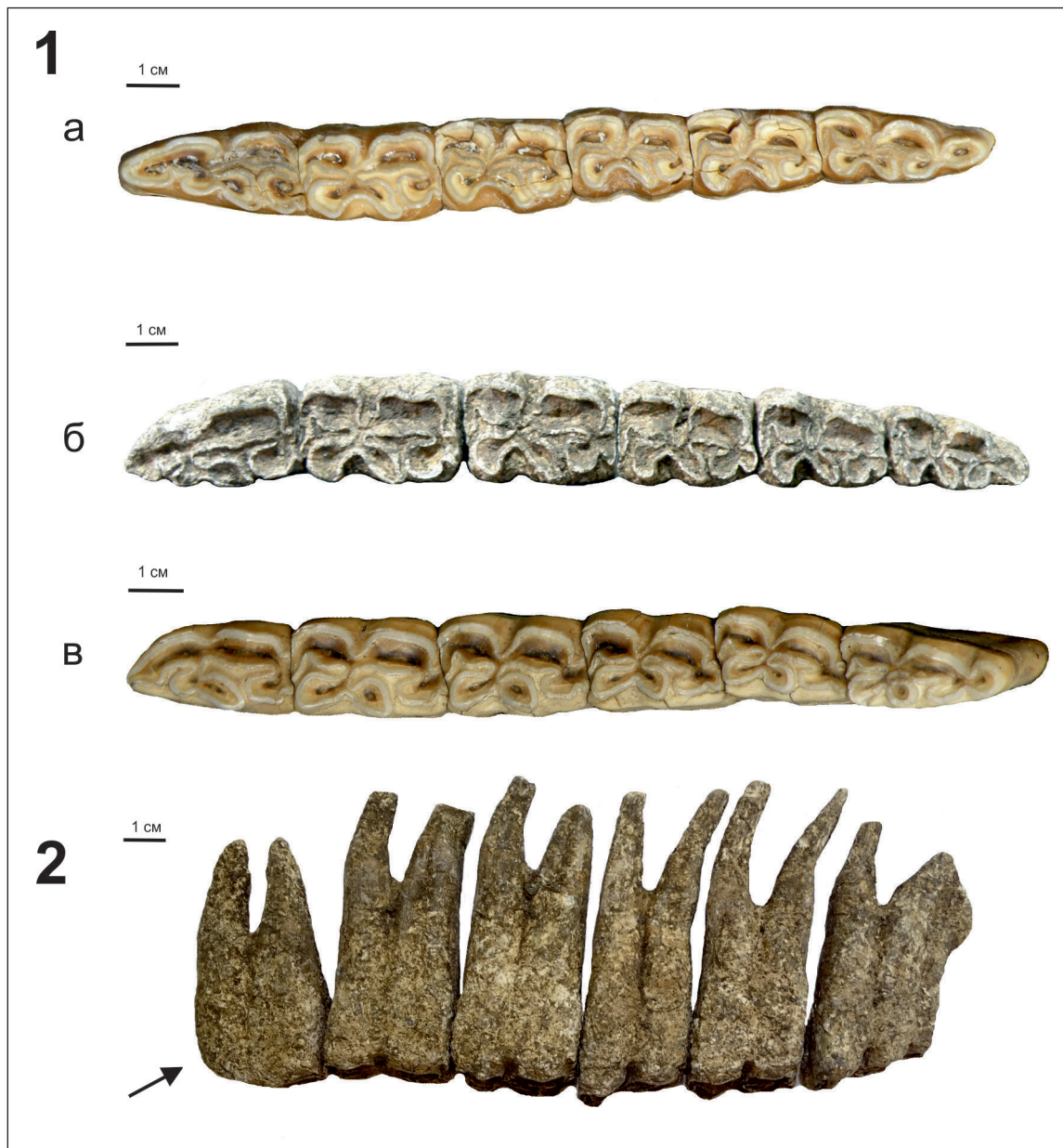


Рис. 3. Нижние щечные зубы.

1. Рисунок эмали на нижних зубах: А. домашняя лошадь монгольской породы (ЗММУ S-190395);
 Б. экземпляр из кургана «Азишский-98»; В. домашний осел (ЗММУ S-204449).
2. Рабочая патология на переднем премоляре p2 экземпляра из «Азишский-98» (отмечено стрелкой)

Fig. 3. Lower cheek teeth enamel patterns and pathology.

1. Enamel patterns of lower cheek teeth: A. Mongolian domestic horse (ZMMU S-190395);
 B. Specimen from the Azishsky-98 burial mound; C. Domestic donkey (ZMMU S-204449).
2. Working pathology on the anterior premolar p2 of the specimen from the Azishsky-98 burial mound (indicated by an arrow)

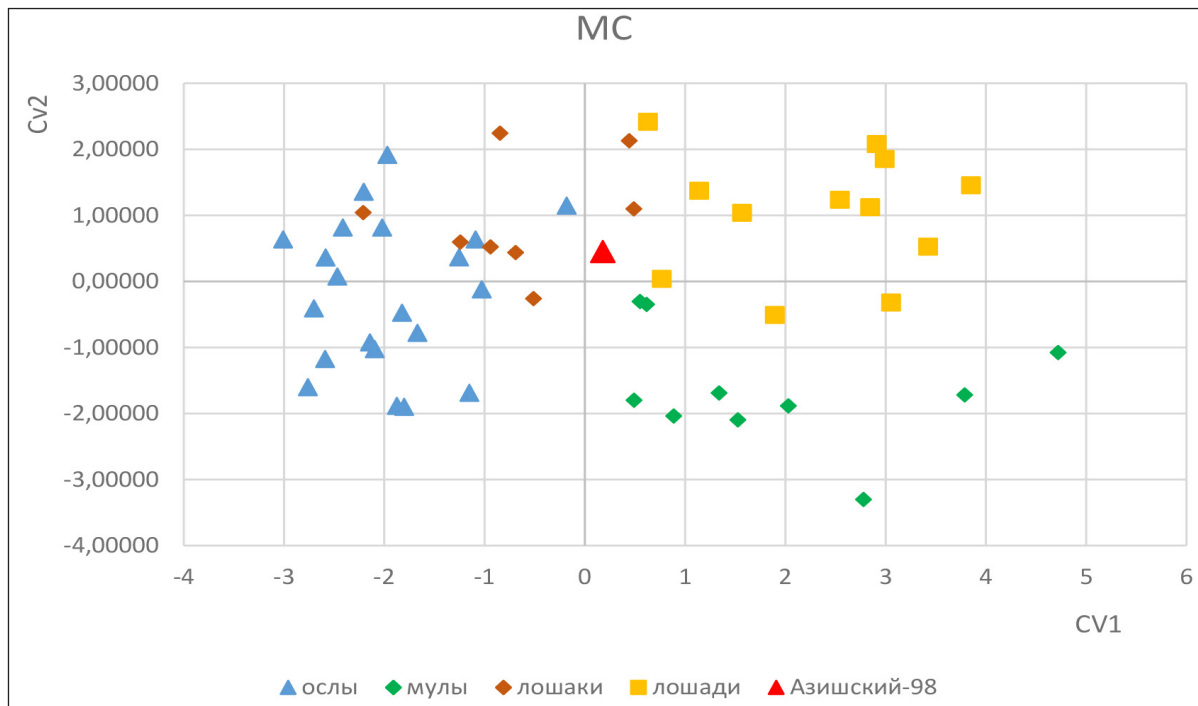


Рис. 4. Положение экземпляра из погребения 1 кургана «Азишский-98» среди лошадей, ослов и их гибридов в пространстве первых двух канонических переменных по результатам дискриминантного анализа измерений кости пясти.
Примечание: разделение групп происходит по первой канонической переменной, на которую влияют признаки – ширина нижнего конца в суставе и максимальный диаметр суставной фасетки верхнего конца ($p < 0.00000$)

Fig. 4. Discriminant analysis of metacarpal bone measurements. Position of the specimen from Burial 1 of the Azishsky-98 mound relative to horses, donkeys, and their hybrids, plotted on the first two canonical variables
Note: the groups are divided according to the first canonical variable, which is influenced by the features – the width of the lower end at the joint and the maximum diameter of the articular facet of the upper end ($p < 0.00000$)

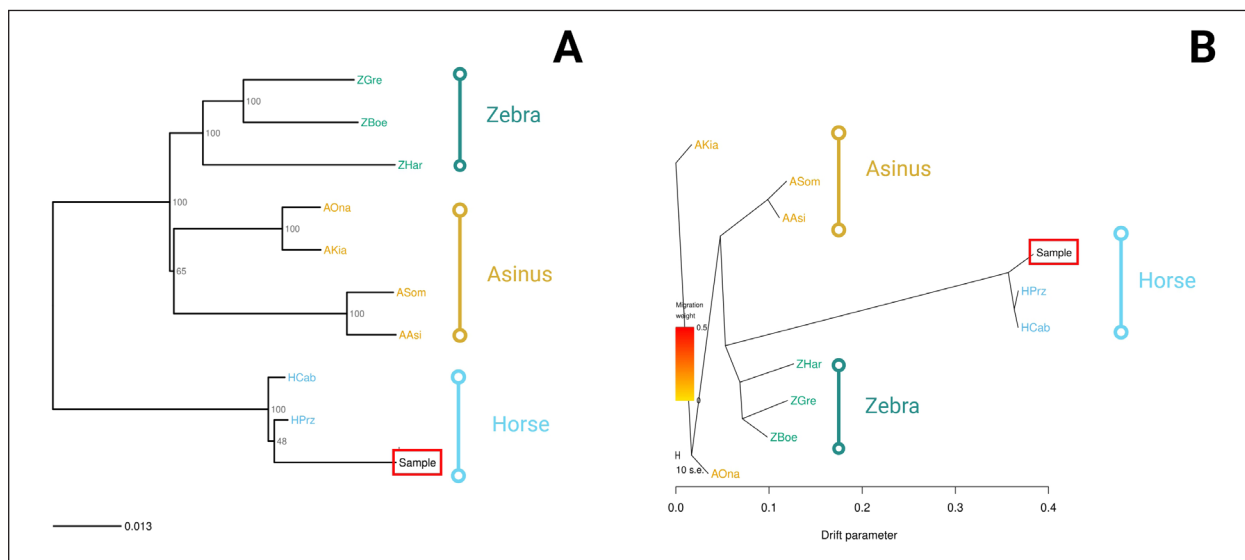


Рис. 5. Филогенетическое положение исследуемого образца Equus sp. (Sample) из кургана «Азишский-98» и других представителей рода Equus. Маркировка образцов на рисунке: ZBoe – *E. quagga boehmi*, ZGre – *E. grevyi*, ZHar – *E. zebra hartmannae*, AOna – *E. hemionus onager*, AKia – *E. kiang*, ASom – *E. africanus somaliensis*, HCab – *E. caballus*, HPrz – *E. przewalski*.
А. Филогенетическая реконструкция видов Equus, основанная на данных митохондриального генома, реконструированная с помощью программы RAxML. Б. Филогенетическая реконструкция видов Equus основанная на полногеномных данных, построенная с помощью программного пакета TreeMix

Fig. 5. Phylogenetic reconstruction of the Equus sp. specimen from the Azishsky-98 burial mound and other species of the Equus genus. The specimens are marked as follows: ZBoe – *E. quagga boehmi*, ZGre – *E. grevyi*, ZHar – *E. zebra hartmannae*, AOna – *E. hemionus onager*, AKia – *E. kiang*, ASom – *E. africanus somaliensis*, HCab – *E. caballus*, and HPrz – *E. przewalski*.
(A) Phylogenetic reconstruction of the Equus species based on mitochondrial genome data using RAxML.
(B) Genome-wide phylogenetic reconstruction using the TreeMix software package

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. М.: Государственный музей Востока, 1999. – 163 с.
2. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. – 430 с.
3. Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на Юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. – 292 с.
4. Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. Киев–Полтава: «Археология», 1999. – 136 с.
5. Нарожный Е.И., Дмитриев А.В., Сазонов А.А. Погребения воинской элиты протомеотского могильника «Лиманов кут» // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 183–188.
6. Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // Советская археология. 1990. № 1. С. 247–250.
7. Эрлих В.Р. «Птицеголовые» скипетры предскифского времени. Новые аргументы к дискуссии // Материальная культура Востока. Вып.4. Отв. ред. Л.М. Носкова. М.: Государственный музей Востока, 2005. С. 151–162.
8. Скаков А.Ю. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Arheologică. Serie noua. 2008. Vol. IV. № 2. Chişinău. С. 74–99.
9. Теренозкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
10. Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черноговорской культуры // Археологический альманах. № 2. Отв. ред. А.В. Колесник. Донецк: «Донецчина», 1993. С.137–160.
11. Потапов В.В. Черноговорские погребения в низовьях левого берега Дона // Донская археология, 1999. № 1. С. 62–68.
12. Пезжемский Д.В., Синицына Н.П. Методика изъятия из саркофагов погребального инвентаря, органических материалов и скелетных останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. История усыпальницы и методика исследования захоронений. Т. 1. М.: Московский Кремль, 2009. С. 55–71.
13. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: современный и ископаемый человек // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 28. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с.
14. Корневен Ш., Лесбр Ф. Распознавание возраста по зубам и производным эпителия. М.–Л.: Гос. из-во сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы. 1932. – 213 с.
15. Levine M.A. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth // Ageing and sexing animal bones from archaeological sites. Eds.: S. Wilson, B., Grigson, C., Payne. British Archaeological Reports, British Series 109. London, 1982. P. 223–250.
16. Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology. A comprehensive survey of progress and research. Ed. D. Brothwell, E. Higgs, G. Clark. New York: Basic Book, 1963. P. 250–268.
17. Громова В.И. О скелете тарпана (*Equus caballus gmelini* Ant.) и других современных диких лошадей. Ч. 1 // Бюлл. МОИП, Сер. биол., 1959. Т. 64 (4). С. 99–124.
18. Громова В.И. О скелете тарпана (*Equus caballus gmelini* Ant.) и других современных диких лошадей. Ч. 2 // Тр. МОИП, Сер. биол., 1963. Т. 10. С. 10–61.
19. Driesch A., von des. A guide to the measurement of animal bones from Archaeological sites // Peabody Museum Bulletins. N 1. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University. 1976. – 137 p.

REFERENCES

1. Leskov AM., Erlich VR. *The Fars Burial/Treasures*. Moscow: State Museum of the East, 1999. (In Russ)
2. Erlich VR. *The Northwestern Caucasus at the Beginning of the Iron Age. The Proto-Meotian Group of Sites*. Moscow: Nauka, 2007. (In Russ)
3. Valchak SB. *Horse Equipment in the First Third of the First Millennium BC in the South of Eastern Europe*. Moscow: Taus, 2009. (In Russ)
4. Skory SA. *The Cimmerians in the Ukrainian Forest-Steppe*. Kyiv-Poltava: Arheologiya, 1999. (In Russ)
5. Narozhny EI., Dmitriev AV., Sazonov AA. Burials of the military elite of the proto-Maeot burial ground “Limanov Kut”. In: *E.I. Krupnov and the development of archeology of the North Caucasus. XXVIII Krupnov readings. Proceedings of the international scientific conference*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2014: 183-188. (In Russ)
6. Erlich VR. On the problem of the origin of bird-headed scepters of the pre-Scythian period. *Sovetskaya arheologiya*. 1990; 1: 247-250. (In Russ)
7. Erlich VR. “Bird-headed” scepters of the pre-Scythian period. New arguments for the discussion. In: *Noskova L.M. (ed.). Material Culture of the East*. Moscow: State Museum of the East, 2005; 4: 151-162. (In Russ)
8. Skakov AYu. Fibulae of ancient Colchis: origin, typology, chronology. *Revista Arheologică. New series*. 2008; 4(2): 74-99. (In Russ)
9. Terenozhkin AI. *Cimmerians*. Kyiv: Naukova Dumka, 1976.
10. Dubovskaya OR. Issues of the formation of the inventory complex of the Chernogorovskaya culture. In: *Kolesnik A.V. (ed.). Archaeological almanac*. Donetsk: Donechchina, 1993; 2: 137-160. (In Russ)
11. Potapov VV. Chernogorovskie burials in the lower reaches of the left bank of the Don. *Donskaya arkheologiya*. 1999; 1: 62-68. (In Russ)
12. Pezhemsky DV., Sinitsyna NP. Methodology of removing burial inventory, organic materials and skeletal remains from sarcophagi. In: *Necropolis of Russian grand princesses and queens in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin. History of the tomb and methodology of burial research*. Moscow: Moscow Kremlin, 2009; 1: 55-71. (In Russ)
13. Gerasimov MM. Reconstruction of the face from the skull: modern and fossil man. In: *Transactions of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. New series*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955; 28. (In Russ)
14. Korneven Sh., Lesbr F. *Age recognition by teeth and epithelial derivatives*. Moscow–Leningrad: State University of Agricultural and Kolkhoz-Cooperative Literature, 1932. (In Russ)
15. Levine MA. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth. In: Wilson S., Grigson B., Payne C. (eds.). *Ageing and sexing animal bones from archaeological sites. British Archaeological Reports, British Series 109*. London, 1982: 223-250.
16. Silver IA. The ageing of domestic animals. In: Brothwell D., Higgs E., Clark G. (eds.). *Science in archaeology. A comprehensive survey of progress and research*. New York: Basic Book, 1963: 250-268.
17. Gromova VI. On the skeleton of the tarpan (*Equus caballus gmelini* Ant.) and other modern wild horses. Part 1. *Proceedings of the Moscow Institute of Natural History, Biology Series*. 1959; 64(4): 99-124. (In Russ)
18. Gromova VI. On the skeleton of the tarpan (*Equus caballus gmelini* Ant.) and other modern wild horses. Part 2. *Proceedings of the Moscow Institute of Natural History, Biology Series*. 1963; 10: 10-61. (In Russ)
19. Driesch A., von des. A guide to the measurement of animal bones from Archaeological sites. *Peabody Museum Bulletins. N 1*. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University. 1976. – 137 p.

20. Eisenmann V., Alberdi M.T., De Giuli C., Staesche U. Studying fossil horses // *Collected Papers after the New York International Hipparion Conference*, 1981. Woodburne M., Sondaar P. (eds.). Vol. 1. Leiden: Brill E.J. 1988. – 71 p.
21. Витт О.В. Лошади Пазырыкских курганов // *Советская археология*, 1952. № 16. С. 163–205.
22. Kiesewalter L. Skelettmessungen am Pferde ais beiträd zur theoretischen grundlage der beurteilungslehre des Pferdes. Inaug. Dissert. Leipzig, 1888. – 39 p.
23. Черский И.Д. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885–1886 г. СПб.: Изд-во АН, 1891. – 706 с.
24. Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. // *Записки Импер. Об-ва сельского хозяйства Южной России*. Т. 86, кн. 1. Одесса. 1916. – 168 с.
25. Sharko F.S., Boulygina E.S., Tsygankova S.V., Slobodova N.V., Rastorguev S.M., Krasivskaya A.A., Belinsky A.B., Härke H., Kadieva A.A., Demidenko S.V., Malashev V.Y., Shvedchikova T.Y., Dobrovolskaya M.V., Reshetova I.K., Korobov D.S., Nedoluzhko A.V. Koban culture genome-wide and archeological data open the bridge between Bronze and Iron Ages in the North Caucasus // *European Journal of Human Genetics*, 2024. DOI: 10.1038/s41431-023-01524-4.
26. Schubert M., Mashkour M., Gaunitz C., Fages A., Seguin-Orlando A., Sheikhi S., Alfarhan A.H., Alquraishi S.A., Al-Rasheid K.A.S., Chuang R., Ermini L., Gamba C., Weinstock J., Vedat O., Orlando L. Zonkey: a simple, accurate and sensitive pipeline to genetically identify equine F1-hybrids in archaeological assemblages // *Journal of Archaeological Science*, 2017. Vol. 78. P. 147–157. DOI: 10.1016/j.jas.2016.12.005
27. Bentley A. Strontium Isotopes from the Earth to the Archaeological Skeleton: A Review // *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2006. Vol. 13. No. 3. 135–187. DOI: 10.1007/s10816-006-9009-x
28. Price T.D., Knipper C., Grupe G., Smrcka V. Strontium isotopes and prehistoric human migration: The Bell Beaker period // *European Journal of Archaeology*, 2004. Vol. 7. Iss. 1. P. 9–40. DOI: 10.1177/1461957104047992
29. Шведчикова Т.Ю., Харламова Н.В., Рассказова А.В., Чагаров О.С. Средневековое население Северо-Восточного Причерноморья (по материалам раскопок христианского храма у с. Веселое IX–XI вв.) // *Вестник антропологии*, 2016. № 2 (34). С. 94–116.
30. Trebeleva G.V., Yurkov G.Yu., Kizilov A.S., Glazov K.A., Shvedchikova T.Yu. Complex Investigation (GIS, Photogrammetry, and Natural-Scientific Methods) of the Northwestern Colchis Historical and Cultural Landscape in the Late Antique and Medieval Times // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 7th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19–23 October 2020 / Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. Eds. N. Ankusheva, I.V. Chechushkov, I. Stepanov, M. Ankushev, P. Ankusheva. 2022. P. 365–382.
- Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University, 1976.
20. Eisenmann V., Alberdi M.T., De Giuli C., Staesche U. Studying fossil horses. In: Woodburne M., Sondaar P. (eds.). *Collected Papers after the New York International Hipparion Conference*, 1981. Vol. 1. Leiden: Brill E.J., 1988.
21. Witt O.V. Horses of the Pazyryk Kurgans. *Sovetskaya arkheologiya*. 1952; 16: 163–205. (In Russ)
22. Kiesewalter L. *Studies of the Horses and Their Roots in the Theoretical Framework for the Study of the Horses*. Inaug. Dissert. Leipzig, 1888.
23. Chersky ID. *Description of the collection of post-Tertiary mammals collected by the New Siberian Expedition of 1885–1886*. Saint-Petersburg: Publishing House of the Academy of Sciences, 1891.
24. Brauner AA. Materials for the study of domestic animals in Russia. 1. Horse from burial mounds in the Tiraspol district of the Kherson province. In: *Notes of the Imperial Society of Agriculture of Southern Russia*. Vol. 86, book 1. Odessa, 1916.
25. Sharko FS., Boulygina ES., Tsygankova SV., Slobodova NV., Rastorguev SM., Krasivskaya AA., Belinsky AB., Härke H., Kadieva AA., Demidenko SV., Malashev VY., Shvedchikova TY., Dobrovolskaya MV., Reshetova IK., Korobov DS., Nedoluzhko AV. Koban culture genome-wide and archaeological data open the bridge between Bronze and Iron Ages in the North Caucasus. *European Journal of Human Genetics*. 2024. DOI: 10.1038/s41431-023-01524-4.
26. Schubert M., Mashkour M., Gaunitz C., Fages A., Seguin-Orlando A., Sheikhi S., Alfarhan A.H., Alquraishi S.A., Al-Rasheid K.A.S., Chuang R., Ermini L., Gamba C., Weinstock J., Vedat O., Orlando L. Zonkey: a simple, accurate and sensitive pipeline to genetically identify equine F1-hybrids in archaeological assemblages. *Journal of Archaeological Science*. 2017; 78: 147–157. DOI: 10.1016/j.jas.2016.12.005.
27. Bentley A. Strontium Isotopes from the Earth to the Archaeological Skeleton: A Review. *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2006; 13(3): 135–187. DOI: 10.1007/s10816-006-9009-x.
28. Price TD., Knipper C., Grupe G., Smrcka V. Strontium isotopes and prehistoric human migration: The Bell Beaker period. *European Journal of Archaeology*. 2004; 7(1): 9–40. DOI: 10.1177/1461957104047992.
29. Shvedchikova TYu., Kharlamova NV., Rasskazova AV., Chagarov OS. Medieval population of the North-Eastern Black Sea region (based on excavations of a Christian church near the village of Veseloe in the 9th–11th centuries). *Vestnik antropologii*. 2016; 2(34): 94–116. (In Russ)
30. Trebeleva GV., Yurkov GYu., Kizilov AS., Glazov KA., Shvedchikova TYu. Complex Investigation (GIS, Photogrammetry, and Natural-Scientific Methods) of the Northwestern Colchis Historical and Cultural Landscape in the Late Antique and Medieval Times. In: *Ankusheva N., Chechushkov I.V., Stepanov I., Ankushev M., Ankusheva P. (eds.). Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of the 7th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19–23 October 2020. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. 2022: 365–382.

Поступила в редакцию 28.08.2024 г.
 Принята в печать 23.09.2024 г.
 Опубликована 15.03.2025 г.

Received 28.08.2024
 Accepted 23.09.2024
 Published 15.03.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211141-154>

Исследовательская статья

Ендольцева Екатерина Юрьевна
д.иск., ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
kat345@yandex.ru

Быстрицкий Николай Игоревич
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
nbystriitskiy@yandex.ru

Дрыга Даниил Олегович
к.т.н., доцент
Инженерная академия РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
horkuh@gmail.com

Карнаушенко Элла Николаевна
специалист научно-исследовательской лаб.
«Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
yellika@gmail.com

Карнаушенко Александр Дмитриевич
специалист 1-й категории научно-исследовательской лаб.
«Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»,
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
Adkarnaushenko@sevsu.ru

Казеннова Любовь Константиновна
специалист научно-исследовательской лаб.
«Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»,
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
kkazennova@mail.sevsu.ru

АРХИТЕКТУРНАЯ ДЕКОРАЦИЯ ЦЕРКВИ В ДРАНДЕ (АЛТАРНАЯ ПРЕГРАДА И ЗАПАДНЫЙ ФАСАД): ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация: Цель настоящего исследования – создать достоверную виртуальную реконструкцию алтарной преграды и, возможно, внешней облицовки (по преимуществу западный фасад) церкви в Дранде (Гульрипшский район, Республика Абхазия). Были подробно исследованы все известные фрагменты архитектурной декорации этой церкви. Имеющиеся фрагменты в настоящее время распределены по трем локациям: фонды Абхазского государственного музея в г. Сухум, нартекс этой церкви, фонды Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии. Кроме того, имеются опубликованные фототипии двух ныне утерянных плит со сложными многофигурными композициями, происходившими из этой же церкви. Состав научных работ по реконструкции изучаемого памятника состоял из нескольких этапов. Были проведены исследование и оцифровка интерьера церкви Успения в селе Дранда и фрагментов архитектурной декорации, хранящихся в ее нартексе, стилистический анализ фрагментов. Затем созданы 3D-модели, проанализированы и атрибутированы фрагменты (камней), хранящихся в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии. На последнем этапе была создана и верифицирована 3D-модель алтарной преграды и, отчасти, западного фасада. В результате проведенных исследований и оцифровки имеющихся фрагментов, выдвинута гипотеза о первоначальном облике алтарной преграды и украшения западного фасада церкви в Дранде. Плита, возможно, украшавшая западный фасад, очевидно, воспроизводит фрагмент сокращенной сцены Страшного суда (Христос на троне и четыре ангела). Благодаря найденным стилистическим и иконографическим аналогиям, восстановленная архитектурная декорация (малые формы и внешняя декорация) органично вписана в художественный контекст восточно-христианского искусства X–XI вв. (Византия, отдельные регионы Грузии).

Ключевые слова: рельефы; пластика; Страшный суд; архитектурная декорация; алтарная преграда; скульптура; Дранда

Для цитирования: Ендольцева Е.Ю., Быстрицкий Н.И., Дрыга Д.О., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К. Архитектурная декорация церкви в Дранде (алтарная преграда и западный фасад): опыт виртуальной реконструкции // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 1. С. 141-154. doi.org/10.32653/CH211141-154

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211141-154>

Research paper

Ekaterina Yu. Endoltseva
Dr. of Art History, Leading Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
kat345@yandex.ru

Nikolay I. Bystritskiy
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
nbystritskiy@yandex.ru

Daniil O. Dryga
Cand. Technical Sci., Associate Prof.
RUDN Engineering Academy, Moscow, Russia
hopkuh@gmail.com

Ella N. Karnaushenko
Specialist at Research Laboratory “Digital Technologies in Historical and Archaeological Research”
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
yellika@gmail.com

Alexander D. Karnaushenko
Specialist At Research Laboratory “Digital Technologies in Historical and Archaeological Research”
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
Adkarnaushenko@sevsu.ru

Lyubov K. Kazennova
Specialist At Research Laboratory “Digital Technologies in Historical and Archaeological Research”
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
kkazennova@mail.sevsu.ru

ARCHITECTURAL DECORATION OF THE CHURCH IN DRANDA (ALTAR BARRIER AND WESTERN FACADE): AN ATTEMPT OF VIRTUAL RECONSTRUCTION

Abstract. The purpose of this research is to create a reliable virtual reconstruction of the altar barrier and, possibly, the external cladding (mainly the western facade) of the church in Dranda (Gulripsh rayon, Republic of Abkhazia). All known fragments of the architectural decoration of this church were examined in detail. The available fragments are currently distributed over three locations: the funds of the Abkhaz State Museum in Sukhum, the narthex of this church, the funds of the Ecclesiastical Archaeological Museum of the Holy Metropolis of Abkhazia. In addition, there are published phototypes of two now lost slabs with complex multi-figure compositions that came from the same church. The composition of the scientific work on the reconstruction of the studied monument consisted of the following stages: research and digitization of the interior of the Church of the Assumption in the village of Dranda and fragments of architectural decoration stored in its narthex. 3D models were created, fragments (stones) stored in the funds of the Church and Archaeological Museum of the Holy Metropolis of Abkhazia were analyzed and attributed. At the last stage, a 3D model of the altar barrier and, partly, the western facade was created and verified. As a result of the research and digitization of existing fragments, a hypothesis has been put forward about the original appearance of the altar barrier and the decoration of the western facade of the church in Dranda. The slab, which may have adorned the western facade, apparently reproduces a fragment of an abbreviated scene of the Last Judgment (Christ on the throne and four angels). Thanks to the found stylistic and iconographic analogies, the restored architectural decoration (small forms and external decoration) is organically integrated into the artistic context of Eastern Christian art of the 10th–11th centuries. (Byzantium, certain regions of Georgia).

Keywords: reliefs; plastic; Last Judgment; architectural decoration; altar barrier; sculpture; Dranda

For citation: E.Yu. Endoltseva, N.I. Bystritskiy, D.O. Dryga, E.A. Karnaushenko, A.D. Karnaushenko, L.K. Kazennova. Architectural Decoration of the Dranda Church: a Virtual Reconstruction Experience. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 141-154. doi.org/10.32653/CH211141-154

В 2023 г. благодаря поддержке РНФ удалось провести работу по виртуальной реконструкции алтарной преграды церкви в Дранде и высказать предположения о возможном характере украшения ее западного фасада. Результаты этих исследований были опубликованы лишь в виде кратких тезисов [1; 2].

Основной предмет данного исследования – это лапидарная коллекция, которая связана с церковью Успения в селе Дранда (Республика Абхазия). Интрига повествования в том, что в настоящее время эта коллекция рассредоточена по нескольким локациям, а часть наиболее красноречивых фрагментов утеряна [3, с. 211–215, 256–270].

Цель исследования – воссоздать из разрозненных фрагментов единый ансамбль алтарной преграды церкви в Дранде, четко определить функциональную принадлежность каждого из фрагментов. Среди задач, стоявших перед авторами – провести структурный и, отчасти, стилистический анализ каждого из сохранившихся фрагментов и, исходя из этого, понять возможные варианты их взаиморасположения в рамках единого ансамбля.

Большая часть доступных для исследования фрагментов находится в нартексе церкви Успения в селе Дранда. Около тридцати артефактов, многие из которых, как будет показано, могут быть гипотетически идентифицированы как фрагменты существовавшей в храме алтарной преграды. Функция некоторых из них, как и возможное место в декоративной системе храма, остаются неясными. С большей долей условности и по остаточному принципу можно предположить, что они теоретически могли бы украшать обрамление окон или дверей западного фасада церкви. По словам настоятеля церкви о. Андрея Струцкого¹, часть этих рельефов «была обнаружена в ходе работ по восстановлению изначального уровня пола внутри храма. Работы сопровождалась демонтажем алтаря, недавно составленного из фрагментов облицовки собора и, возможно, его древней алтарной преграды» [3, с. 267–268]. Фрагменты были очищены от цемента и выставлены в импровизированной витрине в нартексе церкви.

Вторая часть коллекции (пять фрагментов), которая содержит некоторые уникальные артефакты [4]², находится в частном музее, основанном о. Дорофеем Дбаром³, который называется Церковно-археологическим музеем Священной Митрополии Абхазии и располагается в Ново-Афонском монастыре в г. Новый Афон⁴. Музей был основан в 2002 г. при Ново-Афонском епархиальном духовном училище⁵.

Третья часть фрагментов (предположительно семь единиц), к сожалению, сейчас недоступна. Они были осмотрены одним из авторов [3, с. 211–215] осенью 2008 г. в фондах (еще до реконструкции) Абхазского государственного музея в г. Сухуме⁶. Тогдашний хранитель коллекции М.К. Инал-Ипа любезно показала инвентарные карточки семи фрагментов, происходящих из церкви в Дранде. Увидеть артефакты вживую и измерить их в тот раз не удалось. На инвентарных карточках размеры фрагментов не были указаны, была лишь информация об их происхождении. В связи с этим в созданной реконструкции алтарной преграды эти фрагменты используются условно, данные об их размерах восстановлены по аналогии с однотипными рельефами, обнаруженными в первых двух локациях.

Наконец, наиболее сложными по композициям, отмеченным рядом фигур, являются два фрагмента плит, которые, к несчастью, не сохранились. Они известны лишь по фототипиям, опубликованным графиней П.С. Уваровой в 1894 г. [5, с. 30, табл. XII]. В ее время обе плиты хранились у А.Н. Введенского, начальника Сухумского округа (Кутаисской губернии) [5]. На одном из фрагментов изображены фигуры Христа и Богоматери под арочками с треугольными завершениями (рис. 1), на другом – Христос на троне и два ангела (рис. 2). В описании к фототипиям размеры плит не указаны, изложены лишь некоторые соображения графини Уваровой по поводу их возможной датировки.

Купольная церковь в селе Дранда, расположенная в 23 км от г. Сухум в Гульрипшском районе Республики Абхазия, является уникальным памятником архитектуры, однако ее история достаточно слабо освещена в документах, даже дата основания этого памятника является дискуссионной.

1. Авторы благодарят о. Андрея Струцкого за помощь в проведении натурных исследований артефактов.

2. https://anyha.org/wp-content/uploads/2017/10/Binder1_%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%Bo_08.jpg

3. Авторы благодарят о. Дорофея Дбара за помощь и сотрудничество.

4. <https://anyha.org/drandatwy-anyha-dekor-afragmentkua/>

5. <https://anyha.org/category/museum/>

6. Авторы благодарят за это А.С. Агумаа и М.К. Инал-Ипа.

Изначальное посвящение храма неизвестно [6, с. 129], свое нынешнее посвящение во имя Успения Пресвятой Богородицы храм получил в 1871 г. после того, как был восстановлен «совместными усилиями еп. Имеретинского свт. Гавриила (Кикодзе), управлявшего Абхазской епархией, и Общества восстановления православного христианства на Кавказе» [6]. Храм был кафедральным собором Драндской епархии во все время ее существования (втор. пол. X – втор. пол. XVII в.) [6, с. 129]. «Под 1630 г. итальянский путешественник Джованни да Лука упоминает его как ц. Пресвятой Богородицы. В 1637 г. храм был razoren» [7, с. 160–161]. С этого момента здание было заброшено. К 1846 г. относится свидетельство С. Саблина о том, что здание имело прочные стены и своды, хотя на них и росли деревья [8].

Памятник уникален по своей сохранности, сводчатые перекрытия относятся ко времени его строительства. Несколько изменены были формы фасадов в 1883 г., когда монахи, прибывшие из Нового Афона, основали здесь мужской монастырь. «Архитектурный облик храма был изменен: разобраны часть свода притвора и стена, отделявшая притвор от основной части храма, устроены хоры. ... В Москве был заказан и изготовлен иконостас» [6, с. 129]. Освящение храма после восстановительных работ было совершено в 1886 г. В 1928 г. монастырь был закрыт, позже здесь было устроено колхозное помещение, а потом тюрьма, которая существует до сих пор в соседнем с собором здании.

В ходе реставрационных работ под руководством архитектора-реставратора В.Г. Цинцадзе в 1978 г. «были удалены многочисленные переделки различного времени, в т. ч. луковичный купол и центральный западный вход. Рукава креста получили 2-скатное покрытие, хотя первоначально оно, вероятно, было позакомарным. Стены храма оштукатурили, оставив для обозрения несколько фрагментов кладки» [6]. Была восстановлена необычная конфигурация западного фасада с двумя входами [9].

В нач. 1990-х гг. в нартексе проводились чинки современным стандартным кирпичом. Богослужения были возобновлены в 2002 г.

Храм привлекал к себе внимание многих исследователей. В 1833 г. его посетил Дюбуа де Монпере [10, р. 318]. План церкви впервые издал М. Броссе [11, р. 11, pl. XXXI], ее упоминали также М. Селезнев [12, с. 171] и Д. Бакрадзе [13, с. 49].

Дата создания храма до сих пор вызывает жаркие споры среди исследователей. Наиболее полная информация по истории изучения храма в Дранде (на 2002 г.) содержится в книге Л.Г. Хрушковой [14, с. 260–263] и в статье А.Ю. Виноградова (на 2007 г.) [6]. Исходя из анализа архитектурных особенностей и внешних форм, И. Толстой и Н.П. Кондаков датировали церковь XI в. [15, с. 67]. А.М. Павлинов считал, что она построена в VIII–X вв. [16]. Г.Н. Чубинашвили отнес церковь к так называемому «типу Джвари» и соответственно датировал ее VIII в. [17, с. 62, 67, 99]. С этим предположением согласны Л.Д. Рчеулишвили [18, с. 27], Р. Меписашвили и В. Цинцадзе [19, р. 64–65, 20]. Э. Нойбауэр считает храм византийским памятником и относит его также к VIII в. [21]. А.Ю. Виноградов в своей статье о Дранде в «Православной энциклопедии» приводит существующие версии датировки церкви. Исходя из подписи к иллюстрации в этой статье, можно полагать, что он склонен считать церковь в Дранде памятником VIII–IX вв. [6, с. 131], но в своей недавней книге, посвященной архитектуре Византии и Кавказа, исследователь относит ее к ранневизантийским постройкам [22, с. 342].

Другая группа исследователей, в числе которых А. Алпаго-Новелло, В. Беридзе, Ж. Лафонтен-Дозонь [23, р. 489], М.К. Хотелашвили и А.Л. Якобсон [24], В.А. Леквинадзе [25, с. 211], относит храм к VI в. (до 548 г., когда была учреждена кафедра в Абхазии).

Л.Г. Хрушкова предлагает свою версию датировки, исходя из анализа купольных амфор. Учитывая его результаты и исторические обстоятельства, исследовательница предлагает VII в. в качестве вероятной даты постройки церкви [14, с. 207]. А.В. Сазанов в своем недавнем исследовании проводит более точный комплексный анализ купольных амфор и приходит к выводу, что «датировку храма дает пересечение сочетания циклов рассмотренных амфор, приходящееся на середину – третью четверть VI в. Учитывая отсутствие упоминания храма в трактате Прокопия «О постройках», завершено в 560 г. и переход Лазики под власть Византии в результате договора с Персией в 563 г., его сооружение можно отнести к концу третьей четверти VI в., видимо, к 570–580 гг. Таким образом, проведенный анализ амфорного комплекса Драндского храма однозначно показал правоту А.Л. Якобсона. Более поздняя датировка невозможна» [26].

Одна из уникальных черт церкви – ее купол с шестнадцатью световыми окнами в основании, кладка практически целиком сделана из плинфы с редкими белокаменными вставками на фасадах. Подробное описание конструкции приводят Л.Г. Хрушкова [14, с. 260–265] и А.Ю. Виноградов [6, с. 130].

Что касается алтарной преграды церкви, то известно, что Дюбуа де Монпере в 1833 г. видел разбитую мраморную колоннаду (из шести беломраморных колонок) «с отлично сохранившимися капителями», которая отделяла алтарь от основного пространства. Части темплона соединялись металлическими стяжками [10, р. 318]. Относительно датировки двух плит с изображением Христа и Богородицы под арками с треугольными завершениями и Христа на троне с двумя ангелами, которые были опубликованы графиней П. С. Уваровой, также ведутся некоторые дискуссии. Сама Прасковья Сергеевна считала, что известняковая плита с изображением Христа на троне с двумя ангелами может быть отнесена к раннехристианскому времени, тогда как первая плита – более позднего происхождения [5, с. 30]. Того же мнения придерживалась и Л.Г. Хрушкова, относя плиты к V в. и X в. соответственно [14, с. 270–273]. А.Ю. Виноградов считает, и с ним в этом можно согласиться, что «стиль рельефов одинаков (на 1-м фигуре выглядят более грузными из-за сидящей фигуры Христа): сходны проработка складок, тип головы и нимба Христа, орнаментация с характерным килевидным завершением. Рельефы выполнены, вероятно, местным мастером по византийским образцам и могут быть датированы IX–XI вв.» [6, с. 130].

В 2018 г., благодаря о. Дорофею Дбару, был опубликован еще один фрагмент этой алтарной преграды (круглое в плане основание колонки) с уникальной сценой «Иона во чреве кита» редчайшего иконографического извода [4] (Рис. 3).

Летом 2023 г. были проведены масштабные работы по созданию виртуальной реконструкции алтарной преграды, в результате которых были сформулированы гипотезы о характере архитектурной декорации западного фасада и о форме алтарной преграды.

Состав научных работ по реконструкции изучаемого памятника состоял из следующих этапов⁷:

– исследование и оцифровка интерьера церкви Успения в селе Дранда и фрагментов архитектурной декорации, хранящихся в ее нартексе;

– создание 3D-моделей, анализ и атрибуция фрагментов (камней), хранящихся в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии;

– создание и верификация 3D-модели алтарной преграды и, отчасти, западного фасада;

На первом этапе на объекте была выполнена наземная фотограмметрическая съемка. С целью точного сохранения масштаба были получены контрольные промеры основных элементов конструкции, длина, ширина сооружения, в особенности его алтарной части. В процессе съемки использовались маркированные планшеты, которые позволяли автоматизировать процесс масштабирования трехмерной модели.

На втором этапе работы над проектом полученные группы фотограмметрических 3D-моделей были разделены на отдельные камни. Каждый камень был проанализирован и классифицирован по своему назначению: украшение западного фасада, фрагменты алтарной преграды. Таким образом, был составлен полный каталог всех декорированных камней, и выдвинут ряд гипотез об их местоположении в реконструируемой алтарной преграде и на западном фасаде здания церкви.

По результатам проведенных работ была создана виртуальная среда (сайт), где обнародованы все обработанные и использованные для реконструкций материалы: трехмерные модели каждого камня, чертежи восстановленных конструкций (алтарная преграда и, отчасти, возможные весьма гипотетические предположения о характере украшения западного фасада) с указанием места каждого фрагмента в гипотетической трехмерной модели⁸, восстановленные внутри созданных трехмерных реконструируемых моделей (малые формы, внешняя декорация западного фасада) размеры утерянных плит (известны только по опубликованным фототипиям графини П.С. Уваровой).

При реконструкции алтарной преграды учитывались следующие наблюдения и соображения.

Среди фрагментов рельефов, обследованных в нартексе церкви Успения, был обнаружен один [3, с. 268, № 8], который может быть гипотетически идентифицирован как фрагмент крыла ангела из плиты с изображением Христа на троне с двумя ангелами [3, с. 258, № 1] (рис. 2). Если такое наблюдение верно, то оно дает возможность реконструировать размер всей известняковой плиты, который не указан в описании П.С. Уваровой. При реконструкции композиции надо также учитывать, что опубликованная графиней Уваровой плита является фрагментом сцены. В данном случае сохранилась только ее правая часть (два ангела у трона Христа). Исходя из имеющихся аналогий, можно предположить, что

7. Благодарим за содействие начальника Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия Г.А. Сангулия.

8. https://arch.ivran.ru/dranda_temple, <https://arch.ivran.ru/>

сцена была симметрична относительно смыслового центра – фигуры Христа, восседающего на троне. Таким образом, в ней явно присутствовали аналогичные фигуры двух ангелов с левой стороны. Это обстоятельство необходимо учитывать при реконструкции размеров сцены, представленной на имеющемся фрагменте плиты.

Кроме того, в ходе реставрационных работ, проводившихся в церкви в 1978 г., при восстановлении уровня пола *in situ* при археологическом исследовании были обнаружены фрагменты основания алтарной преграды [14, табл. LXII.1]. Сохранившиеся фрагменты дают возможность определить линию алтарной преграды (в центральной апсиде) и, соответственно, ее ширину (исходя из размеров центральной апсиды). На сохранившемся фрагменте, опубликованном у Л.Г. Хрушковой, виден нижний декоративный пояс, составленный из арочных мотивов и раскреповок с растительными орнаментами. Этот орнамент имеет многочисленные аналогии среди сохранившихся во всех трех локациях фрагментов [3, с. 213–214, № 17–19, с. 260, 261, № 3, 4, с. 262, № 6, с. 268–269, № 9–10]. Таким образом, их место в ансамбле реконструируемой алтарной преграды (основание, включая угловые фрагменты) может быть с высокой долей вероятности определено.

Помимо этого, часть фрагментов складывается в полукруги определенного диаметра. Некоторые из них украшены характерным орнаментом (сочетание валиков и полукруглых лепестковых элементов)⁹ (рис. 4), который повторяется в обрамлении арок на плите с изображением Христа и Богородицы [3, с. 259, № 2, с. 269, № 10] (рис. 1). Это наблюдение дает возможность предположить, что верхняя часть преграды была оформлена в виде аркады. Такое решение обусловлено и конструктивной необходимостью: если плита с Богородицей и Христом была частью ансамбля алтарной преграды (что очень вероятно, поскольку характер и детали ее декора перекликаются с найденными фрагментами, отличаясь лишь размерами), то, исходя из формы ее завершения, она могла быть только венчающим элементом композиции. В этом случае устойчивость конструкции можно было бы обеспечить только за счет системы арок¹⁰. Интересно, что при ближайшем рассмотрении оказывается, что некоторые элементы декора плиты находят отражение в сохранившихся фрагментах. Кроме характерного украшения арок, обращает на себя внимание основание пилястры, которая разделяет фигуры Христа и Богородицы. Оно выполнено в виде арочного мотива, похожего на тот, что украшает фрагменты из основания преграды (рис. 5). Капитель этой пилястры украшена тем же мотивом, что и раскреповки.

Другая важная деталь – ровный прямоугольный паз, сделанный за счет укорачивания пилястры в левом нижнем углу плиты с Христом и Богородицей. Этот паз заставляет предположить, что он нужен был для закрепления плиты на тягле. Это предположение косвенно подтверждает и характер декора в нижнем декоративном ряду этой плиты (поясок арок, идентичный тому, что проходит по нижнему ряду преграды).

Таким образом, характер декора плиты с изображением Христа и Богородицы наводит на мысль о том, что ее композиция как бы представляла модель всей преграды в миниатюре.

Есть еще некоторые фрагменты, которые подтверждают это предположение. Например, квадратный паз, который находится на нижней стороне круглого в плане основания колонки с изображением сцены «Иона во чреве кита» [3, с. 262–267] (рис. 3), совпадает по размерам с квадратным фрагментом, украшенным растительным орнаментом с фронтальной стороны и элементом арочного мотива – с боковой [3, с. 268, № 9] (рис. 6). Небольшой паз для закрепления конструкции убеждает в предположении о том, что эти два фрагмента могли крепиться друг к другу в обрамлении царских врат.

Ряд фрагментов представляют собой различные вариации мотива сдвоенных полуколонок (с перетяжкой и без) [3, с. 261, № 5, с. 269, № 11]. Этот же мотив сдвоенных полуколонок повторяется на фрагментах основания преграды [3, с. 213, № 17, с. 214, № 19, с. 215, № 21, с. 261, № 4]. Создается ощущение, что вся композиция алтарной преграды составлена из повторяющихся в различных ее частях декоративных модулей. В этом случае, фрагменты основания преграды с мотивом сдвоенных полуколонок намекают на то место, где можно было бы расположить элементы этого декора большего размера. Вероятно, они украшали пилястры, разделявшие плиты алтарной преграды. Два фрагмента по характеру декора и размеру напоминают умбоны. Рельефы, которые были не доступны в ходе проводившихся летом 2023 г. исследований (из фондов Абхазского государственного музея) [3, с. 211–215], также учтены

9. https://arch.ivran.ru/dranda_temple

10. Благодарим за помощь и консультации архитектора О.Е. Климова.

в общей схеме реконструкции преграды. Все они имеют аналогии среди фрагментов, происходящих из двух других локаций.

Если положение плиты с изображением Христа и Богородицы в общей реконструкции преграды верно, то можно гипотетически определить и ее размеры.

Предложенный вариант реконструкции алтарной преграды (рис. 7, 8), обладая рядом своеобразных черт и признаков, имеет, тем не менее, в деталях, как и в общих композиционных решениях (аркада), ряд аналогий среди памятников X – первой пол. XI в.

Среди аналогий, происходящих с близлежащих территорий, следует прежде всего указать на три плиты из с. Ольгинского [3, с. 245–248], фрагмент рельефа из с. Полтавское [3, с. 249–250, № 13], фрагмент плиты предположительно алтарной преграды из фондов Абхазского государственного музея [3, с. 217–223, № 24] (с изображением сцены «Сон Иосифа»). Более подробное стилистическое обоснование аналогий между плитами из сел Ольгинского, Полтавского, плиты с изображением «Сна Иосифа» и фрагментов основания колонки иконостаса с изображением «Ионы во чреве кита» и плиты с Христом и Богородицей приводится в соответствующей монографии [3].

Некоторые элементы (присутствие арок и наличие круглых в плане декоративных деталей на столбиках) предлагаемой реконструкции алтарной преграды находят параллели в алтарных преградах XI в. с территории Грузии (Шиомгвие) [27, табл. 39].

Реконструируемая композиция алтарной преграды из Дранды напоминает своими специфическими деталями (венчающий элемент над царскими воротами и арочная конструкция) несохранившуюся византийскую алтарную преграду из монастыря Монте Кассино, XI в. К сожалению, о ее форме можно только догадываться, благодаря верхней части резной деревянной алтарной преграды XII в. в итальянской церкви Санта-Мария ин Валле Поркланета в Абрुццо [28, ил. 4].

Некоторый лаконизм декоративных деталей и в то же время усложненная композиция алтарной преграды из церкви в Дранде позволяет считать ее памятником рубежа X–XI вв. Вероятно, она была установлена в то время, когда церковь стала кафедральным собором Драндской епархии.

Что касается второй плиты с изображением Христа на троне и двух ангелов (рис. 2), то, если реконструкция алтарной преграды верна, эта сцена никак не вписывается в ее структуру и конструкцию.

Как было отмечено выше, стилистический анализ изображений на обеих плитах позволяет поставить их в ряд памятников архитектурной пластики X – самого начала XI в. [3, с. 258–260, 6].

Что касается иконографии сцены, представленной на второй плите, обращает внимание факт присутствия двух ангелов на сохранившемся фрагменте. Ясно, что сцена была симметрична относительно центральной фигуры – Христа на троне. Таким образом, можно реконструировать изображение Христа в окружении четырех ангелов. Такой набор представленных персонажей позволяет предположить, что здесь был изображен сокращенный вариант сцены Страшного суда с Христом во славе, восседающим на троне. Допустимы также и иные варианты интерпретации – Прославление Христа, или же краткий вариант Вознесения Христа.

Размышляя о том, какую часть храма могла украшать эта плита, необходимо принять во внимание несколько соображений. Во-первых, судя по фототипиям, опубликованным графиней П.С. Уваровой, плита с Христом и ангелами была выполнена в более грубой и схематичной манере, чем плита с Христом и Богородицей, которую мы интерпретируем как венчающую часть алтарной преграды. Во-вторых, резьба на второй плите выглядит более обветренной и пострадавшей от внешнего воздействия. Эти два наблюдения делают возможным предположение о том, что эта плита могла быть частью внешней облицовки храма. Судя по свидетельствам В. Цинцадзе, проводившем реставрационные работы в храме в позднесоветский период (1979 г.) [9], следы белокаменной резьбы сохранялись только на западном фасаде церкви. Пропорции западного фасада и гипотетические размеры плиты позволяют предположить, что она могла теоретически располагаться над одной из входных дверей с западной стороны храма. В случае, если эти предположения верны, реконструируемый сюжет сцены, сокращенный вариант Страшного суда, как нельзя лучше сочетается с соображениями о месте плиты в системе декоративного убранства храма (западный фасад). Именно поэтому предпочтительной кажется именно такая интерпретация данной сцены.

Тема Страшного суда в средневековом искусстве христианского мира вызывает неизменный интерес среди исследователей. Среди недавних событий в профессиональной среде можно указать на коллоквиум «Воскрешение плоти. Между православием и ересью», который проходил в Университете

Фрибурга (Швейцария) 23 октября 2020 г.¹¹, а также публикации некоторых коллег из Грузии [29]. Ирма Мамасаклиси, вслед за Ниной Яманидзе, приводит в своей статье ряд ранних изображений Страшного суда в грузинском средневековом искусстве, в том числе и в архитектурной декорации храмов [30, p. 170–176].

Иконографический тип, представленный на плите из Дранды, можно поставить в иконографический и стилистический контекст монументального искусства X – нач. XI в. Относительно иконографических аналогий с территориально близких соседних территорий, нужно прежде всего упомянуть изображение Христа на троне в окружении четырех ангелов (правда, фигуры представлены не в один ряд, как в Дранде, а сгруппированы в виде квадрата, то есть четыре ангела окружают фигуру Христа, находясь на четырех углах воображаемого композиционного квадрата) на тимпане южного фасада церкви в Никорцминда (нач. XI в., Рача, Грузия) [31, p. 207, il. 424].

Есть также ряд изображений, где четыре ангела окружают крест, который заменяет собой фигуру Христа на троне. Такой вариант этой композиции встречается над южным порталом церкви в Никорцминда [31, p. 206, il. 422] и над южным порталом собора в Хахули (X в., историческая провинция Тао, Турция) [31, p. 170, il. 347]. Эта же композиция встречается в интерьере обхода церкви в Кацхи (нач. XI в., Имерети, Грузия) [31, p. 210, il. 435]. В данном случае центром композиции является круглая световая люнета.

Если говорить о стилистических аналогиях, то наиболее близким, географически и стилистически, можно считать изображение благословляющего Христа с западного фасада храма в Мартвили (Мингрелия, Грузия, X в.) [31, p. 178, il. 370]. Здесь сцена также представлена на западном фасаде храма. Фигура и складки облачения выполнены в экспрессивной манере, грубыми параллельными насечками, что в некоторой степени напоминает плиту из Дранды (если судить по фототипии). Кроме того, поверхность изображения несколько обветрилась, что естественно, учитывая местоположение плиты.

Таким образом, реконструируемая сцена сокращенной версии Страшного суда из Дранды может быть вписана в художественный контекст своей эпохи, однако, ее место и значение в системе архитектурной декорации храма может быть воссоздано гипотетически. Этот сюжет требует дальнейшей проработки при обнаружении дополнительных данных.

В итоге, можно констатировать, что гипотетическая реконструкция алтарной преграды церкви в селе Дранда и ее западного фасада может быть поставлена в ряд памятников скульптуры восточно-христианского мира второй половины X – начала XI в. Эти реконструкции существенно обогащают представления об эстетических особенностях заявленного периода.

Дополнительные работы по украшению церкви в интерьере и снаружи могли быть связаны с приобретением ею статуса кафедрального храма Драндской епархии (втор. пол. X в.).

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке фонда Российского научного фонда, грант № 23-28-00648.

Acknowledgements. The study is financially supported by the Russian Science Foundation, grant project No. 23-28-00648.

11. https://www.academia.edu/44192252/R%C3%A9surrection_charnelle_entre_orthodoxie_et_h%C3%A9r%C3%A9sie

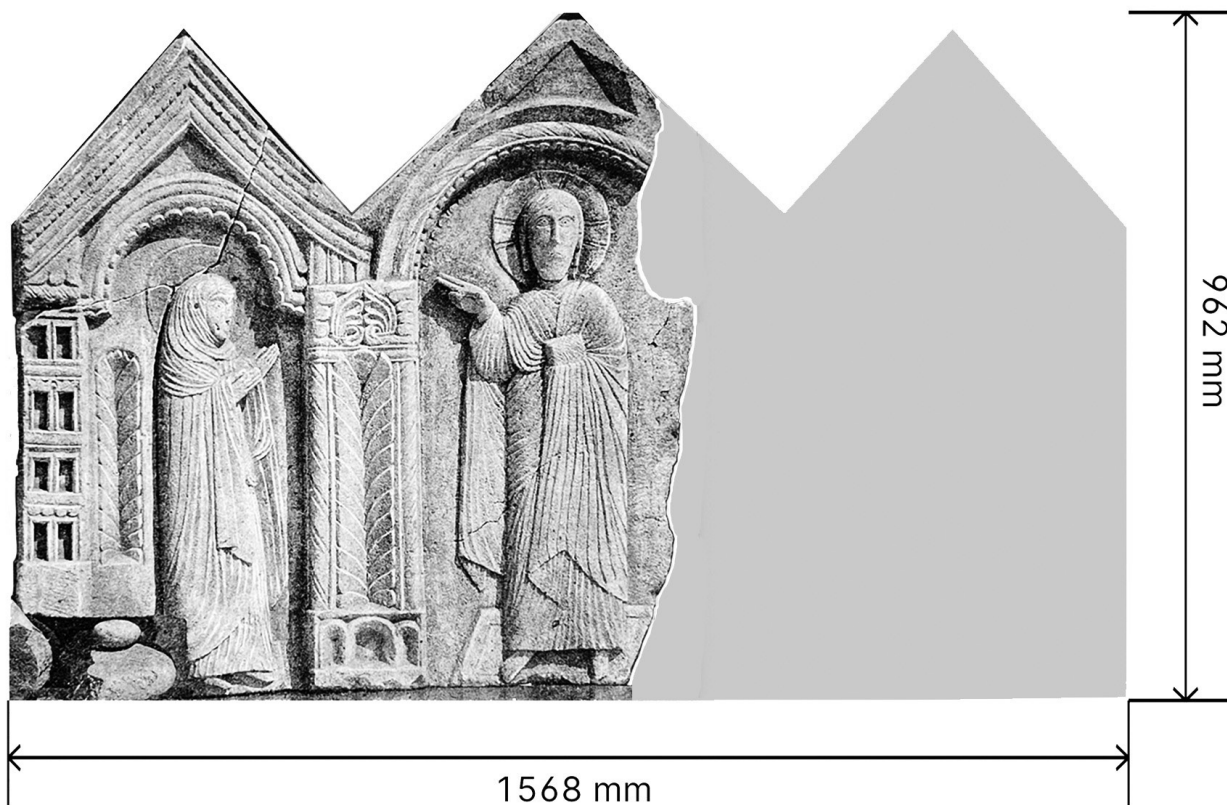


Рис. 1. Реконструкция размеров плиты с изображением Христа и Богоматери.
Дрыга Д.О., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К.

FFig. 1. Reconstructed dimensions of the slab depicting Christ and the Mother of God.
Dryga D.O., Karnauschenko E.N., Karnauschenko A.D., Kazennova L.K.

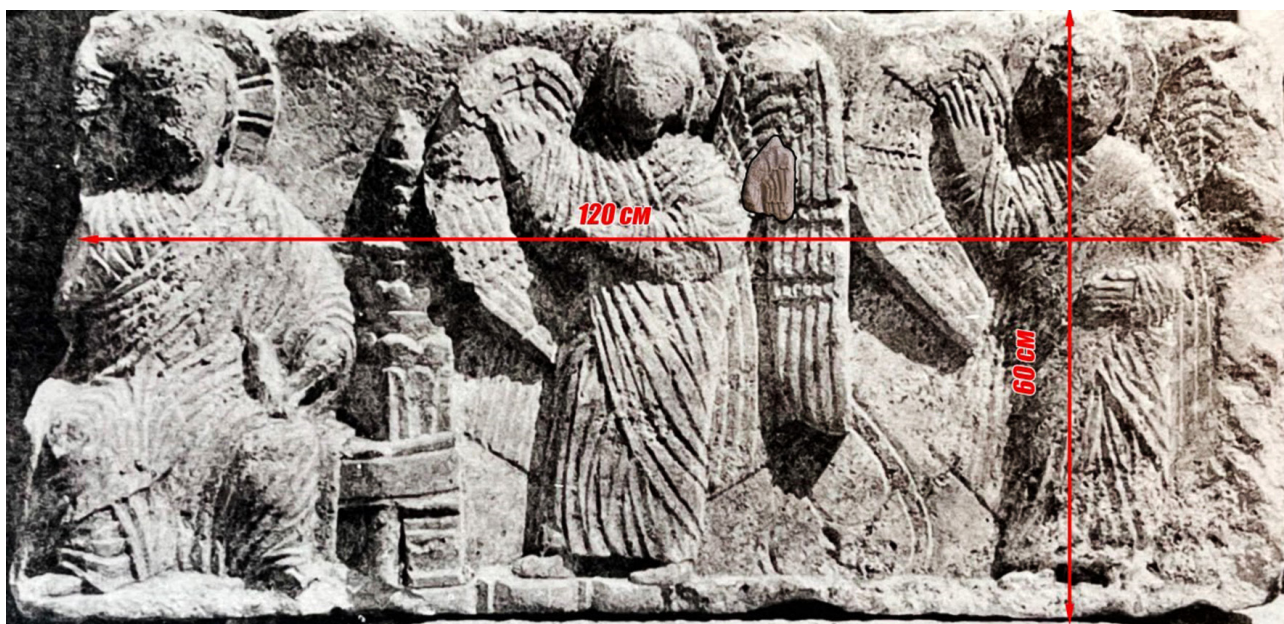


Рис. 2. Реконструкция размеров плиты с изображением Христа и двух ангелов.
Дрыга Д.О., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К.

Fig. 2. Reconstructed dimensions of the slab depicting Christ and two angels.
Dryga D.O., Karnauschenko E.N., Karnauschenko A.D., Kazennova L.K.

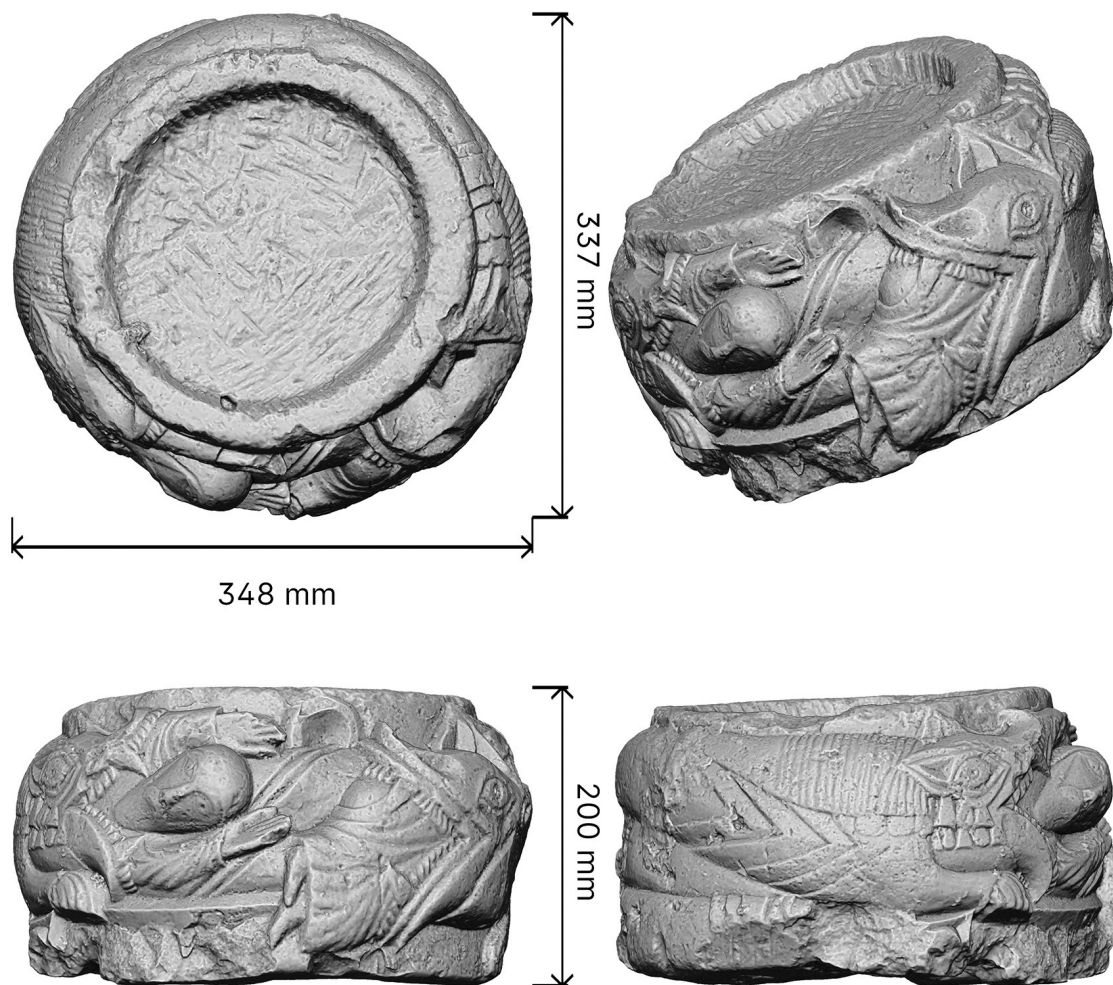


Рис. 3. Основание колонки с изображением сцены «Иона во чреве кита». Дрыга Д.О., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К.

Fig. 3. Column base depicting the scene of Jonah in the belly of the whale. Dryga D.O., Karnauschenko E.N., Karnauschenko A.D., Kazennova L.K.

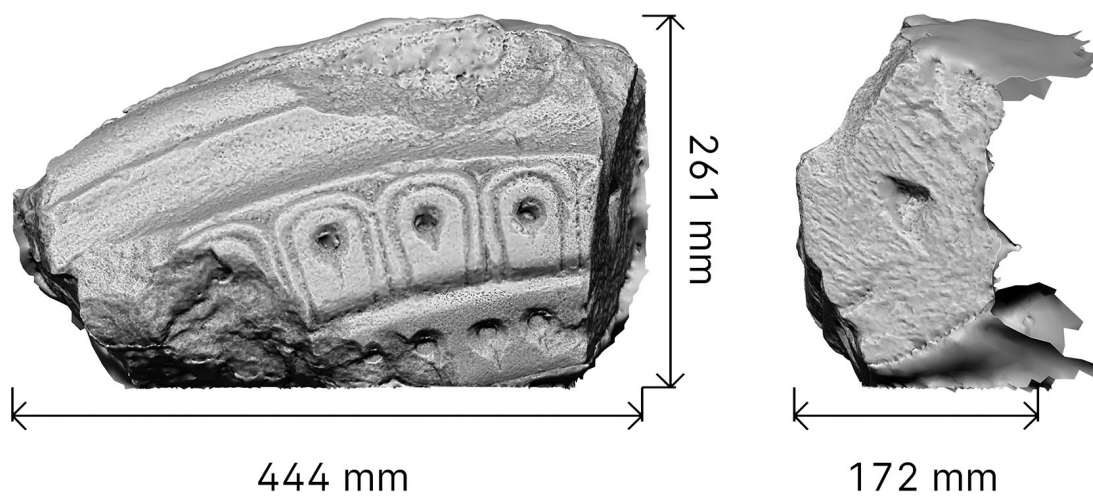


Рис. 4. Фрагмент арки царских врат из нартекса храма в селе Дранда. Дрыга Д.О., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К.

Fig. 4. Fragment of the royal doors arch from the narthex of the Dranda Church. Dryga D.O., Karnauschenko E.N., Karnauschenko A.D., Kazennova L.K.

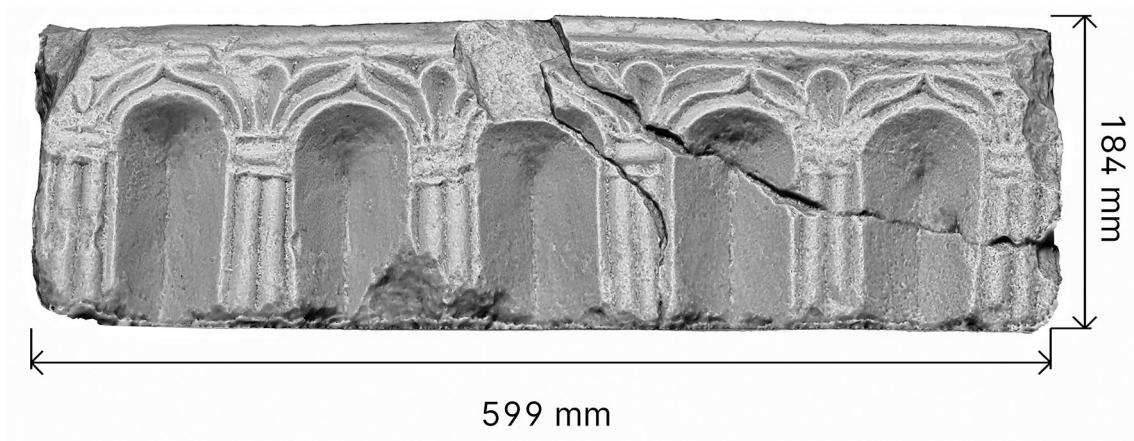


Рис. 5. Фрагмент основания алтарной преграды из коллекции Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии. Дрыга Д.О., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К.

Fig. 5. Fragment of the rood screen base from the collection of the Church and Archaeological Museum of the Holy Metropolis of Abkhazia. Dryga D.O., Karnaushenko E.N., Karnaushenko A.D., Kazennova L.K.

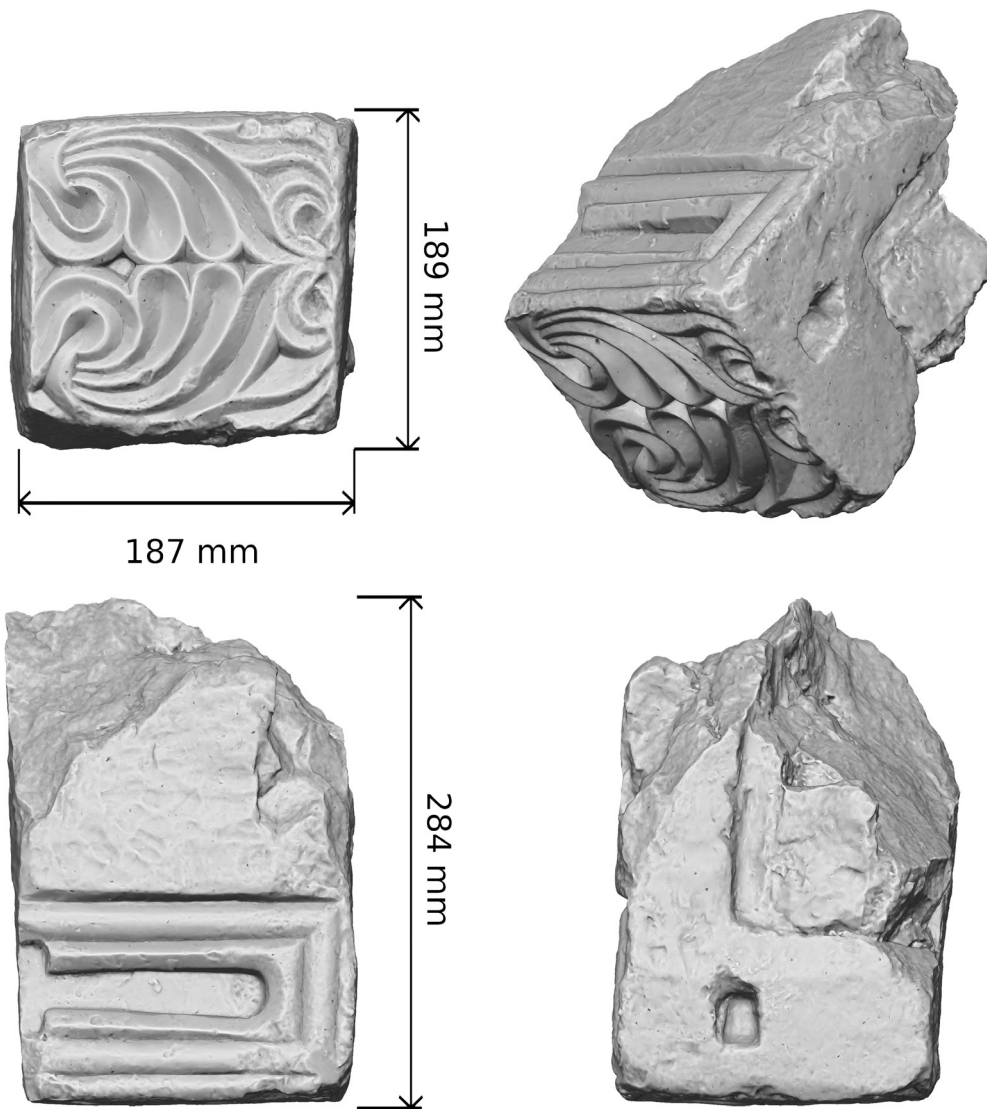


Рис. 6. Фрагмент капители пилястры, разделяющей плиты алтарной преграды из нартекса храма в селе Дранда. Дрыга Д.О., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К.

Fig. 6. Fragment of the pilaster capital separating the rood screen slabs, from the narthex of the Dranda Church. Dryga D.O., Karnaushenko E.N., Karnaushenko A.D., Kazennova L.K.



Рис. 7. Реконструкция алтарной преграды из церкви в селе Дранда с размерами.
Климов О.Е., Ендольцева Е.Ю., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л. К.

Fig. 7. Reconstructed rood screen of the Dranda Church, with dimensions.
Klimov O.E., Endoltseva E.Yu., Karnaushenko E.N., Karnaushenko A.D., Kazennova L.K.



Рис. 8. Реконструкция алтарной преграды из церкви в селе Дранда в интерьере.
Климов О.Е., Ендольцева Е.Ю., Дрыга Д.О., Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К.

Fig. 8. Reconstructed rood screen of the Dranda Church within the interior.
Klimov O.E., Endoltseva E.Yu., Dryga D.O., Karnaushenko E.N., Karnaushenko A.D., Kazennova L.K.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Ендольцева Е.Ю., Быстрицкий Н.И., Дрыга Д.О., Карнаушенко А.Д., Карнаушенко Э.Н., Казеннова Л.К. Алтарная преграда церкви Успения в селе Дранда (Республика Абхазия): опыт виртуальной реконструкции // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. М.: ИА РАН, 2024. С. 302–305.
2. Ендольцева Е.Ю. Тема страшного суда по материалам архитектурной пластики церкви в Дранде (X – нач. XI в.) (Республика Абхазия) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VIII Международной научной конференции (Севастополь, 3–8 июня 2024 г.). В 2 т. Т. 1. М., 2024. С. 123–126.
3. Ендольцева Е.Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). М.: ИВ РАН, 2020 – 432 с.
4. Ендольцева Е.Ю., Дорофей (Дбар), архимандрит. Архитектурная декорация и малые формы церкви в Дранде: новые данные // Вестник Волгоградского государственного университета (Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения). 2018. Т. 23. № 5. С. 196–209.
5. Уварова П.С. Христианские памятники Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. IV. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1894. – 197 с.
6. Виноградов А.Ю. Дранда // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2007. С. 129–131.
7. Джованни да Лука. Сведения об Абхазии и Мегрелии // Табагуа И. Грузия в архивах и книгохранилищах Европы (XIII – первая четверть XX вв.). Т. 3. (1628 – 1633 гг.). Тбилиси: Б. М., 1987. (на груз. яз.).
8. Саблин С. Древний генуэзский храм в укреплении Дранды // Кавказ. №8. 1846. С. 4.
9. Цинцадзе В. Дранда // Дзеглис Мегобари (Друзья памятников культуры). 50. Грузинское общество охраны памятников культуры. Тбилиси, 1979. С. 35–42 (на груз. яз.).
10. Dubois de Monpéroux F. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris: Librairie de Gide, 1839. – 486 p.
11. Brosset M. Rapports sur un voyage archeologique dans la Georgie et dans l'Arménie, execute en 1847–1848. Vol. I–III. SPb.: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1851.
12. Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. СПб: В тип. Морского Кадетского Корпуса, 1847. – 196 с.
13. Бакрадзе Д.З. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис: Б. М., 1875. – 178 с.
14. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М.: Наука, 2002. – 499 с.
15. Толстой И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891. – 176 с.
16. Павлинов А.М. Дранда // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 3. 1893. С. 8–13.
17. Чубинашвили Г.Н. Памятники типа Джвари. Тбилиси: Издательство Академии Наук Грузинской ССР, 1948. – 85 с.
18. Рчеулишвили Л.Д. Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья // Средневековое искусство. Русь и Грузия. М., 1978. С. 21–28.
19. Mepisaschwili, R., Zinzadse W. Die Kunst des alten Georgiens. Leipzig: Edition Leipzig, 1977. – 310 p.
20. Меписаивили П. Дранда: Памятник архитектуры VIII в. // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983. С. 515–535.
1. Endoltseva EYu., Bystritsky NI., Dryga DO., Karnaushenko AD., Karnaushenko EN., Kazennova LK. Rood screen of the Church of the Assumption in the village of Dranda (Republic of Abkhazia): experience of virtual reconstruction. *Achievements and prospects for studying the archeology of the North Caucasus in the XX – first quarter of the XXI century. Proceedings of the International Scientific Conference on the Archeology of the North Caucasus “XXXIII Krupnov Readings”, dedicated to the 120th anniversary of the birth of Evgeniy Ignatievich Krupnov.* Moscow: IA RAS, 2024: 302-305. (In Russ)
2. Endoltseva EYu. Theme of the Last Judgment based on the materials of the architectural plastic art of the church in Dranda (X – early XI centuries) (Republic of Abkhazia). *Historical, cultural, interethnic, religious and political connections of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East: Proceedings of the VIII International Scientific Conference (Sevastopol, June 3 – 8, 2024).* In 2 vol. Vol. 1. Moscow, 2024: 123-126. (In Russ)
3. Endoltseva EYu. *Architectural plasticity of Abkhazia during the period of the Abkhazian kingdom (VIII–XI centuries).* Moscow: IV RAS, 2020. (In Russ)
4. Endoltseva EYu., Dorofey (Dbar), archimandrite. Architectural decoration and small forms of the church in Dranda: new data. *Bulletin of Volgograd State University (Series 4: History. Regional studies. International relations).* 2018; 23(5): 196-209. (In Russ)
5. Uvarova PS. Christian monuments of the Caucasus. *Materials on the archeology of the Caucasus.* Vol. IV. Moscow: A.I. Mamontov's print, 1894. (In Russ)
6. Vinogradov AYU. Dranda. *Orthodox Encyclopedia.* Vol. 16. Moscow, 2007: 129-131. (In Russ)
7. Giovanni da Luca. Information about Abkhazia and Megrelia. In: *Tabagua I. Georgia in the archives and book depositories of Europe (XIII – first quarter of the XX centuries).* Vol. 3 (1628-1633). Tbilisi: B.M., 1987 (in Georgian).
8. Sablin S. *Ancient Genoese temple in the fortification of Dranda.* Kavkaz. 1846; 8: 4.
9. Tsintsadze V. Dranda. Georgian Society for the Protection of Cultural Monuments. *Dzeglis Megobari (Friends of Cultural Monuments).* Tbilisi, 1979: 35-42 (in Georgian).
10. Dubois de Monpéroux F. *Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée.* Paris: Librairie de Gide, 1839.
11. Brosset M. *Rapports sur un voyage archeologique dans la Georgie et dans l'Arménie, execute en 1847-1848.* Vol. I-III. St. Petersburg: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1851.
12. Seleznev M. *Guide to understanding the Caucasus.* Saint Petersburg: Naval Cadet Corps Typography, 1847. (In Russ)
13. Bakradze DZ. *The Caucasus in ancient monuments of Christianity.* Tiflis, 1875. (In Russ)
14. Khrushkova LG. *Early Christian monuments of the Eastern Black Sea region (IV-VII centuries).* Moscow: Nauka, 2002. (In Russ)
15. Tolstoy I., Kondakov NP. *Russian antiquities in monuments of art. [Iss. 4]: Christ. antiquities of Crimea, the Caucasus and Kyiv.* Saint Petersburg, 1891. (In Russ)
16. Pavlinov AM. Dranda. *Materials on the archeology of the Caucasus.* 1893; 3: 8-13. (In Russ)
17. Chubinashvili GN. *Monuments of the Jvari type.* Tbilisi: Georgian SSR Academy of Sciences, 1948. (In Russ)
18. Rcheulishvili LD. Some aspects of Georgian architecture of the Black Sea coast. *Medieval art. Rus and Georgia.* Moscow, 1978: 21-28. (In Russ)
19. Mepisaschwili R., Zinzadse W. *Die Kunst des alten Georgiens.* Leipzig: Edition Leipzig, 1977. (In Germ)

21. Neubauer E. Abchazische Architektur im Spannungsfeld zwischen Georgien und Byzanz (6. bis 11. Jh.) // *Byzantinische Kunstexport*. Halle, 1978. S. 70–79.
22. Виноградов А.Ю. Очерки архитектуры Византии и Кавказа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. – 483 с.
23. Alpagó-Novello A., Beridze V., Lafontaine-Dosogne J. *Art and Architecture in Medieval Georgia*. Louvaine-la-Neuve: Institut supérieur d'archéologie et d'histoire de l'art, Collège Érasme, 1980. – 521 p.
24. Хотелашвили М. К., Якобсон А.Л. Византийский храм в селе Дранда (Абхазия) // *Византийский временник*. 1984. Вып. 45. С. 192–206.
25. Леквиндзе В.А. О Драндском храме // *Кавказ и Византия*. Ереван, 1988. Т. 6. С. 201–216.
26. Сазанов А.В. Драндский храм (Абхазия) и его датировка // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VIII Международной научной конференции (Севастополь, 3–8 июня 2024 г.). Т. 2. М., 2024. С. 92–102.
27. Шмерлинг Р.О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1962. – 303 с.
28. Лидов А.М. Иконостас: итоги и перспективы исследования // *Иконостас: происхождение-развитие-символика*. М., 2000. С. 11–32.
29. Iamanidzé N. Le thème du Jugement dernier dans l'art religieux de la Géorgie: les témoignages archéologiques les plus anciens // *Cahiers archéologique*. 2016. P. 59–70.
30. Mamasakhlisi I. The Last Judgement in Medieval Georgian Art (Tenth – Thirteenth Centuries) // *Georgia as a Bridge between Cultures. Dynamics of Artistic Exchange* / ed. By N. Chitishvile, Th. Kaffenberger, M. Studer-Karlen. *Convivium Supplementum*. 2021/1. Brno, 2021. P. 168–187.
31. Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. *Medieval Georgian Sculpture*. Tbilisi: Cezanne, 2017. – 375 p.
20. Mepisashvili R. Dranda: Architectural monument of the 8th century. *IV International Symposium on Georgian Art*. Tbilisi, 1983: 515–535. (In Russ)
21. Neubauer E. Abchazische Architektur im Spannungsfeld zwischen Georgien und Byzanz (6. bis 11. Jh.). *Byzantinische Kunstexport*. Halle, 1978: 70–79. (In Germ)
22. Vinogradov AYU. *Essays on the architecture of Byzantium and the Caucasus*. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. (In Russ)
23. Alpagó-Novello A, Beridze V, Lafontaine-Dosogne J. *Art and Architecture in Medieval Georgia*. Louvaine-la-Neuve: Institut supérieur d'archéologie et d'histoire de l'art, Collège Érasme, 1980.
24. Khotelashvili MK., Yakobson AL. Byzantine temple in the village of Dranda (Abkhazia). *Vizantiyskiy vremennik*. 1984; 45: 192–206. (In Russ)
25. Lekvinadze VA. *About the Dranda Temple. Caucasus and Byzantium*. Yerevan, 1988; 6: 201–216.
26. Sazanov AV. Dranda Temple (Abkhazia) and its dating. *Historical, cultural, interethnic, religious and political connections of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East: Proceedings of the VIII International Scientific Conference (Sevastopol, June 3-8, 2024)*. Moscow, 2024; 2: 92–102. (In Russ)
27. Shmerling RO. *Small forms in the architecture of medieval Georgia*. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1962. (In Russ)
28. Lidov AM. *Iconostasis: results and prospects of research. Iconostasis: origin-development-symbolism*. Moscow, 2000: 11–32. (In Russ)
29. Iamanidzé N. Le thème du Jugement dernier dans l'art religieux de la Géorgie: les témoignages archéologiques les plus anciens. *Cahiers archéologique*. 2016: 59–70. (In French)
30. Mamasakhlisi I. The Last Judgement in Medieval Georgian Art (Tenth – Thirteenth Centuries). *Georgia as a Bridge between Cultures. Dynamics of Artistic Exchange*. 2021; 1: 168–187.
31. Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. *Medieval Georgian Sculpture*. Tbilisi: Cezanne, 2017.

Поступила в редакцию 14.06.2024 г.
Принята в печать 26.08.2024 г.
Опубликована 15.03.2025 г.

Received 14.06.2024
Accepted 26.08.2024
Published 15.03.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211155-171>

Исследовательская статья

Енгибарян Нора
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
norayengibaryan@gmail.com

Мириджанян Дианна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
dianamirijanyan@gmail.com

Тер-Минасян Лилит
научный сотрудник, архитектор
Институт археологии и этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
lilittm@rambler.ru

Худавердян Анаит
к.и.н., главный научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
akhudaverdyan@mail.ru

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СКАЛЬНЫЕ МОГИЛЫ АГАРАКА

Аннотация. Цель данного исследования — впервые осветить результаты изучения археологических и антропологических материалов из скальных захоронений некрополя Агарак. Памятник расположен между селами Агарак и Воскеат в области Арагацотн Республики Армения на территории Агарарского историко-культурного заповедника. На территории памятника исследована северная часть скальной платформы, расположенная за западной окраиной села Агарак. Здесь зафиксировано семь этапов заселения: от раннего бронзового века до Позднего Средневековья. В восточной части скальной платформы была обнаружена 21 могильная яма, все вырытые в туфовой скальной породе и расположенные в четыре неправильных ряда. Все могильные ямы обращены с востока на запад, что присуще христианской традиции. В большинстве из них, за исключением № 9 и № 21, отсутствовал сопутствующий погребальный инвентарь, что также характерно для христианских захоронений. Одна из погребальных ям имеет форму трапеции и плечики-уступы края для установки перекрытия. Другие ямы – неглубокие, широкие в западной части (в изголовье), с продольными боковыми стенками и постепенно сужающиеся к востоку (в ногах). Захоронения Агарака по ряду косвенных признаков датируются Ранним Средневековьем – IV–V вв. Помимо Агарака, где они наиболее многочисленны, скальные могилы известны также в Мецаморе, Мецадзоре, на территории Ереванского ботанического сада, в Арцахе. Исследование могил включало оценку степени сохранности и комплектности скелетов. Возрастные определения проведены с учетом оксификации и прорезывания зубов у индивидов до 23 лет и по длине диафизов длинных костей конечностей. Определение биологического возраста проводилось на базе оценки состояния швов черепа, изношенности жевательной поверхности коронок зубов, изношенности суставов и симфизов выявления дегенеративно-дистрофических изменений на поверхности тел позвонков.

Ключевые слова: Армения; Агарак; некрополь; скальные могилы; Раннее Средневековье; христианские захоронения

Для цитирования: Енгибарян Н., Мириджанян Д., Тер-Минасян Л., Худавердян А. Раннесредневековые скальные могилы Агарака // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 1. С. 155-171. doi.org/10.32653/CH211155-171

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211155-171>



Research paper

Nora Engibaryan
PhD in History, Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
norayengibaryan@gmail.com

Dianna Miridjanyan
PhD in History, Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
dianamirijanyan@gmail.com

Lilit Ter-Minasyan
Researcher, Architect
Institute of Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
lilittm@rambler.ru

Anahit Khudaverdyan
PhD in History, Chief Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
akhudaverdyan@mail.ru

EARLY MEDIEVAL ROCK-CUT BURIALS OF AGARAK

Abstract. This study presents the initial findings from the archaeological and anthropological analysis of rock-cut burials discovered at the Agarak necropolis. Situated in the Aragatsotn Province of the Republic of Armenia, between the villages of Agarak and Voskehat, the Agarak archaeological site features a northern rock platform where excavations have revealed seven occupational layers spanning the Early Bronze Age to the Late Middle Ages. Within the eastern sector of this platform, twenty-one burial pits, dating to the early medieval period, were identified. These unlined pits, oriented east-west and arranged in four irregular rows, were cut into the tuff bedrock. Some still contain skeletons or bones. One trapezoidal pit exhibited stepped edges to support a lid, while others displayed a distinctive anthropomorphic design, being wider and shallower at the western (shoulder) end and gradually narrowing towards the east (legs). Rock-cut burial pits have a documented presence in the Armenian Highlands since the Early Bronze Age, with known parallels at sites such as Metsamor and Pijut. Beyond Agarak, where they are most prevalent, early medieval examples have also been documented at Metsamor, Metsadzor, the Yerevan Botanical Garden, and in Artsakh. The investigation of these burials involved an evaluation of the preservation status and completeness of the skeletal remains. Age-at-death estimations were conducted using indicators such as ossification and dental eruption in individuals under 23 years, and diaphyseal length of long bones. For older individuals, biological age was assessed through analysis of cranial suture closure, dental wear, joint and symphyseal degeneration, and the presence of degenerative-dystrophic changes on vertebral bodies.

Keywords: Armenia, Agarak site, necropolis, rock-cut burials, Early Middle Ages, Christian burials

For citation: N. Engibaryan, D. Miridjanyan, L. Ter-Minasyan, A. Khudaverdyan. Early medieval rock-cut burials of agarak. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 155-171. doi.org/10.32653/CH202228-245 155-171.

Введение

В комплексе памятников Агарак, за западной окраиной одноименного села, была исследована северная часть скальной платформы, а также ее восточные и южные подножья. Раскопки ее были начаты в 2001 г. и продолжались с перерывами до 2014 г.¹ Скальная платформа разделена автомобильной дорогой Ереван – Гюмри на две части. При строительстве дороги центральная часть памятника была разрушена. Выявленное раскопками поселение функционировало от эпохи ранней бронзы до Позднего Средневековья [1, с. 52–57]. Сохранились отдельные помещения, участки стен, виноградодавильня, очаги, различные захоронения. Вся территория комплекса памятников Агарак покрыта высеченными в скале, а также вырубленными из камня ритуальными структурами. Частью этого «ритуального» ландшафта является северная скальная туфовая платформа, поверхность которой также носит углубления разного размера, разнообразные бороздки и соединяющие их желобки, а также скальные погребения [2, с. 41–43] (рис. 1, 2, 2).

Скальные могилы Агарака

Высеченные в скальной породе могилы известны на территории Армении, начиная с эпохи ранней бронзы. В крепости Мецамор была обнаружена высеченная в скале могила с детским захоронением. Погребение сопровождалось золотым украшением для волос, фрагментами керамики, датированными серединой III тыс. до н.э. [3, с. 72, таб. XI, рис. 3]. Захоронение в скальной могиле эпохи ранней бронзы известно также в могильнике Пиджут в Техуте области Лори [4, рис. 210/3].

Хронологически самой ранней из высеченных в скалах могил древнего поселения Агарак является захоронение урартского времени на южной стороне платформы. Оно относится к типу однокамерных урартских скальных гробниц. Помещение ориентировано с севера на юг. Вход имел вид ямы, закрытой плитой (не сохранилась), потолок зала двускатный, на продольных стенах высечены большие и малые ниши, перед северной стеной расположен высеченный на уровне пола прямоугольный бассейн с восемью отверстиями по краю. Гробница была разграблена в древности, но благодаря изучению сравнительного материала ее можно датировать VIII–VI вв. до н.э. [5, с. 154–155].

Хронологически следующими скальными могилами являются две неглубокие прямоугольные камеры с округленными углами, датированные III–I вв. до н.э. [6, с. 59–60]. Одно из захоронений было разграблено в древности. Второе захоронение содержало останки человека с погребальным инвентарем, представленным бронзовыми браслетами, серьгами, заколкой для волос, кольцами, железным ножом и различными бусами.

Самая многочисленная группа высеченных в скалах могил, обнаруженных в Агараке (и в Армении в целом), относится к Раннему Средневековью (рис. 2). Здесь выявлена 21 могила различных размеров, все они были открыты на восточном краю скальной платформы и занимают территорию площадью около 200 кв. м (11×18 м). Могильные ямы расположены четырьмя неровными рядами, ориентированными длинной осью по направлению СВ–ЮЗ. Среди них выделяются группы по 2–3 рядом устроенных могилы, головная часть которых расположена на одной линии. Не исключено, что эти захоронения были совершены одновременно или с небольшой разницей во времени и представляют родственную группу. Могильные ямы различаются в своих размерах, в которых отразились возрастные категории погребенных.

По форме могильные ямы делятся на два основных типа.

Тип I представлен единственным примером – трапециевидной формы, с немного расширенной западной частью, погребальная яма с расположенными по периметру ступенчатыми уступами-плечиками для фиксации несохранившегося перекрытия (рис. 3, 1). Борта и дно камеры тщательно отшлифованы. В определенной мере эта высеченная в скале погребальная камера имеет сходство с массивными прямоугольными каменными саркофагами с каменными крышками-плитами, распространенными в раннесредневековой Армении. Подобные саркофаги того же времени известны и на территории Грузии (Армзисхеви, Мцхета, Рустави) [8, с. 132; 9, с. 166, рис. 6].

1. Раскопки 2001–2008 гг. финансировались фондом «Gfoeller Renaissance Foundation» (США), руководитель армянского филиала Б. Гаспарян, руководитель экспедиции д.и.н. П. Аветисян.

Тип II представляют узкие удлиненные ямы двух вариантов: с закругленными торцевыми бортами или подпрямоугольной формы с закругленными углами. Они, как правило, также имеют расширяющийся западный край и сужающийся восточный, соответственно форме человеческого тела (рис. 2, 2). Могилы этого типа неглубокие (16–38 см). Ни на одной могиле не было обнаружено перекрытия. Выделяется погребение № 17, яма которого в изголовье схематически воспроизводит верхнюю часть тела человека – голову и плечи (рис. 3, 2). Подобной формы скальная могила обнаружена и в Мецаморе (рис. 4, 1).

На территории Армении известны и саркофаги подобной формы – снаружи они прямоугольные, а внутри повторяют форму человеческого тела. Лучшим примером подобных является саркофаг, расположенный в восточной части церкви Св. Рипсима [7, с. 6].

Интерес в плане техники создания скальных камер представляют незавершенные могилы. Их контуры прорисованы, они недостаточно углублены и отшлифованы. В погребениях № 11 и № 12 хорошо заметны следы орудий каменщика типа долота с узким рабочим лезвием.

В некоторых расчищенных скальных могильных ямах сохранились почти целые скелеты (погр. №№ 16, 17, 19) или отдельные кости погребенных (погр. № 14) (рис. 5, 1, 2). Судя по форме могил и сохранившимся *in situ* скелетам или частям скелета, усопшие клались вытянуто на спине, головой на запад с отклонениями, руки были сложены на груди или вытянуты вдоль туловища. Все могилы индивидуальные. Однако есть исключение: в погр. № 9 были одновременно захоронены взрослый и ребенок: обезглавленное тело ребенка было помещено в могилу позже, при этом была удалена нижняя половина тела похороненного ранее взрослого (рис. 6, 1). Это захоронение находит параллель в одном из раннесредневековых захоронений Талина [10, с. 559–560]. На среднем пальце правой руки, лежащей на груди взрослого, было надето бронзовое кольцо с синей стеклянной вставкой с изображением человеческой фигуры (рис. 6, 2).

К тому же раннесредневековому периоду относятся высеченные в скале могилы, обнаруженные при земляных и строительных работах на могильнике Мецамор (рис. 4) близ с. Мецадзор [11, с. 29], возле Ереванского ботанического сада [12, с. 32] и в раннехристианском культовом пещерном комплексе в Арцахе [13, с. 171]. Обычай хоронить в высеченных в скале могилах сохранялась даже в Развитом Средневековье. Среди таких можно упомянуть родовую двухэтажную гробницу зажиточного жителя города Ани Тиграна Оненца [14, с. 81–85] и двухзальную гробницу с 12 могилами, обнаруженную в скальном поселении вблизи города Спитака [15, с. 22–23]. Интересна высеченная в скале двухчастная гробница монастырского комплекса Гегардаванк, вероятно, предназначенная для супругов, над которой был установлен характерный для XII–XIII вв. хачкар без надписи.

Краткое описание скальных погребений Агарака

Погребение № 1. Размеры могильной ямы: с одной стороны длина 223–227 (длина)×84–89 см (ширина)× 82 см (глубина). Яма узкая, длинная, подпрямоугольной формы, с уступами-запличиками для перекрытия, слегка расширяется в юго-западную сторону (к изголовью) стенки вертикальные. Это самая глубокая могильная яма.

Погребение № 2. Размеры могильной ямы: 210×35 (ширина в изголовье) (15 см – ширина в ногах) × 25–35. Яма узкая, длинная, торцевые края ямы закруглены, продольные стенки почти прямые, вертикальные. От скелета сохранились несколько фрагментов костей конечностей.

Погребение № 3. Размеры могильной ямы: 204×49 (34)×23–27 см. Яма узкая, длинная, имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами, слегка расширяется в юго-западном направлении. В камере оказались лишь плохо сохранившиеся остатки правой ноги и левый голень скелета.

Погребение № 4. Размеры могильной ямы: 180×43 (32)×35 см. Яма узкая, длинная, подпрямоугольной формы с закругленными углами, стенки камеры вертикальные. В заполнении ямы найдены три небольших фрагмента керамики раннебронзового века.

Погребение № 5. Размеры могильной ямы: 175×24 (17)×15–24 см. Яма узкая, длинная, слегка расширяющаяся в юго-западную сторону, с закругленными торцевыми стенками (рис. 6, 3).

Погребение № 6. Размеры могильной ямы: 220×42 (36) ×25–35 см. Яма узкая, длинная, слегка расширяющаяся в юго-западную сторону, с закругленными торцевыми стенками. Рядом с ней расположена виноградодавильня позднеантичного времени.

Погребение № 7. Размеры могильной ямы: 100×20×19–20 см. Яма узкая, длинная, подпрямоугольной формы, с закругленными торцевыми стенками. Судя по размеру, *погребение* детское.

Погребение № 8. Размеры могильной ямы: 75×17×17 см. Яма узкая, длинная, чуть расширяющаяся в западную сторону, с закругленными торцевыми стенками. Судя по размеру, предназначалось для захоронения ребенка. На дне камеры обнаружены сложенные в кучку фрагменты костей, костной трухи и зуб. Возможно – перезахоронение.

Погребение № 9. Размеры могильной ямы: 183×30 (12)×35 см. Яма узкая, длинная, слегка расширяющаяся в юго-западную сторону. Юго-западная торцевая стенка – прямая, противоположная северо-восточная – закругленная. В камере были обнаружены лежащие на спине скелеты мужчины (50–55 лет) и ребенка 5–6 лет. От скелета мужчины сохранилась верхняя часть со скрещенными на груди руками. Нижняя часть скелета, очевидно, была позднее удалена для захоронения ребенка, у которого отсутствовал череп. На среднем пальце правой руки мужчины найдено кольцо со стеклянной вставкой (рис. 6, 1, 2).

Погребение № 10. Размеры могильной ямы: 153×19–20×10 см. Яма узкая, длинная, с неровными недоработанными стенками, не законченная, глубина около 10 см.

Погребение № 11. Размеры могильной ямы: 178×30 (16)×36 см. Яма узкая, длинная, немного расширяющаяся в средней части, сужающаяся к северо-восточному концу (к ногам), с закругленными торцевыми стенками. Стенки камеры изогнутые, вертикальные. На дне ямы сохранились фрагменты черепа у юго-западной стенки, а также небольшие фрагменты локтевой кости, ребер.

Погребение № 12. Размеры могильной ямы: 182×29–32×35 см. Яма узкая, длинная, подпрямоугольной формы. Продольные боковые и юго-западная торцевая стенки – прямые, противоположная северо-восточная стенка – закругленная. На вертикальных стенках сохранились следы инструментов каменотеса. Судя по положению сохранившихся костей, погребенный (вероятно, женщина, 40–45 лет) был положен вытянуто на спине, со скрещенными на груди руками.

Погребение № 13. Размеры могильной ямы: 148×34 (20) ×26 см. Из-за хрупкости скалы нижняя часть могильной ямы сохранилась плохо. Яма узкая, подпрямоугольной формы, с закругленными углами. Судя по размеру, предназначалась для ребенка. Сохранились небольшие фрагменты черепа.

Погребение № 14. Размеры могильной ямы: 190×45 (20) ×28 см. Яма узкая, длинная, расширяющаяся в обе стороны в средней части, немного сужающаяся к северо-восточному краю, с закругленными торцевыми стенками. У западного края – мелкие фрагменты костей, в центре – фрагменты костей рук и ребер.

Погребение № 15. Размеры могильной ямы: 112×34 (25) ×27 см. Яма узкая, слегка расширяющаяся в юго-западную сторону, с закругленными торцевыми стенками. У юго-западного края обнаружены отдельные фрагменты черепа ребенка.

Погребение № 16. Размеры могильной ямы: 169×30 (20) ×30 см. Яма узкая, длинная, расширяющаяся в юго-западную сторону, с закругленной юго-западной торцевой стенкой и прямой северо-восточной. Скелет женщины (?), 50–55 лет, лежал вытянуто на спине, руки скрещены на груди.

Погребение № 17. Размеры могильной ямы: 187×31 (20) ×32 см. Яма узкая, длинная, с закругленными торцевыми стенками, расширяющаяся в центре и у юго-западного края, схематически воспроизводя тело человека (рис. 3, 2). Скелет женщины (?) 20–29 лет лежал вытянуто на спине со скрещенными на груди руками.

Погребение № 18. Размеры могильной ямы: 96×20–23×16 см. Камера расширяется в центральной части, торцовые стенки прямые. От детского скелета сохранились череп, кости рук и ног.

Погребение № 19. Размеры могильной ямы: 172×33 (24) ×32 см. Яма узкая, подпрямоугольной формы, с закругленными углами. Стенки вертикальные. Погребенный, вероятно, женщина, 45–55 лет, был положен вытянуто на спине, руки уложены на груди – правая кистью к сердцу, к сердцу, левая – к животу.

Погребение № 20. Размеры могильной ямы: 190×46 (33)×31 см. Яма узкая, длинная подпрямоугольной формы, с закругленными углами. Стенки вертикальные.

Погребение № 21. Размеры могильной ямы: 165×34–38×31 см. Яма узкая, длинная, с закругленными торцевыми стенками. Борты ямы вертикальные. Судя по положению отдельных, лежавших *in situ* костей ребенка 7-9 лет, он был положен вытянуто на спине. В могильной яме, рядом с черепом обнаружена глиняная пуговица (рис. 7, 1, 2).

Находки и датировка

В христианских могилах, датируемых Ранним и Развитым Средневековьем, сопутствующий инвентарь весьма скуден и представляет собой в основном украшения или фурнитуру одежды. Например, в каменных ящиках Лчашена, синхронных рассматриваемым захоронениям Агарака, были найдены только игла и булавка [17, табл. II, рис. 2, 3]. Среди предметов, найденных в скальных могилах Агарака, также представлены только два предмета – бронзовое кольцо и пуговица.

Пуговица была обнаружена в детском погребении № 21 (рис. 7). Она уплощенно-сферическая, диаметром 2,5 см, толщиной 1,6 см, с отверстием (диаметром 0,5 см) посередине, изготовлена из глины с песчаными примесями. Такие предметы, меньшие по размерам по сравнению с пряслицами, также считаются «костяшками» для счета. Подобные образцы известны из цитадели Лчашен [18, рис. 25, 2, б].

Кольцо из погребения № 9 (рис. 6, 2) изготовлено из круглой бронзовой проволоки, к концам прикреплен круглый щиток со вставкой-литиком из синего стекла. Кольцо в хорошем состоянии, имеется лишь небольшое повреждение одного края геммы (напротив изображенного лица человека). На небольшой, овальной формы, плоской гемме (1,25×1,47 см) изображен бегущий влево бородатый мужчина, держащий поднятой перед лицом правой рукой скипетр, левая рука отведена назад. Человек одет в головной убор с круглым верхом и прикрепленными крыльями; на ногах обувь с отростками на задинке. По нашему мнению, фигура на гемме изображает бегущего Гермеса (Меркурия) с жезлом-кадуцеем в руке. Гемма-литик, вероятно, имеет греческое происхождение, возможно, боспорское. Заметим, что мы не нашли аналогов гемме из Агарака среди немалого количества гемм с образом Гермеса, на которых он изображен, как правило, в статичной стоячей позе [18, № 253–256, 309–310, 343–346, 369]. Подобные кольца датируются I–III вв. н.э. [19, №№ 1.61–1.79]. Заметим, что Агарак расположен на одном из древних торговых путей, проходившим через историческую провинцию (гавар) Арагацотн и ведущим к Черноморскому побережью, и, возможно, благодаря этому кольцо и оказалось в Агараке.

Мы не имеем данных для точной датировки скальных могил Агарака. Приведенные в качестве аналогий скальные могилы Мецамора, Мецадзора и Ереванского ботанического сада также не имеют датирующих материалов. Относительным датирующим признаком является христианская погребальная обрядность памятника. Упомянутые выше могилы в раннехристианском культовом пещерном комплексе в Арцахе являются частью скального комплекса (церковь, культовые платформы, могилы и др.). Из культурного слоя вокруг могил происходит керамика I–III вв. Исследователи, изучив обнаруженные в этом комплексе древние изображения крестов, греческие и армянские надписи, пришли к выводу, что этот раннехристианский комплекс функционировал как до, так и после изобретения армянской письменности. А обнаруженная в комплексе древнеармянская надпись повторяет дукт древнеармянской надписи V в., выявленной в Иерусалиме [13, с. 171–173].

Все могилы Агарака имеют характерную для христианской традиции ориентацию в западный, точнее юго-западный сектор, вытянутое на спине труположение со скрещенными на груди или вытянутыми вдоль туловища руками. В большинстве своем, как отмечалось выше, они безынвентарны, что также характерно для христианских захоронений. Найденное кольцо, относимое к первым векам н.э. и имеющее следы длительного ношения, могло быть в пользовании и позднее – в IV–V вв. н.э.

На относительную датировку могил указывает и тот факт, что позднеантичная виноградодавильня рядом с погр. № 6 была повреждена при подготовке могильной ямы. Это указывает на то, что могилы хронологически являются более поздними, и можно предположить, что в определенный период времени северная часть скальной площадки была заброшена и ее территория стала использоваться как раннехристианское кладбище. Таким образом, на основании вышеизложенных косвенных фактов мы склонны датировать скальные захоронения Агарака Ранним Средневековьем, уже IV–V веками.

Анализ антропологических материалов

Анализу подверглись более удовлетворительно сохранившиеся костные останки из погребений №№ 9, 12, 16, 17, 19, 21.

Погребение № 9. Взрослый (индивидуум № 1) и ребенок (индивидуум № 2).

Индивидуум № 1. Останки индивидуума принадлежат мужчине 50-55 лет. Сохранность костей плохая. Обнаружены фрагменты костей черепа, ключицы, правой лопатки, ребер, лобковых, плечевых, локтевых, лучевых, пястных, фаланг и тел позвонков.

Краниоскопия. Из генетических аномалий (дискретно-варьирующих признаков) на черепе фиксируются: *os zygomaticum bipartitum, foramina zygomatico facialis, processus frontalis ossis zygomatici* (отросток), *os wormii suturae squamosum, foramina parietalia, os apices lambda, sutura mendoza, foramina mastoidea* (на шве, вне шва).

Остеология. Наибольшая длина правой плечевой кости попадает в градацию средних размеров. Поперечный диаметр головки плечевой кости попадает в градацию больших размеров при среднем вертикальном. Указатель прочности соответствует категории очень больших величин. Развитие мышечного рельефа на костях скелета. На внутренней (место прикрепления внутренней крыловидной мышцы *m. Pterygoideus medialis*) поверхности угла правой стороны нижней челюсти и наружной (место прикрепления жевательной мышцы *m. masseter*) бугристость выражена отчетливо. У индивида фиксируются затылочные структуры (затылочный валик (TOT), позади сосцевидный отросток (PR), надсосцевидные бугорки (TST)). Развитие TOT у индивида оценивается баллом 1, PR – баллом 2, TST – баллом 2. Образование затылочных структур связано с реакцией организма человека на физическую нагрузку, хроническую (многократную) микротравму [16, с. 110]. Мышечная реакция на ключицах сильная. Сохранились только плечевая кость и фрагменты конечностей. Наблюдается сильное развитие гребней малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной шероховатости.

Патология. Выявлена прижизненная травма левого 7 ребра. Наблюдается нарушение анатомической целостности костной ткани в результате удара в области грудной клетки. Фиксируется частичное заживление трещины. На позвонках грудного отдела отмечены межпозвоночные грыжи или узлы Шморля. Поротический гиперостоз наблюдается у правого ушного канала.

Индивидуум № 2. Останки принадлежат ребенку 5-6 лет. Сохранность костей плохая. Обнаружены фрагменты костей лопатки (левой), подвздошных, плечевых, локтевых, лучевых, бедренных и тел позвонков.

Патология. У ребенка пористость и пороз костей наблюдается на костях посткраниального скелета (в области верхнего эпифиза бедренных костей). Дифференциальная диагностика данной палеопатологии может включать инфекционное заболевание или витаминную недостаточность. Наблюдается изъеденность и разрушение (*wedge-shape vertebra*) тел грудных и поясничных позвонков. Изъеденность и разрушение позвонков перекликаются симптомами туберкулеза.

Погребение № 12. Останки индивидуума принадлежат, вероятно, женщине 40-45 лет. Сохранность костей плохая. Обнаружены фрагменты костей ключицы, лопатки, ребер, грудины, лобковых, плечевых, локтевых, лучевых, бедренных, берцовых, пястных, фаланг и позвонков. На длинных костях фиксируются следы зубов животных.

Одонтология. Форма лингвальной поверхности медиального резцов – лопатообразная.

Остеология. Наибольшая длина правой плечевой кости попадает в градацию средних размеров. Указатель прочности соответствует категории очень больших величин. Физиологическая длина левой лучевой кости средней длины. Верхняя часть диафиза левой локтевой кости характеризуется гиперэролением. Длина бедренной кости попадает в градацию средних размеров, сечение характеризуется гиперплатимерией (правая) и платимерией (левая). Большеберцовые кости характеризуются средними значениями продольных размеров. По указателю платикнемии для левой стороны свойственна эурикнемия. Длина тела индивида (167,8 см) попадает в рубрикации «средняя».

Развитие мышечного рельефа на костях скелета: перегруженность мускулатуры пояса верхних конечностей – средняя. На плечевых костях наблюдается очень хорошее развитие малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости. Также отмечается мышечная гиперфункция

на ключицах и фрагментах лопатки. На левой лучевой кости развиты лучевые шероховатости, что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, т.е. участвующей в процессе поднимания тяжести. Локтевой кости присуще достаточно хорошее развитие гребня квадратного пронатора. На тазовых костях обнаружены следы значительных функциональных нагрузок на связки лонного сочленения. На местах прикрепления верхней и дугообразной связок лобка сформировались признаки энтезопатии. На симфизальной поверхности правой лобковой кости выражены участки лизиса костной ткани в виде округлых отверстий диаметром 1-2 мм. Хорошо развита ягодичная бугристость и шероховатая линия бедренных костей. Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (третьей головки трехглавой мышцы голени), развит слабо.

Патология. Наблюдается проникающая травма левого 9-го ребра острым орудием. Место внедрения обломанного острия по обоим краям повреждения фиксируются трещины, которые развивались поперечно краю повреждения. Смерть индивида наступила практически сразу же после нанесения травмы. У индивида отмечены дегенеративно-дистрофические поражения позвоночного столба, которые вкупе со степенью развитости мышечного рельефа дают возможность сделать предположение, что индивид систематически подвергался физическим нагрузкам. *Эмалевая гипоплазия обнаружена на клыках, премолярах, молярах нижней челюсти.* Выявлены зубной камень на медиальном резце и слабая форма гипоплазии эмали.

Погребение № 16. Останки индивидуума принадлежат, вероятно, женщине 50-55 лет. Сохранность костей плохая. Обнаружены фрагменты костей черепа, лопатки, ребер, крестца, подвздошных, лобковых, плечевых, локтевых, лучевых, бедренных, берцовых, пяточных, пястных, фаланг и тел позвонков.

Краниоскопия. Из генетических аномалий (дискретно-варьирующих признаков) на черепе фиксируются только *sutura incisive* и слабая форма небного валика (*torus palatinus*: балл 1).

Остеология. Строение верхней части диафиза правой локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы (эуроления). Развитие мышечного рельефа на костях скелета: фиксируются на черепе затылочные валики (ТОТ), развитие признака оценивается баллом 1 (т.е. слабое). На проксимальной фаланге обнаружены следы функциональных нагрузок, развитие признака среднее.

Патология. Альвеолярный абсцесс присутствует. Заболевание отмечено в области левого верхнего второго премоляра. Заболевания такой этимологии образуются вокруг верхушки корня зубов в результате воспаления или попадания инфекции в его пульпу. Возникновение воспалительных процессов вокруг верхушки корня обычно провоцируют такие патологии, как кариес, травма, сильная стертость зубной поверхности или болезни периодонта. Наблюдается прижизненная утрата левого первого верхнего премоляра. Остальные зубы были утеряны. У индивида отмечены дегенеративно-дистрофические поражения позвоночного столба (остеофиты, узлы Шморля).

Погребение № 17. Останки индивидуума принадлежат, вероятно, женщине 20-29 лет. Сохранность костей плохая. Обнаружены фрагменты костей черепа, ключицы, лопатки (правой), ребер, крестца, подвздошных, лобковых, плечевых, локтевых, лучевых, бедренных, берцовых, пяточных, пястных, фаланг и позвонков.

Краниоскопия. Из генетических аномалий (дискретно-варьирующих признаков) на черепе фиксируются: *os wormii suturae squamosum, foramina mastoidea* (на шве, вне шва), *sutura mendosa*.

Остеология. Левая плечевая кость малой длины, наименьшая окружность диафиза характеризуется как малая. Указатель прочности средний. Строение верхней части диафиза правой локтевой кости характеризуется эуролений, левой – платолений. Длина правой бедренной кости относится к категории малых величин. Указатель поперечного сечения верхней части диафиза характеризуется платимерией. Большеберцовые кости малой длины, по указателю сечений диафиза характерна эурикнемия, наблюдаются также дополнительные суставные площадки на нижней суставной поверхности. Длина тела индивида (152,2 см) попадает в рубрикацию «малая».

Развитие мышечного рельефа на костях скелета. Фиксируются на черепе затылочные валики (ТОТ), развитие признака оценивается баллом 1 (слабое). На ключицах мышечная реакция сильная. На левой плечевой кости наблюдается ниже среднее развитие малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости. На локтевых костях наблюдается достаточно хорошее развитие дистального латерального гребня, к которому прикрепляется квадратный пронатор. На фрагменте правой локтевой кости в дистальном отделе диафиза выявлено разрастание гребня квадратного пронатора. Эта мышца

вращает предплечье внутрь. Значительно выступает над уровнем тела правой бедренной кости *linea aspera*. Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы, развит средне.

Патология: у женщины фиксируются поротический гиперостоз орбит (*cribra orbitalia*) и правого ушного канала. У индивида фиксируется частичное разрушение правого сосцевидного отростка. Разрушение сосцевидного отростка, возможно, связано с воспалением среднего уха (среднего отита). Признаки ушного экзостоза у женщины с правой стороны. Степень развития ушного канала достигает четвертой стадии, заполняя пространство слухового прохода более чем на 75%.

Погребение № 19. Останки индивидуума принадлежат, вероятно, женщине 45–55 лет. Сохранность костей плохая. Обнаружены фрагменты костей черепа, ключицы, лопатки (левой), ребер, крестца, подвздошных, лобковых, плечевых, локтевых, лучевых, бедренных, берцовых, пяточных, пястных, фаланг и позвонков.

Краниоскопия. Из генетических аномалий (дискретно-варьирующих признаков) на черепе *foramina zygomatico facialis*, *processus frontalis ossis zygomatici* (прямой), *os wormii suturae squamosum*, *foramina parietalia*, *os wormii suturae lambdoidea*.

Остеология. Сохранились некоторые кости конечностей. Наименьшая окружность диафиза плечевой кости попадает в категорию малых значений. По абсолютным размерам лучевые и правая локтевая кости характеризуются средними значениями. Верхняя часть диафиза локтевой кости характеризуется зуролением. Длина тела, рассчитанная по наибольшей длине лучевой и локтевой костей, равна 157,5 см.

Развитие мышечного рельефа на костях скелета. Затылочные валики (ТОТ) – среднеразвитые. Перегруженность мускулатуры пояса верхних конечностей была выше средней. Наблюдается хорошее развитие гребней малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной шероховатости. На локтевых костях значительно развита локтевая бугристость, а также гребни пронатора. Помимо сильного развития межкостного гребня, в дистальном отделе диафиза выявлено разрастание гребня квадратного пронатора. Эта мышца вращает предплечье внутрь. Возможно, гипертрофия места ее крепления говорит о значительном усилии при выполнении такой функции. Также отмечается мышечная гиперфункция на ключицах и фалангах.

На фрагментах тазовых костей обнаружены следы значительных функциональных нагрузок на связки лонного сочленения. На фрагменте симфизальной поверхности правой лобковой кости выражены участки лизиса костной ткани в виде округлых отверстий диаметром 1–2 мм. Вероятность развития симфизита наблюдается у индивидов, имеющих патологию костей и суставов, а также при беременности или после родов. У головки бедренных костей наблюдается костный наплыв. Перегруженность мускулатуры пояса нижних конечностей была средней. На фрагментах бедренных костей хорошо развита межвертельная линия, которая фактически имеет вид гребня, значительно выступая над уровнем тела кости, *linea aspera* и ягодичная шероховатость. Небольшие экзостозы зафиксированы на пяточных костях. Реконструкция физической активности позволило зафиксировать на исследуемом скелете признаки, связанные с верховой ездой.

Патология. У женщины фиксируется поротический гиперостоз у правого ушного канала. Признаки ушного экзостоза у женщины с правой стороны. Степень развития экзостоза ушного канала достигает третьей стадии (50%). У индивида отмечены дегенеративно-дистрофические поражения позвоночного столба (остеофиты).

Погребение № 21. Останки принадлежат ребенку 7–9 лет. Сохранность костей плохая. Обнаружены фрагменты костей черепа, ключицы (правой), лопатки (правой), крестца, копчика, седалищных, подвздошных, лобковых, плечевых, локтевых, лучевых, бедренных, берцовых, пястных, фаланг и тел позвонков.

Краниоскопия. Из генетических аномалий (дискретно-варьирующих признаков) на черепе фиксируются: *foramina zygomatico facialis*, *processus frontalis ossis zygomatici* (прямой), *os wormii suturae squamosum*, *foramina parietalia*, *os wormii suturae lambdoidea*.

Одонтология. Вестибуло-лингвальные (VLcor) диаметры коронок первых моляров попадают в категорию малых значений. Мезио-дистальные (MDcor) диаметры коронок первых моляров попадают в категорию средних значений. Форма лингвальной поверхности верхних резцов – лопатообразная. Гипоконус первых моляров слабо редуцирован (балл 4), также, как и метаконус (балл 2). На первых

молярях фиксируются форма 3 первой борозды эконуса (1eo, M 1). Нижние первые моляры 5-бугорковые, узор коронки «У». На первом нижнем моляре обнаружены коленчатая складка метаконида (dw) и дистальный гребень тригонида (dte).

Патология. У ребенка фиксируются внутричерепное давление, *cribra orbitalia* и поротический гиперостоз. Из патологических изменений зубной системы регистрируется слабо выраженная линейная гипоплазия эмали на резцах (судя по локализации дефекта, вероятный возраст образования гипоплазии 3–4,5 года и отложения зубного камня, слабо выраженные на резцах. У ребенка пористость и пороз костей наблюдается на костях посткраниального скелета. Морфологическая картина характерна для локальных оссифицированных геморрагий.

Небольшая группа, ставшая основой данного исследования, включает, в общей сложности, неполные скелетные останки 7 индивидов – 1 мужчины, 4 женщин и 2 ребенка. Распределение некоторых дискретно-варьирующихся признаков на черепе позволяет допустить наличие некоторых родственных связей между индивидами. У 4 индивидов фиксируются *os wormii suturae squamosum*, у 3 – *foramina zygomatico facialis* (вне шва), у 2 – *processus frontalis ossis zygomatici* (прямой), *foramina parietalia*, *os wormii suturae lambdoidea*, *sutura mendoza*, *foramina mastoidea* (на шве, вне шва). По одному разу отмечены: *processus frontalis ossis zygomatici* (отросток), *foramina parietalia*, *torus palatinus*, *sutura incisive*, *os zygomaticum bipartitum*, *os apices lambda*.

Одонтологический комплекс относится к южному грацильному типу. Из восточных признаков фиксируются лопатообразная форма лингвальной поверхности верхних резцов, коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре, дистальный гребень тригонида на первом нижнем моляре. Степень развития мышечного рельефа указывает на значительные физические нагрузки в процессе трудовой деятельности.

В ходе биоархеологического анализа 7 скелетов было выявлено у 2-х индивидов травмы посткраниального скелета. На 4 черепах фиксируется поротический гиперостоз наружного слухового прохода, у 2-х – *cribra orbitalia*. Следы локальных кровоизлияний (оссифицированных геморрагий) обнаружены на поверхности посткраниального скелета у двух детей и могут указывать на недостаток в пище витамина С (т.е. на детскую цингу). У одного ребенка выявлены туберкулезные очаги на скелете, у другого – внутричерепное давление. У 3-х индивидов отмечены дегенеративно-дистрофические поражения позвоночного столба. Признаки ушного экзостоза отмечены у 3-х индивидов. Слабо выраженной форме эмалевая гипоплазия была зафиксирована у 2-х индивидов. Возникновение данного признака связано из-за стресса, происходящего в организме ребенка при переходе от грудного вскармливания к постоянной пище. Также фиксируются зубной камень, прижизненная утрата зубов, альвеолярный абсцесс.

В целом, результаты изучения палеоантропологического материала из Агарака, дают первое представление об антропологических особенностях и состоянии здоровья раннесредневекового населения Армении и открывают путь для последующих исследований и сопоставлений в данном направлении.

Выводы

Скальные могилы, исследованные в северной части скальной платформы Агарака и представленные двумя типами, не имели широкого распространения в Армении (Мецамор, Мецадзор, Ереванский ботанический сад, Арцах). Как представляется, высеченные в скалах могилы представляют собой в похоронных традициях и религиозных устоях разновидность каменных саркофагов: они имели сходную погребально-религиозную смысловую нагрузку и в обоих случаях представляли собой скальную камеру, идея которой, возможно, восходит к древним языческим верованиям, связанным со скалами. Мы склонны считать, что открытый могильник, небольшой по размерам и по количеству представленных в нём скальных захоронений, представляет собой родовой некрополь. Недалеко от некрополя, в 170 м, в 2013 г. был раскопан один из немногих светских жилых комплексов (площадью 428 кв. м) раннесредневековой Армении, датируемый IV–VI вв. [20, с. 454–484]. Помимо комплекса в Агараке находится уникальная по своему пространственно-объемному решению и вписанная в систему оборонительных сооружений церковь Св. Аствацацин (Богородицы), датируемая концом IV–V вв. [21, с. 67–74].



1



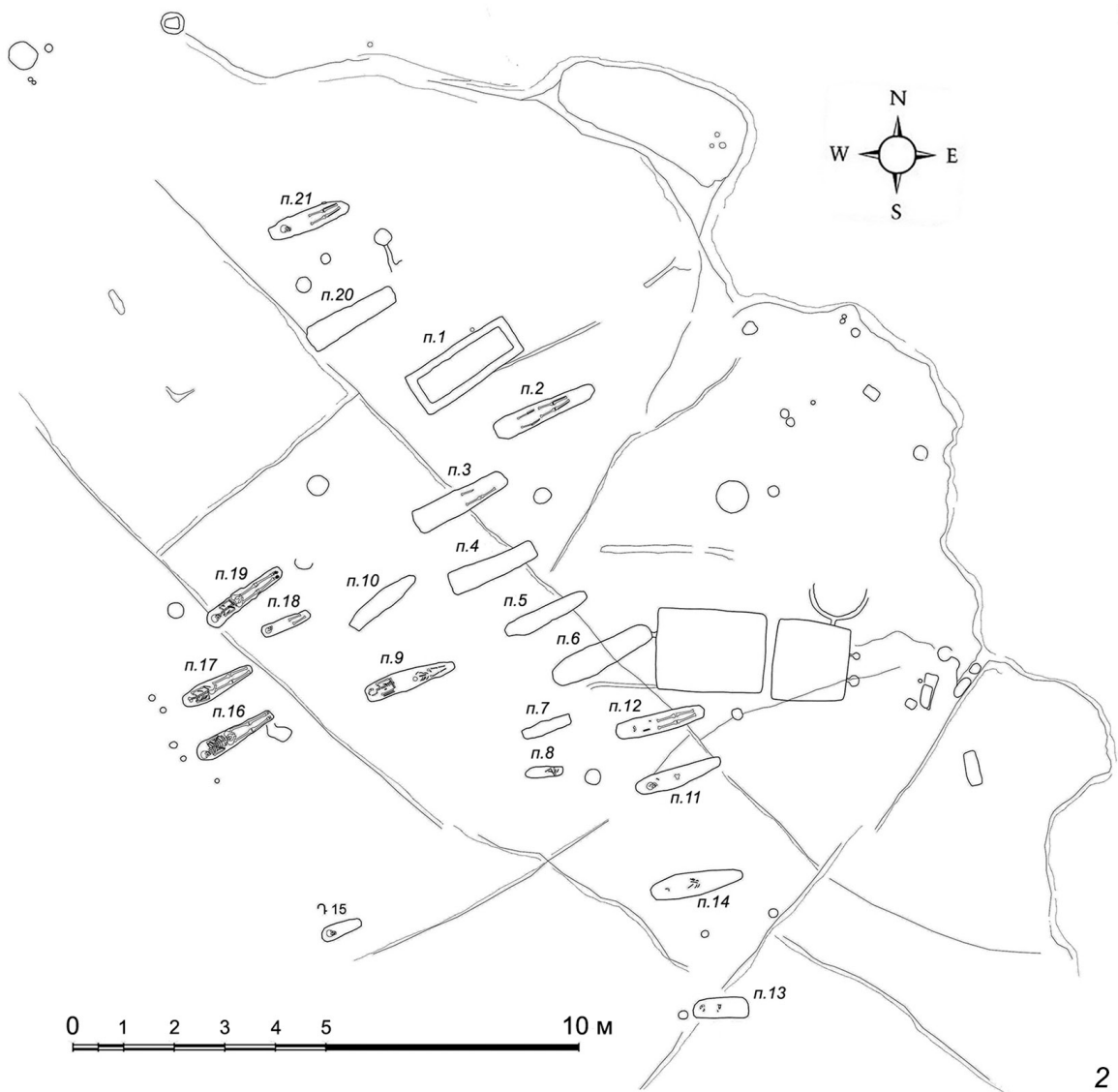
2

Рис.1. Местоположение средневековых скальных могил Армении (по Google Earth) (1) и аэрофото археологического памятника Агарак, общий вид (2) (фото Л. Мкртчяна)

Fig. 1. Location of medieval rock-cut burials of Armenia (Google Earth map) (1) and aerial photo of Agarak site, general view (2) (photo by L. Mkrтчyan)



1



2

Рис. 2. Раннесредневековые скальные могилы Агарака. Аэрофото (1) (фото Л. Мкртчяна) и план (2) (обмер О. Санамяна и Л. Тер-Минасяна)
 Fig. 2. Early Medieval rock-cut burials of Agarak. Aerial photo (1) (photo by L. Mkrtchyan) and plan (2) (measuring by H. Sanamyan and L. Ter-Minasyan)

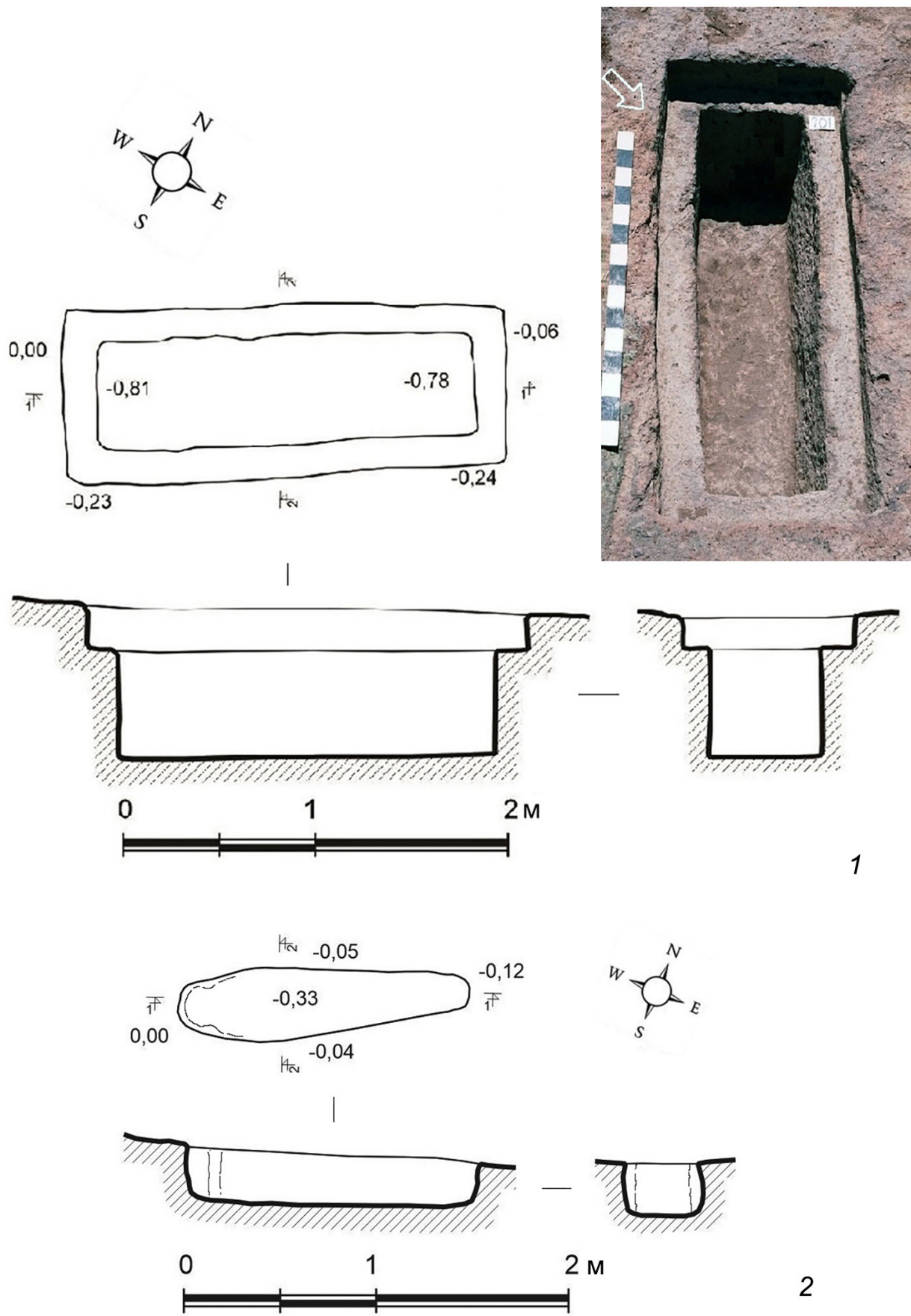


Рис. 3. Агарак. Типы скальных могил: тип I, погребение № 1 (фото Д. Аракеяна, обмер Л. Тер-Минасяна); тип II, погребение № 17 (обмер Л. Тер-Минасяна)

Fig. 3. Agarak. The types of rock burials: type I, burial 1 (photo by D. Arakelyan, measuring by L. Ter-Minasyan); type II, burial 17 (measuring by L. Ter-Minasyan)

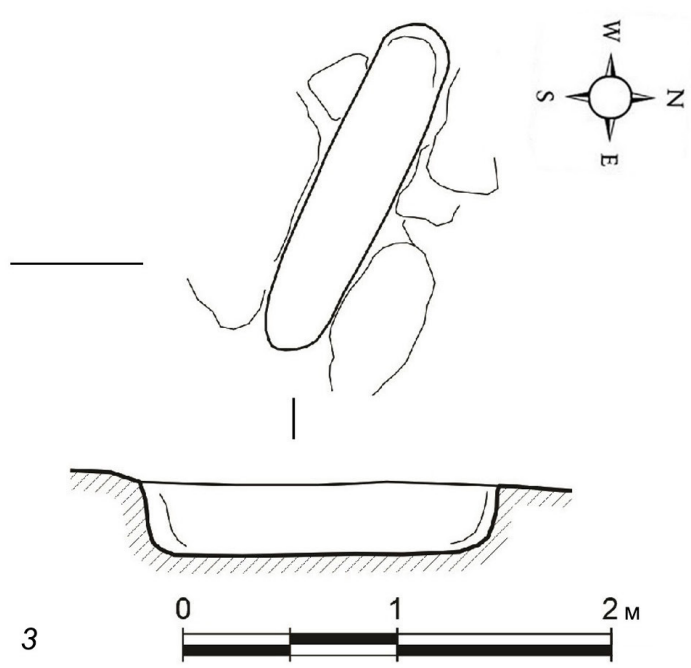
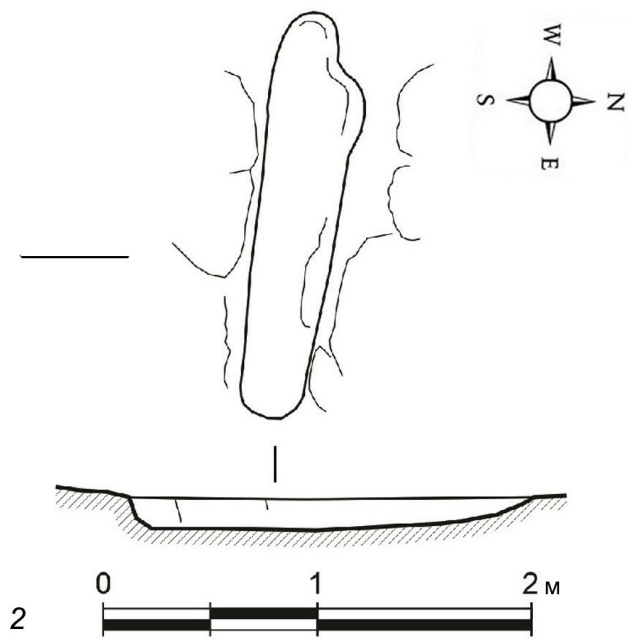
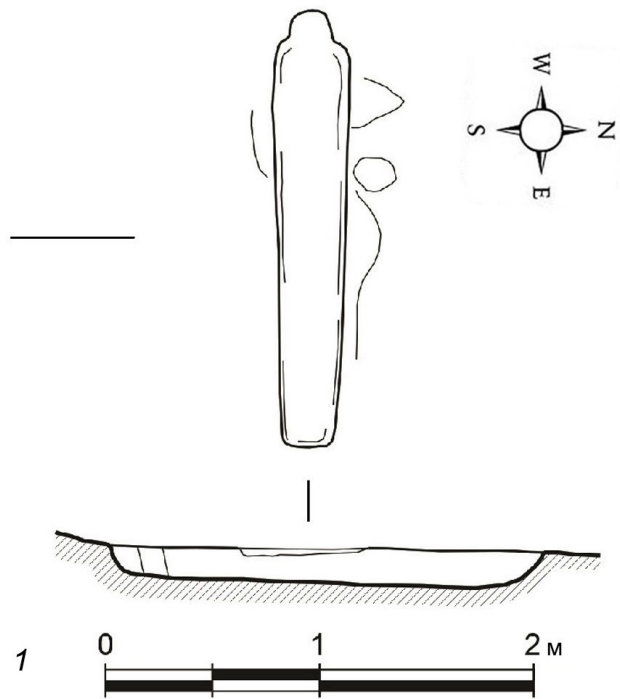


Рис. 4. Скальные могилы Мецамора (фото Т. Алексяня, обмер Л.Тер-Минасяна)

Fig. 4. Rock burials of Metsamor (photo by T. Aleksanyan, measuring by L. Ter-Minasyan)

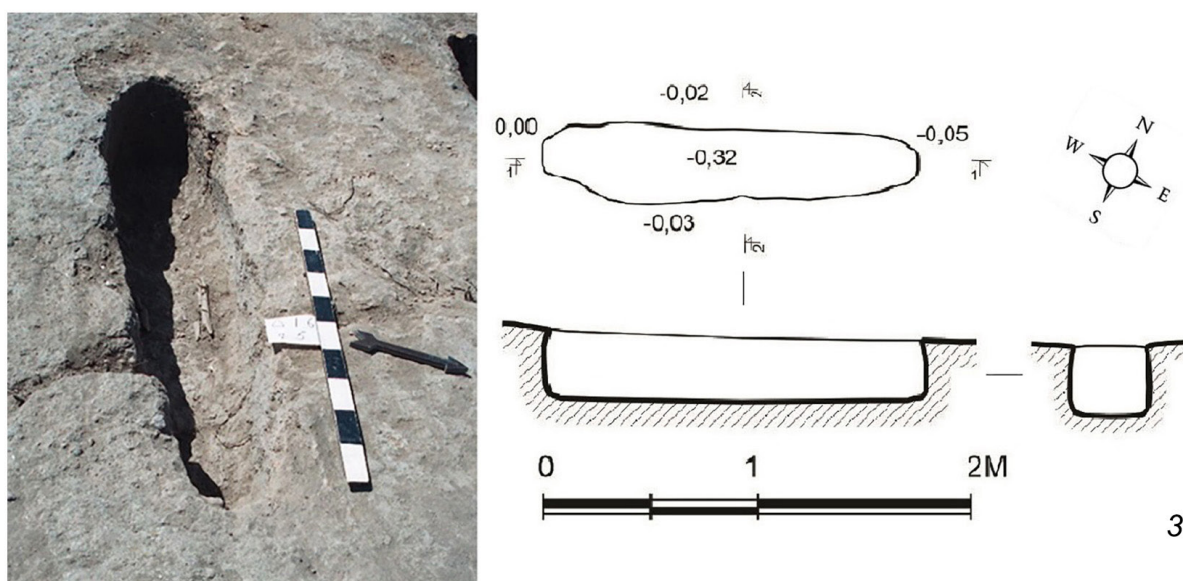
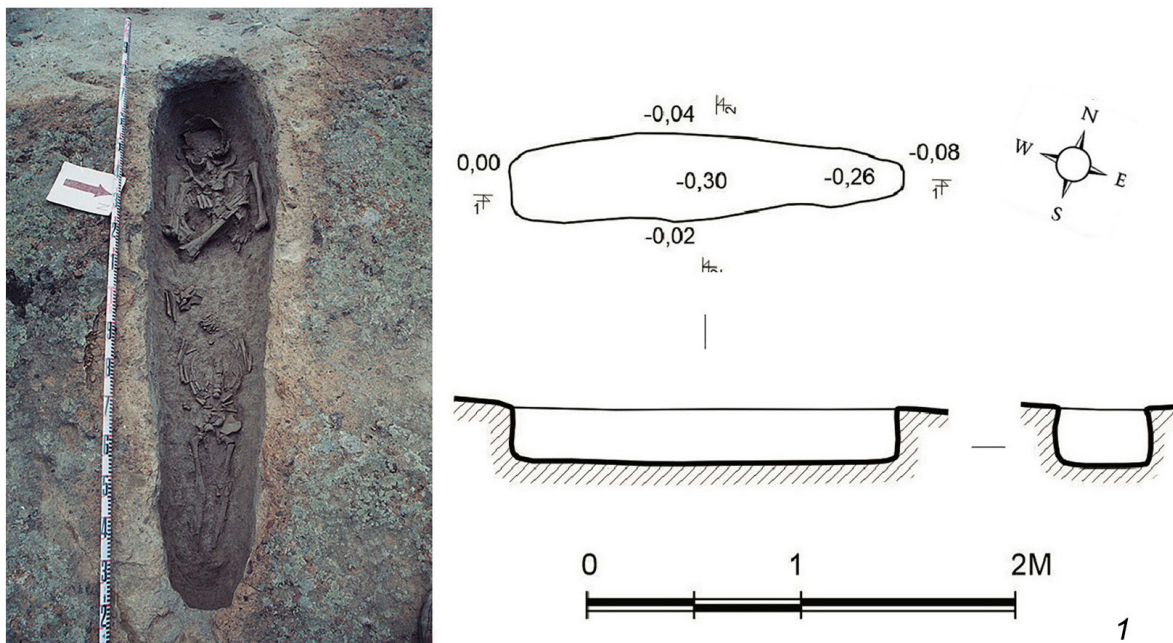


Рис. 5. Агарак: 1 – погребение № 9 (1) (фото Д. Аракеяна, обмер Л. Тер-Минасяна); 2 – бронзовое кольцо погребения № 9 (фото В. Акобяна); 3 – погребение № 5 (фото Д. Аракеяна, обмер Л. Тер-Минасяна)

Fig. 6. Agarak: 1 – burial 9 (photo by D. Arakelyan, measuring by L. Ter-Minasyan); 2 – bronze ring from the burial 9 (photo by V. Hakobyan); 3 – burial 5 (photo by D. Arakelyan, measuring by L. Ter-Minasyan)



Рис. 6. Агарак. 1 – погребение № 19; 2 – погребение № 14 (фото Д. Аракеяна)

Fig. 6. Agarak. 1 – burial 19; 2 – burial 14 (photo by D. Arakelyan)

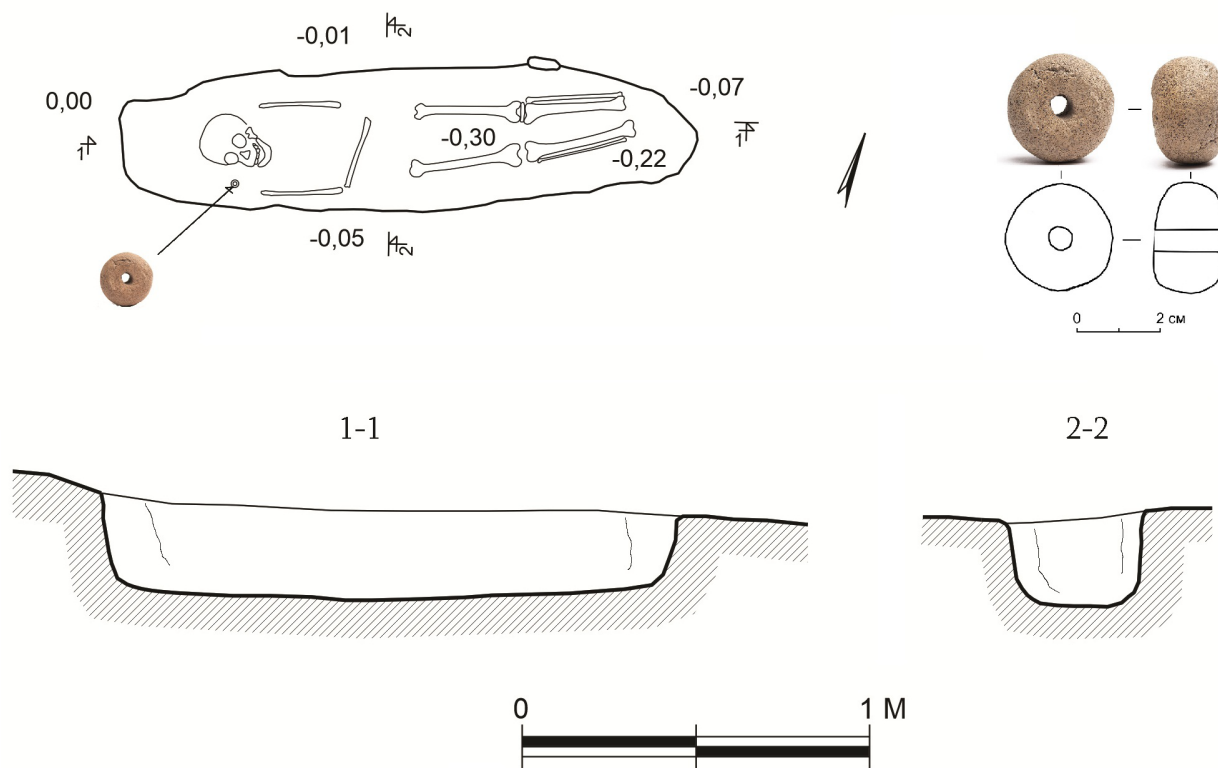


Рис. 7. Агарак. 1 – погребение № 21 (обмер Л. Тер-Минасяна)
2 – Пуговица из погребения № 21 (фото В. Акобяна, рисунок Н. Енгибаряна)

Fig. 7. Agarak. 1 – burial 21 (measuring by L. Ter-Minasyan);
2 – button from burial 21 (photo by V. Hakobyan, drawing by N. Engibaryan)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Аветисян П.С.* Предварительные результаты раскопок памятника Агарак // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Материалы международной конференции. Эчмиадзин, 2003. С. 52–57.
2. *Avetisyan P.S.* Recently Found Archaeological Sites of Armenia (Agarak) // *Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. III.2. Yerevan, 2008. P. 39–50.
3. *Խանզադյան Է.Վ.* Հայաստանի ուշ բրոնզի և վաղ երկաթի դարաշրջաններում, Մեծամոր // Հին Հայաստանի ոսկին (մ.թ.ա. III հազարամյակ – մ.թ. XIV դար), Երևան, «Գիտություն», 2007, էջ 122–128.
4. *Հրտյան Ս.Գ., Գապարյան Բ.Զ., Հարությունյան Հ.Թ., Մարտիրոսյան Ա.Ա., Ամիրխանյան Ա.Վ.* Խաղողի և գինու հայոց մշակույթը, Երևան, ՀԱԻ հրատ., 2021, 437 էջ.
5. *Քալանթարյան Ի.Ա.* Ագարակի նորահայտ ժայռափոր դամբարանը // Հին Հայաստանի մշակույթը, XIII, Նյույթեր հանրապետական գիտական նստաշրջանի, Երևան, 2005, էջ 154–160.
6. *Կարապետյան Ի.Ա., Ենգիբարյան Ն.Գ.* Ագարակի դամբարանային համալիրները (նախնական հաղորդում) // Հայաստանի հնագույն մշակույթը, 2, Երևան, 2002, էջ 58–65.
7. *Апакидзе А.М.* Города древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. 889 с.
8. *Карелидзе Г.Л.* Типы погребений IV–VI вв. Восточной Грузии // Международная научная конференция «Археология, Этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержания докладов. Тбилиси, 2010. С. 166–168.
9. *Асатрян Е.А.* Раскопки Талинского некрополя // Археологические открытия 1985 г. М.: Наука, 1987. С. 559–560.
10. *Ասատրյան Ե.Ա.* Թ-ալիի շրջանի հուշարձանները, Երևան, Հուշարձան, 2004, 83 էջ.
11. *Առաքելյան Բ.Ն.* Հայկական պատկերաքանդակները IV–VII դդ., Երևան, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ. 1949, 181 էջ.
12. *Մինոնյան Հ.Ե., Սանամյան Հ.Ա.* Վանքաարի հուշարձանները // «Հուշարձան» տարեգիրք, № 3, Երևան, 2005, էջ 159–178.
13. *Տամկոչյան Ա.Ս.* Կիրառական արվեստի նմուշներ Անիից (Ըստ Տիգրան Հոնենցի տոհմական դամբարանի նյութերի) // Անի. № 3–4. 1992. էջ 81–85.
14. *Քալանթարյան Ա.Ա., Մարգարյան Գ.Գ.* Սպիտակի վիմափոր բնակավայրը // Գիտություն և Տեխնոլոգիա, № 4. 1980. էջ 21–26:
15. *Худавердян А.Ю.* Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1. 2016. С. 103–114.
16. *Tumanyan G.S.* The Burials Discovered During Excavations of the Trench H₁₂ at Agarak Archaeological Complex // *Aramazd, Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. IX.2. Yerevan, 2015. P. 110–121.
17. *Շերեթյան Կ.Ո., Մանասերյան Ն.Հ., Մկրտչյան Լ.Ա., Սանամյան Հ.Ա., Մինոնյան Հ.Ե.* Լճաշենի քաղաքատեղիի կենտրոնական միջնաբերդի պեղումների հիմնական արդյունքները // Ծովային Հայաստան, Ողորի-Էթիունի երկրի հնագիտական ժառանգությունը, Երևան, ՀԱԻ հրատ., 2022. էջ 185–201.
18. *Spier J.* Ancient Gems and Finger Rings, Catalogue of the Collections, The J. Paul Getty Museum. Malibu: The J. P. Getty Museum, 1992. – 184 p.
19. *Henig M., MacGregor A.* Catalogue of the Engraved Gems and Finger rings in the Ashmolean Museum. II. Roman, Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2004. – 165 p.
20. *Yengibaryan N., Ter-Minasyan L.R.*, The Early Medieval Complex of Agarak, Systemizing the Past // Papers in Near Eastern and Caucasian Archaeology Dedicated to Pavel S. Avetisyan on the Occasion of His 65th Birthday. Ed. by Y. Grekyan, A. Bobokhyan. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2023. P. 454–484.
20. *Տեր-Մինասյան Ա.Ա.* Ագարակի միանավ բազիլիկան // Լրաբեր հասարակական գիտությունների, № 7. 1979. էջ 67–75.

1. *Avetisyan PS.* Preliminary Results of Excavations of the Agarak Sites. *Archaeology, Ethnology and Folklore of the Caucasus. Papers of International Conference*. Edjmiatsin, 2003: 52-57. (In Russ)
2. *Avetisyan PS.* Recently Found Archaeological Sites of Armenia (Agarak). *Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies*, Vol. III.2. Yerevan, 2008: 39-50.
3. *Khazadayan EV.* Gold of Armenia in the Late Bronze and Early Iron Ages, Metsamor. *The Gold of Ancient Armenia (III mill. BCE – 14 cent. AD)*. Yerevan: Gitutyun, 2007: 122-128 (In Arm).
4. *Hobosyan SG., Gasparyan BZ., Harutyunyan HT., Saratikyan AA., Amirkhanyan AV.* *Armenian Culture of Vine and Wine*, Yerevan: IAE, 2021.
5. *Kalantaryan IA.* *The Newly Discovered Rock-cut Mausoleum of Agarak. Culture of Ancient Armenia*, Vol. XIII. Material of the Republican Scientific Session. Yerevan, 2005: 154-160 (In Arm).
6. *Karapetyan IA., Yengibaryan NG.* The Burial Complexes of Agarak (preliminary report). *Ancient Culture of Armenia*, 2. Yerevan, 2002: 58-65. (In Arm)
7. *Апакидзе А.М.* *Cities of ancient Georgia*. Tbilisi: Metsniereba, 1968. (In Russ)
8. *Karelidze GL.* Types of Burials of the IV-VI centuries in Eastern Georgia. *International Scientific Conference "Archaeology, Ethnology, Folklore, History of the Caucasus". Collection of abstracts*. Tbilisi, 2010: 166-168 (In Russ)
9. *Asatryan EA.* Excavations of the Talin Necropolis. *Archaeological Discoveries of 1985*. Moscow, 1987: 559-560. (In Russ).
10. *Asatryan EA.* *Monuments of Talin Region*, Yerevan: Hushardzan, 2004. (In Arm)
11. *Arakelyan B.* *Subject reliefs of Armenia IV-VII centuries*, Yerevan: ASSR Academy of sciences, 1949. (In Arm)
12. *Simonyan HE., Sanamyan HA.* *Monuments of Vankasar. Hushardzan (Monument)*. Annual. № 3. Yerevan, 2005: 159-178.
13. *Zhamkochyan A.S.* *Applied art samples from Ani, according to the materials of Tigran Honents' dynastic tomb*. Ani. 1992; № 3-4: 81-85. (In Arm)
14. *Kalantaryan A.A., Sargsyan G.* Rock Cut settlement of Spitak. *Science and Technology*. 1980; 4: 21-26. (In Arm)
15. *Khudaverdyan AYu.* Bioarchaeological approaches to study on traces of artificial of influence on the skull (on the example of populations Bronze Age and Early Iron Age from the Armenia. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2016; 1: 103-114.
16. *Tumanyan GS.* The Burials Discovered During Excavations of the Trench H₁₂ at Agarak Archaeological Complex. *Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 2015; 9(2): 110-121.
17. *Tseretyan KVo., Manaseryan NH., Mkrtchyan LA., Sanamyan HA, Simonyan HE.* *Main Results of the Central Citadel of the Lchashen Settlement. Armenia Maritima. Archaeological Heritage of the Land Uduri-Etuni*. Yerevan: IAE, 2022: 185-201. (In Arm)
18. *Spier J.* *Ancient Gems and Finger Rings, Catalogue of the Collections, The J. Paul Getty Museum*. Malibu, 1992.
19. *Henig M., MacGregor A.* *Catalogue of the Engraved Gems and Finger rings in the Ashmolean Museum*. II. Roman. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2004.
20. *Yengibaryan NG., Ter-Minasyan LR.* The Early Medieval Complex of Agarak. *Systemizing the Past. Papers in Near Eastern and Caucasian Archaeology Dedicated to Pavel S. Avetisyan on the Occasion of His 65th Birthday*. Ed. by Y. Grekyan, A. Bobokhyan. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2023: 454-484.
21. *Ter-Minasyan A.A.*, The one-nave basilica of Agarak. *Herald of Social Sciences*. 1979; 7: 67-75. (In Arm)

Поступила в редакцию 29.06.2024 г.
Принята в печать 18.08.2024 г.
Опубликована 15.03.2025 г.

Received 29.06.2024
Accepted 18.08.2024
Published 15.03.2025

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211172-183>

Исследовательская статья

Бесолова Елена Бутусовна
д.фило.н., профессор, главный научный сотрудник
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева, Владикавказ, Россия
elenabessolova@mail.ru

ОБ ОБРЯДОВОМ ПРАЗДНИКЕ “УАСТЫРДЖИЙЫ КЪУЫРИ” В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН: К ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА УАСТЫРДЖИ

Аннотация. Статья посвящена обрядовому комплексу календарного праздника Уастырджийы къуыри «неделя Уастырджи», действиям, связанным с успешным окончанием сельскохозяйственных работ и подведением итогов трудового года. Цель статьи: с помощью сравнительно-сопоставительного и описательного методов представить обрядовый комплекс праздника; уточнить персонаж, в честь которого длится неделю обрядовый праздник осетин Уастырджийы бонтæ («дни Уастырджи»). Актуальность изысканий вызвана необходимостью выявить наблюдаемое смешение элементов религий. Этнографический и фольклорный контекст рассматриваемого обрядового комплекса изучается с применением этнолингвистического подхода, дающего возможность совмещать языковой, этнографический и фольклорный материал. Именно этот подход к изучению традиционной культуры позволяет как методологически, так и содержательно реконструировать культурные смыслы и семантические модели обрядового комплекса праздника, исходя из соотношений языка и культуры. Акцентируется внимание на связи языка с магическими действиями – на отличительном свойстве языка разноаспектных по времени и жанру историко-этнографических и фольклорных источников, содержащих информацию о календарной обрядности. Вкупе – обрядовый комплекс, осуществляющий единую функцию воздействия на силы природы, на сверхъестественные силы с целью получения желательных последствий. В нашем случае – магические действия по передаче земле плодovitости всего живого с тем, чтобы обеспечить людям хороший урожай; это дает основание считать староосетинское солнечное божество Уастырджи патроном культа плодородия. Горцы строго придерживались времени и ритуала исполнения обрядового комплекса; было непреложным и сакральным для отдельного человека, и семьи, и всего сообщества. Неразрывная связь слова и действия, их функциональная направленность определяли не только содержание словесных текстов, соответствовавших определенному типу обрядовых действий, но также их структуру и языковые особенности.

Ключевые слова: осетинский язык; этнолингвистический подход; божество Уастырджи; Георгий Победоносец; осенняя обрядность; астральный культ

Для цитирования: Бесолова Е.Б. Об обрядовом празднике “Уастырджийы къуыри” в традиционной культуре осетин: к эволюции образа Уастырджи // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 1. С. 172-183. doi.org/10.32653/CH211172-183

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211172-183>

Research paper

Elena B. Besolova,
Dr. of Philology, Prof., Chief Researcher
North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, Vladikavkaz, Russia
elenabessolova@mail.ru

THE RITUAL HOLIDAY “UASTYRDZHIY K’UYRI” IN OSSETIAN TRADITIONAL CULTURE: AN EXPLORATION OF THE EVOLUTION OF UASTYRDZHI’S IMAGE

Abstract. The article focuses on the ritual complex associated with the calendar festival known as Uastyrdzhiy k’uyri, or “Uastyrdzhi week,” which encompasses activities related to the successful completion of agricultural work and the evaluation of the year’s labor. The objective of this study is to employ comparative-contrastive and descriptive methodologies to delineate the ritual complex of the festival and to elucidate the character in whose honor the Ossetian ritual holiday, Uastyrdzhiy bontæ “Uastyrdzhi days”), extends over a week. The significance of this research stems from the necessity to discern the observed amalgamation of religious elements. The ethnographic and folklore context of the ritual complex is investigated through an ethnolinguistic approach, which facilitates the integration of linguistic, ethnographic, and folklore data. The approach adopted in the study of traditional culture enables the methodological and substantive reconstruction of the cultural meanings and semantic models inherent in the holiday’s ritual complex, premised on the interplay between language and culture. Emphasis is placed on the linkage between language and magical practices — a unique characteristic of the language found in historical, ethnographic, and folklore sources that span different temporal and generic aspects, which include information on calendrical rituals. Collectively, these rituals form a complex that serves the unified function of influencing natural and supernatural forces to achieve desired outcomes. In the present context, these magical practices are employed to imbue the earth with the fertility of all living beings, with the aim of ensuring a bountiful harvest for the people; this rationale supports the consideration of the ancient Ossetian solar deity Uastyrdzhi as the patron of the fertility cult. The highlanders rigorously observed the timing and execution of the ritual complex, which remained unchangeable and sacred to the individual, the family, and the entire community. The indissoluble bond between word and action, along with their functional orientation, not only shaped the content of the verbal texts associated with specific ritual actions but also influenced their structure and linguistic features.

Keywords: Ossetian language; ethnolinguistic approach; Uastyrdzhi deity; Saint George; rituals of the fall; astral cult

For citation: E.B. Besolova. The Ritual Holiday “Uastyrdzhiy k’uyri” in Ossetian Traditional Culture: an Exploration of the Evolution of Uastyrdzhi’s Image. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 172-183. doi.org/10.32653/CH211172-183

Введение

Праздники как наиболее консервативная часть традиционной культуры основаны генетически на древнейших формах миропонимания и содержат элементы и явления, которым свойственна мистическая, сверхъестественная сила. Народная память нерушимо хранит традиции ритуалов и нормы поведения в праздничной культуре, являющейся одной из стойких форм национальной идентичности. Способствуют этому строгая регламентация отправления ритуала, определённые правила и требования, не допускающие нарушений распорядка в их выполнении.

В статье рассматривается осенний календарный праздник, приуроченный к окончанию сельскохозяйственных работ и подведению итогов трудового года. С помощью описательного и сравнительно-сопоставительного методов исследования мы попытались представить обрядовый комплекс календарного праздника Уастырджийы кьуыри («неделя Уастырджи») с целью уточнить персонаж, в честь которого длится неделю обрядовый праздник осетин Уастырджийы бонтæ («дни Уастырджи»), с тем, чтобы показать идейную направленность ритуала, цель и глубинный смысл обряда.

Известно, что обрядовая праздничная культура каждого народа обусловлена циклом сельскохозяйственных работ, что связано с желанием обеспечить семью получением хорошего урожая зерновых и других полевых культур, подготовиться с надеждой и новыми силами к следующему трудовому году, и пр.

Астрономический год состоит из календарных обрядов и обычаев, образующих зимний, весенний, летне-осенние циклы. Календарь (майрадуаг. – термин Б.К. Алдатова) осетин как «важнейшее средство его этнонациональной идентичности» сохранил аграрные праздники, в которых основное место отводится традиции, хотя магические дохристианские верования уже почти забыты, а религиозные элементы также постепенно сходят на нет. Проиллюстрируем.

Ежегодно в ноябре (Джеоргуыбайы/ Джиоргуыбайы майы) осетины отмечают обрядовый праздник Уастырджийы кьуыри – «неделю Уастырджи». В народе ещё можно услышать: Джеоргуыбайы / Джиоргуыбайы бонтæ ирон./диг. Геуæргобайы бонтæ, т.е. «Дни святого Георгия».

Цитата из «Осетинской этнографической энциклопедии»: «Джеуæргуыбайы / Джиоргуыбайы) май ирон. / дигор. Гергобайы майæ – название ноября у осетин; в прошлом ему соответствовало время со второй половины октября по первую половину ноября. Названо в честь популярнейшего одноименного праздника осетин» [1, с. 185].

Разнобой и в написании, и во времени его проведения, причем не только в словарях осетинского языка, но и в источниках. Наблюдается также различное понимание персонажа праздника: христианский святой Георгий или златокрылый и всемогущий по мнению В.И. Абаева; Уастырджи ирон. / диг. Уасгерги из эпохи монотеистической глубины.

Актуальность изысканий вызвана необходимостью выявить и пояснить наблюдаемое смешение элементов религий.

Постановка проблемы

Первым обратил внимание на явное несоответствие персонажей Б.Х. Биджелов. Появление «общего божества мужчин – Уастырджи, – по мнению ученого, – можно мотивировать активизацией роли мужчины в основных аспектах хозяйственной деятельности, а также усиливающейся религиозной интеграцией; ещё и тем, что с течением времени «мелкие божества и отдельные патроны-покровители» перестают быть самостоятельными мифологическими персонажами, а их функции передаются этому мощному покровителю мужчин, чья основная ипостась отныне: оберегать мужчину в пути и способствовать удаче во всяком задуманном им мероприятии [2, с. 94].

В.Д. Дзидзоев приводит причины отождествления могущественного любимца народа Уастырджи со святым Георгием – реальным историческим лицом, знатным римским воином, обезглавленном в 303 г н.э. за проповедь христианской религии, а впоследствии ставшим «наиболее чтимым святым под именем святой Георгий» [3, с. 203]. По его мнению, «укоренившийся в сознании многих осетин миф о том, что Уасгерги/Уастырджи и святой Георгий – это два имени одного и того же исторического или историко-мифологического персонажа, продолжает жить и «успешно конкурировать» с реальными историческими фактами» благодаря «знатокам» истории и традиций осетин [3, с. 205].

Оба автора замечают, что как в дигорском диалекте осетинского языка Уасгерги «лæгты изæд» – «покровитель мужчин, путников, воинов», так и в иронском – Уастырджы «лæгты дзуар» – «святой», «божество», «покровитель мужчин, путников и воинов». При этом, акцентируя внимание на неразличимости христианского и языческого персонажей, на совмещении их функций, они не объясняют причины произошедшего; не обозначают, чем вызвано недельное время празднования сакральной даты, ставшей в постсоветской Осетии общенародным консолидирующим торжеством.

Ответ на поставленные вопросы и составляет предмет настоящей статьи.

Методы исследования

Этнографический и фольклорный контекст рассматриваемого обрядового комплекса изучается с применением этнолингвистического подхода, дающего возможность совмещать языковой, этнографический и фольклорный материал. Именно этот подход к изучению традиционной культуры позволяет как методологически, так и содержательно реконструировать культурные смыслы и семантические модели обрядового комплекса праздника Уастырджийы къуыри ('неделя Уастырджы'), исходя из соотношений языка и культуры.

Обсуждение результатов

Итак, вопрос первый: идентичны ли наименования осеннего обрядового праздника у осетин и грузин, справляющих в течение одного дня Гиоргоба 'праздник святого Георгия', и от которых, считается, перешёл он к осетинам? Путаница наблюдается уже в самих источниках и словарях осетинского языка.

Название обрядового праздника, по мнению В.И. Абаева, идет из грузинского Гиоргоба 'праздник святого Георгия', ибо гиоргобис тве есть 'месяц ноябрь' [4, I, с. 519].

По Н.Я. Габараеву, день Святого Георгия: «23 октябрæй 10 ноябры 'хсан зæронд нымадæй – Уастырджийы бонтæ, или Джиуæргуыба(тæ)» [5, с.281]. – Между датами 23 октября и 10 ноября, по старому стилю, – дни Уастырджы, или Джиуоргуыба (перевод наш. – прим. авт.).

В «Осетинско-русском словаре» читаем: «Джеоргуба (Джиуæргуыба) 'народный праздник в честь Уастырджы'; Джиуæргуыбайы мæй 'месяц ноябрь, носящий имя святого'; Джиуæргуыбайы бæрæгбон 'праздник Джеоргуба» [6, II, с. 481].

В «Дигорско-русском словаре» Ф.М. Таказова: «Геуæргоба 'праздник св. Георгия' (справляется в ноябре), геуæргибон 'вторник'; Геуæргобай мæйæ 'ноябрь месяц'; геуæргобатæ этн. 'девичьи посиделки в новолуние в октябре' (занимаются гаданием, всю ночь поют песни, веселятся)» [7, с. 218].

Нет единообразия и в написании названия обрядового праздника, и в дате его проведения.

Известно, что обычаям и обрядам свойствен синкретизм, не лишена этого и народная календарная обрядность, в которой почти невозможно разграничение традиционных обычаев и обрядов по сезонам, циклам – весенним, летним, осенним и зимним. Причина в том, что они определяются самим типом обряда или обрядового праздника. Естественно, грань между циклами народной обрядности зависела не столько от ещё нерационального мышления горца, его экономического и культурного уровня, сколько от стихийных сил природы, климатических условий и ряда других факторов. Именно они толкали к обращению к Всевышнему с молитвословиями, заставляли прибегать к магии и религиозно-магическим средствам.

Составляющие культа Уастырджы – мифологический образ, функции, ритуальная символика и атрибутика – дают возможность заявить, что бесспорных прямых свидетельств в пользу того, что культ покровителя мужчин и воинов Уастырджы – есть изначально культ святого Георгия, занесенный ранним христианством, нет. Как нельзя также считать, что культ главного божества осетинского пантеона сформировался на основе культа христианского святого Георгия [2, с. 95].

Рассмотрим осеннюю обрядность осетин, обычаи и ритуалы которой достаточно разнообразны по функциям.

По Б.А. Калоеву, горцы-осетины отличались богатым и сложным циклом аграрных культов и обрядов, и это вполне понятно. С одной стороны, бессилие, вызванное болезнями, голодом и стихийными

бедствиями, а также «особенности их природной среды и быта в горах», приводящие к обожествлению природных явлений [8, с. 179]. С другой, бесхитростная вера в силу магии в форме строго закреплённых коллективных ритуальных действий – из сохранных ими дохристианских верований; к примеру, почитание природных стихий и связанных с ними явлений.

К функции осенней обрядности горцы относят не только сбор урожая (хлеба, овощей, ягодных и плодовых культур), но и его сохранность, а также заботу об обеспечении урожая будущего года. Ср.: «...предусмотрительный земледелец хочет заранее обеспечить и урожай будущего года. Отсюда смысл многих осенних ритуалов состоит именно в том, что они нацелены на этот будущий урожай – ведь собранный хлеб уже в закромах» [9, с.6]. Это жизненное правило лежало в основе различных верований и обрядов в непрерывной повторяемости земледельческих циклов, вызвавших веру в умирающее и воскресающее божество природы, составившее смысл осеннего обрядового праздника Уастырджийы къуыри – «недели Уастырджи».

Информация о Златокрылом Уастырджи из словаря «Этнография и мифология осетин»: «Уастырджи / Уаскерги – самое почитаемое божество в осетинской мифологии, покровитель мужчин, путников и воинов. <...> По представлениям осетин, является посредником между богом и людьми; <...> ему посвящено самое большое количество святилищ по всей Осетии (Реком, Дзывгъысы дзуар и др.). Ежегодно, в ноябре, после окончания сельскохозяйственных работ, по всей Осетии широко и торжественно отмечается праздник «Уастырджийы къуыри»; без обращения к нему с отвечающей случаю просьбой не обходилось ни одно застолье, ни одно доброе начинание, после которого исполнялась посвященная ему песня-гимн [10, с. 88]. Ср.:

Цæй, Уастырджи, даумæ куы кувæм, сой,
Даумæ куы кувæм, сой!
Мæнæ ацы адæм даумæ куы кувынц, гъой!
Алы къуыппыл дæ кувæндæттæ, гъой!

Алы дзыхъхъы та дæ кусæнгæрзтæ.
Мæнæ ацы адæм даумæ куы кувынц.
Сау багæныйæ дæм куы кувæм,

Бур физонæгæй, æртæ чъирийæ.

Фæтæригъæд нын кæн, мæгуыр адæмæн!
Кæм дæ, цы фæдæ, цæхæрцæст Уастырджи?
Бахъудтæ нæ, дардмæ дæм лæгъстæ куы кæнæм!

[11, с. 36–37, 190–191].

О Уастырджи, тебе, ведь, молимся, сой,
Тебе, ведь, молимся, сой!
Вот этот народ тебе, ведь, молится, ой!
На каждом холме твои молельни,
А в каждом овраге твои орудия труда.
Вот этот народ тебе, ведь, молится,
Чёрным пивом тебе молимся,
Золотистым шашлыком, тремя пирогами.
Пожалей нас, бедный народ!
Где ты, куда делся, искроглазый
Уастырджи?

Понадобился ты нам!
Молим тебя издали!

«Лæгты дзуар – букв. бог мужчин, унаследовавший черты древнеаланского бога войны, которому аланы поклонялись в образе меча; так по сей день осетинские женщины эфемистически называют божество Уастырджи. Подлинное имя его им нельзя произносить, как запрещено и участие в праздниках в его честь.

Приведем календарь обрядового комплекса праздника Уастырджийы къуыри / Уастырджийы бонтæ.

Дни эти проходили торжественно, радостно, всё сообщество горцев принимало участие в празднике, потому что сельскохозяйственные работы уже окончены, хлеб лежал в амбарах (хордон, *гон*; гура); скотина с приплодом в хлеве и пр. Здесь заметим, что последующие сутки по осетинскому народному календарю наступают после захода солнца сегодняшнего дня.

Первый день праздника – воскресенье, или галаергæвдæн хуыцаубон – «воскресенье заклания быка».

Второй день – вечер с понедельника на вторник, когда в жертву святому приносится баран или козел, считается главным и называется Уастырджийы æхсæв «ночь Уастырджи». Молящиеся с приношениями шли к культовым местам божества (Уастырджийы кувæндæттæ «святилища Уастырджи»), которые имелись почти во всех селах горной Осетии.

Праздник подведения итогов сельскохозяйственного года продолжается неделю, в течение которой в каждом доме за накрытым дарами Всевышнего столом просят Его даровать здоровье и мир, покой и благополучие, а также оберегать от бед и зла.

Завершаются дни Уастырджи – Уастырджийы æрвитæн æхсæв «проводы праздника Уастырджи» – с вечера понедельника на вторник.

При организации праздника в прошлом осетины нередко прибегали к принципу фысымтæ (назначаемые 'хозяева' праздника). Отличительной чертой недели Уастырджи были многочисленные жертвоприношения – как общесельские, общеквартальные, так и семейные, фамильные. Каждая семья, где бы ни проживала, какого бы достатка ни была, в обязательном порядке отмечала его, принеся в жертву животное или три ребра жертвенного животного.

Заметим, что дни эти приходились на осень не случайно. К этому времени завершалась уборка урожая, и люди могли спокойно распоряжаться плодами своих годовых усилий; во-вторых, эти дни были также своеобразным заговеньем на Рождественский пост (Цыппурс).

Дни праздничной недели считались днями свадеб: в народе бытовало мнение, что брачные узы, заключенные в этот период, богоугодны и прочны [1, с. 186].

Традиция празднования продолжается по настоящее время. Первый день Уастырджийы къуыри «недели Уастырджи» объявлен календарным праздником в обеих осетинских республиках.

Как известно, календарь в мифологии является одним из способов освоения сознанием природных явлений, так что хранящая образ жизни предков система счисления временных промежутков представляется «небесным образцом земного порядка» [12, I, с. 612]. Чередование дня и ночи мифологически воспринимается как семантическая модель оппозиции «тьма – свет», лежащей в архаике суточных и сезонных изменений, связанных с исчезновением и возвращением мифологического персонажа, в данном случае – Уастырджи, воплощающего солнце, свет, тепло, плодородие, провозглашающего плодотворный труд как естественное поощрение жизни.

Но в то же время поражает знание астрономии предками горцев-осетин.

Известно, что Солнце входит в созвездие Скорпиона 22 ноября и находится там по 29 ноября. Начинается самое тёмное время года. Именно в эти дни осетины призывают староосетинское солнечное божество Уастырджи помочь пройти эти дни ноября, освещая им путь и сдерживая хтонические силы. В архаических мифах исчезающим и возвращающимся богам была присуща природная, земледельческая семантика. Староосетинское солярное божество Уасерги / Уастырджи как умирающее и возвращающееся божество одерживает победу в суточном своем движении от света к мраку и от мрака к свету в борьбе с хтоническими силами [12, 2, с. 547–548], в честь чего осетины неделю празднуют (Уастырджийы къуыри) это событие.

Как видим, календарные звёздные изменения, лежащие в основе «дней Уастырджи», вполне астрономически подтверждаются.

Астральный культурный код осетин, сохранившийся в Нартиаде, вкупе с генеалогической легендой скифов о предметах, упавших с неба и горящих нестерпимым огнем, составляют образно-знаковую систему священного календаря. Он соответствует не только основным солнечным фазам в году, но и четырем важнейшим фабулам в «жизнеописании» Солнца, зашифрованных в мифопоэтической системе индоиранцев как четыре основных этапа в земной жизни человека.

Сведения «отца истории» Геродота о божественных дарах, связанных с небесным огнем и с трехчленным делением зон мироздания, легко прочитываются не только мифологически (соха – дар небесного кузнеца Курдалагона; чаша – священный атрибут солнечного героя Сослана; сияющий меч – дар златокрылого Уастырджи), но и сакрально – в астральном календаре осетин. По мнению Л. Фидарати, небесный меч фиксирует границу самого тёмного времени года, когда Солнце 22 ноября входит в созвездие Скорпиона и теряет свою мощь и силу, будучи «укушенным Скорпионом». В этот временной отрезок года, когда торжествует тьма, светоносный меч Уастырджи освещает Духовный Путь <...>, поддерживая людей. Поэтому в последнюю неделю ноября благодарные осетины отмечают свой самый главный в году праздник, посвященный Уастырджи [13, с. 6]. Такова мифопоэтическая интерпретация обрядового праздника Уастырджийы къуыри.

Различия между олицетворяющим Солнце Уастырджи и христианским святым Георгием.

Общеосетинское божество Уастырджи занимает место рядом с Хуыцаутты Хуыцау (Богом богов) и является посредником между небом и землей; пользуется особенной благосклонностью Хуыцау

(Бога-Создателя, Бога-Творца), поэтому может всегда просить о помиловании согрешившего; обладает большой властью: может умертвить, ниспослать болезнь, наставить на хороший или дурной путь, а также спасти от всякого зла. В этом кроется причина того, почему у осетин Уастырджи имеет преимущество перед другими божествами и небожителями [14, с. 693–694]. Небожитель – фигура первостепенной композиционной и идейной значимости, стоящая у начала нартовской истории и участвующая в генезисе нартовского народа [15, 3, с. 254].

В фольклорном и этнографическом материале Уастырджи – длинная белая борода и усы, белые одежды, сияющие доспехи и волшебная войлочная плеть – всадник на белом крылатом трехногом коне, облетающий, подобно молнии, землю от края до края. Небожитель обладает способностью к перевоплощению: перед землевладельцем предстает в образе пахаря, перед пастухом – чабана, перед юношей брачного возраста – в образе главы свадебной процессии, о чем свидетельствует «Сказание о женитьбе нарта Ацамаза» [16, I, с. 320–328].

По Ф. Энгельсу, «религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времён, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой» [17, XXI, гл.4, с. 315, 316]. Тем более что питательной почвой древних религиозных представлений была родовая община, дававшая основной материал для понимания сущности первоначальных верований народов. Проиллюстрируем.

Образ божественного всадника, напоминающего собою опозитизированного культурного героя, выступающего во имя блага людей, защищающего правых и карающего неправедных: воров, мошенников и пр. – одно из древнейших представлений о божестве.

Во многих восточных странах образ всадника олицетворял собой культ Солнца, астральный культ [18, с. 29]. На наш взгляд, это можно отнести и к образу всадника Уастырджи, в первооснове своей восходящему к божеству, олицетворяющему Солнце. Тем более что в прошлом Он и воплощал собой старое осетинское солнечное божество.

Но, как заметила М.Р. Халидова, и с чем нельзя не согласиться, «божества исчезнувших религий обычно превращаются в героев фольклорных произведений, оживают в мифах, преданиях, сказках и т.д.» [19, с. 374]. Можно предположить, что и с образом осетинского божественного всадника Уастырджи произошла подобная трансформация: божество, солнечный бог в период военной демократии, в период воспевания ратных подвигов превращается в образ бога воинов, затем покровителя мужчин и путников, в защитника обездоленных и праведных и т.д. Он, возвышающийся «у истоков мира», сам уже определяет себя как «сын Бога и Солнца» [15, с. 3, 693].

Нарты не приносили жертв богам, не почитали их; боги нартов просты и непосредственны; обладают даром речи, отдыхают, ездят верхом, едят и пьют с нартами. Все это подтверждается многочисленными иллюстрациями из героического эпоса осетин «Сказания о нартах». И хотя постоянным местопребыванием небожителя Уастырджи являлось Небо, все божества и небожители, за исключением Творца, Создателя (Хуыцау), жили на земле; обладали теми же физическими, нравственными и психологическими свойствами, что и земные люди, причем и быт их ничем не отличался от быта землян-нартов; налицо, как видим, нерушимый союз богов и нартов.

Уастырджи постоянно разъезжает в образе нищего среди людей, чтобы узнать, поддерживают ли люди друг друга в горе и нужде; пускает молниеносно в ход своё оружие, наказывая убийц, воров и клятвопреступников. Прекрасный семьянин: у него семеро сыновей; мало того, в Нартовском эпосе представлен как прелюбодей: у кумира осетин, породившего героиню Нартиады (знаменитую и бессмертную Шатану), – мало божественного. Таким образом, даже малая толика перечисленных свойств, приписываемых Уастырджи, свидетельствует о наделении небожителя лучшими человеческими качествами. Тут уместны слова С.А. Токарева о том, что в ходе исторического развития языческие верования видоизменялись, переосмысливались, переходя от низших форм к более высоким, представляя собою, по сути, как бы переработку тех материальных условий жизни людей, в которых они вырастают и бытуют [20, с. 12]. Отметим, что из всего общесетинского религиозного пантеона лишь Уастырджи удостоился чести, чтобы в молитвах его имя было поставлено рядом с именем Хуыцау: Хуыцау æмæ дæ Уастырджийы хорзæх уæд! – «Будь благословен Богом и Уастырджи!». С молитвы об Уастырджи начинается и кончается осетинское праздничное застолье; его имя окружено ореолом недостижимого почёта и обожания; образ – многочисленными легендами, преданиями.

В обиходе Уастырджи оперирует орудиями и предметами быта, типичными для горцев – сохой, секирой, косой и пр.; воюет при помощи лука и стрел, меча, волшебной войлочной плети; участвует

в пиршестве, женится, разводится, употребляет те же самые яства, пьет те же самые напитки, что и люди. Одним словом, мир небесный и мир земной складываются в единый эпический образ мира.

Этнограф Б. Гатиев сообщает, что накануне праздника Уастырджи в конце ноября горцы «режут по годовалому барашку-нывонду», причем нывондом «называется то животное, которое предназначено в жертву Богу или святому. <...> Хозяин в отличие нывонда от других животных надрезывает правый рог его.

Пастухи и хозяева не смеют, если не желают навлечь на себя гнев того святого, в честь которого посвящен нывонд, не только обращаться с ним дурно, но и смотреть на него без умиления и благоговения» [21, с. 44]. Обрядовый смысл принесения нывонда божеству в том, чтобы магическим путем вывить намерение божества о принятии или отвержении жертвы-нывонда. Совершается специальный обряд: «Перед тем, как принести животное в жертву, ему горящим поленом делается крестообразная пометка на шее, за правым ухом и на морде; если дым идет вверх от опаляемой шерсти, то считается, что приношение принято божеством, которому оно предназначено» [21, с. 44].

Обычно молитвы, жертва и пирушка совершаются около молельни Уастырджи, которую аул строит на возвышенном месте, откуда небожителю удобно наблюдать за людьми и скотом; молодежь поет песни об Уастырджи; пение и посещение отдельных саклей продолжается до утра [22, с. 281–282].

Известно, что древневосточные божества всей своей сущностью связаны с земледельческими культурами и являют собой «божества хлебного поля». Солнечный культ осетин пронизан аграрным содержанием: земле-кормилице горец стремился передать силу плодovitости. Совершался ряд магико-обрядовых действий; как, например, «оплодотворение» земли горцем; одежды, вывернутые мехом наружу во время первой борозды; обращение к умершим сородичам за помощью; приготовление конусообразных булочек, символизировавших сапетки для хранения зерна – кьуту; и мн. др. [23, с. 67]. Часть земледельческих и скотоводческих обрядов приурочена к календарным праздникам, но значительная их часть относится к периоду сельскохозяйственного календаря; их определяем как календарные, но в более широком смысле.

Со временем аграрная основа праздника забылась в городах Осетии, постепенно стирались и следы аграрных культов. На солярный характер праздника указывает лишь неделя Уастырджи, хотя содержание первоначальной традиции почти угасла.

Обрядовые действия магико-религиозного и социального содержания связывались непосредственно с процессом труда. Начало жатвы и её завершение сопровождалось ритуалами, в которых усматривались и радость по поводу окончания напряженного труда, и благодарность за хороший урожай, и стремление магическими средствами обеспечить будущий урожай. Можно было наблюдать, как к древнему магическому действу присоединялся и обряд олицетворения растительного процесса.

Причинами устойчивости древних религиозных представлений осетин, по мнению Л.А. Чибирова, явились уже сложившиеся высокоразвитые формы религиозного мышления у горцев Центрального Кавказа к периоду распространения мировых религий, чему содействовали патриархально-родовой уклад их жизни и связь верований с народными традициями. Этому споспешествовали также «длительные и постоянные контакты с соседней кавказской этнической средой, а в более отдаленные исторические эпохи – с этнически разнородным населением Юга России, Восточной и Центральной Европой; последнее обстоятельство существенно отразилось на древнейших народных верованиях осетин» [24, с. 6–7].

Канонизация Уастырджи как главного персонажа в осетинском пантеоне, по мнению Б.Х. Биджелова, протекала на базе спонтанного развития. Основанием для подобного вывода служат функции, мифологический образ, ритуальная символика и атрибутика Лæгты дзуара.

Всё приведенное – надежное основание заключить, что культ Уастырджи – древнейший, дохристианский, как и имя; никак не может быть заимствованным, занесенным ранним христианством культом святого Георгия, да и описанные функции Уастырджи никак не идентичны функциям христианского Георгия Победоносца, воина-мученика.

Известно, что святой Георгий – воин при императоре. За преданность христианству подвергался жестоким пыткам; ср.: «Его изрубили мечами, положили на него колоссальные тяжести, вливали в него расплавленное олово, голову пробивали раскаленными гвоздями, его распилили на семь или десять частей и сварили эти куски в котле, в котором кипели смола и олово, вздымаясь волнами высотой в 15 локтей; его наполовину сожгли на костре, и останки разрезали на десять частей, но Георгий

всякий раз вновь оживал» [12, I, с. 273–275]. В древности св. Георгий считался покровителем животноводства и земледелия. В христианской иконографии св. Георгий изображается на коне, с копьем, поражающим дракона, да и Георгиев (Егорьев) день отмечается 23 апреля, когда совершается первый выгон скота на пастбище с окроплением водой пастухов и стад.

Христианством отрицается и дохристианские истоки, и языческая сущность культа своих святых; но живучести этих верований поспособствовала тесная связь с народными традициями. Что же касается влияния мировых религий на верования осетин, то оно сводится лишь к внешним напластованиям на языческие представления о божестве; ср. В.И. Абаев: «христианского в них – только имена, образы их идут из языческого мира» [16, I, с. 62].

Б.Х. Биджелов, основываясь на множестве компетенций Уастырджи, полагает, что «в образе этого божества отражен не какой-то вообще абстрактный, а конкретно-исторический человек: действующий, мыслящий, занимающийся различными делами подобно человеческой деятельности, мысли и психики, присущими, как и положено по законам религии, сверхматериальным существам» [2, с.96]. Ученый этимологизирует имя божества, базируясь на своем понимании образа: «...в названии «Джеорг (оба)» вторая часть семантически связана со словом почитания культа природы – «обо», который в древности был широко распространен среди многих азиатских народов и даже бытует до сих пор у монголов, а также бурят и тувинцев. Характерно, что в культе «обо» особое место принадлежит «хозяину местности», в честь которого воздвигали каменный курган, будь то на вершине горы, перевале или ровном месте у дороги» [2, 170].

Во всех молитвословиях и молитвах местонахождение Уастырджи – «высокий холм»; «вершины гор»; «высокий перевал»; «на вершине восседающий великий Уасгерги»; просят его «взглянуть с высоты»; «посмотреть с высоты»; «сидящий на вершине»; «наших гор высокий Уасгерги» [11, с. 191–192].

Со временем, после принятия христианства, древнего небесного покровителя Уасгерги / Уастырджи, сохранившего свои первоначальные функции в основном в религии осетин, а также в богатом мифологическом и эпическом материале, стали отождествлять со святым Георгием, чему, думаем, способствовало и название месяца – Джеоргуыбайы маъ «месяц Георгия».

Г. Бейли, исходя из того, что «слово *Orge* – откуда произошли английские слова *gorgeous* («яркий», «блестящий») и *urge* («побуждать», «заставлять», «подгонять») – явно служит корнем имени Георгий (*George*)», склонен считать, что «греческое слово *georgia* «земледелие» произошло от имени Георгий, а не наоборот. «Ге» здесь, как в слове «география», означало «земля», так что мы можем с полным правом предположить, что истинное значение имени Георгий – это *Ge urge* – «Побуждающий землю», «Тот, кто заставляет землю плодоносить» [25, с. 267].

Лексема уац < *ц̣ас- («весть, известие, новость, сообщение») в дериватах и сложных словах выявляет широкий спектр значений, повторяя во многом религиозную семантику, которая была общеиндоевропейской; является также эпитетом небожителей – «святой», а в эпосе и мифологии её семантика – «божество», «божественный»; в значении «святой», по мнению В.И. Абаева, приобщала христианских святых к старому языческому пантеону [26, IV, с. 26–28].

Но, на наш взгляд, подобного приобщения не произошло.

Ср.: исполнив желания трех братьев, Уастырджи через год в образе нищего старика (подобно лезгинскому Хидиру-Неби) пошёл их проведать. Ни старший брат, ни средний не вняли просьбам старика, за что он их обратил в камень. Лишь младший брат радушно принял и поинтересовался, чем болен нищий. Услышав, что для излечения нужно натереть грудь кровью младенца, жена младшего брата обратилась к мужу: «Пожертвуй ради гостя нашим ребенком. Мы ещё молоды, у нас будут ещё дети, а старику неоткуда достать ребёнка для своего излечения». Тот согласился с предложением жены. Мать из-за двери наблюдала за нищим. Гость «надрезал вдоль грудь малютке, *вынул сердце*, отрезал от него половину и, скрепив снова тело ребёнка, положил в колыбель. Ребёнок не пикнул <....>. Затем старик растёр себе грудь и стал молодцем <....> Матери вдруг послышался плач. *Не веря своим ушам, подбегает к люльке и видит, что её ребенок жив и здоров*». Уастырджи открылся хозяевам и ушёл, наградив их щедро за гостеприимство [22, с. 160–162].

В «Предании об Уасгерги» небесному божееству приписываются и функции громовержца: «...Уасгерги извлёк шашку свою в гнев и ударил по горе. ...Гора до самого Задалеска разделилась надвое. Тогда он вынул и копье, и пронзил гору, и гора продырявилась. ...Его удары и поныне ясно видны в Задалеске» [22, с. 103].

По мнению В.С. Газдановой, ипостась Уастырджи / Уасгерги совпадает с ипостасью первочеловека, богочеловека Таргитая по месту в троичной модели мира в религиозно-мифологической системе осетин. Уастырджи / Уасгерги присущи те же функции – военная, жреческая, а также функция плодородия [27, с. 150].

Таким образом, Уастырджи / Уасгерги – это не христианский святой Георгий, – книжное заимствование грузинами из греческого языка во время христианизации (IV век); из того же греческого идет устное заимствование древнерусским языком (ср., Юрей, Юрий, Егорий) [28, с. 402].

Образ Уастырджи / Уасгерги эволюционировал в течение веков, что нашло отражение в мифоритуальной практике осетин. Ср.: «староосетинский» бог Солнца – божество, наделенное особыми магико-юридическими функциями, бог-посредник Хуыцау (Верховного бога) – создатель природного и социального космоса, священного напитка, музыки и музыкального инструмента (в нартовских сказаниях и их вариантах) – бог войны, воинов и мореплавателей, грозы, земледелия; плодородия, врачевания – покровитель мужчин, путников, бедняков и обиженных, мёртвых, свадеб, зачатия и деторождения. Многофункциональность – отличительная особенность староосетинского солнечного божества.

Аналогиями осетинского божества в пантеонах северокавказских народов являются: верховное языческое божество андийцев и других народов аваро-андо-дидойской и нахской языковых групп – *Ццоб*; Дяли древненахского пантеона; Бечеда – общеварский бог; Квара, Зал – у лакцев; *Ццалла* – верховный бог даргинцев; Гъуцар – лезгин и др. [29, с. 155–202].

Локально, в Стур-Дигоре, Уасгерги с течением времени приобрел ещё и роль Сæризæд, букв. «ангела головы» – покровителя-хранителя домашнего очага и семейного благополучия. Сведения об этом у этнографа В.С. Газдановой: «Уастырджи в Стур-Дигоре называют «Мæнти изæд» (букв. «ангел духов»). Ему молились с понедельника на вторник – «Георги æхсæв», «Лæгтыдзуары æхсæв». В жертву приносили барана (нæл фыс), козла (нæл сæгъ), быка (гал). В этот же день молились и Сæрызæду («Георги æхсæв»). Как отметила информант, Сæрызæд и Уасгерги – это одно и то же, <...> т.е. Уастырджи в мифологическом сознании осетин вмещал в себя и функции громовержца» [27, с. 347].

В сложении имени Уастырджи / Уасгерги первый элемент в значении «божество», а второй – «искажение имени *Giorgi*» [22, с. 242]. Таким образом, этимология термина Уастырджи / Уасгерги < *Was* (*was*), которая у древних «мыслилась как личность, как могущественная высшая сила», божество + *Geurge* «Побуждающий землю»; «Тот, кто заставляет землю плодоносить», что свидетельствует о том, что Он ещё и божество плодородия.

Итак, Уастырджи / Уасгерги – всемогущий небесный покровитель, канонизация которого в качестве главного персонажа в осетинском пантеоне запечатлелась в астральном культе. Место Его пребывания – горы (высоты, хребты, холмы), откуда низвергается вода, дарящая плодородие, полноводные реки; туда же направлены взоры и молитвословия горцев-осетин... Эта опора мира дарует бессмертие, надежду на обретение просветления; там местоположение предков и богов; она внушает чаяния на божье благословение, счастье и удачу.

Насыщенный аграрный культ, обычай и обряды, связанные с почитанием общинных, родовых и общих божеств, нашли отражение в религиозных воззрениях, устном народном творчестве и искусстве горцев-осетин.

Заключение

Итак, рассмотрев семантику, функции и обрядовый комплекс позднеосетинского праздника «Уастырджийы къуыри», мы пришли к следующим выводам:

- 1) культ Уастырджи / Уасгерги – древнейший, дохристианский; общение с высшими существами было потребностью человека, для чего он прилагал всё для их умилостивления;
- 2) календарь в мифологии есть один из способов освоения сознанием природных явлений, что объясняет не только обусловленную временем происходившую трансформацию божества Уастырджи / Уасгерги, но также и утрату обрядом исходных магических действий – функции воздействия на силы – природы, сверхъестественные – с целью получения вождельных результатов;
- 3) при определении смысла календарного обрядового праздника «Лæгты дзуары бонтæ» мы исходили из широких полномочий покровителя сильного пола. Образ Уастырджи / Уасгерги

отождествляется как с героями Нартиады, так и со стихийными могущественными явлениями природы в условиях человеческого бессилия перед ними;

4) староосетинскому солярному божеству Уастырджи / Уасгерги присущи функции бога плодородия, что подтверждается этимологией имени Георгий, заключающем в себе природную, земледельческую семантику;

5) как умиряющее и возвращающееся божество Уастырджи / Уасгерги одерживает победу в суточном движении от мрака к свету в борьбе с хтоническими силами, в честь чего осетины в последнюю неделю ноября празднуют Уастырджийы къуыри перед заговеньем на Рождественский пост (Цыппурс);

6) в течение веков протекала удивительная трансформация староосетинского солнечного божества. В фольклоре, особенно в сказаниях о нартах, Уастырджи / Уасгерги предстает мифологическим персонажем, воплощающим в своих ипостасях различные функции вобранных им других богов и небожителей осетинского пантеона;

7) к первой четверти XXI века обрядовый комплекс праздника «неделя Уастырджи / Уасгерги», существовавший на протяжении веков, утратил свой магический характер, а также память о явлениях духовной культуры предков осетин и превратился в силу традиции в *объединительный общенациональный праздник*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: «Проект-Пресс», 2012. – 688 с.
2. Биджелов Б.Х. Социальная сущность религиозных верований осетин. Владикавказ: Ир, 1992. – 181 с.
3. Дзидзоев В. Известное и неизвестное в этнографии и мифологии осетин: Что общего и отличительного у осетинского Уастырджи и святого Георгия // Журн. «Дарьял». № 3. 2012. С. 202–213.
4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 657 с.
5. Габараев Н.Я. Толковый словарь осетинского языка в 4 т. Т. 2. М.: Наука, 2010. – 489 с.
6. Осетинско-русский словарь / сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Т. II. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. – 724 с.
7. Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003. – 736 с.
8. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. – 249 с.
9. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. Конец XIX – начало XX в. М.: Наука, 1978. – 293 с.
10. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. – 284 с.
11. Памятники народного творчества осетин: Трудовая и обрядовая поэзия / сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. – 440 с.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1987. Т. I. – 671 с.; Мифы народов мира. Энциклопедия. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1988. Т. II. – 719 с.
13. Фидарати Л. Священный календарь // Газ. AJDÆN. №4. 2015. – С. 2–5.
14. Паллагов А. Селение Гизель (или Кизилка) Терской области Владикавказского округа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. Том I. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. С. 682–701.
15. Энциклопедия осетинской Нартиады: в 3 томах. Т.3. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2023. – 452 с.
16. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1. М.: Наука, 1989. – 492 с.; Кн. 2. – 1990. – 431 с.

REFERENCES

1. *Ossetian Ethnographic Encyclopedia*. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2012.
2. Bidzhelov BKh. *Social essence of religious beliefs of the Ossetians*. Vladikavkaz: Ir, 1992.
3. Dzidzoev V. *Known and unknown in the ethnography and mythology of the Ossetians: What is common and distinctive about the Ossetian Uastyrdzhi and St. George*. *Daryal*. 2012; 3: 202–213. (In Russ)
4. Abaev VI. *Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language*. Vol. I. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. (In Russ)
5. Gabaraev NYA. *Explanatory Dictionary of the Ossetian Language in 4 Volumes*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 2010. (In Russ)
6. Guriev TA., Gutieva ET. (comps). *Ossetian-Russian Dictionary*. Vol. II. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS, 2017. (In Russ)
7. Takazov FM. *Digorsk-Russian Dictionary*. Vladikavkaz, 2003. (In Russ)
8. Kaloev BA. *Agriculture of the Peoples of the North Caucasus*. Moscow, 1981. (In Russ)
9. *Calendar Customs and Rituals in the Countries of Foreign Europe. Summer-Autumn Holidays. Late 19th – Early 20th Century*. Moscow: Nauka, 1978.
10. Dzadzиеv AB., Dzutsev HV., Karaev SM. *Ethnography and mythology of the Ossetians. Brief dictionary*. Vladikavkaz, 1994. (In Russ)
11. Khamitsaeva TA. (comp). *Monuments of folk art of the Ossetians: Labor and ritual poetry*. Vladikavkaz: Ir, 1992. (In Russ)
12. *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia*. Vol. I, II. Moscow: Sovetskaya Encyklopediya, 1987. (In Russ)
13. Fidarati L. *Sacred calendar*. *AJDÆN*. 2015; 4: 2–5. (In Russ)
14. Tsallagov A. *The village of Gizel (or Kizilka) in the Terek region of the Vladikavkaz district*. In: Chibirov L.A. (comp). *Periodical press of the Caucasus about Ossetia and the Ossetians*. Vol. 1. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2014: 682–701. (In Russ)
15. *Encyclopedia of the Ossetian Nartiaada: in 3 volumes*. Vol. 3. Vladikavkaz: SOIGSI VSC RAS, 2023. (In Russ)
16. *Narty. Ossetian heroic epic*. Book 1. Moscow: Nauka, 1989; Book 2. Moscow: Nauka, 1990. (In Russ)
17. Engels F. *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdn., 1961. Vol. 21, Ch. 4. (In Russ)

17. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – М.: Госполитизд., 1961. Т.21. Гл.4. – 745 с.
18. Котович В.М. Образ всадника в древних писаницах горного Дагестана // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. – 976 с.
19. Халидова М.Р. Эволюция богоборческих сюжетов в фольклоре народов Дагестана // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Махачкала, 2008. – 556 с.
20. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964. – 397 с.
21. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 44–46.
22. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. – 707 с.
23. Уарзиати Вилен. Праздничный мир осетин // Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. – Владикавказ: Абета, 2017. С. 17–253.
24. Чибиров Л.А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали: «Ирыстон», 1984. – 218 с.
25. Бейли Гарольд. Забытый язык символов. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. – 573 с.
26. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989. – 326 с.
27. Газданова В.С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. – 438 с.
28. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка в 4 т. Т. I. Изд. 2-ое. М.: Прогресс, 1986. С. 402.
29. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств (типология, характеристика, персонификация). Махачкала: «ДИНЭМ», 2009. – 407.
18. Kotovich VM. *The Image of a Horseman in Ancient Rock Art in Mountainous Dagestan. Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Issue VIII. Krupnovskie Readings, 1971-2006. Moscow: Monuments of Historical Thought. Stavropol: Nasledie, 2008. (In Russ)*
19. Khalidova MR. *Evolution of God-fighting Plots in the Folklore of the Peoples of Dagestan. Dagestan and the North Caucasus in Light of Ethnocultural Interaction in Eurasia. Makhachkala, 2008. (In Russ)*
20. Tokarev SA. *Early forms of religion and their development. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ)*
21. Gatiev B. *Superstitions and prejudices among the Ossetians. Collection of information about the Caucasian highlanders. Tiflis, 1876; 9: 44-46.*
22. Miller VsF. *Ossetian etudes. Vladikavkaz: SOIGSI, 1992.*
23. Uarziati Vilen. *The festive world of the Ossetians. Selected works: Ethnology. Cultural studies. Semiotics. Vladikavkaz: Abeta, 2017: 17-253. (In Russ)*
24. Chibirov LA. *The most ancient layers of the spiritual culture of the Ossetians. Tskhinvali: Iryston, 1984. (In Russ)*
25. Bailey Harold. *Forgotten Language of Symbols. Moscow: ZAO Izdatelstvo Tsentrpoligraf, 2010. (In Russ)*
26. Abaev VI. *Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. Vol. IV. Leningrad: Nauka, 1989. (In Russ)*
27. Gazdanova VS. *Golden Rain. Research on the Traditional Culture of the Ossetians. Vladikavkaz: RIO SOIGSI, 2007. (In Russ)*
28. Fasmer Max. *Etymological Dictionary of the Russian Language in 4 Vols. Vol. I. 2nd ed. Moscow: Progress, 1986: 402.*
29. Seferbekov RI. *Pantheon of pagan deities (typology, characteristics, personification). Makhachkala: DINEM, 2009. (In Russ)*

Поступила в редакцию 20.08.2024 г.

Принята в печать 15.11.2024 г.

Опубликована 15.03.2025 г.

Received 20.08.2024

Accepted 15.11.2024

Published 15.03.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211184-193>

Исследовательская статья

Белозёрова Марина Витальевна
д.и.н., доцент, главный научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
mbelozerowa@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ СОЧИ (НА ПРИМЕРЕ ТУРКМЕНОВ)

Аннотация. Цель статьи – выявить механизмы интеграции и адаптации, формирования коммуникационных связей студентов-иностранцев к городской среде Сочи на примере туркменов, обучающихся в Сочинском институте (филиале) РУДН им. Патриса Лумумбы. Миграция имеет социальные последствия. Они проявляются в процессах: интернационализации социокультурной жизни, возникновения кризисных явлений в экономике и других сферах. Поэтому задача изучения этих процессов в среде студентов-иностранцев независимо от их этнической, религиозной, идеологической, социальной принадлежности является актуальной. Результаты исследования позволяют проанализировать опыт на региональном уровне. Этот опыт актуален при разработке, принятии и реализации управленческих решений. В исследовании использованы принципы системного, процессного подходов, сравнительно-типологический и компаративный анализ, методологические подходы «секьюритизации» и «кайс-стади». Выборочный метод позволил определить группу студентов (туркменов), провести исследование по хронологическому (2023–2024) и территориальному принципам (город Сочи, Краснодарский край) – «кейс». В исследовании использовались специальные методы: анкетирование и интервью, метод первичной статистической обработки данных, метод отражения полученных показателей в виде диаграмм. Приведен анализ источников – опубликованных законодательных актов Российской Федерации и Туркмении по проблемам образовательной миграции, результаты анкетного опроса, данные интервью. В исследовании показан быстрый темп адаптации туркменских студентов к условиям иноязычной и инокультурной среды в городе. Выявлены факторы, формирующие социальные коммуникации: обучение в группах со смешанным этническим составом, удаленность вуза от места проживания и другие. Показаны причины недопонимания между туркменами и местным населением. Акцентировано внимание на вопросе возможности формирования туркменской диаспоры в Сочи.

Ключевые слова: образовательная миграция; студенты-туркмены; высшее учебное заведение; Сочи; интеграция; адаптация; межкультурные коммуникации; анкетирование; интервьюирование

Для цитирования: Белозёрова М.В. Интеграция и адаптация студентов-иностранцев в городской среде Сочи (на примере туркменов) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 21. № 1. С. 184-193. doi.org/10.32653/CH211184-193

© Белозерова М.В., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211184-193>

Research paper

Marina V. Belozerova
Dr. Sci., Assistant. Prof., Principal Researcher
Subtropical Research Center of RAS, Sochi, Russia
mbelozerowa@mail.ru

INTEGRATION AND ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE URBAN ENVIRONMENT OF SOCHI (BASED ON THE EXAMPLE OF TURKMEN)

Abstract. The purpose of the study is to identify the mechanisms for the formation of communication connections, integration and adaptation of Turkmen students to the urban environment of Sochi. They study at the Sochi Institute (branch) of the RUDN University. Migration has social consequences. They manifest themselves in processes: the socio-cultural life internationalization, the emergence of crisis phenomena in the economy and others. Therefore, the task of studying these processes among foreign students, regardless of their ethnic, religious, ideological, and social affiliation, is relevant. The results of the study allow us to analyze experience at the regional level. This experience is relevant at the stages of management decisions development, adoption and implementation. The principles of systemic and process approaches, comparative typological and comparative analysis, methodological approaches of «securitization» and «case study» were used in the study, methodological approaches of «securitization» and case-studies were used. The sampling method made it possible to determine a group of students (Turkmens), to carry out the research on a chronological basis (2023-2024) and a territorial principle (the city of Sochi, Krasnodar region) – «a case». The study used special methods: questionnaires and interviews, the method of primary statistical data processing, and the technique of reflecting the obtained indicators in the form of diagrams. An analysis of sources is given: published legislative acts of the Russian Federation and Turkmenistan on the problems of educational migration and the results of a questionnaire survey, interview data. Conclusions are drawn on this basis. This is a fast pace of adaptation of Turkmen students to the conditions of a foreign language and foreign cultural environment in the city. The factors that shaped social communications were identified: studying in groups with a mixed ethnic composition, the distance of the university from the place of residence and others. The reasons for the misunderstanding between the Turkmens and the local population are shown in the article. Attention is focused on the issue of the possibility of forming a Turkmen diaspora in Sochi.

Ключевые слова: educational migration; Turkmen students; a higher educational institution; integration; adaptation; intercultural communications; Sochi; questioning; interviewing

For citation: M.V. Belozerova. Integration and adaptation of foreign students in the urban environment of Sochi (based on the example of Turkmen). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 184-193. doi.org/10.32653/CH211184-193

Интеграция и адаптация иностранцев в принимающей стране является актуальной проблемой исследований, касающихся современного общества. Международная образовательная или учебная миграция является частью большой проблематики внешних миграций населения, следствием которых становится интернационализация социально-культурной жизни общества, возникновение кризисных явлений в экономике, усиление напряженности. В этих условиях заостряется проблема интеграции и адаптации иностранных студентов, формирования и развития межкультурной коммуникации, конструктивного взаимодействия, поведенческих привычек между гражданами не зависимо от их национальности, религиозных верований, мировоззрения, стиля мышления, принадлежности к социальной страте. К началу 2020-х годов была зафиксирована тенденция увеличения численности иностранных студентов из стран СНГ в вузах РФ [1]. Ряд высших учебных заведений еще в советское время имел значительный опыт в подготовке квалифицированных специалистов для зарубежных стран, другие вузы столкнулись с подобной ситуацией недавно. Расширилась их география и профиль обучения. Изучение процессов интеграции и адаптации студентов-иностранцев к реалиям российской действительности, в том числе на региональном уровне, позволяет проанализировать складывающийся опыт, что актуально при выработке, принятии и реализации управленческих решений. Актуализирует проблематику также то, что она соотносится с курсом Российской Федерации в образовательной политике.

Историография по данной тематике характеризуется разнообразным спектром поднимаемых проблем. К первой группе были отнесены работы, в которых российские исследователи, используя теоретические и практические разработки зарубежных коллег [2; 3], аргументировали типологию миграций, рассматривали корреляцию образовательной миграции с миграционными процессами в целом, теоретические проблемы диаспор [4; 5]. Ко второй группе отнесены исследования, посвященные анализу нормативно-правовой документации по образовательной миграции, актов по ее стратегическому планированию [6], нормативно-правовой регуляции образовательной миграции в России [7]. В третью группу включены работы, авторы которых изучали различные аспекты образовательной миграции: состояние и перспективы развития международного рынка образовательных услуг, интернационализации высшего образования, роли России на международном рынке образовательных услуг [8]¹, социальные аспекты образовательных миграций из стран СНГ [9]. Образовательная миграция рассматривалась в качестве «инструмента» трансляции «политических ценностей» [10], изучались социальные последствия учебной иммиграции для России [11], регионов и вузов, особенности формирования миграционной политики в сфере привлечения иностранных «учебных» мигрантов [12]. Следует отметить монографические исследования, авторами которых в рамках изучения образовательной миграции был поставлен вопрос о значении государственных образовательных и культурных учреждений России «как агентов» адаптации и интеграции [13, с. 114; 14; с. 110–126]. Внимание некоторых исследователей акцентировалось на опыте академической, социокультурной и языковой адаптации иностранных студентов из азиатских стран [1; 15].

Проведя анализ научной литературы, можно констатировать, что большую часть работ составляют политологические и социологические исследования. В то же время следует акцентировать внимание на том, что поднимаемые проблемы являются предметом и исторических исследований, и этнологического регионоведения. В данном аспекте вопросы интеграции и адаптации иностранных студентов в России требуют более подробного освещения.

Объектом данного исследования определены студенты из Туркмении, прибывшие для обучения в Сочинский институт (филиал) РУДН им. Патриса Лумумбы (далее: СИ (филиал) РУДН). Предметом – интеграция и адаптация студентов-туркмен в городскую среду Сочи, как крупного туристического, курортного, культурного, научного и образовательного центра в трансграничной зоне юга России. Целью работы стало выявление механизмов интеграции и адаптации студентов-иностранцев в условиях иноязычной и инокультурной среды. Нами были поставлены задачи: анализ историографии по проблематике; определение круга источников; разработка анкеты и проведение анкетного опроса студентов-туркмен, интервью с ними и преподавателями вуза, их анализ; выявление складывающихся социально-культурных коммуникаций в городской среде Сочи.

В качестве методологической основы исследования послужили принципы системного и процессного подходов, которые позволили сосредоточить внимание на участниках процесса – иностранных студентах из Туркмении и на системе коммуникационных связей, формируемых при решении вопросов

1. Экспорт российского образования // Россотрудничество. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.rs.gov.ru/%20/activities/10/projects/17>

их интеграции и адаптации в городскую среду. При анализе историографических данных, выборе источников и их группировке использовались сравнительно-типологический и компаративный подходы. Выборочный метод позволил определить группу анкетированных и интервьюируемых студентов и преподавателей, выполнить исследование по хронологическому (2023–2024 годы) и территориальному (Муниципальное образование Городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края) принципам. В исследовании были использованы специальные методы – анкетный опрос и интервью. С этой целью автором в 2023 г. была разработана анкета. При анализе ответов на поставленные вопросы и их группировке использовался структурно-типологический подход. Результаты анкетирования и интервьюирования отражают мнение респондентов по поставленным задачам. В исследовании были использованы: метод первичной статистической обработки данных, техника отражения полученных показателей в форме диаграмм.

Проблема рассматривалась также во взаимосвязи с методологическим подходом теории секьюритизации [16, с. 172–173, 179; 17]. Это продиктовано тем, что любой вопрос в общественном дискурсе может стать политизированным и нести вызовы для безопасности в обществе.

В работе использовался методологический подход «кейс-стади» («case-study»), где «кейс» – описание конкретной ситуации в какой-либо сфере – социальной, экономической, образовательной, культурной и т.п.; «стади» – исследование. Под «кейсом» понимаются как отдельные лица, сообщества, организации, так и процессы, события. Изучение кейсов имеет несколько этапов: 1) выбор кейса, 2) определение параметров кейса (социальная среда, физическая обстановка), 3) получение информации посредством интервью, наблюдения, анкетного опроса, анализа документов, 4) выработка решений. Методологический подход требует верификации результатов кейс-стади с другими источниками, чтобы исключить игнорирование фактов, не укладывающихся в сформулированную концепцию [18]. В целом, суть метода кейс-стади сводится к интеграции исследовательских стратегий, «использования данных различных источников, их анализа, различных методов сбора (количественных и качественных) информации» [19, с. 544, 547–548; 20]. Применение метода расширило сферу исследований (социология, история, этнология и др.), перечень объектов изучения и источниковых материалов. Это позволяет выявить явления повседневности, латентные ситуации, социально-экономические, исторические процессы, накапливать и систематизировать эмпирический материал. Суть метода кейс-стади определена ведущими теоретиками как «исследование единичной ситуации с целью понимания более широкого класса (схожих) случаев» [21, с. 255; 22, с. 198; 23]. В процессе решения поставленных задач в нашем исследовании методики использовались в комплексе.

В ходе исследования были выявлены источники, проведена их группировка. Используются и проанализированы материалы следующих групп источников: 1) опубликованных материалов нормативно-правовой документации РФ и Туркмении по проблемам образовательной миграции; 2) результатов анкетного опроса; 3) данных интервью со студентами-туркменами и преподавателями СИ (филиала) РУДН. Часть из них вводятся в научный оборот впервые. Их данные позволили изучить некоторые ранее не акцентированные в научных работах вопросы.

Образовательная миграция в Российскую Федерацию осуществляется на основе соответствующих нормативно-правовых документов. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012) обозначены правовые основания организации и получения образования [24, с. 5], включая высшее и дополнительное профессиональное, иностранными гражданами на основе международных договоров РФ, федеральных законов, установленной Правительством РФ квотой на образование иностранных граждан или платных образовательных услуг², соглашений с правительствами других стран. Приоритетный проект РФ и паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» нацеливает на осуществление мер по совершенствованию и повышению привлекательности российского образования в вузах для иностранных студентов в течение 2017–2025 годов (2017)³. Концепция государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы (2018) охватывает весь спектр целей внешних мигрантов на территории России. Но содержит и положения,

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации». Ст. 78. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/61481667d956e25b4c53b1febdf53e1121e78c/ (дата обращения: 11.04.2024).

3. Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования // Россотрудничество. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: URL: <http://government.ru/projects/selection/653/> (дата обращения: 15.03.2024). Паспорт «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Протокол от 30 мая 2017 г. № 6. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://government.ru/projects/selection/653/28013/> (дата обращения: 23.04.2024).

относящиеся к образовательной миграции: право на получение разрешения на временное проживание иностранных студентов и аспирантов очной формы обучения в государственных образовательных учреждениях, меры по повышению доступности образовательных услуг. Обосновывает необходимость «социальной и культурной адаптации <...> иностранных граждан», в соответствии с программами и «в формате государственно-общественного партнерства» с привлечением «общественных и образовательных организаций, учреждений культуры и спорта»⁴. В 2024 г., как и в предыдущие годы, был утвержден План мероприятий по реализации Концепции в 2024–2025 гг., согласно которому в сфере образования для обучающихся предусматривалось: увеличение выдачи электронных виз; разработка методических рекомендаций для образовательных организаций высшего образования, по содействию адаптации иностранных студентов, в частности мероприятий по социальной и культурной адаптации; проведение социологических исследований по оценке состояния межнациональных отношений и др.⁵

Таким образом, в нормативно-правовых документах зафиксировано понятие «образовательная миграция» и необходимость проведения исследований по социальной и культурной адаптации студентов-иностранцев. В научной литературе помимо «образовательной» [7], встречаются дефиниции «учебная миграция», «академическая миграция» [13, с. 114].

Сотрудничество в области образования между РФ и Туркменией осуществляется на основе такого документа, как «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в области культуры, образования и науки» (1995), которое предусматривает развитие «прямых партнерских связей в области образования» прежде всего между вузами⁶.

Для решения поставленных в данном исследовании задач по интеграции и адаптации студентов-туркмен к городской среде Сочи были проанализированы мнения выпускников-туркмен, обучавшихся в 2023 г. на 4 курсе по специальности «История» отделения «бакалавриат» (кейс). В 2024 г. для уточнения ряда вопросов было проведено интервьюирование с преподавателями и студентами-туркменами 3 и 4 курсов. В предложенной анкете «Проблемы адаптации и межкультурного взаимодействия иностранных студентов в Сочинском институте (филиале) РУДН им. Патриса Лумумбы» определены: цели – дать оценку состояния межкультурных отношений, определить проблемы интеграции и адаптации студентов-иностранцев; задачи – выявить темп адаптации студентов-туркмен в городской среде; определить факторы, влияющие на этот процесс, проблемы, возникающие в ходе адаптации; рассмотреть возможность формирования туркменской диаспоры на Черноморском побережье РФ. В анкете содержалось 36 вопросов. Один раздел касался личной информации (ФИО респондента, мест проживания в Туркмении и Сочи, возраста, гендерной принадлежности). Основная часть охватывала вопросы формирования социальных коммуникаций, межкультурного взаимодействия. В статье изложены результаты анкетного опроса, на основании анализа которых составлены диаграммы (далее: «Анкета»)⁷.

В вузе молодежь из Туркмении обучается с 2002 г.⁸. Список вузов и студентов был определен межправительственным соглашением Российской Федерации и Туркмении. Обучение – платное, оплата составляла до 140,0 тысяч рублей. По данным студентов-туркмен, деньги на обучение они собирали в кругу родственников на возвратной основе. Статус бакалавра в Туркмении достаточен для успешного устройства на работу. После возвращения на родину их место работы будет светским, не религиозной ориентации⁹. Гендерная принадлежность студентов: 25 юношей и 9 девушек, 5 человек не указали пол. Возрастной состав: 20–25 лет – 14 человек, 26–29 лет – 12 человек, 30–36 лет – 7 человек, остальные не указали свой возраст. В диаграмме (рис. 1) возрастной состав студентов отражен более подробно.

4. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (с изменениями и дополнениями от 12 мая 2023 г.). ст. 111; 11 д; 23 а, г. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://base.garant.ru/72092260/> (дата обращения: 23.04.2024).

5. Распоряжение Правительства РФ от 16 января 2024 г. N 30-р «О плане мероприятий по реализации в 2024–2025 гг. Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.» п. 3; 22; 24; 38. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408306707/> (дата обращения: 08.04.2024).

6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в области культуры, образования и науки от 18 мая 1995 года // Бюллетень международных договоров. № 3. Март 1996 г. Ст. 15, 16.

7. Личный архив автора, 2023–2024 гг. Анкета «Проблемы адаптации и межкультурного взаимодействия студентов-иностранцев в Сочинском институте (филиале) РУДН им. Патриса Лумумбы. 2023 г.» (далее: ЛА автора. «Анкета»). 9 с.

8. Личный архив автора. 2023–2024 гг. (Интервью) Интервью с заведующим кафедрой всеобщей истории, к. полит. н. В.В. Бобылёвым. Л. 14.

9. ЛА автора. Интервью со студентами М. Азадовым, Ы. Хусейиновым, Б. Бекхановым. Л. 9, 13.

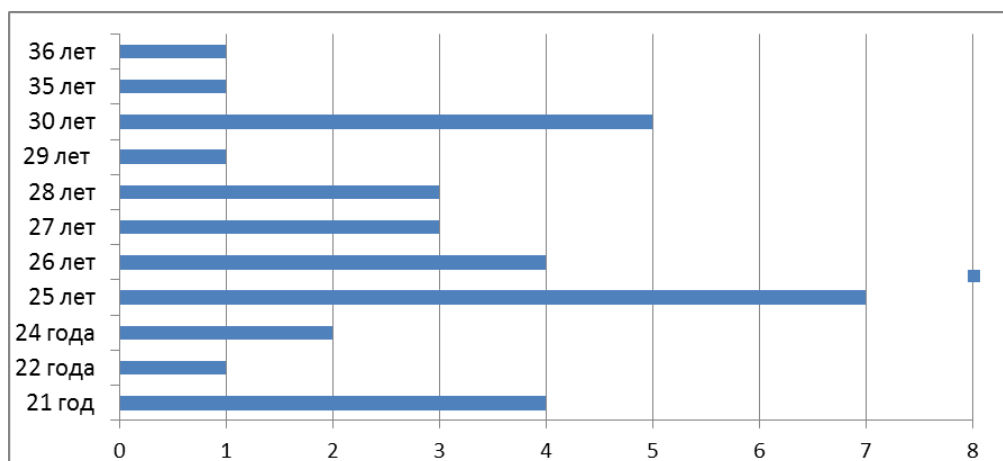


Рис. 1. Возрастной состав студентов из Туркмении. Составлено по: «Анкета». Личный архив (ЛА) М.В. Белозёровой, 2023–2024 гг. С. 9

Fig. 1. Age composition of Turkmen students. Compiled from: «Questionnaire». Author's personal archive, 2023-2024. P. 9

До поступления в вуз студенты проживали в Туркмении в городах велаятов – провинций/областей (58,9 %), этрапов – районов (20,5 %), в сельских населенных пунктах (17,9 %), не указали местожителство 2,7 % анкетиремых.

Рассматривая вопросы интеграции студентов-туркмен в городскую среду Сочи и их адаптации, важными вопросами были об удаленности их места проживания от вуза. Распределение ответов отражено на диаграмме (рис. 2). В период обучения они в основном проживали в Сочи (53,8 %) и Адлере (33,3 %), 12,8 % студентов не указали местожителство¹⁰.

Почти всем студентам (около 87,2 %) было удобно добираться до места учебы, затруднились ответить – 2,6 %, не ответили – 10,3 %. До вуза добирались в основном общественным транспортом: на автобусах – 33,3 %, маршрутных такси – 12,8 %, такси (без уточнения на маршрутном или собственно такси) – 41,0 %, пешком – около 7,7 %, на личных машинах – 5,1 %. Основная их часть отнеслась к удаленности местожителства от вуза положительно (82,1 %), так как «очень помогало» в интеграции, потому что «приходилось общаться с большим количеством людей, зачастую не являющихся студентами»; 7,7 % отметили, что отчасти помогало «включению» в ритмичную жизнь большого города; остальные (10,2 %) не ответили на данный вопрос¹¹.



Рис. 2. Удаленность СИ (филиала) РУДН от места проживания студентов-туркмен. Составлено по: «Анкета». ЛА автора, 2023-2024 гг. С. 3

Fig. 2. The distance of the Sochi Institute (branch) of RUDN University from the place of residence of Turkmen students. Compiled from: «Questionnaire». Author's personal archive, 2023-2024. P. 3

10. ЛА автора. «Анкета». С. 3, 4.

11. Там же. С. 4.

Студенты-туркмены, как правило, в Сочи и Адлере снимали жилье – в основном двухкомнатные квартиры, в которых проживало до пяти человек¹². Стоимость съема квартиры составляла около 35,0 тыс. рублей в месяц. Такую же сумму они оплачивали как первичный/страховочный взнос. Помощь в съеме квартир оказывали знакомые или старшекурсники.

Наиболее важными стали вопросы межэтнического и межкультурного общения как в анкете, так и в интервью. Студенты-туркмены были распределены в студенческие группы со смешанным этническим составом¹³. При этом и сами студенты-туркмены (около 59 %) хотели бы обучаться в полиэтничных группах, что аргументировали следующим (могли выбрать несколько ответов): «так проще найти общий язык и взаимопонимание» – 18 человек, «общий язык помогает в обучении» – 18 человек; «интересны другие национальности и их традиции» (около 36 %), «Сочи – многонациональный город, здесь необходимо поддерживать отношения с представителями разных этносов» (53,8 %). При этом значительная часть студентов (около 36 %) хотела бы обучаться на русском языке. Для быстрой интеграции и адаптации к городской среде Сочи и вузу студентов-туркменов курировал преподаватель, и к ним был прикреплен сокурсник, который хорошо знал русский язык¹⁴. Все обучающиеся общались со студентами и местными жителями Сочи.

Юноши-туркмены подрабатывали в строительных бригадах в Сочи. Эта практика сохраняется и в настоящее время. Бригады – полиэтничны, включают представителей разных этносов (русских, армян и других). Выход на работодателя осуществлялся через знакомых или родственников¹⁵.

В целом, студенты достаточно быстро интегрировались и адаптировались в городской среде Сочи, что подтвердили около 97,4 % респондентов¹⁶. Этому способствовали и такие факторы, как посещение мечети, расположенной в сельской местности¹⁷, ограничение для большинства из них возможности поездок домой в период обучения¹⁸. То есть они в течение четырех лет практически полностью были «погружены» в иноязычную и инокультурную среду. На родном языке они общались только между собой. Тем не менее, анализ ответов в анкете показал, что они сталкивались с бытовым недопониманием со стороны местных жителей (рис. 3) в основном при съеме жилья¹⁹, иногда со студентами (рис. 4).



Рис. 3. Частота случаев недопонимания со стороны представителей других этнических групп.
Составлено по: «Анкета». ЛА М.В. Белозёровой, 2023-2024 гг. С. 3

Fig. 3 Frequency of cases of misunderstanding of other ethnic groups.
Compiled from: «Questionnaire». Author's personal archive, 2023-2024. P. 3

12. ЛА автора. Интервью с Х. Джангулыевым. Л. 9-10.

13. ЛА автора. Интервью с В.В. Бобылёвым. Л. 14.

14. ЛА автора. Интервью с В.В. Бобылёвым. Л. 14.

15. ЛА автора. Интервью со студентами Х. Мырадовым, Ёл. Хусейиновым, Д. Оразовым. Л. 9, 16.

16. ЛА автора. «Анкета». С. 6.

17. Там же. С. 8.

18. ЛА автора. Интервью со студентом М. Азадовым, Л. 9.

19. ЛА автора. Интервью со студентами Р. Доврановым, С. Доврановой. Л. 10.

Недопонимание студенты связывали с тем, что местные жители не знают менталитета, особенностей языка и традиций туркмен (30,0 %); студенты-туркмены не знают языка и традиций местных жителей (46,2 %); отсутствовали общие интересы с однокурсниками (7,7 %); остальные не объяснили свою позицию (рис. 4).

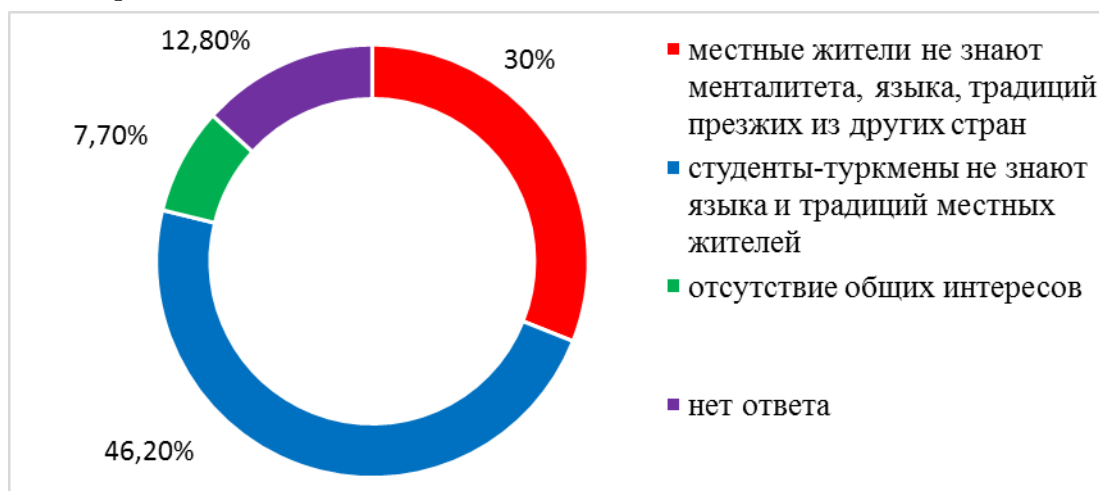


Рис. 4. Причины недопонимания между местными жителями и студентами-туркменами.
Составлено по: «Анкета». ЛА М.В. Белозёровой, 2023-2024 гг. С. 6

Fig. 4. Reasons for misunderstanding between local residents and Turkmen students.
Compiled from: «Questionnaire». Author's personal archive, 2023-2024. P. 6

Интересен взгляд студентов на вопросы, связанные с необходимостью воспитания терпимости к культурной самобытности других этносов (рис. 5). Большинство из них считает, что такая потребность назрела (46,1 %). По их мнению, воспитанием терпимости должны заниматься сами студенты (46,1 %), столько же посчитали, что этим должны заниматься государственные учреждения (вузы, музеи, библиотеки и др.). То есть выбранные варианты ответов равнозначны.

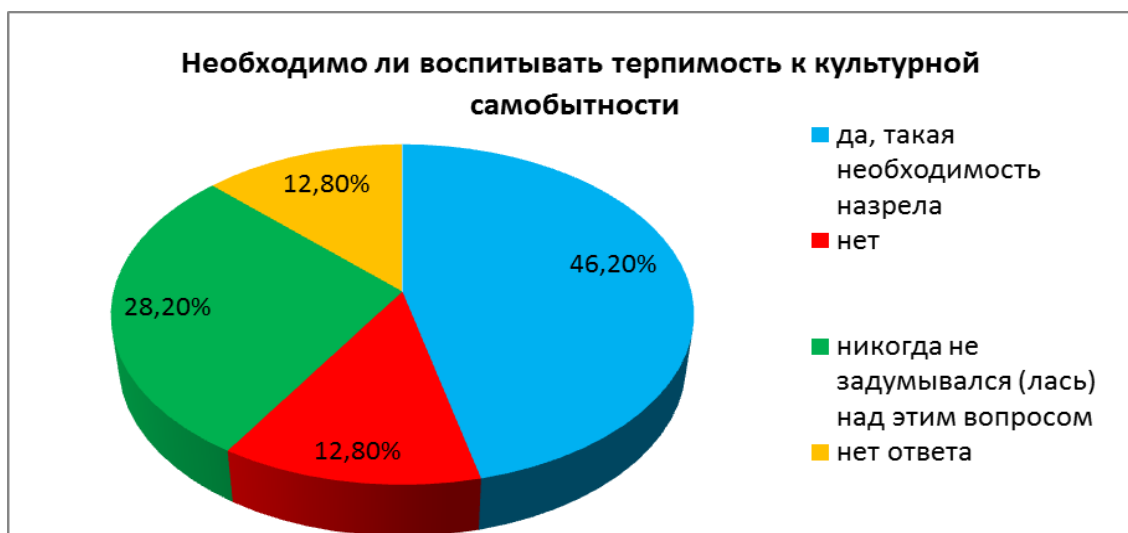


Рис. 5. Мнение респондентов о терпимости к культурной самобытности этносов.
Составлено по: «Анкета». ЛА автора, 2023-2024 гг. С. 8

Fig. 5. Respondents' opinions about tolerance towards the cultural identity of ethnic groups.
Compiled from: «Questionnaire». Author's personal archive, 2023-2024. P. 8

В исследовании был сделан ряд выводов. В работе рассматривались вопросы интеграции, адаптации, формирования социальных коммуникаций и межкультурного взаимодействия студентов-туркмен в Сочинском институте (филиале) РУДН (кейс 2023–2024). Результаты анкетирования

свидетельствуют о достаточно быстрой их интеграции в крупном городе как курортном, культурном, образовательном, научном центре, и адаптации к условиям иноязычной и инокультурной среды. Этому способствовал ряд таких факторов, как обучение в группах со смешанным этническим составом, удаленность вуза от местожительства, возможность добираться до места учебы и в мечеть на общественном транспорте, съем жилья, подработка в строительных бригадах с полиэтничным составом работников, кураторство преподавателя и сокурсников.

В повседневной жизни студенты-туркмены сталкивались с непониманием иногда со студентами, но главным образом в бытовой сфере (в основном при съеме жилья) со стороны местных жителей. Они это связывали с незнанием менталитета, особенностей языка и традиций туркменов, неосведомленностью студентов-туркменов с языками и традициями местных жителей, отсутствием общих интересов с однокурсниками-россиянами. Большая часть опрошенных считало, что назрела потребность воспитания терпимости в обществе к культурной самобытности других народов. Этим должны заниматься как государственные учреждения, так и сами приезжие.

Одним из актуальных вопросов исследования был о возможности формирования туркменской диаспоры. В политологическом аспекте «диаспора» рассматривается как «пребывание части народа (этнической общности) вне страны его происхождения» [25] в силу социально-исторических, экологических, политических и других обстоятельств. В этнографии «диаспора» интерпретируется как этническая внутренне единая общность в иноязычном окружении. К диаспорам относят этнические группы, проживающие вне своей родины, или вне территории происхождения и жизни своего народа, одновременно сохраняющие связь с родиной. Применительно к выпускникам и студентам из Туркмении, отметим ряд аспектов. Все студенты-туркмены, обучавшиеся в СИ (филиале) РУДН, должны вернуться в Туркмению. В их перспективах не было стратегии покупки земли в Сочи, жилья, переезда родственников из Туркмении, так как это очень дорого. Также студенты подчеркивали, что большинство из них вернется на родину из-за существующих финансовых обязательств за обучение перед родственниками. Только часть наиболее обеспеченных студентов-туркменов могли выплатить долг во время учебы. В единичных случаях выпускники все-таки оставались в России, но уезжали в другие регионы РФ, где численность туркменов значительна, например, в Татарстан. Оставшиеся в РФ юноши-туркмены ориентированы в основном на получение работы в сфере строительства. Девушки – на работу в сфере услуг, общественного питания. Те выпускники, которые возвращались в Туркмению, ориентированы на трудоустройство по полученной в вузе специальности²⁰.

Учитывая эти факторы, в настоящее время в Сочи не прослеживается устойчивой ситуации формирования туркменской диаспоры. Скорее можно говорить о, так называемом, «диаспоральном сообществе» [26], которое характеризуется устойчивостью сообществ («диаспоральная прочность»), способностью к интеграции в принимающее общество и адаптации, приему новых членов, готовностью поддерживать связи с родиной, сохранением этнического, культурного, языкового своеобразия.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации Государственного задания ФИЦ СЦ РАН FGRW-2024-0002, № государственной регистрации 124022000096-2 «Методология и методы информационного обеспечения национальной политики. Научное прогнозирование изменения этносоциальной обстановки в субъектах Российской Федерации».

20. ЛА автора. Интервью с В.В. Бобылевым, студентами Б. Бегхановым, Н. Халдаевым, Д. Оразовым. Л. 9, 13, 16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорян А.А., Попова Е.Б. Обучение русскому языку студентов из Туркменистана // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 4. С. 302–315. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-27.
2. King, R. Theories and Typologies of Migration: An Overview and a Primer. *Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations* 3/12 // Malmö University. 2012. 48 p.
3. Wells, A. International Student Mobility: Approaches, Challenges and Suggestions for Further Research // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 143. P. 19–24. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.350
4. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2. С. 74–78.

REFERENCES

1. Grigoryan AA., Popova EB. Teaching Russian to students from Turkmenistan. *Filologicheskiy klass*. 2021; 26(4): 302-315. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-27. (In Russ)
2. King R. Theories and Typologies of Migration: An Overview and a Primer. *Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations* 3/12. Malmö University, 2012.
3. Wells A. International Student Mobility: Approaches, Challenges and Suggestions for Further Research. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014; 143: 19-24. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.350.
4. Arutyunov SA. Diaspora is a process. *Etnograficheskoe*

5. Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей. М.: Научная книга, 1998. 199 с.
6. Шитова Н.Б. Понятие «образовательная миграция»: отражение государственно-правового взгляда в актах стратегического планирования // Журнал юридических исследований. 2019. Т. 4. № 4. С. 7–13.
7. Власов С.Д., Панищев А.С., Назитцева А.Ю. Некоторые проблемы нормативно-правового регулирования образовательной миграции в РФ // Актуальные проблемы и перспективы инновационной агроэкономики. Саратов: Центр социальных агроинноваций СГАУ. 2020. С. 43–47.
8. Галичин В.А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 60 с.
9. Сафонова М.А. Социальная организация образовательных миграций (на примере студенческого потока из Казахстана в Россию): автореф. дисс. ... канд. социол. наук. СПб., 2011. 27 с.
10. Ташев В.В. Ценностно-политические контексты образовательной миграции: автореф. дисс. ... канд. полит. н. М., 2020. 30 с.
11. Волох В.А. Международная образовательная миграция в современной России: особенности, проблемы и перспективы // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 80–87.
12. Письменная Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (Вопросы теории и методики исследования): автореф. дисс. ... докт. социол. н. М., 2009. 65 с.
13. Образовательная миграция. Школы, вузы, музеи России как агенты адаптации и интеграции. Томск: ТГУ, 2019. 126 с.
14. Самофалова Е.И. Образовательная миграция в вузы г. Томска в контексте политики РФ // Образовательная миграция. Школы, вузы, музеи России как агенты адаптации и интеграции: коллективная монография. Томск, 2019. Разд. 3. С. 110–126.
15. Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты в академической среде / Н.Л. Антонова, Т.М. Бальхина, И.И. Баранова и др. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2013. 420 с.
16. Белозéroва М.В. Проблемы и перспективы сохранения и развития народных художественных промыслов адыгов (конец 1990-х – 2010-е годы) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 169–182. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201169-182>.
17. Buzan B. The “War on Terrorism” as the new Macro-Securitization. Oslo: Workshop papers. 2006. P. 1–25.
18. Варганова Г.В. Кейс-стади как метод научного исследования // Библиосфера. 2006. № 2. С. 36–42.
19. Михайлов А.С. Кейс-стади – исследовательская стратегия или мета-метод? // Экономика и социум. 2014. № 3 (12). С. 543–551.
20. Harling K. An overview of case study // Paper presented at the learning workshop Case Studies: Their Future Role in Agricultural and Resource Economics. Long Beach, California. July 27, 2002 [Электронный ресурс] – URL: https://www.academia.edu/78519736/An_Overview_of_Case_Study (дата обращения: 04.03.2024).
21. Власова М.Г. Кейс-стади в исследованиях международных отношений: методология и исследовательская практика // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 255–258.
22. Тищенко Н.В. Особенности применения метода кейс-стади в культурологических исследованиях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 197–199.
23. Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for? // American Political Science Review. 2004. Vol. 98. № 2. pp. 341-354 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.jstor.org/stable/4145316?origin=JSTOR-pdf> (дата обращения: 04.03.2024).
24. Белозéroва М.В. К проблеме толерантности и межкультурного взаимодействия в студенческой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 2 (46). С. 5–9.
25. Спорышев П.П. Диаспора: феномен и понятие (к проблеме выработки политологического подхода) // Экономические стратегии. 2009. № 3. С. 122–127.
26. Спорышев П.П. Российская диаспора как объект внешней политики России: автореферат... ученой степени кандидата политических наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. 23 с.
- Obozrenie. 2000; 2: 74-78. (In Russ)
5. Poloskova TV. *Diasporas in the system of international relations*. Moscow: Nauchnaya kniga, 1998. (In Russ)
6. Shitova NB. The concept of “educational migration”: reflection of the state and legal view in strategic planning acts. *Journal of Legal Research*. 2019; 4(4): 7-13. (In Russ)
7. Vlasov SD., Panitskov AS., Nazitseva AYU. Some problems of legal regulation of educational migration in the Russian Federation. In: *Actual problems and prospects of innovative agroecomics*. Saratov: Center for Social Agroinnovations of SSAU, 2020: 43-47. (In Russ)
8. Galichin VA. *International market of educational services: main characteristics and development trends*. Moscow: Delo, 2015. (In Russ)
9. Safonova MA. *Social organization of educational migrations (on the example of student flow from Kazakhstan to Russia): abstract of the Cand. Sci. dissertation*. Saint-Petersburg, 2011. (In Russ)
10. Taishev VV. *Value-political contexts of educational migration: abstract of the Cand. Sci. dissertation*. Moscow, 2020. (In Russ)
11. Volokh VA. International educational migration in modern Russia: features, problems and prospects. *Social policy and sociology*. 2017; 16(1 (120)): 80-87. (In Russ)
12. Pismennaya EE. *Social consequences of educational immigration to Russia (Issues of theory and research methodology): abstract of the Dr. Sci. dissertation*. Moscow, 2009. (In Russ)
13. *Educational migration. Schools, universities, museums of Russia as agents of adaptation and integration*. Tomsk: TSU, 2019. (In Russ)
14. Samofalova EI. Educational migration to universities of Tomsk in the context of Russian Federation policy. In: *Educational migration. Schools, universities, museums of Russia as agents of adaptation and integration: collective monograph*. Tomsk, 2019; 3: 110-126. (In Russ)
15. Antonova NL., Balykhina TM., Baranova II. et al. (eds). *Chinese, Vietnamese, Mongolian educational migrants in the academic environment*. Tomsk: TSU Publ., 2013. (In Russ)
16. Belozerova MV. Problems and prospects for the preservation and development of folk art and crafts of the Adyghe (late 1990s – 2010s). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2024; 20(1): 169-182. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201169-182>.
17. Buzan B. The “War on Terrorism” as the new Macro-Securitization. Oslo: Workshop papers, 2006: 1-25.
18. Varganova GV. Case study as a method of scientific research. *Bibliosphere*. 2006; 2: 36-42. (In Russ)
19. Mikhailov AS. Case study – research strategy or meta-method? *Economy and Society*. 2014; 3(12): 543-551. (In Russ)
20. Harling K. An overview of case study. *Paper presented at the learning workshop Case Studies: Their Future Role in Agricultural and Resource Economics*. Long Beach, California. July 27, 2002 [Electronic resource]. Available at: https://www.academia.edu/78519736/An_Overview_of_Case_Study (date of access: 04.03.2024).
21. Vlasova MG. Case study in international relations research: methodology and research practice. *Theory and practice of social development*. 2012; 11: 255-258. (In Russ)
22. Tishchenko NV. Features of the application of the case study method in cultural studies. *Theory and practice of social development*. 2015; 10: 197-199. (In Russ)
23. Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for? *American Political Science Review*. 2004; 98(2): 341-354 [Electronic resource]. Available at: [<http://www.jstor.org/stable/4145316?origin=JSTOR-pdf>] (date of access: 03/04/2024).
24. Belozerova MV. On the Problem of Tolerance and Intercultural Interaction in the Student Environment. *Bulletin of the Kemerovo State University*. 2011; 2(46): 5-9. (In Russ)
25. Sporyshev PP. Diaspora: Phenomenon and Concept (Towards the Problem of Developing a Political Science Approach). *Economic Strategies*. 2009; 3: 122-127. (In Russ)
26. Sporyshev PP. *Russian Diaspora as an Object of Russia's Foreign Policy: Abstract of a Candidate of Political Sciences Dissertation*. Moscow: Moscow State University, 2012. (In Russ)

Поступила в редакцию 10.06.2024 г.
Принята в печать 31.07.2024 г.
Опубликована 15.03.2025 г.

Received 10.06.2024
Accepted 31.07.2024
Published 15.03.2025

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211194-208>

Научный отчет

Кривошеев Михаил Васильевич
к.и.н., заведующий лабораторией археологических исследований им. А.С. Скрипкина
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
krivosheev.azi@volsu.ru

Моисеев Владимир Иванович
хранитель фондов лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
v.moiseev@volsu.ru

Дибир-Али Алиевич Хазамов
научный сотрудник
ООО «Дарс», Махачкала, Россия
hazamov.dali@gmail.com

Анна Викторовна Кривошеева
старший преподаватель кафедры истории и международных отношений
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
anna.krivosheeva@volsu.ru

НОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Аннотация. В статье вводится в научный оборот комплекс захоронений третьей четверти III тыс. до н.э. из кургана 7 могильника Хасавюртовские 5-е курганы (Северный Дагестан), исследованный в 2024 г. Основным в кургане было погребение № 8 взрослого мужчины, с которым связан достаточно нерядовой погребальный обряд с использованием каменной наброски над деревянным перекрытием могилы, размещением голов крупного рогатого скота на вершине кургана, который был возведен над этой могилкой. Погребенный лежал в обширной яме скорченно на левом боку, головой на юг. В могиле был обнаружен набор керамической посуды, золотая подвеска в 1,5 оборота, бронзовые нож и шило, каменный выпрямитель древков стрел. Также встречены полированная кость и хвостовые позвонки лошади, которые могут представлять из себя части символа власти – «бунчука». На наш взгляд, особенности обряда и инвентарь подчеркивают высокий прижизненный статус захороненного в погр. 8. Два детских захоронения (погр. 5, 6), относящиеся к тому же периоду, не были впущены в существующую насыпь – дети были захоронены вне кургана и над их могилами создана дополнительная насыпь, перекрывающая первичную. Оба имели индивидуальные могилы, лежали скорченно на левом боку, головами к югу. Среди сопровождающего инвентаря встречены керамическая и деревянная посуда, бисер. К этому же периоду относится и ситуация 2 под вторичной насыпью, содержащая керамические сосуды и отщеп обсидиана под каменной плитой. Комплекс захоронений в кургане может датироваться третьей четвертью III тыс. до н.э. Вероятно, в эпоху средней бронзы территории степной зоны Северного Дагестана были включены в общие процессы культурогенеза степей Предкавказья и Северо-Западного Прикаспия, испытывая влияние как культур предгорной зоны, так и степных сообществ.

Ключевые слова: Дагестан; Хасавюртовские 5-е курганы; эпоха средней бронзы; погребение; погребальный инвентарь; каменная наброска

Для цитирования: Кривошеев М.В., Моисеев В.И., Хазамов Д.-А.А., Кривошеева А.В. Новые комплексы эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 1. С. 194-208. doi.org/10.32653/CH211194-208

EXPEDITIONS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211194-208>

Scientific Report

Mikhail V. Krivosheev
Cand. Sci., Head of the Laboratory of Archaeological Research
Volgograd State University, Volgograd, Russia
krivosheev.azi@volsu.ru

Vladimir I. Moiseev
Researcher, Laboratory of Archaeological Research,
Volgograd State University, Volgograd, Russia
v.moiseev@volsu.ru

Dibir-Ali A. Khazamov
Researcher, Dars LLC, Makhachkala, Russia
hazamov.dali@gmail.com

Anna V. Krivosheeva
Senior Lecturer, Department of History and International Relations
Volgograd State University, Volgograd, Russia
anna.krivosheeva@volsu.ru

NEWLY DISCOVERED MIDDLE BRONZE AGE BURIAL COMPLEXES IN THE NORTH-EASTERN CAUCASUS

Abstract. This article presents a burial complex from mound 7 of the Khasavyurt 5th mounds burial ground (Northern Dagestan), excavated in 2024, and introduces it into the scholarly record. The primary interment in the mound (burial 8) contained the remains of an adult male, associated with a distinctive burial rite involving piled rocks placed over a wooden grave roof and cattle skulls placed atop of the mound. The individual was interred in a large pit, positioned in a flexed posture on his left side with the head oriented to the south. Grave goods included ceramic vessels, a 1.5-turn gold pendant, a bronze knife and awl, and a stone arrow shaft straightener. Additionally, a polished bone and horse tail vertebrae were recovered, potentially representing components of a “bunchuk,” a symbol of power. The characteristics of the burial ritual and the associated artifacts suggest the high social status of the individual in burial 8 during his lifetime. Two contemporary children’s burials (burials 5 and 6) were located outside the primary mound, with a separate mound constructed over them, covering the initial one. Both children were placed in individual graves in a flexed position on their left sides, with their heads oriented to the south. Accompanying grave goods comprised ceramic and wooden vessels, and beads. Situation 2, located beneath the secondary mound and consisting of ceramic vessels and an obsidian flake under a stone slab, is also dated to the same period. The burial complex within the mound is dated to the third quarter of the 3rd millennium BC. These findings suggest that during the Middle Bronze Age, the steppe zone of Northern Dagestan participated in the broader cultural development of the Ciscaucasian and North-Western Caspian steppes, experiencing influences from both the piedmont zone and steppe communities.

Keywords: Dagestan; Khasavyurt 5th mounds; Middle Bronze age; burial; grave goods; piled rock

For citation: M.V. Krivosheev, V.I. Moiseev, D.-A.A. Khazamov, A.V. Krivosheeva. Newly Discovered Middle Bronze Age Burial Complexes in the North-Eastern Caucasus. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 194-208. doi.org/10.32653/CH211194-208

Введение

Весной 2024 г. совместной экспедицией Волгоградского государственного университета и ООО «Центр туризма и краеведения» (г. Махачкала) в рамках археологических работ на участках строительства и реконструкции автомобильной дороги в обход г. Хасавюрт (Республика Дагестан) был исследован курган № 7 в составе курганного могильника Хасавюртовские 5-е курганы.

Курган находился на верхней террасе левого берега р. Ямансу в 2,8 км к западу от г. Хасавюрт. Курган располагался на ровном участке. Высота кургана на момент исследования составляла 1,15 м, длина по линии З-В – 42 м, по линии С-Ю – 36 м (рис. 1, 1). Длительное время участок интенсивно распахивался. В результате раскопок в кургане было исследовано 8 погребений и зафиксировано 2 ситуации, вероятно, связанные с ритуально-поминальными обрядами. Четыре погребения (№№ 1, 2, 4, 7) относятся к раннесарматскому времени и могут датироваться II–I вв. до н.э. Одно погребение (№ 3) находилось практически за пределами курганной насыпи и не имеет уверенной культурно-хронологической атрибуции. Погребения №№ 5, 6, 8 и ситуация № 2 относятся к эпохе бронзы.

В данной статье будут освещены этапы возведения кургана и его функционирования в эпоху бронзы.

Материалы

По полученным стратиграфическим данным установлено, что курганная насыпь возводилась в два приема (рис. 1, 1). Первоначальная насыпь (1) была создана над основным погребением №8. Впоследствии в непосредственной близости от насыпи 1, с уровня древней дневной поверхности были сооружены погребения №№ 5, 6 и оформлен комплекс, получивший наименование ситуация №2. Именно с этим этапом связано возведение насыпи 2, которая уже в последние века до н.э. использовалась кочевым населением в качестве, вероятно, родового кладбища.

Среди находок в насыпи стоит отметить находку фрагмента керамики, который мог быть связан с этапом возведения кургана в эпоху бронзы. Он был найден на уровне погребенной почвы, в 13,25 м к ВЮВ от ЦР и представляет собой фрагмент стенки красноглиняного крупного реповидного сосуда катакомбной культуры с налепным декоративным зубчатым пояском и окатанными краями (рис. 1, 2).

Изучение стратиграфических профилей позволило восстановить размеры насыпи 1 – её высота составляла около 1 м (верхний слой был запахан). Вероятно, в плане насыпь могла иметь подквадратную форму со скругленными углами размерами 16×16 м. Зафиксировать внешние границы насыпи 1 в профилях удалось благодаря наличию в её верхнем слое мелких камешков или крупниц известняка. Под насыпью 1 отмечен гумусный горизонт погребенной почвы мощностью до 0,5 см. В целом профили бровок слабо контрастны. За пределами границ насыпи 1 погребенная почва не фиксировалась. При курганный ровик, из которого отбирался грунт для создания насыпи 2, не глубокий и слабо выражен.

Погребение № 8 (рис. 2). Основное в кургане.

Необходимо остановиться на этапах создания погребения №8. Оно было обнаружено в центре кургана, под ЦР. Сооружалось с уровня древней дневной поверхности. Представляло собой могильную яму квадратной формы, размерами 2,5×2,5 м, с вертикальными стенками и ровным дном, ориентированную стенками по сторонам света. Вокруг могильной ямы был уложен выкид из могильной ямы размерами 10,35×13,66 м. Максимальная мощность выкида – до 0,3 м – зафиксирована к северу и югу от ямы. На выкиде, по линии З-В были уложены бревна перекрытия толщиной до 25 см и длиной до 5,1 м. Над ямой перекрытие обрушилось после истления дерева. Поверх бревен была создана каменная наброска. Общая длина наброски по линии В-З – 6,2 м, по линии С-Ю – 4,5 м. Камни имеют различные размеры и в их расположении не фиксируется никакой системы. В некоторых местах камни перекрывали бревна. Насыпь 1 была возведена после оформления каменной наброски.

Грунтовое заполнение могильной ямы погребения №8 достаточно однородное, на различной глубине встречаются камни и фрагменты бревен от перекрытия. Глубина погребальной ямы достигает 3,48 м от R⁰ (2,99 м от уровня погребенной почвы).

Погребение оказалось не потревожено грабителями. На дне могильной ямы был обнаружен костяк человека, который сильно пострадал после обрушения перекрытия и каменной наброски в яму и от деятельности землеройных животных. Судя по расположению костей, сохранивших анатомический порядок, тело мужчины в возрасте 45–55 лет¹ было уложено на дне ямы, по центральной оси, скорченно на левом боку, с ориентировкой головы и позвоночного столба к югу. Стопы, по всей видимости, были подтянуты к тазу, руки вытянуты перед туловищем. Через некоторое время костяк завалился на спину – сместились левая лопатка, левая рука, череп. Впоследствии костяк был нарушен землеройными животными. Под костями скелета, по периметру на дне и к западу от них обнаружен тлен органической подстилки коричневого цвета, вероятно, древесного происхождения.

Находки:

1. В заполнении южной части ямы, на уровне погребенной почвы обнаружено массивное каменное орудие (рис. 4, 1) из удлинненно-уплощенного галечника темно-коричневого цвета со скругленной узкой торцевой поверхностью с одной стороны, на которой присутствуют небольшие сколы от ударов, и широким, уплощенным противоположным концом, заканчивающимся плоской рабочей площадкой подтреугольной формы со следами использования (сколы, микротрещины). На узких боковых сторонах широкой части орудия отмечаются следы подработки (подтачивания). Длина орудия – 19,2 см, ширина рабочей части – 7,2 см, толщина рабочей части – 3,9–4,3 см.

Судя по положению данного орудия на уровне верхнего края ямы, учитывая обрушение перекрытия в древности, можно предположить, что данная находка не связана непосредственно с комплексом погребения №8 и оказалась здесь значительно позже, возможно, в период использования кургана для захоронения в раннесарматское время. Тем более что рядом с ямой погребения №8 в насыпи кургана находилось полностью разрушенное сарматское погребение №1.

2. У северо-восточного края ямы, среди камней наброски был обнаружен каменный выпрямитель древков стрел (рис. 4, 2) из светлого песчаника, полукруглый в сечении, с продольной полукруглой канавкой по центру плоской поверхности шириной 0,7 см. Длина изделия – 8,4 см, ширина – 3,5, высота – 2,4 см.

3. В заполнении южной части ямы, ближе к центру на глубине от 2,19 м до 3,03 м, обнаружены плохо сохранившиеся остатки двух черепов с нижними челюстями, один под другим, а также разрозненные кости конечностей крупного рогатого скота (далее КРС – *Bos Taurus*)² (рис. 3). Верхний череп лежал основанием вверх, передней частью морды к С (рис. 3, 1). Фрагменты нижней челюсти сдвинуты к Ю и ЮЗ. Левый рог в сочленении с черепом. Правый находился отдельно от черепа и сдвинут к СЗ. Под костями головы КРС зафиксирован древесный тлен, а под деревянным тленом встречены камни перекрытия. Не исключено, что для оформления площадки с черепом использовался деревянный настил.

Нижний череп также лежал основанием вверх, мордой к СВ, левый рог в сочленении, правый был обнаружен ближе к центру ямы на глубине 3,03 м от 0 (рис. 3, 2). На уровне залегания нижнего черепа, ближе к южной стенке и юго-восточному углу без четкого анатомического порядка обнаружены остатки дистальных частей конечностей КРС: полный набор целых метаподиальных костей от одного животного (пясти и плюсны обеих сторон тела), мелкие кости запястья и предплюсны, а также неполный набор фаланг (фаланг-I – 5 шт., фаланг-II – 2 шт., копытцевых фаланг-III – 2 шт.). По визуальной оценке костей конечностей, животные, используемые в ритуальных действиях, были взрослыми, средне-крупного размера.

4. Ближе к восточной стенке, на глубине 2,5 м от 0 зафиксировано пятно мела (?) белого цвета размерами 30×40 см.

5. В юго-западном углу ямы, в заполнении, на глубине 1,35 от 0 найдены 2 куски кремня темно-красного цвета без признаков обработки (рис. 4, 3).

6. У западной стенки, ближе к юго-западному углу ямы, в заполнении, в 13 см выше дна ямы, обнаружен лежавший горизонтально, острием к Ю, ширококлинковый бронзовый нож с черешком-рукояткой (рис. 4, 4). Лезвие ножа ромбовидное. Черешок подпрямоугольный в сечении: 0,9×0,4 см. Общая длина ножа – 12,3 см, длина лезвия – 8,5 см, ширина – 4,3 см, толщина – 0,3 см. Длина черешка рукояти – 3,8 см. Под ножом зафиксирован древесный тлен, что может указывать на изначальное положение ножа на перекрытии могильной ямы.

1. Антропологические определения выполнены к.и.н. Е.В. Перервой.

2. Определения костных остатков животных и костяных изделий выполнены по фото к.и.н. с.н.с. Л.В. Яворской (ИА РАН).

7. В 10 см к северу от ножа, практически на дне ямы, обнаружены три хвостовых позвонка лошади (*Equus caballus*) в анатомическом порядке.

8. В юго-западном углу ямы, почти на дне, встречены 3 кремня без следов обработки (рис. 4, 5).

9. Развал сосуда обнаружен на дне ямы, в 20 см к ЗЮЗ от черепа погребенного. На развале сосуда лежал камень, упавший вместе с перекрытием. Сосуд плоскодонный, коричневоглиняный, с серо-коричневой, подлощенной поверхностью (рис. 4, 6). Тулово биконическое, с наибольшим диаметром в средней части, горло вертикальное. На плечике под горлом – массивная петлевидная ручка подпрямоугольного сечения, со значительным расширением в местах креплений. Крепится к тулову темно-коричневой массой (битум?). Вероятно, это следы древнего ремонта. Ручка украшена двумя продольными желобками, разделенными по центру валиком, сбоку и снизу ручки отмечается небольшой прогиб стенок. На расширениях ручки в местах крепления присутствуют округлые вдавления с каждой стороны расширения. Черепок в изломе коричневый, тесто с видимой примесью мелкого песка и дресвы. Высота сосуда – 25 см, наибольший диаметр тулова – 27,2 см, высота горла – 4 см, диаметр горла – 12 см, диаметр дна 8,5 см. Высота ручки – 4,1 см.

10. К югу от черепа, на дне, найден развал крупного коричневоглиняного, широкогорлого, плоскодонного сосуда с петлевидной ручкой (рис. 4, 7). Тулово яйцевидное, с наибольшим диаметром в верхней части. Горло вертикальное, с небольшим наклоном внутрь, край венчика слегка отогнут наружу. Петлевидная ручка крепится к плечу сосуда, расширяется в местах креплений и оканчивается вертикальными уступами высотой около 1 см. Верхняя часть тулова украшена фризом из повторяющихся наколов, сделанных, вероятно, острой палочкой, образующих 12 треугольников, направленных вершинами вниз. Нижний ряд наколов на боковых сторонах треугольников отделен прочерченными линиями, также образующими треугольники вершинами вниз. Фриз разделен ручкой сосуда. Над треугольниками из наколов находится пояска из горизонтального ряда аналогичных наколов. Тесто с примесью дресвы. Высота сосуда – 20,9 см, наибольший диаметр тулова – 23 см, высота горла – 5 см, диаметр горла – 15,3 см, диаметр дна 10 см.

11. К западу от черепа погребенного, в 5 см выше дна ямы, обнаружена золотая подвеска в 1,5 оборота, овальной формы, с утолщениями на концах. Концы закругленные. Высота подвески – 1,3 см, ширина – 1 см. Золотой прут уплощен. Размеры сечения верхнего перегиба – 0,25×0,2 см, сечение утолщений на концах – 0,4–0,45×0,3 см (рис. 4, 8).

12. На дне ямы, в юго-восточном углу обнаружено маленькое бронзовое шило, квадратное в сечении, длиной 3,75 см (рис. 5, 1). Оба конца заострены. Черешок длиной 1,15 см отделен от рабочей части едва заметным уступчиком.

13. У восточной стенки по центру на дне найден развал небольшого сосуда с боковым коническим носиком-сливом (рис. 5, 2). Тулово яйцевидное, дно уплощенное, венчик незначительно отогнут наружу. Внешняя и внутренняя поверхность заглажены. Поверхность сероватая светло-коричневая. Стенка плавно переходит в уплощенное дно. Высота сосуда – 8 см, наибольший диаметр тулова – 8,5 см, диаметр горла – 6,7 см, внешний диаметр венчика – 7 см, диаметр дна 3,5 см. Длина носика-слива – 2,6 см. Диаметр отверстия в носике по всей длине – 0,4 см.

14. Между северной стенкой и ногами погребенного, на дне, обнаружены фрагменты лепного сосуда, собранные в три крупных фрагмента стенок (рис. 5, 3). Внешняя поверхность керамики коричневого цвета, имеет бугристую поверхность, схожую с неравномерно покрытой грязью. Однако это слой глины, нанесенный до обжига на сформованную стенку и не выровненный. Внутренняя поверхность сосуда черного цвета.

15. В юго-восточном углу ямы, в придонной части, обнаружены 2 мелких бисеринки диаметром 0,34 см и 0,35 см, толщиной 0,15 см и 0,16 см, диаметр внутренних отверстий 0,1 см и 0,2 см соответственно (рис. 5, 5).

16. На дне ямы, на расстоянии 43 см к северу от золотой подвески и на расстоянии 62 см к СВ от хвостовых позвонков лошади было обнаружено изделие из кости: большой фрагмент трубчатой кости – метаподия козули (*Capreolis Capreolis*) (рис. 5, 4). Кость правая, нижний эпифиз отсутствует, место его приращения заглажено, верхняя площадка метаподия затерта. Длина изделия – 15,8 см. Вся поверхность костяного изделия равномерно заполирована. Эта полировка, возможно, была нанесена специально при изготовлении вещи, но не исключено, что она функциональная. На кости также обнаружены продольные, слабо выраженные протертые (?) желобки вдоль длинных сторон кости и на диафизе

и эпифизе. Расположенные недалеко хвостовые позвонки лошади позволяют предположить, что погребенная кость косули служила рукояткой изделия наподобие бунчука, на котором был укреплен конский хвост.

Погребение №5 (рис. 6, 1–3).

Обнаружено на уровне погребенной почвы на расстоянии 8 м к югу (180°) от ЦР. На этом же уровне зафиксированы перекрытия в виде деревянных плах в два слоя, уложенных перпендикулярно. Могильная яма подквадратной формы, ориентированная стенками по сторонам света. Размеры ямы по верху: длина – 1,47 м, ширина – до 1,54 м; размеры ямы по дну: длина – 1,43 м, ширина – до 1,51 м. Глубина ямы – до 2,35 м от 0 (рис. 6, 1). На дне ямы, немного восточнее оси С-Ю, был обнаружен костяк ребенка 7,5–8 лет, уложенный в скорченном положении на левом боку, головой и позвоночным столбом к югу. Руки были вытянуты вдоль тела, кистями к бедренным костям. На дне могильной ямы, вокруг костяка зафиксирована подстилка коричневого цвета древесного происхождения (?). На отдельных участках под древесным тленом зафиксированы пятна мелового посыпки толщиной до 0,5 см.

Находки:

1. На расстоянии 20 см к западу от костяка на дне стоял лепной, коричневоглиняный горшок, вероятно, с уплощенным дном и с петлевидной, расширяющейся к креплениям, ручкой на плечике (рис. 6, 2). Тулово яйцевидное, с выделенным небольшим уступчиком в верхней части тулова. Ручка петлевидная, сужающаяся к центру, и приостренная кверху. На месте перегиба ручки имеется небольшая продольная ложбинка. Поверхность сосуда коричневая, с красными пятнами на плечиках и венчике и пятнами нагара у дна, хорошо залощена. В тесте фиксируется примесь дресвы. Высота сосуда – 13,5 см, наибольший диаметр тулова – 15,3 см, диаметр шейки – 11,2 см, диаметр венчика – 11,8 см, диаметр дна – 6 см.

2. С юга, юго-востока, востока горшок по дну огибала цепочка из 15 альчиков (таранных костей мелкого рогатого скота и, возможно, косули), уложенных в два ряда вплотную друг к другу. Сохранность костей можно оценить примерно в 3 балла из 5, следов использования зафиксировать не удалось.

3. На дне ямы в 4 см к западу от правого колена погребенного человека, по линии С-Ю, располагались фрагменты трубчатой кости среднего домашнего копытного (вероятно, кости передней конечности МРС). Длина кости 23 см.

4. За основанием черепа, перед нижней челюстью, между костями грудной клетки были обнаружены мелкие бусинки-бисеринки: бочонковидная (не сохранилась) и две четырехконечных. Четырехконечные бисеринки из фаянса (?) с 4 лучами, расходящимися в разные стороны и закругленными на концах. Размеры бисеринок: 0,6×0,55×0,22 см, диаметр отверстия около 0,1 см, 0,5×0,55×0,2 см, диаметр отверстия около 0,1 см (рис. 6, 3).

5. В 5 см к ЮЗ от горшка обнаружено небольшое скопление подиальных костей крупного копытного плохой сохранности.

Погребение №6 (рис. 6, 4–6).

Обнаружено на уровне материка на расстоянии 11 м к ЮЮВ от ЦР. Вероятно, яма имела два уровня и была сооружена с уровня погребенной почвы. Размеры и форму верхней ямы зафиксировать не удалось. Судя по ситуации, в верхней яме, на глубине около 2,3 м от R°, в материке, были устроены заплечики, на которых были уложены необработанные плиты перекрытия (рис. 6, 4). Плиты укладывались как по линии С-Ю, так и по линии З-В. В длину по линии С-Ю каменное перекрытие занимало 2,7 м, в ширину по линии З-В – 1,2 м. Одна из плит провалилась в могильную яму.

Под плитами перекрытия была зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, глубиной 0,61–0,67 м от уровня заплечиков (рис. 6, 5). Яма была ориентирована длинной осью по линии С-Ю. Длина ямы – до 1,3 м, ширина – до 0,94 м. Глубина ямы – 2,97 м от R°. На дне ямы, ближе к восточной стенке, был обнаружен костяк ребенка 2,5–3 лет, уложенный скорчено на левом боку, головой и позвоночным столбом к югу. Руки были вытянуты вдоль тела: левая – кистью у левого колена, правая – кистью на левом бедре. По всей площади дна могильной ямы, зафиксирована древесная подстилка коричневого цвета.

Находки:

1. Перед погребенным, между костяком и западной стенкой, обнаружен тлен деревянного блюда (миски?), диаметром около 34,5 см.

2. В деревянном сосуде находились фрагменты шести ребер мелкого рогатого скота (вероятнее всего, барана – *Ovis aries*). Ребра принадлежат молодому животному (*subadultus*), относятся к левой стороне, располагаются в скелете друг за другом, от середины к концу грудной клетки. Можно предположить, что это ритуальная мясная пища, связанная со статусом погребенного ребенка – бараний бочок.

3. На обеих кистях ребенка, в районе ребер, шеи, колен собраны многочисленные мелкие фаянсовые бусы-бисеринки разного цвета:

– 28 мелких белых, диаметром 0,28 см, толщиной 0,13–0,16 см, диаметр отверстия 0,1 см (рис. 6, 6а).

– 6 крупных белых диаметром 0,45–0,5 см, толщиной 0,24–0,3 см, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 6, 6б).

– 34 темно-бежевых цилиндрических длиной 0,28–0,35 см, диаметром 0,25–0,3 см, диаметр отверстия 0,1 см (рис. 6, 6в).

– 19 коричневых округлых и биконических диаметром 0,4–0,45 см, толщиной 0,21–0,33 см, диаметр отверстия 0,1–0,2 см (рис. 6, 6г).

– 1 дисковидная диаметром 1,05 см, толщиной 0,23 см, диаметр отверстия 0,3 см (рис. 6, 6д).

Ситуация 2 (рис. 5, 1).

В 12,2 м к ЮВ от ЦР, на уровне погребенной почвы обнаружен крупный плоский камень размерами 81×57×7 см, положенный горизонтально, длинной осью по линии С-Ю. Под центральной частью камня, на уровне материка зафиксирован комплекс находок, которые, вероятно, находились в яме, форма и размеры которой не фиксировались (рис. 5, 6). Дно её зафиксировано на глубине – 1,81 м от 0.

Находки:

1. На дне стоял коричневоглиняный лепной плоскодонный горшок биконической формы (рис. 5, 7). Сохранился не полностью. Фиксируются места крепления ручки, которая не сохранилась. Наибольший диаметр тулова оформлен ребром, сформированным выделенным защипом на высоте 5,7 см. Венчик низкий, высотой 1 см, отогнут наружу. Дно ровное. Поверхность сосуда коричневая, с пятнами нагара, некоторые участки залощены. В тесте лепного сосуда фиксируется незначительная примесь дресвы. Высота сосуда – 10,6 см, наибольший реконструируемый диаметр тулова – 13 см, реконструируемый диаметр горла – 10,6 см, реконструируемый диаметр венчика по внешнему краю – 11 см, реконструируемый диаметр дна – 6,8 см.

2. К юго-востоку от горшка, вплотную, на глубине –1,66 м от 0 находился небольшой лепной, коричневоглиняный сосудик реповидной формы с орнаментом по плечикам и небольшой петлевидной ручкой на плечике (рис. 5, 8). Венчик вертикальный, незначительно отогнут наружу. Высота венчика – 0,7 см. На плечике, ниже венчика к ребру тулова крепится примазыванием петлевидная, расширяющаяся к креплениям ручка с уплощенной верхней площадкой, на которой в виде штриховки изображены 3 диагональные линии, пересекаемые под острым углом другой линией. Высота ручки – 1,5 см. Поверхность сосуда коричневая, нижняя часть тулова подлощена и имеет слегка сероватый оттенок. Высота сосудика – 4,2 см, наибольший диаметр тулова – 7 см, диаметр венчика по внешнему краю – 4,9 см, диаметр дна – 4,4 см. По плечикам, от ребра до венчика, верхняя часть тулова покрыта орнаментальным фризом, ограниченным снизу – по наибольшему диаметру тулова, сверху, под венчиком – прочерченными горизонтальными сплошными линиями. Между линиями заключены несколько различных геометрических зон: две прямоугольных и одна трапециевидная зона штриховок, пересекающихся под прямым углом линий; прямоугольных и равнобедренных треугольников, направленных вершинами и вверх, и вниз, и заполненных продольными линиями и штрихами; трапецией, заполненной 9 вертикальными линиями. Высота сосудика – 4,2 см, наибольший диаметр тулова – 7 см, диаметр венчика по внешнему краю – 4,9 см, диаметр дна – 4,4 см.

3. Между сосудами, на дне ямки, лежал маленький отщеп обсидиана, размерами 1,15×1,1×0,29 см, прозрачный с чередующимися черными продольными полосками.

Обсуждение

Представленный комплекс захоронений эпохи средней бронзы в кургане 7 могильника Хасавюртовские 5-е курганы ярко дополняет немалочисленные материалы этого периода в Северном Дагестане.

Создание индивидуальной насыпи над одиночным погребением №8, обширная могильная яма, высокие трудозатраты в виде массивного деревянного перекрытия и каменной наброски над ним

указывают на достаточно высокий статус захороненного мужчины. Неразграбленность могилы позволила зафиксировать важный элемент обряда – помещение черепов и частей ног КРС на вершине кургана.

Набор инвентаря, помещенного в могилу, достаточно стандартный для захоронений этого периода, вписывается в круг находок восточноманьчской катакомбной культуры. Высокий сосуд с широким прямым горлом и орнаментом в виде треугольников (рис. 4, 7) морфологически схож с сосудом из могильника Чограй VIII (кург. 18, погр. 04) [1, илл. 35, 12]. Орнамент в виде треугольников представлен и в дагестанских памятниках эпохи бронзы [3, рис. 9, 1; 14, 2].

Крупный биконический сосуд (рис. 4, 6) отличается более высокое качество изготовления подлощенная поверхность. Подобные сосуды не характерны для степных памятников этого периода. Однако близкие формы представлены в синхронных памятниках Северного Дагестана – в бассейне нижнего течения р. Сулак, в 30 км к югу от исследованного кургана [3, рис. 2а, 3].

Бронзовый нож из рассматриваемого погребения (рис. 4, 4) обнаруживает сходство с ножами третьего типа по типологии Е.И. Гака, которые наиболее широко представлены в памятниках маньчских катакомбных культур эпохи средней бронзы Предкавказья [2, с. 76, рис. 3, 15–18]. К северу от их ареала этот тип встречается крайне редко. В предгорной же полосе он известен, например, по материалам Бамутского курганного могильника в Чечне [7, рис. 27, 12] и Миатлинского курганного поля в Дагестане [3, табл. 1, 1; 3, 2]. Памятники маньчских культур имеют представительную серию радиоуглеродных дат и вполне уверенно датируются сейчас третьей четвертью III до н.э. [8, с. 277–278, табл. 8; 5, с. 36–38; 6]. Бронзовые шилья, близкие обнаруженному в погребении №8, также являются достаточно частой находкой на Северном Кавказе. Культурно и хронологически диагностирующими они не являются. Данный экземпляр можно отнести к типу 2 по типологии А.А. Клещенко, отличающихся наличием подчеркнутого перехода от черенка к рабочей части [4, с. 97, рис. 3, 16, 17, 19]³.

В круг находок этого периода вписывается и золотая подвеска в 1,5 оборота (рис. 4, 8), которая также имеет аналоги из бронзы в степных погребениях восточноманьчской культуры [1, илл. 54, 2] и в захоронениях среднего бронзового века Дагестана [3, табл. 1, 16; 4, 3]. Сама по себе овальная форма подвески является хронологическим маркером второй половины среднего бронзового века.

Необычной находкой в погребении №8 является полированная кость животного с протертым жевательным концом и поблизости от нее – хвостовых позвонков лошади (рис. 5, 4). Не исключено, что данная кость представляет собой рукоять – своего рода короткий костяной жезл, а хвостовые позвонки – остатки конского хвоста, крепившегося к рукояти. Если предлагаемая нами интерпретация данных находок верна, то их сочетание можно рассматривать как символ власти типа бунчук⁴. В захоронениях катакомбного времени такие находки как каменные навершия булав, полированные топоры нередко рассматриваются в качестве инсигний власти, что не лишено оснований. Вполне возможно, именно предметы боевого назначения или их реплики отражали статус мужчины в воинской иерархии. Обнаруженный нами «бунчук» также может быть символом власти, и не обязательно военного характера. Но на данном этапе исследования – это не более чем предположение.

На наш взгляд, показателен факт отсутствия впускных захоронений в насыпь 1, созданную над погребением №8. Два детских захоронения и ситуация 2 были сооружены за её пределами и над ними была возведена дополнительная насыпь. Это также подчеркивает высокий прижизненный статус погребенного в захоронении №8.

Заключение

Комплекс захоронений в кургане 7 могильника Хасавюртовские 5-е курганы на основе выше указанных параллелей может датироваться третьей четвертью III тыс. до н.э. Особый интерес представляет центральное захоронение, выделяющееся погребальной конструкцией и набором инвентаря, указывающим на достаточно высокий социальный статус погребенного.

Вероятно, в эпоху средней бронзы территории степной зоны Северного Дагестана были включены в общие процессы культурогенеза степей Предкавказья и Северо-Западного Прикаспия, испытывая влияние как культур предгорной зоны, так и степных сообществ.

3. Благодарим Е.И. Гака и А.А. Клещенко за консультации в процессе подготовки публикации.

4. Выражаем благодарность Л.В. Яворской (ИА РАН) за определение остеологического материала, консультации и ценные предложения в ходе подготовки публикации.

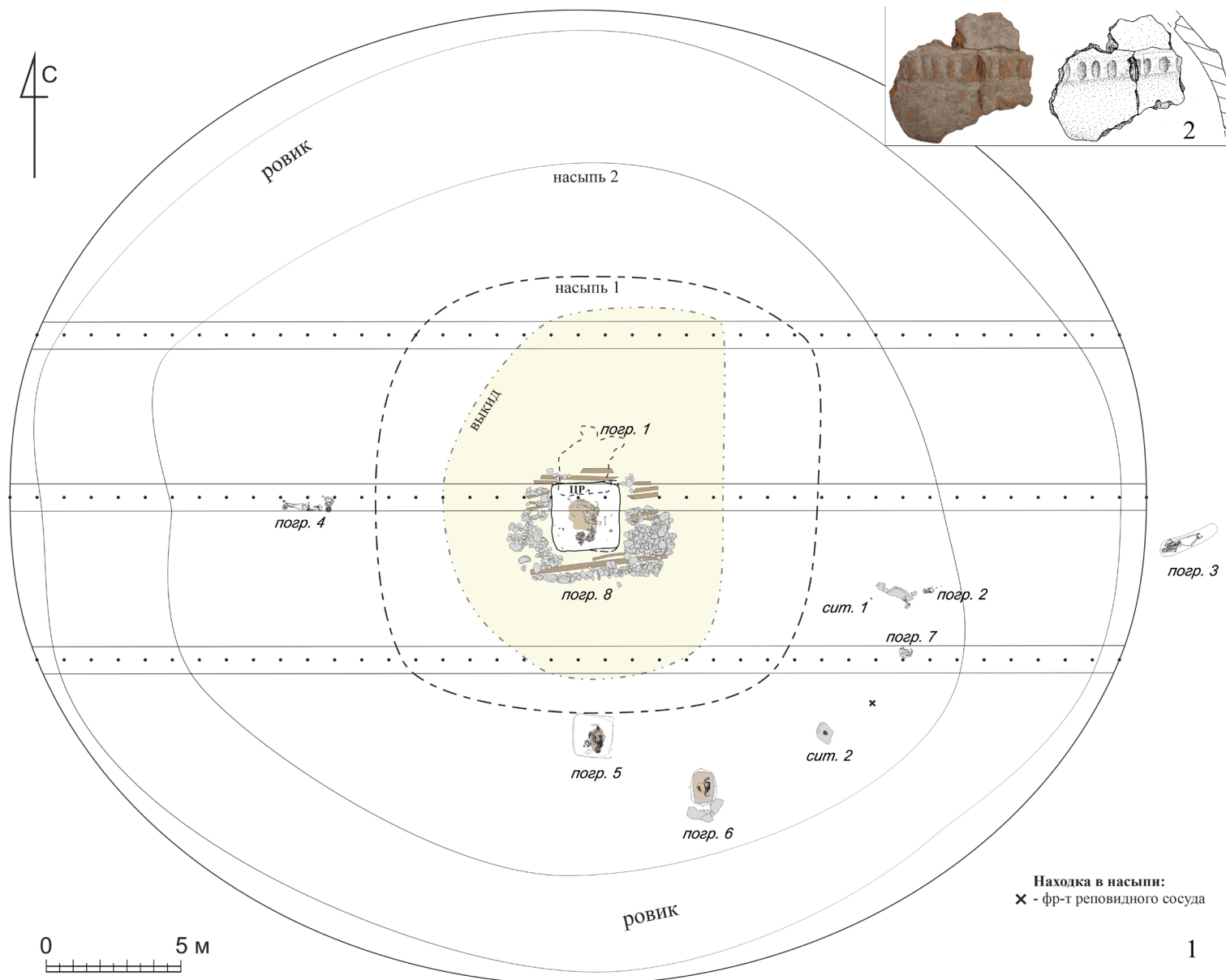


Рис. 1. Хасавюртовские 5-е курганы, курган 7: 1 – план кургана; 2 – фр-т реповидного сосуда в насыпи

Fig. 1. Khasavyurtovskiye 5-e kurgans. Kurgan 7: 1 – Plan of the kurgan; 2 – fragment of a pot in the mound

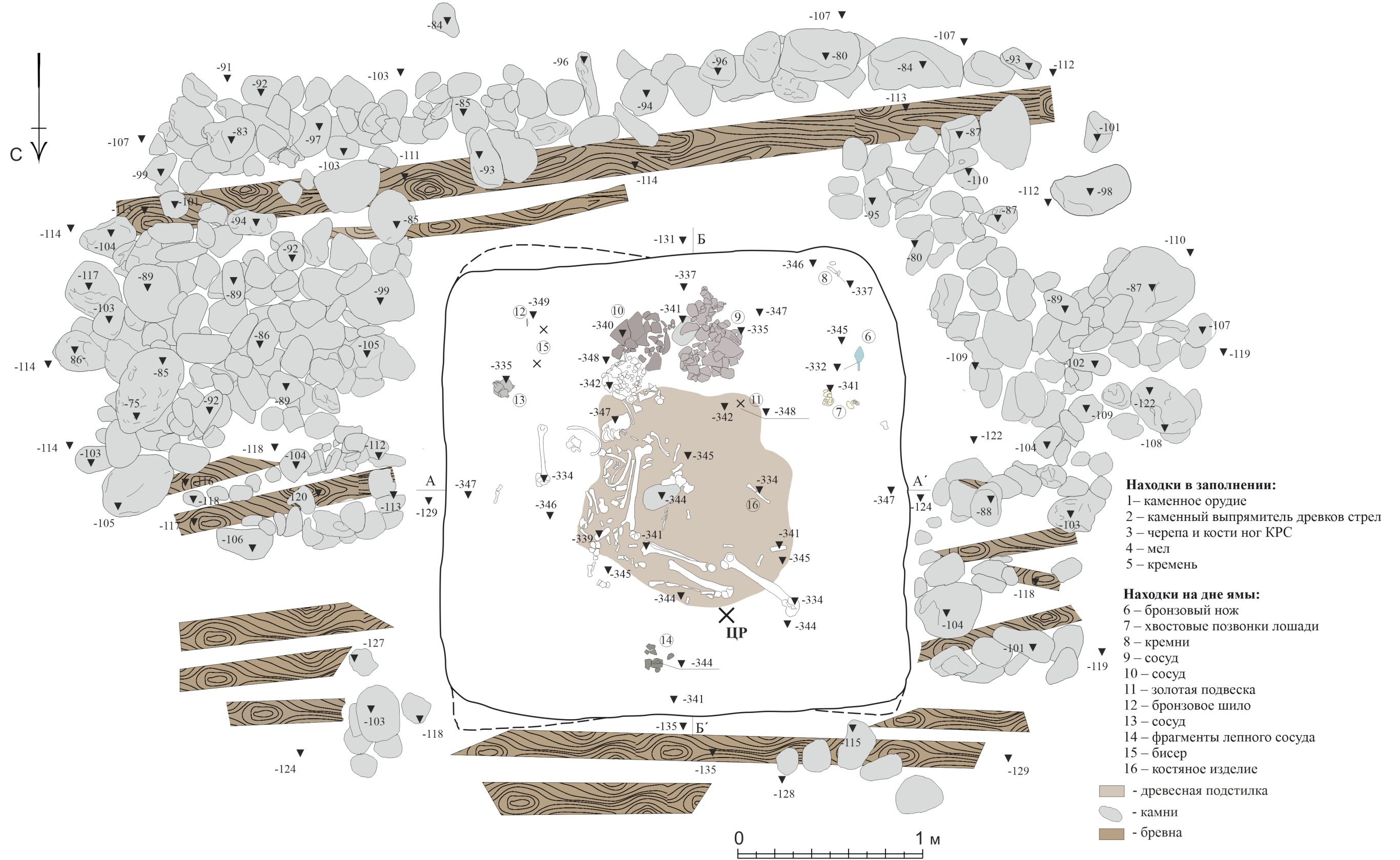


Рис. 2. Хасавюртовские 5-е курганы, курган 7, погр. 8

Fig. 2. Khasavyurtovskiy 5-e kurgans, kurgan 7, burial. 8

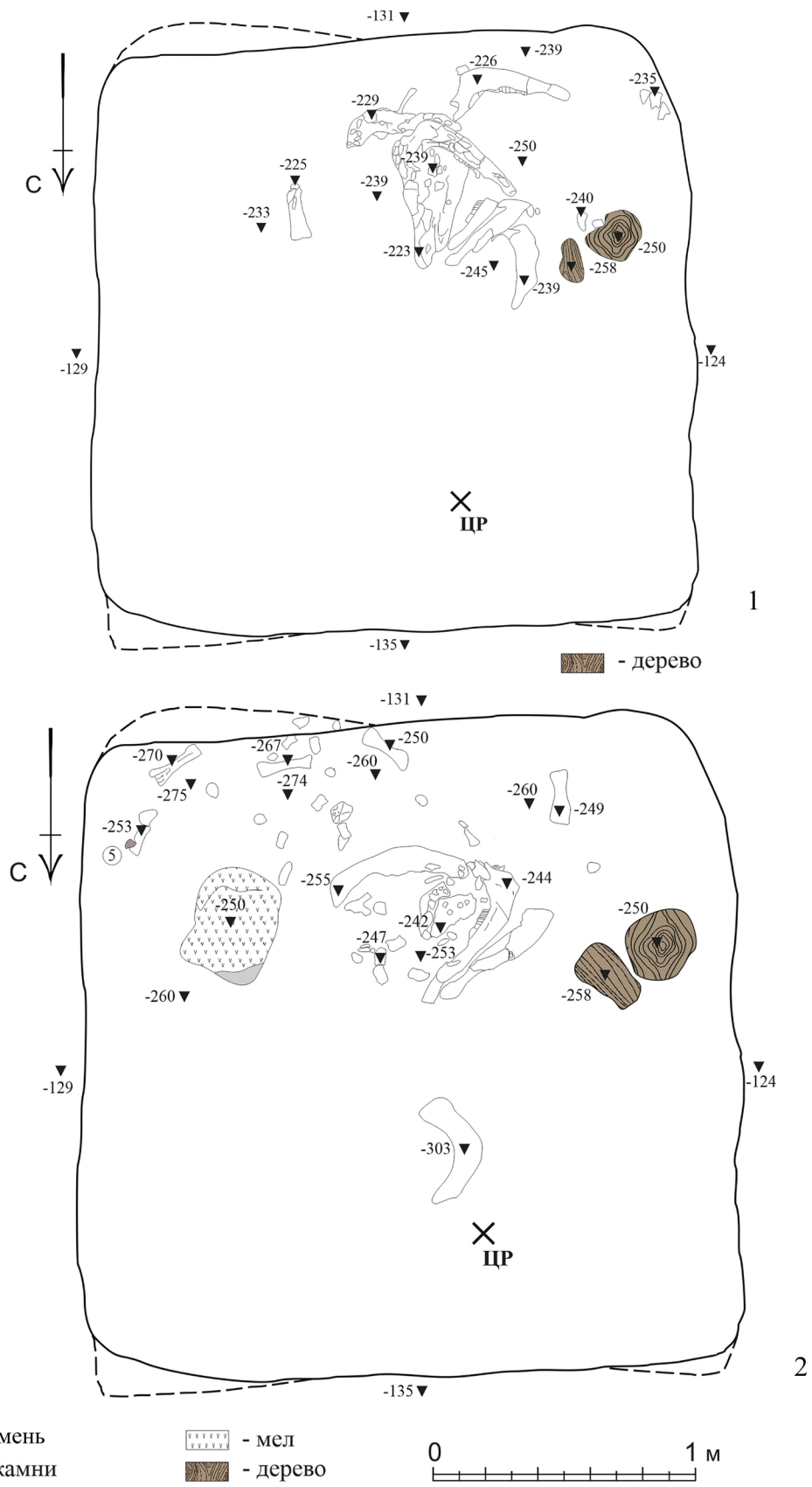


Рис. 3. Черепа и кости ног КРС в заполнении погребения 8: 1 – ситуация 1; 2 – ситуация 2
 Fig. 3. Skulls and leg bones of cattle in the filling of burial 8: 1 – situation 1; 2 – situation 2



Рис. 4. Находки из погребения 8: 1 – каменное орудие; 2 – каменный выпрямитель древков стрел; 3, 5 – кремнь; 4 – бронзовый нож; 6, 7 – сосуды; 8 – золотая подвеска

Fig. 4. Finds from burial 8: 1 – stone tool; 2 – stone arrow shaft straightener; 3, 5 – flints; 4 – bronze knife; 6, 7 – pots; 8 – gold pendant

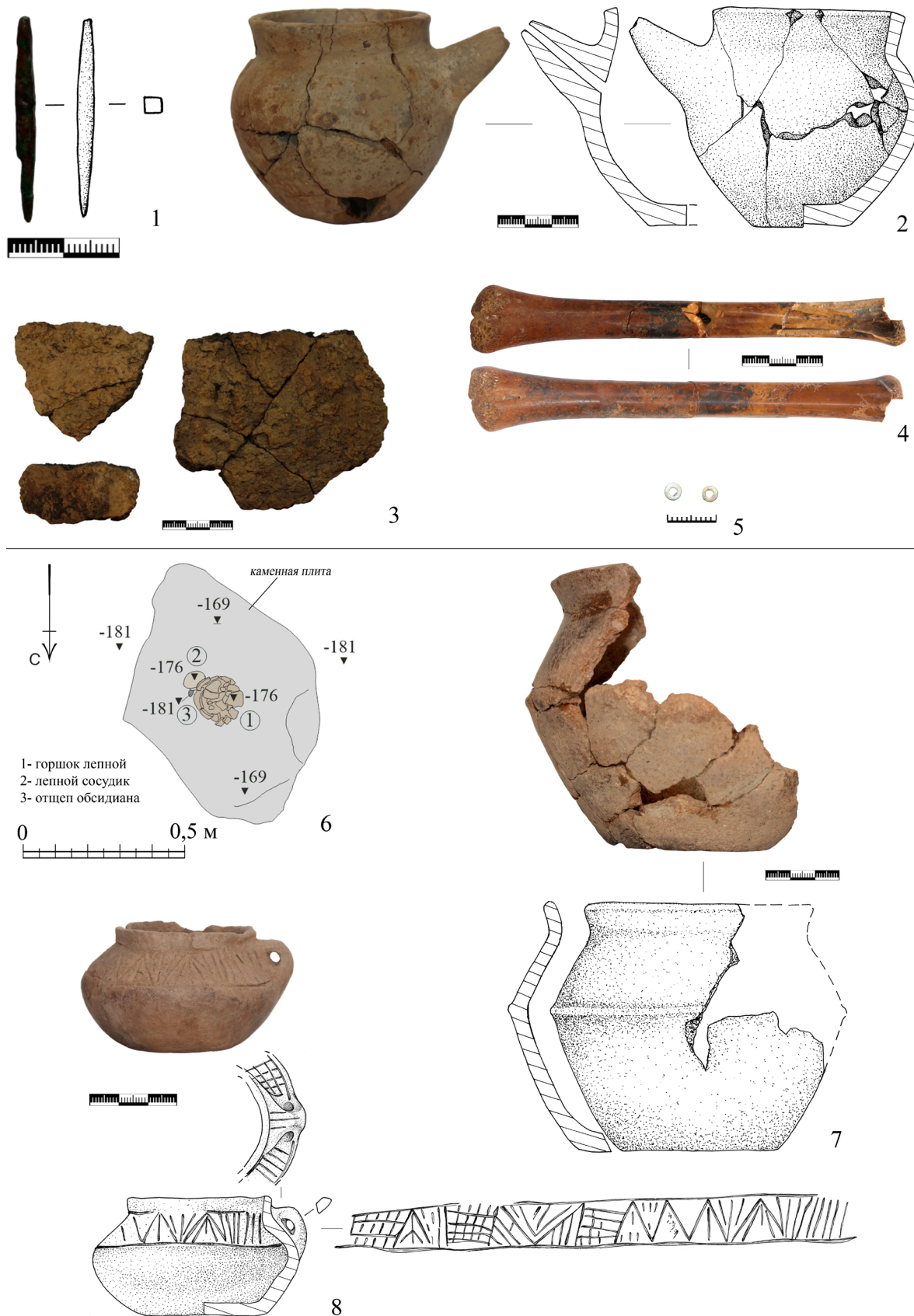


Рис. 5. Находки из погребения 8 и ситуации 2: 1 – бронзовое шило; 2 – сосуд; 3 – фр-ты лепного сосуда; 4 – изделие из кости; 5 – бисер; 6 – план ситуации 2; 7, 8 – сосуды

Fig. 5. Finds from burial 8 and Situation 2: 1 – Bronze awl; 2 – Ceramic vessel; 3 – Fragments of a handmade ceramic vessel; 4 – Bone artifact; 5 – Beads; 6 – Plan of Situation 2; 7, 8 – Ceramic vessels

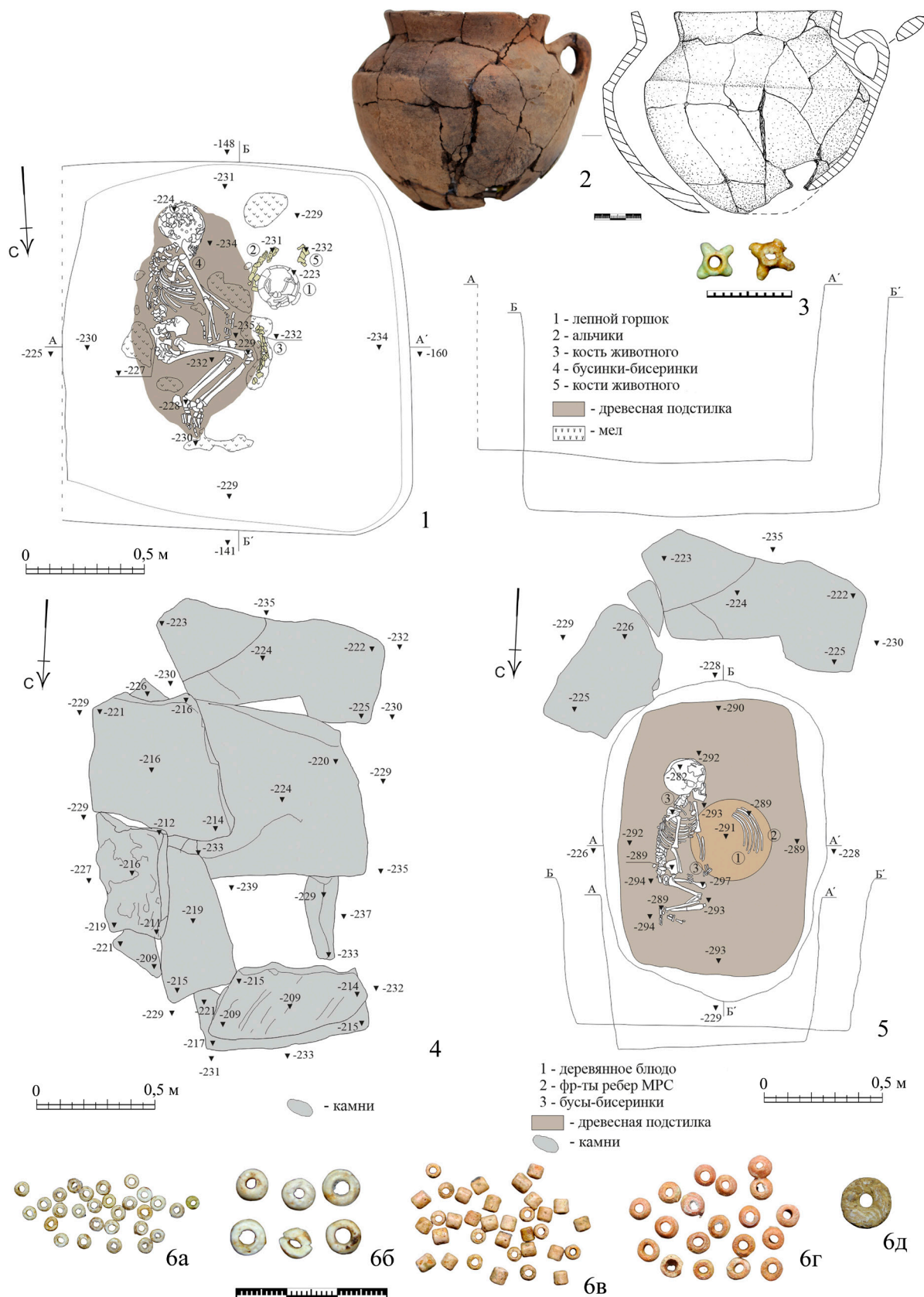


Рис. 6. Планы погребений 5 и 6 и находки из них: 1 – план погребения 5; 2 – лепной горшок; 3 – бисеринки; 4 – перекрытие из каменных плит погребения 6; 5 – план погребения 6; 6 – бусы-бусинки

Fig. 6. Plans of burials 5 and 6 and associated finds: 1 – Plan of burial 5; 2 – Handmade ceramic pot; 3 – Beads; 4 – Covering of stone slabs from burial 6; 5 – Plan of burial 6; 6 – Beads

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева М.В. Восточноманьчская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М: ТАУС, 2014. 272 с.
2. Гак Е.И., 2011. Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Дно-Волжского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 69–87.
3. Канивец В.И., Березанская С.С. Курганы бронзового века на Сулаке // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала, 1959. С. 60–85.
4. Клещенко А.А. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 88–99.
5. Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.
6. Мимоход Р.А. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2022. В 3-х томах. Т. 1 – 337 с; Т. 2 – 305 с.; Т. 3 – 464 с.
7. Мунчаев Р.М., Сарияниди В.И. Бамутские курганы эпохи бронзы // Краткие сообщения Института археологии. Вып. № 98. 1964. С. 90–99.
8. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетие до н.э.). М.: Государственный Исторический музей, 2007. 400 с.

Поступила в редакцию 12.09.2024 г.

Принята в печать 15.11.2024 г.

Опубликована 15.03.2025 г.

REFERENCES

1. Andreeva MV. *East Manych catacomb culture: analysis of burial sites*. Moscow: TAUS, 2014. (In Russ)
2. Gak EI. Indications of metal production of the catacomb cultures in the steppe zone of the Ciscaucasia and the southern part of the Don-Volga interfluvium. *Brief reports of the Institute of Archeology*. 2011; 225: 69-87. (In Russ)
3. Kanivets VI, Berezanskaya SS. Mounds of the Bronze Age on Sulak. *Materials on the archeology of Dagestan*. Makhachkala, 1959; 1: 60-85. (In Russ)
4. Kleshchenko AA. Bronze knives and awls of the early stage of the Middle Bronze Age in the Kuban basin. *Brief reports of the Institute of Archeology*. 2011; 225: 88-99. (In Russ)
5. Mimokhod RA. *Mounds of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov Volga Region: Characteristics and Cultural and Chronological Attribution of the Complexes*. Moscow: Taus, 2009. (In Russ)
6. Mimokhod RA. *Cultures and cultural genesis in the east of the post-catacomb world. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. In 3 vols*. Moscow, 2022.
7. Munchaev RM., Sarianidi VI. Bamut burial mounds of the Bronze Age. *Brief communications of the Institute of Archeology*. 1964, 98: 90-99. (In Russ)
8. Shishlina NI. *North-Western Caspian region in the Bronze Age (V-III millennium BC)*. Moscow: State Historical Museum, 2007. (In Russ)

Received 12.09.2024

Accepted 15.11.2024

Published 15.03.2025

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211209-215>



Исследовательская статья

Садовой Александр Николаевич
д.и.н., профессор, главный научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
sadovoy.a.n@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: РОССИЙСКО-АНГЛИЙСКИЙ ДИСКУРС

(Рецензия на монографию Robert Chenciner
& Magomedkhan Magomedkhanov. *Dagestan,
history, ethnography, identity* – Publisher Routledge,
Taylor & Francis group, Milton Keynes UK, 2021. –
263 pages, 7 maps, 26 images)

Аннотация: Данная публикация представляет собой рецензию на вышедшую в 2021 году в Англии монографию д.и.н. М.М. Магомедханова (Россия) и Роберта Ченсинера (Великобритания) «Dagestan, history, ethnography, identity». Авторами издания предпринята первая в отечественной историографии попытка дать оценку выявленным социальным трендам как факторов перманентного воздействия на современные проявления идентичности народов Дагестана, начиная со Средневековья и до настоящего времени. Предложенный дискурс по проблематике опирается на методологические принципы системного подхода, получившего в отечественной историографии развитие со второй половины XX в.

Ключевые слова: народы Дагестана; идентичность; традиционная культура; российско-английский дискурс; методология исследования

Для цитирования: Садовой А.Н. Методологические аспекты исследования историко-культурной идентичности народов Дагестана: российско-английский дискурс (Рецензия на монографию Robert Chenciner & Magomedkhan Magomedkhanov. *Dagestan, history, ethnography, identity* – Publisher Routledge, Taylor & Francis group, Milton Keynes UK, 2021. – 263 pages, 7 maps, 26 images 2021) // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 1. С. 209-215. doi.org/10.32653/CH211209-215

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH211209-215>



Research paper

Alexander N. Sadovoy
Dr. Sci., Prof., Chief Researcher
Subtropical Research Centre of the RAS, Sochi, Russia
sadovoy.a.n@gmail.com

METHODOLOGICAL APPROACHES TO DETERMINING THE HISTORICAL AND CULTURAL IDENTITY OF THE PEOPLES OF DAGESTAN: RUSSIAN-ENGLISH DISCOURSE

(Review on Robert Chenciner,
Magomedkhan Magomedkhanov. *Dagestan, history, ethnography,
identity*. Milton Keynes, UK: Routledge, Taylor & Francis Group,
2021. – 263 pages, 7 maps, 26 images)

Abstract. This review critically examines the 2021 English-language publication “Dagestan, history, ethnography, identity” by Doctor of Historical Sciences M.M. Magomedkhanov (Russia) and Robert Chenciner (Great Britain). Notably, this monograph represents a pioneering effort within Russian historiography to systematically analyze the long-term social trends shaping contemporary Dagestani identity, tracing their influence from the Middle Ages to the present. The authors’ discourse employs the methodological framework of the systems approach, a perspective with established roots in Russian historical scholarship since the latter half of the 20th century.

Keywords: peoples of Dagestan; identity; traditional culture; Russian-English discourse; research methodology

For citation: A.N. Sadovoy. Methodological approaches to determining the Historical and Cultural identity of the peoples of Dagestan: Russian-English discourse (Рецензия на монографию Robert Chenciner & Magomedkhan Magomedkhanov. *Dagestan, history, ethnography, identity* – Publisher Routledge, Taylor & Francis group, Milton Keynes UK, 2021. – 263 pages, 7 maps, 26 images2021). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 1. P. 209-215. doi.org/10.32653/CH211209-215

Вышедшая в Великобритании книга д-ра ист. наук Магомедхана Магомедовича Магомедханова, заведующего отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН и Роберта Ченсинера, британского исследователя из колледжа Сант-Энтони Оксфордского университета [1], представляет интерес как для британских, так и отечественных исследователей в области социальной и культурной антропологии, этнографии и этнологии.

Как историографический источник она представляет интерес в нескольких аспектах. Несмотря на адаптированную подачу информации к массовому зарубежному читателю, – это, несомненно, научное издание. В нем однозначно прослеживаются апробация ряда методологических подходов и техник концептуализации и краткого изложения основных (с позиции авторов) составляющих этнической истории народов Дагестана. Здесь следует особо отметить, что систематизация концепций региональной историографии осуществлена на основе широкого спектра разноплановых источников – археологических, этнографических, историографических, делопроизводственных и др. Выбор историографических источников не случаен. С одной стороны, он отражает процесс познания категории «идентичность» в среде экспертного сообщества. В решении этой задачи, поставленной авторами как в ходе полевых, так и камеральных исследований, отдельно отмечен вклад коллег – Александра Баканова, Саиды Гаруновой, Магомед-Расула Ибрагимова, Майсарат Мусаевой и Зои Рамзановой [1, р. 1].

С другой стороны, в нем выражается опосредованное воздействие публикаций по региональной этнической истории и традиционной культуре на этническую и конфессиональную идентификацию в среде населения Дагестана (и не только этой республики). В историографии, посвященной «кавказоведению», неоднократно отмечалось восприятие научной литературы в среде национальных элит как источника самоидентификации и самоопределения в многонациональной среде российского государства.

Ссылочный аппарат как монографии, так и библиографические обзоры работ приводимых авторов позволяют зарубежным читателям выйти (через электронные библиотеки РФ) на широкий спектр опубликованных работ по сюжетам, определившим структурное единство книги. То есть создать условие «российско-английского дискурса» не только в среде исследователей, объединенных опытом реализации совместных научных проектов [2; 3], но и на отечественных и зарубежных площадках.

Следует особо отметить два аспекта, касающихся методологических подходов в исследовании феномена этнической идентичности. Первый связан с традициями развития отечественной историографии и современного «разграничения» предметной области этнографии и этнологии. Связано это с тем, что рецензируемое издание, по формату однозначно, можно поставить в один ряд с работами «классиков» отечественной этнографии 1930-1950-х годов. В качестве примера можно привести работы лауреата Сталинской премии, Заслуженного деятеля наук РСФСР и Тувинской АССР директора Кунсткамеры д.и.н. Леонида Павловича Потапова (1905–2000). Этим исследователем, впервые в отечественной тюркологии, были предложены методологические подходы отражения в формате «очерков» спектра социальных процессов, определяющих историю (этническую) этноса и этнических групп от Раннего Средневековья до периода социалистического строительства. В сфере политики освещались проблемы административно-территориального и судебного устройства, формирования институтов власти, целевых программ «развития» и т.д. В области экономики – традиционные системы жизнеобеспечения, этнические секторы экономики, торговля (международная и внутрирегиональная), формирование социалистических секторов экономики и связанная с этим этническая стратификация (социогенез). В области культуры – экологические детерминанты культуры жизнеобеспечения, развертывание в национальных районах Алтае-Саянского экорегиона систем образования и инфраструктуры – музеев, библиотек, клубов, театров и т.д. При этом систематизация осуществлялась на основе осмысления исследователем этнографических источников (полевых материалов), являющихся с позиции этнической психологии результатом и эмоциональным восприятием культуры этноса, «включения». При вторичном (историографическом) анализе работ Л.П. Потапова [4-7 и др.] приходит осознание, что этническая идентификация – это исключительно динамичная категория, понять которую можно в контексте процессов социальной модернизации в целом. С позиции этнической социологии, проявление идентификации можно рассматривать и как проявление социальных коммуникаций, и как социальный институт более устойчивый, чем государственные образования.

Последний тезис получает подтверждение в фактическом материале концепций, освещенных в представленном на рецензию издании.

К сожалению, начиная с 1970-х годов формируемая в российской историографии традиция комплексного (системного) анализа социальных процессов в среде этносов и этнических групп была прервана. История российского государства стала рассматриваться вне контекста истории населяющих ее народов. Проявилось это в том, что при формировании справочных изданий по актуальной в современной науке проблематике проявились «информационные лакуны» по этнической истории, соотношения традиционных и инновационных форм культуры природопользования, социогенеза и роли традиционных социальных институтов в истории «поствоенного» и постсоветского периодов. В этом контексте включение в структуру книги разделов, содержащих оценку процессов реисламизации [1, разд. 15, р. 141–151], инновационных форм духовной культуры и обрядности, формирования медийного пространства [1, разд. 16–18, р. 152–180] имеет особую значимость. Определяется это тем, что они очерчивают предметную область исследований новых поколений этнографов, определяя, с одной стороны, их актуальность, а с другой стороны – новизну в силу выявленных пробелом отчасти в отечественной, и, в целом, в региональной историографии.

Здесь мы акцентируем внимание на потенциальном вкладе изданий предложенного формата в контексте перспектив развития этнографии как науки. Проблемы, обозначенной на XV Конгрессе антропологов России (Санкт-Петербург, 2024), свидетельствующей о том, что ее представители в сравнении со своими зарубежными коллегами, последовательно теряют позиции как в научных, так и политических кругах. В последние десятилетия прослеживаются попытки подмены (как тренда развития отечественной историографии) категории «этнография» на «этнологию», что привело к ситуации, полной парадоксов, существенно затрудняющей возможности дискурса в отечественной науке. Проследить их можно по вопросам, решенным авторами рецензируемого издания в очерчивании предметной области исследования, имеющего формат историографического обзора сформированных концепций и формат публикации этнографических (полевых) исследований.

Специфика развития российской науки в постсоветский период проявляется в проблемах определения, к какой области знания можно отнести проведенное исследование. Согласно Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы), разделы, посвященные процессам «советизации» и политических репрессий [1, р. 95–110] реисламизации [1, р. 141–151], монетизации экономики аулов [1, р. 238–243] в соответствии с предлагаемым классификатором однозначно относятся к такой отрасли знаний как «Социология» (5.2), в которой дисциплина «Этнология» (5.2.3) включена в качестве составляющей¹. Логика такого решения прослеживается по предметной области. Согласно п. 5.2.3.1 Программы, в нее включены «исследование рисков, прогнозирование и предупреждение социальных конфликтов, противодействие социокультурным угрозам и идеологическому экстремизму, антропологические исследования религиозной и этнической толерантности». Эти вопросы напрямую связаны с результатами исследований этнической идентичности народов Дагестана, представленных в рецензируемом издании. В то же время концептуальные решения, содержащиеся в большей части разделов, опираются на методы этнографии, то есть области знаний, однозначно относящейся к истории, у которой в сравнении с социологией имеется не менее широкий спектр методик, а предметная область не имеет хронологических ограничителей. В этом контексте введение в структуру монографии сюжетов по средневековой истории (медиевистике) с отражением ее цивилизационной, религиозной (включая традиционные мистические представления и символику) составляющих и обрядности [1, разд. 1-2] исторических событий глобального характера, материализованных в таком объекте историко-культурного наследия как Дербентская стена (эпох Сасанидов – см. раздел 3, pp. 17–21) как показывают современные тенденции планирования проблематики фундаментальных исследований имеет внутреннюю логику. Связано это с тем, что исследование объектов историко-культурного наследия в контексте их воздействия на современное этническое сознание (идентификацию) органически вписывается в обозначенную в качестве критической технологию [17]. Это – «Современный инструментальный исследования и укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, включая историко-культурное наследие и языки народов Российской Федерации» в контексте также утвержденного в качестве «приоритетного направления научно-технического развития «Укрепление социокультурной идентичности

1. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 – 2030 годы). Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684-р.

российского общества и повышение уровня его образования»². Обозначенная на правительственном уровне задача акцентирует внимание на совершенствовании инструментария исследования и поиска новых методологических подходов в контексте дискурса между представителями разных отраслей знаний и стран.

Методологические подходы в контексте российско-английского дискурса отражены в разделах, посвященных культуре народов Дагестана как сложно подчиненной и динамично развивающейся (функциональной) системы социальных коммуникаций, этническая составляющая которой проявляется в древних верованиях, магических действиях при проведении хозяйственных, свадебных, родильных обрядов, культе предков. Содержание разделов подводят к выводу о ее стохастическом характере, при котором составляющие традиционной культуры, находясь под перманентным воздействием арабо-мусульманской культуры с VIII н.э., проходят в настоящее время трансформацию при сохранении традиционных форм экономики и жизнеобеспечения. На этнографических источниках приводятся примеры как утраты домусульманских верований и ритуалов, так и формы их адаптации к шариату. Отмечено, что укоренившиеся ветхозаветные суеверия, которые не противоречили исламу, такие как ритуалы вызова дождя и первой борозды, стали выступать своеобразными скрепами этнической (для сообществ аулов – групповой) идентификации.

Несомненным достоинством проведенного исследования является акцентирование внимания читателей на трансграничном характере локализации Дагестана, оказывающем воздействие на современные процессы идентификации – цивилизационной, конфессиональной, государственной этнической и др. Практически все сюжеты, затронутые в монографии, содержат исторический контекст, определяющий анализ региональной и этнической истории в глобальных, цивилизационных процессах. Согласно позиции авторов, формирование (генезис) этнической идентичности органически вписываются в эти процессы через формирование сети устойчивых торговых и культурных коммуникаций, демографических потрясений, связанных с войнами, оставшимися в исторической памяти народов. Приводятся исторические экскурсы по истории торговли по Великому шелковому пути, нашествию гуннов, Сасанидской Империи и Византии (строительство Нарын-Калы и «длинных стен»), контактов с Киевской Русью (IX – начало XIII веков). Отдельно затрагиваются сюжеты формирования хозяйственного уклада народов Дагестана, экологической и исторической обусловленности, формирования вертикальной зональности систем природопользования, многовекового опыта селекции сельскохозяйственных сортов и пород домашнего скота.

По тексту прослеживается, что в освещении социально-экономической и национально-культурной истории народов Дагестана в советский период авторы стараются выдержать принцип достижения «объективной истины». То есть отразить достигнутое знание о природе социальных процессах, при котором уровень зависимости от внешних факторов (политической конъюнктуры, идеологием) был бы минимизирован. В этой связи часть из предлагаемых авторами установок по определению внутреннего содержания коллективизации, раскулачивания, антиколхозных восстаний можно рассматривать в контексте поиска новых (для региональной историографии) концептуальных решений в интерпретации не только среднесрочных (15–50 лет) этносоциальных последствий административно-территориальной, демографической, религиозной, земельной, языковой политики в СССР и Дагестане. Но и долгосрочных последствий (50 лет и более) проводимой до распада СССР политики. При таком методологическом подходе, как следствие дискурса, национальная политика СССР рассматривается в качестве катализатора современных региональных процессов. Приводятся примеры трансформации социальных институтов по широкому спектру – от традиционных до вновь формируемых. Перспективы этого подхода прослеживаются в том, что процессы социальной модернизации и форсированного развития экономики региона раскрыты в советской историографии достаточно подробно. И здесь содержание дискурса российско-британских исследователей вполне прогнозируемы. Что же касается социальных процессов последних десятилетий, затрагиваемых в монографии, то здесь прослеживается ряд информационных лакун не только для зарубежных, но и для отечественных исследователей.

Однозначно, что оценки будут в российской и зарубежной историографии существенно различаться. И здесь прослеживается проблема проведения интеграционных исследований, характерная для российской историографии. Следует отметить, что для автора рецензии, как представителя ленинградской

2. Указ Президента РФ от 18.06.2024 N 529 Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий. П. 6.

школы и ученика кавказоведа д.и.н. А.В. Гадло и тюрколога д.и.н. Л.П. Потапова, разграничение объекта и предметной области этнографии и этнологии является условным и во многом надуманным. Накопленный представителями этнографических школ опыт, показывает, что исследование и познание этноса (этнология) полностью теряет свой смысл без определения специалистом природы этнической идентичности не только объекта исследования, но, в первую очередь своей. В этом контексте представленная на рецензию книга представляет особый интерес и тем, что ее содержание в полной мере отражает концептуализацию взглядов экспертного сообщества Дагестана как носителя этнического и конфессионального самосознания на свою этническую историю, особенно в новейшее время [1, разд. 10–13, р. 86–131]. В методологии этот подход частно определяется как аксиологический, при котором оценка широкого спектра социальных процессов осуществляется исследователями с позиций и интересов лиц и социальных институтов, включенных в исследуемый процесс.

В представленном российско-английском дискурсе особый интерес представляют новые для отечественных специалистов направления – антропология масс-медиа и киберэтнография. Круг разработок в настоящее время не велик. В силу этого представленные в разделе 18 материалы пилотажных исследований отличаются своей новизной и актуальностью. Здесь отражен качественный переход от подконтрольной государству телефонной сети к сети Интернет через развертывание мобильной телефонии в первом десятилетии XXI века. Обозначен процесс, заданный уровнем идентификации через культурное самовыражение, веб-сайты, аккаунты Instagram и блоги. Затронуты вопросы реакции государства на данный этнокультурный по внутреннему содержанию процесс через формирование системы мониторинга и правового регулирования через цензуру, ограничение доступа к иностранным сайтам, запрету VPN и разрешению властям проводить глубокую проверку пакетов (DPI) интернет-трафика, судебные решения. Описываются последовательные законы, приведшие к созданию Суверенного Интернета (SI), в соответствии с которым весь интернет-трафик должен направляться через серверы в России. В области киберэтнографии по представленным материалам прослеживается перспектива выявления и анализа деятельности формируемых в Интернет-пространстве «эпистемических» сообществ как проявления современных этнокультурных процессов. А также как фактора опосредованного воздействия на изменения этносоциальной обстановки как следствия трансформации идентификации этнических и религиозных сообществ.

В монографии, впервые в региональной историографии, в предметную область этноэкологических исследований вводятся проблемы воздействия пандемий (на примере ковида) на социальные коммуникации. Этническая составляющая этого фактора отражена в поиске приемов выявления (раздел 19) проявляющегося баланса между традиционными верованиями и современной медициной на основе техник кейс-стади (деятельности Гамзата Джаватханова – «Народного врача Дагестана»). Акцентируется внимание на том, что именно ограниченность ресурсов, зависимость от внешних источников при формировании бюджета определяют устойчивые позиции традиционной медицины, органически сочетающей религиозное самосознание, ритуалы (на примере родильных обрядов) и апробированные веками лекарственные средства и приемы лечения (раздел 20).

В общей оценке обозначенных в монографии методологических подходов в исследовании феномена «идентичности» стоит акцентировать внимание на двух моментах. С позиции англо-американской историографии, предметная область дагестанских этнографов и специалистов в области этнической истории, однозначно, органически вписывается в две отрасли «антропологии» – социальную и культурную. Обе в настоящее время базируются на методологических принципах системного подхода, расширяющего возможности компактного изложения сложившихся в региональной историографии концепций по содержанию и направленности социальных процессов (трендов) с выявлением их этнической составляющей. В этом отношении представленное издание, ориентированное на британского читателя, на наш взгляд, являет успешной попыткой решения проблемы отражения феномена «идентичности» через динамично меняющуюся систему социальных коммуникаций, анализ региональных процессов в глобальном контексте, презентацию исторического и историко-культурного своеобразия Дагестана, внимания к современным этническим процессам, фотоматериалам из труднодоступных горных аулов.

Для отечественных специалистов в области гуманитарных и общественных наук, интерес представляет предпринятая попытка систематизации имеющихся концепций в широком исследовательском поле при корректном отношении к позиции их авторов. Но что не менее важно – это введение

в предметную область исследований этнографов и этнологов проблематики, позволяющей за счет развития таких направлений науки, как этническая история, экология и социология, киберэтнография и антропология масс-медиа выйти на уровень компаративного анализа современных социальных трендов и этнических процессов, характерных для горных экорегионов России и мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Robert Chenciner & Magomedkhan Magomedkhanov. *Dagestan, history, ethnography, identity* – Publisher Routledge, Taylor & Francis group, Milton Keynes UK, 2021. – 263 pages, 7 maps, 26 image
2. Garunova S.M., Chenciner R., Sadovoy A.N., Magomedkhanov M.M., Bakanov A.V. Monetizing mountains: towards the study of ethno-cultural and demographic aspects of socio-economic development of mountain Dagestan // *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2019. Т. 15. № 4. С. 751–768.
3. Магомедханов М.М., Садовой А.Н., Гарунова, С.М. Баканов А.В. «Зеленая дорога» монетизации этнотуризма: Дагестан. Проект «Арчи» // *История, археология и этнография Кавказа*. 2020. Т. 16. №1. С. 157–184.
4. Потанов Л.П. Очерки истории Ойротии. Новосибирск: ЗСКПТ, 1933. 204 с.
5. Потанов Л.П. Очерк по истории Шории. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 260 с.
6. Потанов Л.П. Очерк по истории алтайцев. Новосибирск, Политиздат, 1948. 506 с.; М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 2-е изд. 444 с.
7. Потанов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.

Поступила в редакцию 05.11.2024 г.

Принята в печать 23.03.2025 г.

Опубликована 15.03.2025 г.

REFERENCES

1. Robert Chenciner & Magomedkhan Magomedkhanov. *Dagestan, history, ethnography, identity* –Publisher Routledge, Taylor & Francis group, Milton Keynes UK, 2021. – 263 pages, 7 maps, 26 image
2. Garunova SM., Chenciner R., Sadovoy AN., Magomedkhanov MM., Bakanov AV. Monetizing mountains: towards the study of ethno-cultural and demographic aspects of socio-economic development of mountain Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2019; 15(4): 751-768.
3. Magomedkhanov MM., Sadovoy AN. Garunova, SM. Bakanov AV. “Green Road” of monetization of ethnotourism: Dagestan. Project “Archi”. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020; 16(1): 157-184.
4. Potapov LP. *Essays on the history of Oirotia*. Novosibirsk: ZSKPT, 1933. 204 p.
5. Potapov LP. *Essay on the history of Shoria*. Moscow – Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1936. 260 p.
6. Potapov LP. *Essay on the history of the Altaians*. Novosibirsk, Politizdat, 1948. 506 p.; Moscow-Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1953. 2nd ed. 444 p.
7. Potapov LP. *Essays on the folk life of the Tuvans*. Moscow: Nauka, 1969. 402 p.

Received 05.11.2024

Accepted 23.03.2025

Published 15.03.2025

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 10.03.2025. Формат 60x84 ¹/₈
Гарнитура Georgia